INTERNATIONAL LAW JOURNAL

2026, Том 9, № 6

Подписано к публикации: 02.10.2026

Главный редактор журнала

Шадже Азамат Мухамчериевич
доктор юридических наук, профессор

Члены редакционной коллегии:

Абшилава Георгий Валерьянович *(РФ, г. Ульяновск) – доктор юридических наук, профессор*
Авакян Рубен Осипович *(Армения, г. Ереван) – доктор юридических наук, профессор*
Айбатов Магомеднаби Магомедмирзоевич *(РФ, Р. Дагестан) – доктор юридических наук, профессор*
Белоцеркович Денис Валерьевич *(РФ, г. Хабаровск) – кандидат юридических наук, доцент*
Бирюков Павел Николаевич *(РФ, г. Воронеж) – доктор юридических наук, профессор*
Василевич Григорий Алексеевич *(Беларусь, г. Минск) – доктор юридических наук, профессор*
Васильев Сергей Владимирович *(РФ, г. Псков) – доктор юридических наук, профессор*
Васильев Федор Петрович *(РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор*
Глебов Игорь Николаевич *(РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор*
Громов Владимир Геннадьевич *(РФ, г. Саратов) – доктор юридических наук, профессор*
Джалилов Эльвис Алимович *(РФ, г. Тольятти) – кандидат юридических наук, доцент*
Жамулдинов Виктор Николаевич *(Казахстан, г. Павлодар) – кандидат юридических наук, доцент*
Захарова Светлана Александровна *(РФ, Екатеринбург) – кандидат юридических наук, доцент*
Ибрагимов Жамаладен Ибрагимович *(Казахстан, г. Астана) – доктор юридических наук, профессор*
Кириллова Ирина Александровна *(РФ, г. Курск) – кандидат юридических наук, доцент*
Коваленко Вадим Николаевич *(РФ, г. Волгоград) – доктор юридических наук, профессор*
Кожевников Олег Александрович *(РФ, г. Екатеринбург) – доктор юридических наук, доцент*
Коршунова Ольга Николаевна *(РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор юридических наук, профессор*
Лазарева Лариса Владимировна *(РФ, г. Владимир) – доктор юридических наук, профессор*
Машовец Асия Океановна *(РФ, г. Ульяновск) – доктор юридических наук, доцент*
Мельников Николай Николаевич *(РФ, г. Орёл) – доктор юридических наук, доцент*
Минязева Татьяна Федоровна *(РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор*
Миронов Анатолий Николаевич *(РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор*
Михайлова Екатерина Владимировна *(РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник*
Мишина Наталья Вячеславовна *(РФ, г. Москва) – доктор политических наук, доцент*
Мустафаева Айтен Инглаб *(Азербайджан, г. Баку) – доктор юридических наук, профессор*
Небратенко Геннадий Геннадьевич *(РФ, г. Ростов-на-Дону) – доктор юридических наук, профессор*
Николайченко Виктор Викторович *(РФ, г. Саратов) – доктор юридических наук, профессор,*
Остапович Игорь Юрьевич *(РФ, г. Барнаул) – доктор юридических наук, доцент*
Пешкова Христина Вячеславовна *(РФ, г. Воронеж) – доктор юридических наук, профессор*
Сумачев Алексей Витальевич *(РФ, г. Ханты-Мансийск) – доктор юридических наук, профессор*
Халифаева Анжела Курбановна *(РФ, Р. Дагестан) – доктор юридических наук, профессор*
Числов Александр Иванович *(РФ, г. Тюмень) – доктор юридических наук, профессор*
Файзиев Шохруд Фармонович *(Узбекистан, г. Ташкент) – кандидат юридических наук, доцент*
Флоря Евгений Константинович *(Молдова, г. Кишинев) – кандидат юридических наук, доцент*
Шатковская Татьяна Владимировна *(РФ, г. Ростов-на-Дону) – доктор юридических наук, профессор*
Шошин Сергей Владимирович *(РФ, г. Саратов) – кандидат юридических наук, доцент*

«International Law Journal» включен в перечень ВАК с 25.12.2020г.,
Единый государственный перечень научных изданий (ЕГПНИ) - «Белый список» с 09.09.2025г., Elibrary.ru
Регистрационный номер СМИ: Эл № ФС77-78049 от 4 марта 2020г. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ISSN 2658-5693 (online)

E-mail: law@dgpu-journals.ru
Сайт: https://ilj-journal.ru

© International Law Journal, 2026

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Содержание

Башкин И.В.
Негосударственные участники в процессе формирования норм международной информационной безопасности: эволюция нормы о координированном раскрытии уязвимостей в рамках ООН 6-19

Карпов К.А.
Особенности правового регулирования финансового контроля на рынке ценных бумаг в Исламской Республике Иран 20-24

Коршунова О.Н.
Роль прокуратуры в обеспечении законности функционирования современной безопасной инфраструктуры для детей 25-34

Середа С.П.
Институт пробации в отношении несовершеннолетних в России: проблемы правового регулирования и векторы развития 35-41

Алекперов К.М., Внукова В.А.
Правовая природа консультационных отношений в условиях дистанционного взаимодействия сторон 42-50

Белозерова И.И., Омар Бако Кака Мам Омар
Легитимность и политическая обусловленность суда над Саддамом Хусейном в Высшем иракском уголовном трибунале 51-57

Гейнеман А.А.
Незаконная реализация мультпликационных и анимационных персонажей на одежде 58-63

Головинов А.В., Головинова Ю.В.
Концепт федерализма и представительных органов в юридической мысли сибирских правоведов начала XX века 64-68

Гущина Д.С.
Правовой статус заморских территорий на примере Новой Каледонии после проведения референдумов во Франции 69-75

Кузбагарова Е.В., Ясакова В.Е.
Формирование экспертного вывода о причинно-следственной связи между нарушениями требований промышленной безопасности и наступившими последствиями в сфере строительства 76-80

Примак А.В., Мастюкова И.И., Куцепалова В.С., Нечай Е.Е., Шарапова А.А.
Глобальный договор о пластике: международно-правовые перспективы борьбы с пластиковым загрязнением и политическое сопротивление нефтехимических государств 81-89

Скворцова Т.А., Епифанова Т.В., Метсо В.С.
Реализация права собственности на здания и помещения при их преобразовании: границы между перепланировкой, реконструкцией и созданием нового объекта недвижимости 90-96

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Студенский А.М.
Доказывание убытков инвестора при недостоверном раскрытии информации в ходе первичного публичного размещения акций: гражданско-правовой аспект 97-108

Таилова А.Г., Казакбиева Л.Т., Муслимов М.М.
Криптовалюта и цифровые финансовые активы как предмет преступления: проблемы квалификации хищений, легализации доходов и конфискации 109-113

Аль-Шарифи Мохаммад Хайдер
Влияние санкций на суверенитет и международно-правовой статус Ирака 114-119

Мирзаев Фархад Сабир оглы
Применение принципа *uti possidetis* при дезинтеграции Чехословакии 120-127

Скопа В.А.
Законодательно-институциональные основания становления самодержавной системы в России в начале XVIII века: историографический обзор 128-132

Стронская А.Д., Юрина Е.В.
Эмоциональное состояние осуждённого как фактор, учитываемый при применении мер дисциплинарного взыскания в исправительных учреждениях: проблемы правового регулирования 133-138

Скворцова Т.А., Кириченко Л.Е., Каспарян А.А.
Строительство многоквартирных домов: пределы гражданско-правовой ответственности застройщика 139-145

Хмелевский Д.Д.
Гражданско-правовые пределы свободного использования произведений в целях обучения искусственного интеллекта 146-152

Азизова Э.Ш.
Цифровой дар в архитектуре неприкосновенного капитала: цифровые финансовые инструменты в системе эндаументов (сравнительно-правовое исследование) 153-165

Воробьева Н.В.
Юридическая ответственность разработчиков и операторов ИИ-систем 166-174

Казанцева О.Л., Еремейкина Л.Л.
Конституционно-правовые пределы реализации презумпции согласия на посмертное донорство 175-181

Козина О.А.
Особенности первоначального этапа расследования присвоения и растраты имущества военной организации, совершенных военнослужащими с использованием своего служебного положения 182-187

Середа С.П.
Иерархия объектов уголовно-правовой охраны в Соборном уложении 1649 года: системный анализ классификации преступных деяний 188-194

Цокур Е.Ф., Поромбрика А.С.
Стандарты доказывания и оценка доказательств в делах о несостоятельности (банкротстве): некоторые проблемы практики 195-203

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Наумова Н.В., Евтюхова А.В.
Особенности миграционной политики и ее влияние
на национальную безопасность России 204-210

Резникова А.В., Чунахова Л.В., Кравцова Е.В.
Законодательный текст как объект междисциплинарного
исследования: лингвоправовой аспект 211-218

Рубан Е.П.
Правовая природа установления публичного сервитута
для целей размещения линейных объектов 219-227

Хачатурова С.С.
Legal tech – что автоматизируется в работе юриста, а что пока нет 228-232

Хромченко М.Д.
Финансово-правовое регулирование безналичных
расчетов в Китайской Народной Республике 233-239

Горшелева Н.А.
Не до шуток: уголовно-правовое значение комического 240-248

Магомедова Е.А., Еремичева А.С., Печенцова Е.С., Зайцева М.А.
Стратегическое планирование как инструмент юридического
прогнозирования в законотворческой деятельности 249-254

Журкина О.В., Филиппова Е.О.
Перспективы использования биометрических систем при расследовании преступлений 255-260

Чубов Е.Г.
К вопросу о соотношении понятий "смешанный", "сложно-структурный"
и "непоименованный" договор в российском праве 261-269

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.5. Международно-правовые науки (юридические науки)
УДК 341.1/8
DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-6-6-19

Негосударственные участники в процессе формирования норм международной информационной безопасности: эволюция нормы о координированном раскрытии уязвимостей в рамках ООН

[1] Башкин И.В.,
[1] Славяно-греко-латинская академия

Аннотация: *статья посвящена исследованию роли негосударственных участников в формировании норм международной информационной безопасности на примере эволюции добровольной нормы о координированном раскрытии информации об уязвимостях (Coordinated Vulnerability Disclosure, CVD) в рамках Организации Объединённых Наций. Цель исследования заключается в выявлении механизмов влияния представителей технического сообщества, международных неправительственных организаций и частного сектора на конкретизацию международных рекомендаций в сфере ответственного поведения государств в киберпространстве. Методологическую основу составили формально-юридический, сравнительно-правовой и институциональный методы. Проведён сравнительный анализ докладов Группы правительственных экспертов ООН, документов Рабочей группы открытого состава, материалов негосударственных участников и международных технических стандартов. Установлено, что эволюция нормы CVD происходила преимущественно посредством последовательной конкретизации механизмов её реализации, а экспертные предложения негосударственных участников стали одним из факторов формирования соответствующих рекомендаций. Сделан вывод, что современное международное нормотворчество в сфере международной информационной безопасности приобретает сетевой характер, при котором государства сохраняют исключительную компетенцию по принятию решений, тогда как негосударственные участники обеспечивают разработку технически и организационно обоснованных механизмов реализации согласованных международных норм.*

Ключевые слова: *международная информационная безопасность, международное киберправо, Организация Объединённых Наций, Рабочая группа открытого состава, координированное раскрытие уязвимостей, негосударственные участники, многостороннее участие, международное нормотворчество, добровольные нормы ответственного поведения государств, кибердипломатия, техническое сообщество, международные неправительственные организации, управление Интернетом, киберпространство*

Для цитирования: Башкин И.В. Негосударственные участники в процессе формирования норм международной информационной безопасности: эволюция нормы о координированном раскрытии уязвимостей в рамках ООН // International Law Journal. 2026. Том 9. № 6. С. 6 – 19. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-6-6-19

Поступила в редакцию: 5 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 3 августа 2026 г.; Принята к публикации: 2 октября 2026 г.

Non-state actors in the formation of international information security norms: the evolution of the coordinated vulnerability disclosure norm within the United Nations framework

[1] Bashkin I.V.,
[1] Slavic-Greek-Latin Academy

Abstract: *this article examines the role of non-state actors in the development of international information security norms through the case study of the evolution of the voluntary norm on Coordinated Vulnerability Disclosure (CVD) within the framework of the United Nations. The study aims to identify the mechanisms through which the technical community, international non-governmental organizations, and the private sector influence the further development and specification of international recommendations on responsible State behaviour in cyberspace. The methodological framework is based on formal legal, comparative legal, and institutional methods. The research employs a comparative analysis of the reports of the United Nations Group of Governmental Experts (GGE), the documents of the Open-ended Working Group (OEWG), submissions by non-state stakeholders, and relevant international technical standards. The findings demonstrate that the evolution of the CVD norm has primarily occurred through the progressive specification of its implementation mechanisms, while expert proposals submitted by non-state actors have constituted one of the factors shaping the corresponding recommendations. The article concludes that contemporary international lawmaking in the field of international information security is increasingly acquiring a networked character, in which States retain exclusive decision-making authority, whereas non-state actors contribute by developing technically and institutionally sound mechanisms for implementing internationally agreed norms.*

Keywords: *international information security, international cyber law, United Nations, Open-ended Working Group (OEWG), Coordinated Vulnerability Disclosure (CVD), non-state actors, multistakeholder participation, international lawmaking, voluntary norms of responsible State behaviour, cyber diplomacy, technical community, international non-governmental organizations, Internet governance, cyberspace*

For citation: Bashkin I.V. Non-state actors in the formation of international information security norms: the evolution of the coordinated vulnerability disclosure norm within the United Nations framework. International Law Journal. 2026. 9 (6). P. 6 – 19. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-6-6-19

The article was submitted: July 5, 2026; Approved after reviewing: August 3, 2026; Accepted for publication: October 2, 2026.

Введение

Стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий обусловило существенную трансформацию международной информационной безопасности как самостоятельного направления международного сотрудничества. В отличие от большинства традиционных сфер международно-правового регулирования, киберпространство характеризуется высокой скоростью технологических изменений, трансграничным характером угроз и тесной взаимосвязью правовых и технических аспектов регулирования. В этих условиях выработка универсальных международно-правовых подходов требует не только согласования позиций государств, но и привлечения специализированной технической и экспертной компетенции.

На протяжении длительного времени международное нормотворчество рассматривалось преимущественно как результат взаимодействия государств и межправительственных организаций. Вместе с тем современная практика Организации Объединённых Наций свидетельствует о постепенном расширении участия в обсуждении вопросов международной информационной безопасности негосударственных участников, включая академическое сообщество, технические организации, профессиональные объединения и представителей цифровой индустрии. Хотя такие участники не обладают правом принятия международно-правовых решений, их экспертные материалы, аналитические предложения и технические рекомендации всё чаще используются при подготовке документов ООН и обсуждении механизмов реализации согласованных государствами норм. В теоретической плоскости данная тенденция осмысляется в рамках концепций «эпистемических сообществ» [27] и транснациональных сетей [28], которые описывают механизмы влияния экспертных групп на формирование государственных позиций и содержание международных соглашений в технически сложных областях, где государства не обладают достаточной внутренней экспертизой.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Наиболее ярко указанная трансформация проявилась в рамках деятельности Рабочей группы открытого состава ООН (РГОС), занимающейся вопросами безопасности при использовании информационно-коммуникационных технологий. В отличие от ранее существовавших форматов межгосударственного обсуждения, деятельность РГОС характеризуется созданием процедурных механизмов участия широкого круга заинтересованных сторон (multistakeholder participation), которые получили возможность направлять письменные материалы, аналитические документы и экспертные замечания в ходе обсуждения рассматриваемых вопросов. Подобный формат способствует соединению политико-дипломатического процесса согласования позиций государств с практическими знаниями участников, обладающих специальной технической компетенцией.

Показательным примером такого взаимодействия является формирование и последующая конкретизация добровольной нормы координированного раскрытия информации об уязвимостях (Coordinated Vulnerability Disclosure, далее – CVD), которая первоначально получила отражение в докладах Группы правительственных экспертов ООН (Group of Governmental Experts, GGE) как один из элементов ответственного поведения государств в цифровой среде. На начальном этапе содержание данной нормы носило преимущественно рамочный характер и не содержало детализированных механизмов её практического применения. В дальнейшем документы РГОС способствовали развитию данной нормы посредством включения более конкретных рекомендаций относительно организации процессов раскрытия уязвимостей и взаимодействия между различными участниками на национальном уровне. Рассмотрение указанной эволюции позволяет определить, каким образом экспертные позиции негосударственных субъектов учитываются при подготовке международных документов и каким образом они способны влиять на развитие регулятивных подходов в сфере международной информационной безопасности.

Несмотря на значительное увеличение числа исследований, посвящённых вопросам международной кибербезопасности, научная литература в основном сосредоточена либо на анализе содержания добровольных норм ответственного поведения государств, либо на рассмотрении институциональной структуры и процедурных особенностей работы РГОС. При этом вопрос о практическом воздействии негосударственных участников на процесс уточнения и развития отдельных элементов таких норм пока получил недостаточное освещение. Между тем изучение конкретных примеров взаимодействия между государственными структурами и экспертным сообществом позволяет более точно определить характер изменений, происходящих в современных механизмах международного нормотворчества.

Цель настоящего исследования состоит в определении роли негосударственных участников в развитии нормотворческих инициатив Организации Объединённых Наций в сфере международной информационной безопасности посредством анализа эволюции нормы CVD. Для достижения указанной цели проводится исследование документов ООН, материалов, представленных заинтересованными сторонами в рамках работы РГОС, а также международных технических документов, регулирующих вопросы раскрытия информации об уязвимостях. Сопоставление данных источников позволяет обосновать положение о том, что участие негосударственных субъектов связано преимущественно не с созданием новых международно-правовых обязательств, а с разработкой практических механизмов реализации норм, ранее согласованных государствами, посредством предоставления экспертных знаний и технических рекомендаций.

Материалы и методы исследований

Теоретическая база исследования сформирована на основе современных научных подходов в области международного права, регулирования киберпространства, глобального управления интернетом и теории многостороннего участия (multistakeholderism). В рамках исследования использованы положения, разработанные в отечественной и зарубежной литературе, посвящённые трансформации международного нормотворчества и роли негосударственных субъектов в формировании регулятивных механизмов. Эмпирическую основу работы составили официальные документы Организации Объединённых Наций, относящиеся к сфере международной информационной безопасности, включая доклады Группы правительственных экспертов, материалы Рабочей группы открытого состава, а также письменные представления и экспертные позиции негосударственных участников, подготовленные в рамках процедур РГОС. Дополнительно использованы международные технические документы и стандарты, регулирующие вопросы ответственного раскрытия информации об уязвимостях.

Методологическую основу исследования составили формально-юридический, сравнительно-правовой и институциональный методы. Формально-юридический метод применялся при анализе содержания документов ООН и предложений негосударственных участников. Сравнительно-правовой метод использовался для сопоставления положений официальных документов ООН с представленными экспертными инициати-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

вами. Институциональный метод позволил исследовать особенности взаимодействия государств и негосударственных участников в рамках современных механизмов международного нормотворчества.

Результаты и обсуждения

Эволюция нормы Coordinated Vulnerability Disclosure в документах ООН

Одним из наиболее показательных примеров развития добровольных норм ответственного поведения государств в киберпространстве является эволюция подходов к раскрытию информации об уязвимостях информационно-коммуникационных технологий. Данная норма представляет интерес не только с точки зрения содержания, но и как пример постепенной конкретизации международно-правовых рекомендаций посредством последующих документов Организации Объединённых Наций [1-4].

Первоначальное закрепление соответствующего подхода связано с деятельностью Группы правительственных экспертов ООН. В докладе 2015 г. государствам было рекомендовано принимать разумные меры по обеспечению целостности цепочек поставок информационно-коммуникационных технологий и содействовать обмену информацией о выявленных уязвимостях и способах их устранения в целях ограничения потенциальных угроз информационной безопасности [1]. Вместе с тем данная рекомендация была сформулирована в пункте *(j)* в наиболее общем виде и не содержала каких-либо разъяснений относительно порядка её практической реализации.

Доклад Группы правительственных экспертов по поощрению ответственного поведения государств в киберпространстве в контексте международной безопасности 2021 г. сохранил преемственность ранее выработанных подходов, подтвердив значение добровольных норм ответственного поведения государств и необходимость их дальнейшей имплементации [2]. Однако и в данном случае раскрытие информации об уязвимостях рассматривалось преимущественно как один из элементов укрепления доверия и повышения устойчивости цифровой среды без детальной характеристики соответствующих механизмов.

Качественно новый этап развития рассматриваемой нормы связан с деятельностью Рабочей группы открытого состава ООН по вопросам безопасности в сфере использования информационно-коммуникационных технологий. В отличие от Группы правительственных экспертов, деятельность РГОС сопровождалась институционализированными механизмами участия негосударственных участников, включая представителей академического сообщества, технических организаций, частного сектора и гражданского общества, что создало дополнительные возможности для обсуждения практических аспектов реализации ранее согласованных добровольных норм [7].

Наиболее существенная конкретизация нормы CVD была осуществлена в Третьем ежегодном докладе РГОС, принятом в 2024 г. Если в предыдущих документах ООН речь шла главным образом о необходимости обмена информацией об уязвимостях, то в данном докладе впервые были обозначены конкретные направления реализации соответствующей нормы на национальном уровне [3].

В частности, государствам рекомендовано создавать национальные политики и процедуры раскрытия информации об уязвимостях, определять уполномоченные государственные органы для приёма соответствующих сообщений, обеспечивать наличие безопасных каналов взаимодействия с исследователями, а также развивать механизмы международного сотрудничества и обмена информацией при выявлении критически значимых уязвимостей [3].

Особого внимания заслуживает то, что в данном документе применяется именно подход, основанный на концепции CVD, предполагающей согласованную процедуру взаимодействия между специалистами, выявляющими уязвимости, разработчиками программного обеспечения и компетентными государственными структурами до момента публичного размещения соответствующей информации. Подобная модель позволяет одновременно учитывать необходимость информирования общества о существующих рисках и потребность в предотвращении ситуации, при которой сведения об уязвимостях могут быть использованы для совершения противоправных действий [3; 15-17].

Последующее развитие рассматриваемой нормы получило отражение в Итоговом докладе РГОС 2021-2025 годов, утверждённом консенсусом в июле 2025 года. В отличие от предыдущих документов, данный акт не ограничился подтверждением ранее сформулированных положений, а закрепил их в форме более конкретных механизмов практической реализации. В разделе, посвящённом нормам ответственного поведения государств, отмечается значение частного сектора в повышении устойчивости цифровых цепочек поставок, а также подчёркивается роль механизмов государственно-частного взаимодействия в формировании и распространении эффективных практик. Кроме того, государства указали на необходимость дальнейшего обмена информацией и опытом с участием заинтересованных сторон. Существенным итогом работы РГОС стало принятие Добровольного контрольного перечня практических действий по реализации

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

добровольных необязательных норм, содержащего конкретизированные рекомендации по их применению. Таким образом, вопросы, связанные с реализацией CVD, перешли от стадии обсуждения к формализированному инструменту практического применения. При этом дальнейшее развитие норм было передано в рамках нового постоянного механизма ООН, предусматривающего продолжение взаимодействия государств и заинтересованных сторон. Итоговый доклад 2025 года тем самым завершил этап первоначальной институционализации нормы и создал основу для ее дальнейшего совершенствования [4; 6].

Таким образом, развитие подходов к CVD в документах ООН можно условно разделить на четыре этапа. На первом этапе (доклад ГПЭ 2015 г.) была закреплена общая рекомендация содействовать обмену информацией об уязвимостях [1]. Второй этап (доклад ГПЭ 2021 г.) подтвердил значение данного подхода как элемента ответственного поведения государств, но без его дальнейшей конкретизации [2]. На третьем этапе (Третий ежегодный доклад РГОС 2024 г.) появились практические рекомендации по реализации CVD, включая разработку национальных политик, создание контактных пунктов и защищённых каналов передачи информации [3]. Наконец, на четвёртом этапе (Итоговый доклад РГОС 2021-2025 гг.) был принят Добровольный контрольный перечень практических действий, который закрепил накопленные рекомендации в качестве формально одобренного государствами инструмента, а также учредил постоянный механизм для дальнейшего обсуждения и развития норм, включая вопросы CVD, с сохранением механизмов участия негосударственных заинтересованных сторон [4; 6].

Именно переход от общей декларативной формулировки к описанию конкретных механизмов реализации, а затем к их институционализации представляет наибольший научный интерес. Сравнение документов, представленное в табл. 1, показывает, что эволюция нормы происходила не посредством изменения её содержания, а за счёт последовательной конкретизации способов её практического применения и последующего закрепления этих механизмов в формально одобренных инструментах [1-4; 6]. Это обстоятельство позволяет поставить вопрос о факторах, обусловивших появление столь детализированных рекомендаций в документах РГОС, и определить, какую роль в данном процессе сыграли негосударственные участники, получившие возможность представлять свои экспертные предложения в рамках многостороннего механизма работы Рабочей группы [7].

Таблица 1

Эволюция нормы CVD в документах ООН.

Table 1

The evolution of the CVD norm in UN documents.

Документ	Формулировка нормы	Степень конкретизации
GGE 2015 (A/70/174) [1]	"государства должны способствовать ответственному представлению информации о факторах уязвимости в сфере ИКТ и делиться соответствующей информацией о существующих методах борьбы с такими факторами уязвимости..."	Общая рекомендация; отсутствие механизмов реализации
GGE 2021 (A/76/135) [2]	Подтверждение добровольной нормы как элемента ответственного поведения государств	Без новых механизмов; сохранение общей формулировки
OEWG Third APR 2024 (A/79/214) [3]	Национальные политики CVD, государственные контактные пункты, безопасные каналы связи, международное сотрудничество	Детализированные рекомендации по практической реализации на национальном уровне
OEWG Final Report 2025 (A/AC.292/2025/CRP.1) [4]	Принятие Добровольного контрольного перечня; учреждение постоянного механизма; сохранение участия заинтересованных сторон	Институционализация рекомендаций; закрепление в формально одобренном инструменте; создание основы для дальнейшего развития

Вклад негосударственных участников в конкретизацию нормы Coordinated Vulnerability Disclosure

Характерной особенностью деятельности Рабочей группы открытого состава ООН стало институциональное расширение круга участников обсуждения вопросов международной информационной безопасности. В отличие от Группы правительственных экспертов, работа которой строилась исключительно на межгосударственном взаимодействии, в рамках РГОС был создан механизм участия негосударственных заинтересованных сторон (stakeholders), включающий представителей академического сообщества, технических организаций, частного сектора и неправительственных организаций. Им была предоставлена возможность направлять письменные материалы, принимать участие в обсуждении вопросов в ходе заседаний и выска-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

зывать свои позиции в рамках тематических консультаций, связанных с практической реализацией добровольных норм ответственного поведения государств [7].

Вместе с тем изучение документов РГОС позволяет сделать вывод, что роль негосударственных субъектов не сводилась исключительно к предоставлению экспертной поддержки в рамках переговорного процесса. В ряде случаев сформулированные ими рекомендации и предложения впоследствии учитывались при подготовке итоговых документов Рабочей группы. Наиболее показательно это проявилось в процессе дальнейшего развития и уточнения содержания нормы CVD [3-7].

Среди наиболее активных участников данного процесса следует выделить компанию Microsoft, которая в представленных материалах акцентировала внимание на необходимости перехода от общего принципа обмена сведениями об уязвимостях к созданию устойчивых национальных механизмов их координированного раскрытия. Вместе с тем данные предложения не представляли собой исключительно позицию отдельной технологической компании, а соответствовали более широким подходам, сформировавшимся среди представителей технического сообщества. В частности, в материалах предлагалось рекомендовать государствам создание национальных процедур координированного раскрытия уязвимостей, назначение уполномоченных контактных органов для взаимодействия с исследователями безопасности, использование защищённых каналов передачи информации, а также установление гарантий, препятствующих привлечению добросовестных исследователей к ответственности при соблюдении предусмотренных процедур [8; 9; 15-17].

«In terms of preventative measures, Microsoft would like to reiterate that threats emanating from cyberspace cannot be tackled by States alone. In order to tackle these threats effectively – not just today, but in the long term - it is essential to leverage the expertise, experience, and resources of all relevant stakeholders.» [8, с. 1]

«We recommend that states act swiftly to provide additional guidance on this norm (j).» [9, с. 8].

«Beyond these, we also recommend examining additional CBMs that foster private-public partnerships to counter ICT threats and to establish global procedures for the coordinated disclosure of vulnerabilities among relevant stakeholders» [9, с. 9].

Сопоставление данного предложения с Третьим ежегодным докладом РГОС свидетельствует о высокой степени содержательного совпадения. Итоговый документ рекомендует государствам разрабатывать национальные политики CVD, определять компетентные органы для получения сообщений об уязвимостях, обеспечивать наличие соответствующих каналов взаимодействия и развивать международное сотрудничество в данной сфере [3].

Сходный подход прослеживается и в материалах международной неправительственной организации Global Partners Digital (GPD), специализирующейся на вопросах управления интернетом и цифровой политики. Организация последовательно подчёркивала, что эффективное раскрытие информации об уязвимостях невозможно без институционального взаимодействия государственных органов, исследовательского сообщества и частного сектора. В представленных рекомендациях особое внимание уделялось необходимости создания доверительных механизмов сотрудничества между всеми участниками процесса [10].

«Civil society, for example, includes their role in raising awareness and socialising the norms, capacity building, monitoring implementation, providing evidence-based research, and proposing specific technical and policy solutions to implement the norms» [10, с. 2].

Отдельного внимания стоят совместные замечания гражданского общества, подписанные 14-ю участниками, в том числе GPD. Среди заинтересованных сторон было 4 МНПО, 6 региональных НПО, 1 экспертное сообщество и 3 частных лица [14].

«States should ensure that inclusive processes for responsible state disclosure exist, that they do not criminalise security researchers, and that they are in line with good practice» [14, с. 21].

«Coordinated Vulnerability Disclosure policies should be clear, publicly available, and widely disseminated and communicated so that all stakeholders are cognizant of them and can act accordingly» [14, с. 21].

«Bodies or structures responsible for receiving and coordinating the reports should be neutral third parties, independent from national security and defence entities» [14, с. 22].

«Reward programs can take different forms from monetary payments to simple social media recognition of the security researcher who discovered the vulnerability. In the world of security research, this is an important incentive for collaboration... » [14, с. 22].

Практически аналогичная логика прослеживается в итоговом документе РГОС, где CVD рассматривается не как исключительно государственная функция, а как механизм сотрудничества различных участников цифровой экосистемы [3].

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Значительный вклад в развитие рассматриваемой нормы внесло и международное профессиональное сообщество FIRST (Forum of Incident Response and Security Teams). В своих рекомендациях организация акцентировала внимание на практических аспектах реализации CVD, предлагая использовать единые процедуры обработки сообщений об уязвимостях, стандартизированные каналы взаимодействия и постоянный обмен информацией между национальными центрами реагирования на компьютерные инциденты, такими как CERT (Computer Emergency Response Team) – группой реагирования на компьютерные чрезвычайные ситуации и CSIRT (Computer Security Incident Response Team) – группой реагирования на инциденты компьютерной безопасности [11; 15; 16].

«Foundational work on best practices, policy, and process for coordinated vulnerability disclosure has focused primarily on bi-lateral coordination (i.e., between one researcher and one vendor) and less on the increasing complexities of multi-party coordination. Factors such as a vibrant open source development community, the proliferation of bug bounty programs, increasing supply chain complexity, and the support challenges facing CSIRTs and PSIRTs are just a few of the complications» [15, с. 3].

«FIRST can host a Global Directory of Points of Contact (PoCs) for incident responders and security teams (CERTs, CSIRTS, PSIRTs), in line with the recommendations of the UN GGE and UN OEWG reports, and with a multi-stakeholders inclusive and open approach» [11, с. 2].

В отличие от Microsoft, сосредоточившей внимание преимущественно на государственном уровне регулирования, FIRST предлагала рассматривать CVD как непрерывный технический процесс, объединяющий исследователей, производителей программного обеспечения, операторов критической инфраструктуры и государственные органы. Именно подобный комплексный подход впоследствии был воспроизведён в рекомендациях РГОС, предусматривающих развитие национальных механизмов взаимодействия при одновременном расширении международного сотрудничества [3; 11; 15].

Сравнительный анализ указанных документов позволяет выделить несколько элементов, которые последовательно воспроизводятся как в предложениях негосударственных участников, так и в итоговом тексте Третьего ежегодного доклада РГОС: разработка национальных политик координированного раскрытия уязвимостей; определение уполномоченных контактных органов; создание безопасных каналов передачи информации об уязвимостях; развитие взаимодействия между государственными органами, исследовательским сообществом и частным сектором; расширение международного сотрудничества при обработке информации о критически значимых уязвимостях [3; 8-11; 15-17].

Такое совпадение само по себе не позволяет утверждать, что соответствующие положения были непосредственно заимствованы из конкретных предложений отдельных организаций. Процесс подготовки документов РГОС носит консенсусный характер и включает многочисленные раунды межгосударственных консультаций. В научной литературе также принято учитывать возможность альтернативных объяснений. Во-первых, государства-члены ООН, участвовавшие в переговорах, могли самостоятельно прийти к аналогичным выводам, исходя из собственного национального опыта регулирования вопросов раскрытия уязвимостей. Во-вторых, совпадение может отражать общий дух времени – постепенное созревание консенсуса в международном сообществе относительно необходимости более детализированных подходов к имплементации добровольных норм, что не обязательно связано с прямым влиянием конкретных письменных материалов. Наконец, нельзя исключать, что формулировки итогового документа являются результатом кулуарных межгосударственных консультаций, в которых негосударственные участники не участвовали [20-28].

Тем не менее, наличие прямых процедурных доказательств позволяет существенно укрепить аргумент в пользу влияния стейкхолдеров. В рамках деятельности РГОС был институционализирован механизм сбора письменных комментариев от всех заинтересованных сторон, и такие комментарии официально публиковались на сайте Рабочей группы [7]. Более того, в письме Председателя РГОС от 20 февраля 2024 года, направленном всем постоянным представителям, прямо указывается, что подготовленный им проект контрольного перечня практических действий по имплементации норм представляет собой компиляцию мер, собранных из «различных соответствующих источников» («gathered from various relevant sources») [5, с. 1]. Хотя Председатель не уточняет, какие именно источники имеются в виду, в контексте всего процесса РГОС, включая открытые призывы к представлению и публикации материалов на веб-сайте, данная формулировка позволяет предположить, что к числу использованных источников могли относиться и предложения негосударственных участников [5; 7]. Таким образом, в отличие от гипотетических альтернатив, имеется документально зафиксированное свидетельство того, что при разработке одного из ключевых документов, конкретизирующих норму CVD, Председатель сознательно использовал внешние, негосударственные наработки. Это не отменяет того факта, что окончательное согласование текста оставалось преро-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

гативой государств, но делает версию о влиянии заинтересованных сторон значительно более обоснованной.

Совокупность содержательных совпадений и процедурных доказательств – официальный призыв к подаче материалов, публикация письменных материалов, прямое упоминание «различных источников» в пояснительной записке Председателя – позволяет утверждать, что экспертные материалы негосударственных участников стали одним из источников конкретизации первоначально достаточно абстрактной нормы, сформулированной ещё в докладах ГПЭ [1; 5; 7-14]. Их предложения были интегрированы в рабочий процесс РГОС в качестве одного из элементов, формировавших повестку и конкретные рекомендации.

В результате деятельность негосударственных участников выходит за рамки традиционного экспертного консультирования. Их вклад заключается не в создании международно-правовых норм как таковых, а в разработке конкретных механизмов реализации уже согласованных государствами принципов. Если государства определяют политико-правовые рамки международного регулирования, то негосударственные участники наполняют эти рамки техническим и организационным содержанием, необходимым для практического применения соответствующих норм. Сравнение предложений наполнения с итоговым вариантом нормы представлены в табл. 2.

Именно данный механизм позволяет объяснить постепенную эволюцию нормы CVD: от общей рекомендации содействовать обмену информацией об уязвимостях в докладе ГПЭ 2015 г. до детализированного комплекса практических рекомендаций, закреплённых в документах РГОС [1; 3-17]. Тем самым деятельность негосударственных участников выступает одним из факторов институционального развития современных механизмов международного нормотворчества в сфере международной информационной безопасности [21-25; 27; 28].

Таблица 2

Сравнение предложений негосударственных участников и итогового текста Третьего ежегодного доклада о прогрессе РГОС.

Table 2

Comparison of proposals by non-state actors and the final text of the OEWG Third Annual Progress Report.

Предложение негосударственных участников	Microsoft	GPD	FIRST	Third Annual Progress Report
Национальная политика CVD	✓ [9]	✓ [14]	✓ [15]	✓
Государственный контактный пункт	✓ [9]	✓ [14]	✓ [11]	✓
Безопасные каналы передачи сообщений	✓ [8; 9]	✓ [14]	✓ [15; 16]	✓
Взаимодействие государства, бизнеса и исследователей	✓ [8]	✓ [10; 14]	✓ [11; 15]	✓
Международное сотрудничество	✓ [9]	✓ [10]	✓ [11]	✓

Значение многостороннего участия для современного международного нормотворчества

Рассмотренный пример эволюции нормы CVD позволяет сделать более общий вывод относительно современных механизмов международного нормотворчества. Таким образом, развитие механизмов многостороннего участия (multistakeholderism) оказывает заметное влияние на современное международное нормотворчество в сфере международной информационной безопасности. Если ранее процесс формирования международно-правовых норм преимущественно связывался с деятельностью государств как основных участников международных отношений, то современная практика Организации Объединённых Наций демонстрирует постепенное усложнение процедур подготовки международных документов. Одним из проявлений данной тенденции стало включение негосударственных участников в обсуждение отдельных направлений регулирования и предоставление им возможности представлять экспертные позиции в рамках соответствующих механизмов [21-23].

Вместе с тем расширение круга участников международных дискуссий не означает изменения фундаментальных основ международного права. В рамках Рабочей группы открытого состава окончательные решения принимаются исключительно государствами посредством согласования позиций и достижения консенсуса, тогда как материалы, подготовленные негосударственными субъектами, не обладают самостоя-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

тельной юридической силой и не являются источниками международно-правовых норм [4; 7]. Значение таких материалов определяется их экспертным характером: они используются государствами в качестве основы для анализа проблематики, подготовки предложений и формирования согласованных положений итоговых документов [4; 8-14].

Исследованный пример демонстрирует, что участие негосударственных субъектов наиболее востребовано в тех случаях, когда предмет регулирования непосредственно связан с техническими особенностями функционирования цифровой среды. Подготовка норм, регулирующих вопросы информационной безопасности, требует специальных знаний в области архитектуры интернета, разработки программного обеспечения, реагирования на компьютерные инциденты и управления цифровой инфраструктурой. Государственные делегации далеко не всегда располагают подобной экспертизой, вследствие чего обращение к материалам технического сообщества становится объективной необходимостью [21; 27].

Показательно, что в работе РГОС принимают участие представители различных категорий заинтересованных сторон: международных неправительственных организаций, академического сообщества, частного сектора, технических организаций и профессиональных объединений. Такое разнообразие позволяет учитывать не только политико-правовые позиции государств, но и практический опыт эксплуатации цифровой инфраструктуры, результаты научных исследований и особенности функционирования современных информационно-коммуникационных технологий. В результате обсуждение вопросов международной информационной безопасности приобретает междисциплинарный характер, объединяя юридическую, техническую и организационную составляющие [8-14; 27].

Расширение возможностей участия негосударственных субъектов в рамках механизмов ООН не свидетельствует о переходе к иной модели международного нормотворчества, исключающей ведущую роль государств. Изучение порядка подготовки итоговых документов РГОС показывает, что экспертные материалы и предложения заинтересованных сторон проходят процедуру рассмотрения и получают значение лишь в случае их последующего включения в согласованные государствами положения итоговых документов [4; 7]. Следовательно, негосударственные участники не выступают самостоятельными субъектами выработки международных норм, а воздействуют на содержание формируемых документов через предоставление специализированных знаний, аналитических материалов и предложений по возможным направлениям регулирования [20; 27].

Одновременно следует учитывать, что участие различных категорий заинтересованных сторон не является полностью равноправным с точки зрения имеющихся ресурсов. Крупные технологические компании располагают значительно большими финансовыми, организационными и экспертными возможностями для подготовки предложений и продвижения собственных позиций по сравнению с небольшими организациями или отдельными экспертными группами. Такая неоднородность возможностей участия представляет собой один из существенных вызовов модели многостороннего управления (multistakeholder governance), поскольку способна приводить к различиям в степени представленности интересов отдельных групп участников [22; 23; 25].

Такой подход позволяет говорить о постепенном формировании сетевой модели международного нормотворчества. Её особенностью является распределение функций между различными участниками процесса. Государства сохраняют исключительные полномочия по принятию политических решений и согласованию окончательного текста международных документов. В свою очередь, негосударственные участники обеспечивают экспертную проработку отдельных вопросов, предлагают технически реализуемые механизмы исполнения принимаемых норм и оценивают возможные последствия их практического применения [21; 25]. Следовательно, взаимодействие между государственными и негосударственными субъектами приобретает характер функционального сотрудничества, основанного не на перераспределении международной правосубъектности, а на распределении функциональных ролей между участниками процесса [22; 27].

Данная тенденция прослеживается не только в деятельности РГОС, но и в работе Специального комитета ООН по разработке всеобъемлющей международной конвенции о противодействии использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях. Несмотря на различия в предметах регулирования, обе переговорные площадки предусматривают участие негосударственных заинтересованных сторон в обсуждении проектов документов, проведении тематических консультаций и представлении письменных замечаний [7; 18]. Это свидетельствует о постепенном закреплении механизмов многостороннего участия в системе деятельности ООН по вопросам международной информационной безопасности. Вместе с тем сопоставление различных переговорных форматов показывает, что фактическая степень воздействия негосударственных участников определяется спецификой регулируемой области. В сферах, связанных с техническими аспектами функционирования цифровой среды, их экспертный вклад приобретает

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

особенно важное значение, тогда как в уголовно-правовом регулировании сохраняется более значительная роль государств как основных участников переговорного процесса [18; 25].

В то же время было бы преждевременным рассматривать данную практику как свидетельство появления новых субъектов международного права. Более точным представляется вывод о преобразовании самих процедур международного нормотворчества и расширении круга участников, вовлечённых в подготовку международных документов [19; 20]. Если традиционная модель формирования международных норм основывалась преимущественно на межгосударственном взаимодействии, то современная цифровая проблематика объективно требует привлечения организаций и экспертов, обладающих специальными техническими знаниями. При этом участие негосударственных субъектов преимущественно связано с этапами подготовки, обсуждения и уточнения содержания документов, тогда как полномочие по окончательному согласованию их положений сохраняется за государствами [4; 27].

Таким образом, практика Организации Объединённых Наций отражает постепенное формирование более комплексной модели международного нормотворчества в сфере информационной безопасности, сочетающей межгосударственное согласование позиций с привлечением специализированной экспертной поддержки [21; 25]. Рассмотрение эволюции нормы CVD показывает, что механизмы многостороннего участия не заменяют традиционный процесс выработки международных норм, а дополняют его, повышая качество подготовки документов и обеспечивая их большую практическую применимость в условиях постоянного развития цифровых технологий [15-17; 20].

Выводы

Настоящее исследование позволило выявить основные этапы развития подходов Организации Объединённых Наций к регулированию вопросов координированного раскрытия уязвимостей и определить особенности участия негосударственных субъектов в процессе наполнения конкретным содержанием добровольных норм ответственного поведения государств в сфере международной информационной безопасности.

Изучение документов ГПЭ и РГОС свидетельствует о том, что на первоначальном этапе практика раскрытия информации об уязвимостях закреплялась преимущественно в качестве общего направления ответственного поведения государств. В последующем в рамках РГОС данная норма получила дальнейшее развитие: в международные документы были включены положения о необходимости формирования национальных механизмов CVD, установления процедур взаимодействия между заинтересованными сторонами, создания защищённых каналов обмена информацией и расширения международного сотрудничества.

Сравнение материалов, представленных негосударственными участниками, с содержанием итоговых документов РГОС показывает, что предложения представителей технического сообщества, международных неправительственных организаций и частного сектора оказали влияние на формирование практических элементов реализации рассматриваемой нормы. Вместе с тем данное влияние осуществлялось не посредством непосредственного участия в принятии международно-правовых решений, а через подготовку экспертных рекомендаций, разработку технических подходов и предложение механизмов практического применения согласованных государствами положений.

Таким образом, поставленный в исследовании вопрос получает следующий ответ: участие негосударственных акторов в современной кибердипломатии ООН выходит за рамки исключительно консультативной функции, поскольку они способны оказывать влияние на содержание формируемых международных документов. Однако такое влияние не свидетельствует о появлении новых субъектов международного нормотворчества, поскольку окончательное решение о закреплении соответствующих положений сохраняется за государствами. Роль негосударственных акторов проявляется прежде всего на стадии подготовки и конкретизации документов, когда технические знания и профессиональные практики преобразуются в элементы официальных международных рекомендаций.

Одновременно проведённый анализ показывает, что степень влияния заинтересованных сторон зависит от характера регулируемой сферы. В технических вопросах, связанных с функционированием цифровой инфраструктуры, потребность в специализированной экспертизе объективно расширяет возможности негосударственных участников. В областях, затрагивающих уголовную юрисдикцию и суверенные полномочия государств, их влияние остаётся более ограниченным.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

В целом практика ООН свидетельствует о формировании гибридной модели международного нормотворчества в сфере информационной безопасности, сочетающей сохранение ведущей роли государств с институционализированным привлечением экспертных сетей. Многостороннее управление в данном контексте выступает не альтернативой межгосударственному регулированию, а механизмом повышения качества, технической обоснованности и практической реализуемости международных документов в условиях цифровой трансформации.

Список источников

1. Доклад Группы правительственных экспертов по проблемам развития информационных и телекоммуникационных технологий в контексте международной безопасности. A/70/174. 22 июля 2015 г. URL: https://undocs.org/ru/A/70/174 (дата обращения: 01.07.2026)

2. Доклад Группы правительственных экспертов по поощрению ответственного поведения государств в киберпространстве в контексте международной безопасности. A/76/135. 14 июля 2021 г. URL: https://undocs.org/ru/A/76/135 (дата обращения: 01.07.2026)

3. Рабочая группа открытого состава по вопросам безопасности в сфере использования информационно-коммуникационных технологий 2021-2025 гг. Третий ежегодный доклад о прогрессе. A/79/214. 22 июля 2024 г. URL: https://undocs.org/ru/A/79/214 (дата обращения: 01.07.2026)

4. Рабочая группа открытого состава по вопросам безопасности в сфере использования информационно-коммуникационных технологий 2021-2025 гг. Итоговый доклад. A/AC.292/2025/CRP.1. 11 июля 2025 г. URL: https://ifap.ru/pr/2025/n250721a.pdf (дата обращения: 01.07.2026)

5. Письмо Председателя Рабочей группы открытого состава по вопросам безопасности в сфере использования информационно-коммуникационных технологий 2021-2025 гг. о передаче Добровольного контрольного перечня практических действий по имплементации добровольных необязательных норм ответственного поведения государств в сфере использования ИКТ. 20 февраля 2024 г. URL: https://docs-library.unoda.org/Open-Ended_Working_Group_on_Information_and_Communication_Technologies_-_28202129/Letter_from_OEWG_Chair_20_February_2024.pdf (дата обращения: 01.07.2026)

6. Письмо Председателя о Добровольном контрольном перечне практических действий по имплементации добровольных необязательных норм ответственного поведения государств в сфере использования ИКТ. 25 июня 2025 г. URL: https://docs-library.unoda.org/Open-Ended_Working_Group_on_Information_and_Communication_Technologies_-_820219/Letter_from_OEWG_Chair_25_June_2025.pdf (дата обращения: 01.07.2026)

7. Управление ООН по вопросам разоружения. Памятка для неправительственных организаций и других негосударственных субъектов («заинтересованных сторон») для третьей основной сессии Рабочей группы открытого состава по вопросам безопасности в сфере использования информационно-коммуникационных технологий 2021-2025 гг. 25-29 июля 2022 г. URL: https://documents.unoda.org/wp-content/uploads/2022/05/Cyber-OEWG-NGO-Aide-Memoire_FINAL.pdf (дата обращения: 01.07.2026)

8. Microsoft. Материалы Microsoft для второй основной сессии Рабочей группы открытого состава по вопросам безопасности в сфере использования информационно-коммуникационных технологий. Март 2022 г. URL: https://documents.unoda.org/wp-content/uploads/2022/04/Second-Microsoft-Submission-to-the-OEWG-Chair-March-2022.pdf (дата обращения: 01.07.2026)

9. Microsoft. Материалы Microsoft для третьей основной сессии Рабочей группы открытого состава по вопросам безопасности в сфере использования информационно-коммуникационных технологий. 25-29 июля 2022 г. URL: https://documents.unoda.org/wp-content/uploads/2022/07/Microsoft-Submission-OEWG-Third-Substantive-Session-July-2022.pdf (дата обращения: 01.07.2026)

10. Global Partners Digital. Отклик GPD на нулевой проект доклада Рабочей группы открытого состава по ИКТ. Февраль 2021 г. URL: https://www.gp-digital.org/wp-content/uploads/2021/03/OEWG-zero-draft_GPD-response.pdf (дата обращения: 01.07.2026)

11. Forum of Incident Response and Security Teams (FIRST). Вклад FIRST на неформальной сессии Рабочей группы открытого состава ООН. 21 июля 2022 г. URL: https://documents.unoda.org/wp-content/uploads/2022/07/FIRST-statement-at-the-OEWG-session-21-July-2022.pdf (дата обращения: 01.07.2026)

12. Access Now. Заявление Access Now на неформальном виртуальном диалоге с Председателем Рабочей группы открытого состава ООН. 24 марта 2022 г. URL: https://documents.unoda.org/wp-content/uploads/2022/03/UN-OEWG-24-March-2022-informal-virtual-dialogue-meeting-Access-Now-statement.pdf (дата обращения: 01.07.2026)

13. ICT4Peace Foundation. Представление ICT4Peace в Рабочую группу открытого состава ООН по безопасности в сфере использования информационно-коммуникационных технологий 2021-2025 гг. Январь 2022 г. URL: https://documents.unoda.org/wp-content/uploads/2022/01/ICT4PeaceSubOEWGIIJan2022ds.pdf (дата обращения: 01.07.2026)

14. Access Now и др. Совместные замечания гражданского общества по пересмотренному неофициальному документу Рабочей группы открытого состава по предложениям по нормам. 2020-2021 гг. URL: https://www.apc.org/sites/default/files/joint-civil-society-groups-feedback-on-oewg-norms-proposals.pdf (дата обращения: 01.07.2026)

15. Forum of Incident Response and Security Teams (FIRST). Руководящие принципы и практика многосторонней координации и раскрытия уязвимостей. Версия 1.1. Весна 2020 г. URL: https://www.first.org/global/sigs/vulnerability-coordination/multiparty/FIRST-Multiparty-Vulnerability-Coordination-v1.1.pdf (дата обращения: 01.07.2026)

16. CERT Coordination Center. Руководство CERT по координированному раскрытию уязвимостей. URL: https://certcc.github.io/CERT-Guide-to-CVD/ (дата обращения: 01.07.2026)

17. ISO/IEC 29147:2018. Информационные технологии – Методы обеспечения безопасности – Раскрытие информации об уязвимостях. Международная организация по стандартизации. URL: https://www.iso.org/standard/72311.html (дата обращения: 01.07.2026)

18. Специальный комитет открытого состава по разработке всеобъемлющей международной конвенции о противодействии использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях. Проект резолюции для рассмотрения Генеральной Ассамблеей: «Конвенция Организации Объединённых Наций о киберпреступности». A/AC.291/L.16. 7 августа 2024 г. URL: https://digitallibrary.un.org/record/4062685 (дата обращения: 01.07.2026)

19. Finnemore M., Hollis D.B. Beyond Naming and Shaming: Accusations and International Law in Cybersecurity // European Journal of International Law. 2020. Vol. 31. No. 3. P. 969 – 1003.

20. Finnemore M., Sikkink K. International Norm Dynamics and Political Change // International Organization. 1998. Vol. 52. No. 4. P. 887 – 917.

21. Radu R. Negotiating Internet Governance. Oxford: Oxford University Press, 2019. 228 p.

22. Milton L. Mueller. Networks and States: The Global Politics of Internet Governance. Cambridge, MA: MIT Press, 2010. 313 p.

23. Laura DeNardis. The Global War for Internet Governance. New Haven: Yale University Press, 2014. 288 p.

24. Laura DeNardis. Internet in Everything: Freedom and Security in a World with No Off Switch. New Haven: Yale University Press, 2020. 271 p.

25. Nye J.S. The Regime Complex for Managing Global Cyber Activities // Global Commission on Internet Governance Paper Series. 2014. URL: https://www.cigionline.org/static/documents/gcig_paper_no1.pdf (дата обращения: 01.07.2026)

26. Myriam Dunn Cavelty The Politics of Cyber-Security // Routledge. 2024. 212 p.

27. Haas P. M. Introduction: Epistemic Communities and International Policy Coordination // International Organization. 1992. Vol. 46. No. 1. P. 1 – 35.

28. Keohane R. O., Nye J.S. Power and Interdependence. 4th ed. Boston: Longman, 2012. 330 p.

References

1. Report of the Group of Governmental Experts on the Development of Information and Telecommunication Technologies in the Context of International Security. A/70/174. 22 July 2015. Available at: https://undocs.org/en/A/70/174 (date of access: 01.07.2026)

2. Report of the Group of Governmental Experts on Promoting Responsible Behavior of States in Cyberspace in the Context of International Security. A/76/135. 14 July 2021. Available at: https://undocs.org/en/A/76/135 (date of access: 01.07.2026)

3. Open-ended Working Group on Security in the Use of Information and Communication Technologies 2021-2025. Third Annual Progress Report. A/79/214. 22 July 2024. URL: https://undocs.org/ru/A/79/214 (date of access: 01.07.2026)

4. Open-ended Working Group on Security in the Use of Information and Communication Technologies 2021-2025. Final Report. A/AC.292/2025/CRP.1. 11 July 2025. URL: https://ifap.ru/pr/2025/n250721a.pdf (date of access: 01.07.2026)

5. Letter from the Chair of the Open-ended Working Group on Security in the Use of Information and Communication Technologies 2021-2025 on the transmission of the Voluntary Checklist of Practical Actions for the Implementation of Voluntary Non-Binding Norms of Responsible State Conduct in the Use of ICTs. 20 February 2024. URL: https://docs-library.unoda.org/Open-Ended_Working_Group_on_Information_and_Communication_Technologies_-_28202129/Letter_from_OEWG_Chair_20_February_2024.pdf (date of access: 01.07.2026)

6. Letter from the Chair on the Voluntary Checklist of Practical Actions for the Implementation of Voluntary Non-Binding Norms of Responsible State Conduct in the Use of ICTs. 25 June 2025. URL: https://docs-library.unoda.org/Open-Ended_Working_Group_on_Information_and_Communication_Technologies_-_820219/Letter_from_OEWG_Chair_25_June_2025.pdf (date of access: 01.07.2026)

7. United Nations Office for Disarmament Affairs. Note for non-governmental organizations and other non-state actors ("stakeholders") for the third substantive session of the Open-ended Working Group on Security in the Use of Information and Communication Technologies, 2021-2025. 25-29 July 2022. URL: https://documents.unoda.org/wp-content/uploads/2022/05/Cyber-OEWG-NGO-Aide-Memoire_FINAL.pdf (date of access: 01.07.2026)

8. Microsoft. Microsoft submission to the second substantive session of the Open-Ended Working Group on Security in the Use of Information and Communications Technology. March 2022. URL: https://documents.unoda.org/wp-content/uploads/2022/04/Second-Microsoft-Submission-to-the-OEWG-Chair-March-2022.pdf (date of access: 01.07.2026)

9. Microsoft. Microsoft submission to the third substantive session of the Open-Ended Working Group on Security in the Use of Information and Communications Technology. 25-29 July 2022. URL: https://documents.unoda.org/wp-content/uploads/2022/07/Microsoft-Submission-OEWG-Third-Substantive-Session-July-2022.pdf (date of access: 01.07.2026)

10. Global Partners Digital. GPD Response to the Zero Draft Report of the Open-Ended Working Group on ICT. February 2021. URL: https://www.gp-digital.org/wp-content/uploads/2021/03/OEWG-zero-draft_GPD-response.pdf (date of access: 01.07.2026)

11. Forum of Incident Response and Security Teams (FIRST). FIRST Contribution to the Informal Session of the UN Open-Ended Working Group. 21 July 2022. URL: https://documents.unoda.org/wp-content/uploads/2022/07/FIRST-statement-at-the-OEWG-session-21-July-2022.pdf (date of access: 01.07.2026)

12. Access Now. Access Now Statement at the Informal Virtual Dialogue with the Chair of the UN Open-Ended Working Group. 24 March 2022. URL: https://documents.unoda.org/wp-content/uploads/2022/03/UN-OEWG-24-March-2022-informal-virtual-dialogue-meeting-Access-Now-statement.pdf (date of access: 01.07.2026)

13. ICT4Peace Foundation. ICT4Peace Submission to the UN Open-Ended Working Group on Security in the Use of Information and Communication Technologies 2021-2025. January 2022. URL: https://documents.unoda.org/wp-content/uploads/2022/01/ICT4PeaceSubOEWGIIJan2022ds.pdf (date of access: 01.07.2026)

14. Access Now et al. Joint Civil Society Comments on the Revised Non-Paper of the Open-Ended Working Group on Normative Proposals. 2020-2021. URL: https://www.apc.org/sites/default/files/joint-civil-society-groups-feedback-on-oewg-norms-proposals.pdf (date of access: 01.07.2026)

15. Forum of Incident Response and Security Teams (FIRST). Guidelines and Practices for Multiparty Vulnerability Coordination and Disclosure. Version 1.1. Spring 2020. URL: https://www.first.org/global/sigs/vulnerability-coordination/multiparty/FIRST-Multiparty-Vulnerability-Coordination-v1.1.pdf (date of access: 01.07.2026)

16. CERT Coordination Center. CERT Guide to Coordinated Vulnerability Disclosure. Available at: https://certcc.github.io/CERT-Guide-to-CVD/ (date of access: 01.07.2026)

17. ISO/IEC 29147:2018. Information technology – Security techniques – Vulnerability disclosure. International Organization for Standardization. Available at: https://www.iso.org/standard/72311.html (date of access: 01.07.2026)

18. Open-ended Ad Hoc Committee to develop a comprehensive international convention against the use of information and communications technologies for criminal purposes. Draft resolution for consideration by the General Assembly: "United Nations Convention on Cybercrime". A/AC.291/L.16. August 7, 2024 URL: https://digitallibrary.un.org/record/4062685 (date of access: 01.07.2026)

19. Finnemore M., Hollis D.B. Beyond Naming and Shaming: Accusations and International Law in Cybersecurity. European Journal of International Law. 2020. Vol. 31.No. 3. P. 969 – 1003.

20. Finnemore M., Sikkink K. International Norm Dynamics and Political Change. International Organization. 1998. Vol. 52.No. 4. P. 887 – 917.

21. Radu R. Negotiating Internet Governance. Oxford: Oxford University Press, 2019. 228 p.
22. Milton L. Mueller. Networks and States: The Global Politics of Internet Governance. Cambridge, MA: MIT Press, 2010. 313 p.
23. Laura DeNardis. The Global War for Internet Governance. New Haven: Yale University Press, 2014. 288 p.
24. Laura DeNardis. Internet in Everything: Freedom and Security in a World with No Off Switch. New Haven: Yale University Press, 2020. 271 p.
25. Nye J.S. The Regime Complex for Managing Global Cyber Activities. Global Commission on Internet Governance Paper Series. 2014. URL: https://www.cigionline.org/static/documents/gcig_paper_no1.pdf (date of access: 01.07.2026)
26. Myriam Dunn Cavelty The Politics of Cyber-Security. Routledge. 2024. 212 p.
27. Haas P.M. Introduction: Epistemic Communities and International Policy Coordination. International Organization. 1992. Vol. 46. No. 1. P. 1 – 35.
28. Keohane R.O., Nye J.S. Power and Interdependence. 4th ed. Boston: Longman, 2012. 330 p.

Информация об авторе

Башкин И.В., Славяно-греко-латинская академия, 4-ch@bk.ru

© Башкин И.В., 2026

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)
УДК 347.73
DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-6-20-24

Особенности правового регулирования финансового контроля на рынке ценных бумаг в Исламской Республике Иран

[1] Карпов К.А.,
[1] Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Аннотация: *в работе уделяется внимание особенностям правового регулирования финансового контроля в сфере рынка ценных бумаг в Иране. Интерес к данному государству выражен в первую очередь тем, что страна многие десятилетия находится под воздействием внешних ограничений – санкций. Тем не менее в Иране функционирует развитый рынок ценных бумаг, имеющий соответствующее финансово-правовое регулирование. Более того, за участниками данного рынка осуществляется финансовый контроль определенными государственными органами. В этой связи представляется интересным уделить внимание вопросам, которые касаются правового регулирования финансового контроля на рынке ценных бумаг Ирана, что связано с тем, что страна является также членом БРИКС.*

Ключевые слова: *Иран, рынок ценных бумаг, БРИКС, финансовый контроль, периодизация, халяльные инвестиции*

Для цитирования: Карпов К.А. Особенности правового регулирования финансового контроля на рынке ценных бумаг в Исламской Республике Иран // International Law Journal. 2026. Том 9. № 6. С. 20 – 24. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-6-20-24

Поступила в редакцию: 6 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 3 августа 2026 г.; Принята к публикации: 2 октября 2026 г.

The specifications of the legal regulation of the financial control in the securities market in the Islamic Republic of Iran

[1] Karpov K.A.,
[1] Kutafin Moscow State Law University

Abstract: *the paper focuses on the specifics of the legal regulation of financial control in the field of the securities market in Iran. The interest in this state is expressed primarily by the fact that the country has been under the influence of external restrictions – sanctions - for many decades. Nevertheless, Iran has a well-developed securities market with appropriate financial and legal regulation. Moreover, participants in this market are financially controlled by certain government agencies. In this regard, it is interesting to pay attention to the issues of legal regulation of financial control in the Iranian securities market, due to the fact that the country is also a member of the BRICS.*

Keywords: *Iran, securities market, BRICS, financial control, periodization, halal investments*

For citation: Karpov K.A. The specifications of the legal regulation of the financial control in the securities market in the Islamic Republic of Iran. International Law Journal. 2026. 9 (6). P. 20 – 24. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-6-20-24

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

The article was submitted: July 6, 2026; Approved after reviewing: August 3, 2026; Accepted for publication: October 2, 2026.

Введение

В современном мире невозможно не уделять внимание сравнительно-правовому исследованию отношений, которые складываются в сфере финансово-правового регулирования рынка ценных бумаг. Видный французский ученый, представитель науки финансового права – Поль Мари Годме [1] говорил о том, что сравнение финансовых операций в различных юрисдикциях позволяет лучше понимать осуществление этих сделок внутри своей национальной правовой системы [2]. Практически схожую точку зрения можно найти в трудах Рене Давида, который исследовал особенности правовых семей и систем государств мира [3]. Также Е.Ю. Грачева отмечает, что финансы и финансовые отношения претерпевают колоссальные изменения в XXI веке [4]. Ввиду вышеуказанного представляется необходимым уделить внимание особенностям финансово-правового регулирования рынка ценных бумаг в дружественной для России юрисдикции – в Иране. Фондовый рынок в этой стране регулируется не только нормами светского права, но также и религиозными нормами, что, несомненно, имеет важнейшее значение для нашей страны, в которой проживают представители многих конфессий, что оказывает влияние на финансовые отношения и в Российской Федерации [5].

Материалы и методы исследований

В исследовании использовались различные методы познания: системы, диалектический, историко-правовой, сравнительной-правовой, логический, формально-юридический и логический.

Результаты и обсуждения

Так, говоря о развитии рынка ценных бумаг государства Иран, стоит заметить, что в годы правления династии Пехлеви с 1925 по 1979 год значительно возросли в количественном объеме иностранные инвестиции. Как следствие, руководство государства и иностранные инвесторы были заинтересованы в появлении организованного рынка ценных бумаг и справедливого осуществления финансового контроля за его участниками. Так, в 1936 году Иранский банк Bank Melli совместно с бельгийскими экспертами опубликовал отчет, в котором подробно описывался план создания фондовой биржи в государстве. Тем не менее, этот план не был реализован до начала Второй мировой войны. Позднее в 1966 году некоторые постулаты данного документа были использованы правительством Ирана при подготовке Закона о фондовых биржах. Тегеранская фондовая биржа (The Tehran Stock Exchange, TSE), первоначально ограниченная по размеру и охвату, начала свою деятельность в 1966 году, осуществляя торговлю исключительно корпоративными и государственными облигациями [6]. В период с 1967 по 1978 год число компаний, зарегистрированных на бирже, и их общая капитализация выросли в десятки раз [7].

После Исламской революции, которая произошла в государстве 1979 году, была временно прекращена вся биржевая торговля в стране. Ирано-Иракская война также привела к резкому сокращению биржевой активности и делистингу ряда компаний, котирующихся на бирже, из TSE. Фактически, руководство государства стало воспринимать организованный рынок и TSE как один из наиболее важных механизмов оптимизации национальной экономики с целью содействия развитию и активному участию частного сектора в производственной деятельности, что способствовало росту внутренних инвестиций. В 1989 году внимание властей Ирана было приковано к возобновлению деятельности TSE, что затем привело к увеличению числа компаний, имеющих листинг своих финансовых инструментов на бирже, с 56 в 1988 году до 422 в 2006 году. Кроме того, в 1988 году годовая стоимость акций, обращавшихся на TSE, составляла 9,9 млрд иранских риалов, которая увеличилась до 44,8 млрд риалов в 2006 году. За указанный период, в особенности с 2001 по 2004 год, доходность инвестиций TSE значительно возросла и в 2003 году достигла 131,4%, что в тот год было самым высоким показателем доходности среди членов Всемирной федерации бирж (World Federation of Exchanges, WFE) [8].

В настоящее время финансово-правовое регулирование и контроль рынка ценных бумаг в Иране основан на деятельности трех ключевых органов:

1. Высший совет по ценным бумагам и биржам (высший коллегиальный орган финансового контроля в сфере рынка ценных бумаг в Исламской Республике Иран);
2. Организация по ценным бумагам и биржам (The Securities and Exchange Organization, SEO);
3. Центральный банк Исламской Республики Ирана, который осуществляет разработку и проведение денежно-кредитной политики с учетом общей экономической политики страны. Центральный банк

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

обладает полномочиями по осуществлению банковского надзора в соответствии с законодательством страны.

SEO осуществляет надзор за деятельностью финансового рынка. Основными документами, которые регулируют деятельность данного органа исполнительной власти государства, являются: [9]

1. Закон о рынке ценных бумаг страны, который был принят в 2005 году;
2. Закон о развитии новых финансовых инструментов и институтов, который вступил в силу в 2009 году;
3. Закон о постоянном развитии государства от 2017 года.

Так, SEO осуществляет надзор за четырьмя функционирующими фондовыми площадками государства:

1. Тегеранская фондовая биржа (Tehran Stock Exchange (TSE);
2. Иранская фондовая биржа (Iran Fara Bourse (IFB);
3. Иранская товарная (торговая) биржа (Iran Mercantile Exchange (IME);
4. Иранская энергетическая биржа (Iran Energy Exchange (IRENEX).

В соответствии с Законом о рынке ценных бумаг от 2005 года Высший совет по ценным бумагам и биржам и Организация по ценным бумагам и биржам осуществляют надзор и регулирование всего рынка капитала путем разработки финансовой политики и рыночных стратегий.

SEO, как государственная организация, является основным надзорным органом на рынке капитала Ирана. SEO обеспечивает соблюдение законодательства о рынке ценных бумаг, а также осуществляет непосредственный надзор и регулирование финансовых организаций. Следовательно, SEO осуществляет независимое регулирование и контроль за такими участниками фондового рынка, как TSE, IFB, IME и IRENEX, брокерские фирмы и инвестиционные банки, фонды, эмитентов, а также ряд других финансовых институтов. Кроме того, SEO регулирует широкий спектр рынков, включая фондовые, деривативные, внебиржевые, сукук (исламские ценные бумаги, в частности облигации) и товарные рынки. Кроме того, SEO управляется беспартийным советом директоров, состоящим из пяти членов, председатель которого назначается министром экономики и финансов. Эти лица являются профессионалами в области финансов из неправительственного сектора экономики страны. SEO информирует совет о ситуации на рынке, в особенности в случае принятия важных решений в рамках финансового рынка.

Необходимо также уделить внимание тем организациям, которые находятся в подчинении у SEO. Одной из таких структур является Центральный депозитарий ценных бумаг Ирана (Central Securities Depository of Iran (CSDI). Об был создан в 2005 году в организационно-правовой форме публичного акционерного общества. Данная организация осуществляет полномочия по регистрации, клирингу и расчетов, связанные с акциями, исламскими ценными бумагами (сукук), деривативами, энергетическими контрактами, электроэнергией, товарными продуктами, с помощью полнофункциональной системы регистрации и мультивалютных операций. Перспективы CSDI заключаются в подготовке инфраструктуры, необходимой для повышения эффективности, непрерывности и роста экономики рынков, находящихся под его покровительством. CSDI обеспечивает процветающую и надежную инфраструктуру финансовых инвестиций, способствующую развитию справедливого и прозрачного рынка капитала как в стране, так и во всем мире, гарантируя безопасность и эффективность на финансовом рынке и сохраняя денежные средства инвесторов. Ответственный за решение задач, связанных с посттрейдингом, начиная от депонирования и регистрации ценных бумаг и заканчивая клирингом и расчетами по сделкам, совершаемым на финансовом рынке, CSDI играет важную роль в управлении системными рисками. С этой целью CSDI разработал и запустил услугу Фонда гарантирования расчетов (Settlement Guarantee Fund, SGF), наряду с другими мерами по управлению рисками, связанными с клирингом. Важно учитывать, что информационные технологии являются не только важнейшим элементом в работе CSDI в рамках цифровизации всех процессов в мире.

При рассмотрении специфики осуществления финансово-правового регулирования и финансового контроля в государстве, в котором большинство населения страны исповедует ислам, невозможно не уделить внимание инвестиционной активности на фондовых площадках, которые неразрывно связаны с нормами ислама. Так, говоря о халяльных инвестициях, то стоит заметить, что в Исламской Республике Ирана за последние годы сформировалась особая система привлечения соответствующих инвестиций. Иранский рынок капитала в соответствии с Конституцией Ирана должен соблюдать нормы шариата [10] при предоставлении всех своих финансовых продуктов и при оказании соответствующих услуг. Исходя из этого, на рынке капитала запрещено выпускать или торговать какими-либо финансовыми продуктами, которые противоречат принципам шариата. С юридической точки зрения, в отличие от многих других рынков капитала в мире, иранский рынок ценных бумаг полностью соответствует нормам шариата. Тем не менее, соблюдение норм шариата не ограничивается только рынком капитала, но распространяется и на другие сегменты иранской

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

финансовой системы, где они, по крайней мере, на юридическом уровне, обязаны соблюдать нормы шариата.

Можно выделить несколько видов финансовых инструментов, которые соответствуют нормам шариата [11]:

1. исламские акции: на данный момент акции более 440 компаний зарегистрированы на фондовых биржах и обращаются на них.
2. сукук:

2.1 сукук Иджара: разновидность сукук с фиксированным доходом, приносящая около 20% годовой прибыли;

2.2 сукук Мушарака: сукук с переменным доходом и годовой нормой прибыли в пределах 17-22 % годовых;

2.3 мурабаха сукук: сукук с фиксированным доходом и годовой нормой прибыли около 20% в год;

2.4 сукук Манфа: сукук с переменным доходом и годовой нормой прибыли около 19% годовых.

Отметим, что фьючерсные контракты и опционы, соответствующие нормам шариата, являются вторым основным видом финансовых продуктов. Золотые слитки весом в 1 унцию, катодная медь, золотые монеты, соевый шрот, отдельные акции относятся к числу важных базовых активов на рынке. Инструменты хеджирования на рынке капитала можно разделить на две основные категории:

1. фьючерсные контракты, соответствующие нормам шариата: вскоре после того, как Шариатский комитет SEO ввел необходимые требования шариата к структурированию фьючерсных контрактов, совет директоров SEO объявил правила торговли. Таким образом, первая сделка была заключена в июне 2008 года в качестве базового актива использовались золотые слитки весом в 1 унцию. Позже на рынке фьючерсных контрактов в качестве базовых активов были представлены другие реальные и финансовые активы;
2. опционные контракты, соответствующие шариату: Опционные контракты, являются вторым типом производных финансовых инструментов на рынке, а опционный контракт на основе реального базового актива (например, золотой монетой) появился в декабре 2017 года.

Выводы

Таким образом, исходя из проведенного нами анализа в данном исследовании, можно сделать вывод, что фондовый рынок Ирана функционирует на основе не только норм светского права (финансово-правовых норм), но также и религиозных норм. Данное явление связано со спецификой государственного устройства и тем, что большая часть населения страны исповедуют одну из мировых религий – ислам. Также в связи с тем, что страна многие десятилетия находится под воздействием внешних санкционных ограничений данный пример имеет важнейшее значение для Российской Федерации ввиду введенных против нашей страны санкции [12]. В этой связи поиск лучших мировых практик по обходу этих незаконных рестрикций позволит улучшить наше собственное национальное финансовое законодательство с учетом того факта, что Иран также является партнером России по такому объединению как БРИКС.

Список источников

1. Годме П.М. Финансовое право. М., 1978. 420 с.
2. Paul Marie Gaudemet, Joël Molinier: Finances publiques budget/trèsor Tome I. Montchrestien. 1996. 577 P.
3. René David, Camille Jauffret-Spinosi, Marie Goré: Les grands systèmes de droit contemporains. Dalloz. 2016. 539 p.
4. Грачева Е.Ю. Основные тенденции развития финансового права как публично-правовой отрасли // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 7 (119). С. 17 – 27.
5. Карпов К.А. Финансово-правовое регулирование халяльных инвестиций на рынке ценных бумаг в Российской Федерации // Финансовое право. 2025. № 3. С. 23 – 26.
6. Foreign Investment Tehran Stock Exchange (TSE). URL: https://esklawfirm.com/wp-content/uploads/2020/11/Foreign_Investment_in_Tehran_Stock_Exchange.pdf (дата обращения: 04.03.2026)
7. Iran Economic News. 1975. Vol. 1-4. Iranian Economic Mission. URL: https://books.googleusercontent.com/books/content?req=AKW5Qac8yuvN3olUjxwcpnOa7lwisL (дата обращения: 04.04.2026)
8. World Federation of Exchanges. URL: https://www.world-exchanges.org (дата обращения: 02.07.2025)
9. Central Securities Depository of Iran Legal Environment. URL: https://aecsd.org/upload/docs/iran_legal_information.pdf (дата обращения: 05.05.2026)

10. Конституция Ирана. URL: https://worldconstitutions.ru/?p=83 (дата обращения: 02.07.2025)
11. Development of Islamic Financial Products in Iran's Capital Market. URL: https://islamiceconomist.com/?p=4594 (дата обращения: 02.07.2025)
12. Грачева Е.Ю. Финансовый суверенитет – миф или реальность? // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 7 (107). С. 19 – 26.

References

1. Godme P.M. Financial Law. Moscow, 1978. 420 p.
2. Paul Marie Gaudemet, Joël Molinier: Public Budget Finances/Trèsor Tome I. Montchrestien. 1996. 577 p.
3. René David, Camille Jauffret-Spinosi, Marie Goré: Les grands systèmes de droit contemporains. Dalloz. 2016. 539 p.
4. Gracheva E.Yu. Main Trends in the Development of Financial Law as a Public Law Branch. Bulletin of the O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL). 2024. No. 7 (119). P. 17 – 27.
5. Karpov K.A. Financial and Legal Regulation of Halal Investments in the Securities Market in the Russian Federation. Financial Law. 2025. No. 3. P. 23 – 26.
6. Foreign Investment Tehran Stock Exchange (TSE). URL: https://esklawfirm.com/wp-content/uploads/2020/11/Foreign_Investment_in_Tehran_Stock_Exchange.pdf (date of access: 04.03.2026)
7. Iran Economic News. 1975. Vol. 1-4. Iranian Economic Mission. URL: https://books.googleusercontent.com/books/content?req=AKW5Qac8yuvN3olUjxwcpnOa7lwisL (date of access: 04.04.2026)
8. World Federation of Exchanges. URL: https://www.world-exchanges.org (date of access: 02.07.2025)
9. Central Securities Depository of Iran Legal Environment. URL: https://aecsd.org/upload/docs/iran_legal_information.pdf (date of access: 05.05.2026)
10. Constitution of Iran. URL: https://worldconstitutions.ru/?p=83 (date of access: 02.07.2025)
11. Development of Islamic Financial Products in Iran's Capital Market. URL: https://islamiceconomist.com/?p=4594 (date of access: 02.07.2025)
12. Gracheva E.Yu. Financial Sovereignty – Myth or Reality? Bulletin of the O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL). 2023. No. 7 (107). P. 19 – 26.

Информация об авторе

Карпов К.А., кандидат юридических наук, доцент, Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Karpov.moscow@gmail.com

© Карпов К.А., 2026

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)
УДК 340.131.4(470)
DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-6-25-34

Роль прокуратуры в обеспечении законности функционирования современной безопасной инфраструктуры для детей

[1] Коршунова О.Н.,
[1] Санкт-Петербургский юридический институт,
филиал Университета прокуратуры Российской Федерации

Аннотация: *в статье раскрываются особенности деятельности органов прокуратуры по обеспечению законности функционирования современной безопасной инфраструктуры для детей, которая выступает важной составной частью деятельности прокуратуры на современном этапе. Защита прав ребенка – одна из важнейших задач государства. Ключевым документом стратегического планирования для рассматриваемой сферы правоотношений выступает Стратегия комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года, которая ориентирует все государственные органы на создание безопасных условий для сохранения жизни и здоровья детей, на консолидацию органов публичной власти и гражданского общества в устранении угроз жизни и здоровью детей, их духовному, нравственному и физическому развитию и другие.*

В статье обоснован подход, в соответствии с которым необходимый уровень эффективности прокурорской деятельности может быть обеспечен только при условии комплексного подхода к реализации полномочий надзорного и ненадзорного характера в достижении национальных целей развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года. При этом подчеркивается особое значение использования таких средств прокурорской деятельности, как мониторинг и прокурорская проверка. Рассмотрены особенности проверки исполнения законов объектами социальной инфраструктуры для детей, а также организациями независимо от организационно-правовых форм и форм собственности, деятельность которых осуществляется в целях обеспечения полноценной жизни, охраны здоровья, образования, отдыха и оздоровления, развития детей, удовлетворения их общественных потребностей.

Ключевые слова: *прокурорская деятельность, мониторинг, прокурорская проверка, законность, инфраструктура для детей*

Для цитирования: Коршунова О.Н. Роль прокуратуры в обеспечении законности функционирования современной безопасной инфраструктуры для детей // International Law Journal. 2026. Том 9. № 6. С. 25 – 34. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-6-25-34

Поступила в редакцию: 7 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 4 августа 2026 г.; Принята к публикации: 2 октября 2026 г.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

The role of the prosecutor's office in ensuring the lawful operation of modern safe infrastructure for children

[1] Korshunova O.N.,
[1] Saint Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

Abstract: *the article reveals the specific features of the activities of prosecution authorities in ensuring the legality of the functioning of modern safe infrastructure for children, which is an important component of the activities of the prosecution authorities at the present stage. Protecting children's rights is one of the most important tasks of the state. The key strategic planning document for the sphere of legal relations under consideration is the Strategy for the Comprehensive Safety of Children in the Russian Federation for the Period up to 2030, which directs all state bodies toward creating safe conditions for preserving the life and health of children, toward consolidating public authorities and civil society in eliminating threats to the life and health of children and to their spiritual, moral and physical development, among other things.*

The article substantiates an approach according to which the required level of effectiveness of prosecutorial activity can be ensured only through an integrated approach to exercising powers of a supervisory and non-supervisory nature in achieving the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030 and for the outlook up to 2036. At the same time, the special importance of using such means of prosecutorial activity as monitoring and prosecutorial inspection is emphasized. The article examines the specific features of verifying compliance with laws by social infrastructure facilities for children, as well as by organizations regardless of their organizational and legal forms and forms of ownership, whose activities are carried out for the purpose of ensuring a full life, health protection, education, recreation and health improvement, children's development, and the satisfaction of their social needs.

Keywords: *prosecutorial activity, monitoring, prosecutorial inspection, legality, infrastructure for children*

For citation: Korshunova O.N. The role of the prosecutor's office in ensuring the lawful operation of modern safe infrastructure for children. International Law Journal. 2026. 9 (6). P. 25 – 34. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-6-25-34

The article was submitted: July 7, 2026; Approved after reviewing: August 4, 2026; Accepted for publication: October 2, 2026.

Введение

Обеспечение безопасности детей в различных сферах жизнедеятельности выступает важной составной частью деятельности органов прокуратуры на современном этапе. Именно поэтому указанный круг вопросов постоянно находится в поле зрения ученых и практиков не только в Российской Федерации [1; 2; 3], но и в Республике Беларусь [4]. Защита прав ребенка – одна из важнейших задач государства. Государственная политика основывается на обеспечении единства прав и обязанностей, ответственности должностных лиц и граждан за нарушение прав и законных интересов несовершеннолетнего, причинение ему вреда, создает условия для охраны и защиты этих прав [5]. Ключевым документом стратегического планирования для рассматриваемой сферы правоотношений выступает Стратегия комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года. Применительно к созданию и развитию безопасной инфраструктуры для детей важными положениями Стратегии являются ориентированность на создание безопасных условий для сохранения жизни и здоровья детей, на развитие системы дополнительного образования, которое способствует снижению уровня вовлечения детей в криминальную среду, консолидацию органов публичной власти и гражданского общества в устранении угроз жизни и здоровью детей, их духовному, нравственному и физическому развитию и другие.

В Стратегии подчеркивается, что состояние современной инфраструктуры для детей, представляющей собой систему объектов (зданий, сооружений), созданных в целях обеспечения полноценной жизни, охраны здоровья, обучения, воспитания, отдыха и оздоровления детей, удовлетворения иных потребностей детей и семей, имеющих детей, с каждым годом все больше соответствует всем требованиям безопасности и доступности, в том числе для маломобильных категорий граждан. Вместе с тем важно понимать, что сохраняются проблемы, связанные со строительством новых объектов и капитальным ремонтом имеющихся в

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

целях обеспечения достаточности и безопасности инфраструктуры для детей в различных сферах жизнедеятельности.

Материалы и методы исследований

В работе использованы опубликованные статистические данные и материалы практики осуществления прокурорской деятельности различных субъектов Российской Федерации. Материалами исследования послужили также федеральное законодательство, а также подзаконные акты, регулирующие общественные отношения в сфере создания и функционирования современной безопасной инфраструктуры для детей. В процессе исследования использованы общие методы формальной логики: анализ, синтез, индукция, дедукция, обобщение, аналогия, сравнение, а также метод анализа документов и официальных материалов и другие.

Результаты и обсуждения

В целях определения роли прокуратуры в обеспечении законности формирования и функционирования современной безопасной инфраструктуры для детей подчеркнем, что необходимый уровень эффективности соответствующей деятельности может быть обеспечен только при условии комплексного подхода к реализации полномочий надзорного и ненадзорного характера. Однако, поскольку наиболее распространенным средством прокурорской деятельности остается прокурорская проверка [6; 7; 8], реализуемая в рамках надзора за исполнением законов в соответствующей сфере правоотношений, то представляется целесообразным остановиться прежде всего на той роли, которую органы прокуратуры играют в рассматриваемой сфере при реализации полномочий надзорного характера [9].

Прокурорский надзор за исполнением законов при формировании и развитии инфраструктуры для детей должен обеспечить достижение таких национальных целей развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года, как:

а) сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи;

б) реализация потенциала каждого человека, развитие его талантов, воспитание патриотичной и социально ответственной личности;

в) комфортная и безопасная среда для жизни.

В соответствии с Законом № 124-ФЗ ребенок – это лицо до достижения им возраста 18 лет (совершеннолетия), однако, применительно к вопросам создания и развития инфраструктуры для детей следует учитывать, что пользователями объектов указанной инфраструктуры могут выступать и совершеннолетние лица. Кроме того, во всех сегментах рассматриваемой инфраструктуры должны быть обеспечены дополнительные условия и гарантии безопасности для детей-инвалидов и детей с ограниченными возможностями здоровья. Именно поэтому развитие современной безопасной инфраструктуры для детей, формирование условий для активного участия детей, в том числе детей-инвалидов и детей с ограниченными возможностями здоровья, в жизни общества определено в качестве одного из направлений реализации государственной политики в сфере обеспечения безопасности детей.

Кроме того, при проведении проверок следует исходить из того, что в соответствии с указанным Законом в качестве объектов социальной инфраструктуры для детей следует рассматривать систему объектов (зданий, строений, сооружений), необходимых для жизнеобеспечения детей, а также организаций независимо от организационно-правовых форм и форм собственности, которые оказывают социальные услуги гражданам, в том числе детям, и деятельность которых осуществляется в целях обеспечения полноценной жизни, охраны здоровья, образования, отдыха и оздоровления, развития детей, удовлетворения их общественных потребностей.

Следовательно, к таким объектам следует относить объекты капитального строительства для сферы:

– образования – здания и части зданий для размещения детских садов, школ, лицеев, колледжей и высших учебных заведений;

– охраны здоровья (поликлиники, детские больницы, фельдшерско-акушерские пункты и др.);

– развития физического здоровья и спорта (спортивные площадки, стадионы и т.д.); и др.

В качестве предмета прокурорской проверки могут выступать соблюдение Конституции РФ и федеральных законов, регулирующих строительство и содержание сооружений для отдыха и оздоровления детей – для функционирования организаций (независимо от организационно-правовых форм) сезонного или круглогодичного действия, стационарного и (или) нестационарного типа, с круглосуточным или дневным пребыванием, оказывающих услуги по организации отдыха и оздоровления детей (лагерей, организованных образовательными организациями, детских лагерей труда и отдыха, детских лагерей палаточного типа и различной тематической направленности).

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Результаты изучения материалов прокурорской практики свидетельствуют об эффективности использования ежедневного мониторинга соблюдения прав и свобод несовершеннолетних, в т.ч. и в сфере создания и функционирования безопасной инфраструктуры для детей.

Применительно к надзору за исполнением законов в целях обеспечения безопасности инфраструктуры в части *объектов сферы образования* акценты должны быть расставлены с учетом того, что при характеристике проблем, обусловивших необходимость разработки и реализации программы «Модернизация школьных систем образования», утв. совместным приказом министров просвещения и строительства и жилищного хозяйства РФ от 19 января 2022 г. № 15/25, подчеркивается, что особое внимание должно быть уделено созданию и развитию достаточной и безопасной системы объектов.

По сведениям на 1 января 2021 г. в пользовании 39,2 тыс. государственных и муниципальных общеобразовательных организаций находились 67 412 зданий и обособленных помещений, из которых 7 211 объектов (10,7%) требовали капитального ремонта. При этом в 10 субъектах Российской Федерации количество нуждающихся в капитальном ремонте зданий школ превышают 25% и еще в 21 субъекте – оно составляет свыше 15%.

Следует признать, что сложившаяся ситуация способствует снижению качества организации и осуществления образовательного процесса в рассматриваемых общеобразовательных организациях, создает неравные образовательные и инфраструктурные возможности для обучающихся в таких общеобразовательных организациях, оказывает демотивирующее воздействие на обучающихся и работников соответствующих общеобразовательных организаций, а в ряде случаев содержит потенциальные риски для комплексной безопасности обучающихся [10].

В качестве цели программы была определена необходимость приведения в нормативное техническое состояние не менее 7300 зданий (обособленных помещений) общеобразовательных организаций с распределением по годам. Однако, при этом следует учитывать обоснованный прогноз появления еще некоторого количества объектов, которые потребуют капитального ремонта с учетом сроков их эксплуатации. Это подтверждают и сведения о темпах реализации указанной программы, приведенные министром просвещения Кравцовым С.С. на совещании о ходе реализации программы капитального ремонта школ, проведенном Президентом РФ Путиным В.В. 20.02.2024 г.[11] Работы по созданию и обновлению объектов образования выполняются в рамках стартовавших в 2025 году по поручению Президента России национальных проектов «Молодежь и дети» и «Семья».

Вместе с тем, судя по уточненным данным, некоторые регионы занижали масштаб проблемы. В результате было установлено, что после 2026 года будут требовать обновления еще 11 тысяч школьных зданий [12]. Таким образом, следует сделать вывод о том, что для эффективной организации надзора за исполнением законов в рассматриваемом сегменте прокурорам необходимо на системной основе уточнять данные о наличии достаточного количества объектов образования, о темпах строительства новых объектов и о состоянии ранее построенных. Еще одним эффективным средством выявления типичных нарушений прав и законных интересов детей в рассматриваемой сфере (нарушения сроков, в том числе, промежуточных, строительства и капитального ремонта школ и детских садов) представляется системный мониторинг ситуации на поднадзорных объектах.

Результаты изучения материалов прокурорской практики и анализа выявляемых нарушений свидетельствуют о том, что имеется необходимость возвращения в качестве лицензионного требования на оказание образовательных услуг наличие заключения Госпожнадзора о соответствии вновь введенного в эксплуатацию объекта образования обязательным требованиям пожарной безопасности. В соответствии со вступившим в силу с 01.01.2021 г. Положением о лицензировании образовательной деятельности, утвержденным постановлением Правительства РФ от 18.09.2020 № 1490, была исключена обязанность предоставления лицензиатом в лицензирующий орган информации о выдаче контрольно-надзорным органом такого заключения. Более того, изменения, внесенные Постановлением Правительства РФ от 27.01.2026 № 52, которые вступают в силу с 1 сентября 2026 года также не содержат такого требования, что повышает риски соответствующих нарушений закона. В ряде регионов нарушения правил противопожарной безопасности прокурорами выявляются еще при проектировании, экспертизе проектной документации, строительстве и вводе их в эксплуатацию объектов образовательной инфраструктуры, а также при проведении их капитального ремонта.

В свою очередь при проверке исполнения законов *в процессе эксплуатации зданий и сооружений* прокурорам следует обращать внимание прежде всего на такие типичные нарушения, как:

– осуществление образовательной деятельности в здании, имеющем недостатки качества ремонтных работ;

– несоблюдение требований антитеррористической защищенности и пропускного режима, видеонаблюдения, – отсутствие и несвоевременная актуализация паспортов безопасности;

– нарушение установленных правил охраны; – нарушения правил пожарной безопасности (неисправность пожарной сигнализации и систем дымоудаления, захламление и неисправность эвакуационных выходов);

– отсутствие необходимого оборудования [13];

– переоборудование спортивных залов в учебные классы.

В ряде регионов выявляются нарушения, связанные с:

– непроведением периодических обходов и осмотров территории образовательных организаций;

– не проведением процедур категорирования и паспортизации объектов образования;

– нарушение процедуры реорганизации и ликвидации организаций системы образования.

При оценке доступности инфраструктуры для детей в сфере образования прокурорами выявляются также следующие наиболее типичные нарушения: – отсутствие доступной среды в образовательных организациях для обучения детей-инвалидов, в том числе с нарушениями функций опорно-двигательного аппарата, отсутствие информационных указателей о наличии препятствия для людей со слабым зрением, отсутствие индукционных петель и звукоусиливающей аппаратуры. Самостоятельный блок нарушений может быть выявлен в связи с отсутствием средств снижения скорости автомобилей и (или) противотаранных устройств вблизи расположения объектов образования. Важной составляющей надзорной деятельности органов прокуратуры должны выступать проверки исполнения законов при создании и развитии достаточного количества объектов и для реализации дополнительных программ образования детей.

Определенные возможности для создания, совершенствования и развития инфраструктуры для детей предоставляет реализация федеральных проектов «Все лучшее детям» и «Создание сети современных кампусов», что обусловливает необходимость уделять должное внимание обеспечению законности реализации указанных проектов в регионах.

В свою очередь при определении наиболее значимых составляющих надзора за исполнением законов при создании и развитии системы *объектов охраны здоровья детей* следует уделять внимание соблюдению требований закона при формировании и актуализации соответствующего перечня, исходя из того, что медицинская организация – это юридическое лицо независимо от организационно-правовой формы, осуществляющее в качестве основного (уставного) вида деятельности медицинскую деятельность на основании соответствующей лицензии. При этом необходимо учитывать, что в современных условиях постоянно расширяется перечень иных юридических лиц, которые наряду с основной (уставной) деятельностью осуществляют также медицинскую деятельность. Проведение проверок указанных организаций следует планировать и проводить принимая во внимание, что к таким организациям в части, касающейся медицинской деятельности, применяются те же нормы законодательства, что и к медицинским организациям (п. 11 ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», далее – ФЗ № 323-ФЗ). Поэтому на каждом из объектов, используемых для оказания медицинских услуг детям, должен оцениваться уровень обеспечения безопасных условий.

При проверке исполнения законов медицинскими организациями следует также учитывать, что оценке подлежат также доступность и качество медицинской помощи, которые в соответствии с частью 1 статьи 10 ФЗ № 323-ФЗ обеспечиваются, в том числе, установлением в соответствии с законодательством Российской Федерации требований [14] к размещению медицинских организаций государственной и муниципальной системы здравоохранения, а также иных объектов инфраструктуры в сфере здравоохранения; транспортной доступности медицинских организаций для всех групп населения, в том числе инвалидов и других групп населения с ограниченными возможностями передвижения. Проверке подлежат также возможность беспрепятственного и бесплатного использования медицинским работником средств связи или транспортных средств для перевозки пациента в ближайшую медицинскую организацию в случаях, угрожающих его жизни и здоровью; оснащенность медицинских организаций оборудованием для оказания медицинской помощи с учетом особых потребностей инвалидов и других групп населения с ограниченными возможностями здоровья; а также возможность применения телемедицинских технологий, определяемых в соответствии с п. 22 ч. 1 ст. 2 ФЗ № 323-ФЗ.

Особенности проведения проверок исполнения законов в части создания и функционирования объектов медицинской инфраструктуры для детей определяются в зависимости от характера оказываемой помощи. Так, *первичная медико-санитарная помощь* оказывается: в амбулаторных условиях; в условиях дневного стационара или стационара. Принимая во внимание, что первичная медико-санитарная помощь может ока-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

зываться по месту пребывания детей в организациях отдыха и оздоровления, самостоятельный круг вопросов при проверке должен быть посвящен полноте и своевременности создания соответствующих условий для оказания такой помощи.

Созданию условий для своевременного оказания надлежащей медицинской помощи детям должно уделяться особое внимание [15]. По данным Минздрава общая смертность детей в возрасте от 0 до 17 лет снизилась на 61,5% в период с 2012 по 2025 год (в расчете на 100 тысяч детей соответствующего возраста). При этом отмечается также сокращение разрыва в младенческой смертности между городом и селом, уменьшившееся в пять раз.[16] Однако, и сегодня детская смертность остается достаточно высокой. Приведенные данные свидетельствуют о необходимости активизировать меры по выявлению нарушений в сфере создания и обеспечения эффективного функционирования инфраструктуры для детей в сфере здравоохранения.

В ходе проверок исполнения законов при создании и функционировании инфраструктуры для детей в сфере здравоохранения помимо выявления нарушений, связанных с несоблюдением сроков строительства и капитального ремонта зданий, в которых располагаются медицинские организации, в том числе, стационарного типа, выявляются также факты недостаточного оснащения этих организаций медицинским оборудованием.

Результаты изучения материалов прокурорской практики свидетельствуют также о необходимости на системной основе планировать и проводить проверки исполнения в медицинских организациях требований по доступности указанных объектов для детей-инвалидов, в том числе с нарушениями функций опорно-двигательного аппарата, с ограниченными возможностями слуха и зрения.

Сказанное выше в полной мере относится к необходимости планировать и проводить проверки исполнения законов и соблюдения прав несовершеннолетних, пребывающих в стационарных учреждениях социального обслуживания для детей-инвалидов, домах ребенка, организациях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Наступательностью сегодня характеризуется надзор за исполнением законов и соблюдением прав несовершеннолетних *в сфере физической культуры и спорта*. Однако имеющаяся информация свидетельствует о том, что в части надзора за исполнением законов *при создании и функционировании инфраструктуры для занятий физической культурой и спортом* проверки исполнения законов практически не проводятся. В целях обеспечения необходимого уровня законности в рассматриваемой сфере прокурорам следует оценивать достаточность количества соответствующих объектов с учетом их дифференциации в зависимости от того, в чьей собственности или оперативном управлении они находятся. В едином контексте оценивать законность деятельности федераций спорта, спортивных школ, врачебно-физкультурных диспансеров.

С учетом того, что при проверке исполнения законов при создании и функционировании инфраструктуры для занятий физической культурой и спортом в определенной мере может быть использован опыт проведения проверок объектов образования и медицины, представляется необходимым также на системной основе планировать и проводить проверки состояния объектов спортивной инфраструктуры для детей, в том числе, с ограниченными возможностями здоровья. Тем более, что соответствующие площадки и стадионы находятся, в том числе, на территории образовательных организаций.

С организационной точки зрения важным представляется совершенствование не только внешнефункциональной, но и внутрифункциональной деятельности органов прокуратуры и прежде всего в части определения целесообразных форм взаимодействия прокуратур различных субъектов Российской Федерации для совместной реализации полномочий в рассматриваемой сфере с учетом того, что тренировочные сборы и мероприятия для спортсменов, например, проводятся на спортивных базах, которые расположены в различных регионах.

Более существенное внимание органами прокуратуры в последние годы справедливо уделяется вопросам создания и функционирования *инфраструктуры для отдыха детей*.

Несмотря на то, что в соответствии с Федеральным законом от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» (далее – ФЗ № 124-ФЗ) в регионах ведутся Реестры организаций отдыха и оздоровления детей, при проведении проверок выявляются организации, не включенные в указанные реестры, однако, оказывающие соответствующие услуги. При выявлении таких фактов прокурорам одновременно необходимо решать вопрос и об ответственности работников уполномоченного органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации в сфере организации отдыха и оздоровления детей (ч. 2 ст. 12.1 ФЗ № 124-ФЗ).

При определении круга вопросов, подлежащих проверке, необходимо иметь в виду, что в ходе прокурорских проверок выявлялись нарушения требований к антитеррористической защищенности и пожарной

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

безопасности объектов, санитарно-эпидемиологического законодательства. Были выявлены случаи функционирования объектов летнего отдыха с неисполненными предписаниями отделов надзорной деятельности и профилактической работы территориальных ГУ МЧС.

Кроме того, не во всех субъектах Российской Федерации прокурорами еще проводятся проверки транспортной доступности объектов отдыха и оздоровления несовершеннолетних, в ходе которых также могут быть выявлены нарушения прав детей.

Самостоятельный интерес представляет практика проверки лигитимности формирования и функционирования инфраструктуры для отдыха детей, созданная в порядке реализации прав многодетных семей и семей, имеющих детей, на получение дополнительной меры социальной поддержки в виде предоставления дачных помещений в соответствии с законодательством, действующим в регионах. В ходе проверок выявляются факты ненадлежащего содержания дачных помещений и придомовых территорий, отсутствия контроля за арендаторами и др.

Самостоятельного внимания требует исполнение законов и соблюдение прав несовершеннолетних на водных объектах. В данном контексте важно своевременно выявлять бесхозяйные гидротехнические сооружения и принимать меры по обеспечению безопасности на них детей и молодежи (постановка на учет и регистрация права собственности), чтобы обеспечить возможность использования также ненадзорных средств прокурорского воздействия (использование прежде всего полномочий по обращению в суд).

Не должно оставаться без постоянного прокурорского внимания и соблюдение требований законодательства об охране жизни и здоровья детей *на детских игровых и спортивных площадках, стадионах, в парках и скверах, а также на аттракционах.*

Велико значение работы в рассматриваемом направлении, поэтому заслуживает поддержки опыт создания межведомственной комиссии по обследованию детских игровых и спортивных площадок, проведению дополнительного обследования таких объектов, разработке дорожных карт по ликвидации не отвечающих требованиям безопасности объектов детской игровой инфраструктуры, не имеющих собственника, и приведению в соответствие с требованиями законодательства детских игровых и спортивных площадок, находящихся в муниципальной собственности.

При планировании проверок следует учитывать, что к числу типичных нарушений, выявляемых в ходе прокурорской деятельности, относятся:

– *неопределенность правового статуса площадок*: нарушения правил постановки на учет и баланс в органах местного самоуправления или управляющей организации;

– *несоответствие оборудования требованиям технического регламента* Евразийского экономического союза [17];

– отсутствие ограждения, покрытия и освещения внутридворовых спортивных площадок, неисправное спортивное оборудование; - отсутствие ударопоглощающего покрытия, в т.ч. в зонах приземления;

– *неудовлетворительное состояние оборудования*: дефекты элементов, требующие ремонта и замены отдельных конструкций, комплектующих;

– частичное разрушение элементов оборудования, деформация, а также нарушение конструкции (некомплект), наличие опасных элементов в границах детских игровых площадок, в т.ч. опасные бетонные конструкции, открытый электросчетчик и др.; наличие элементов оборудования из древесины с дефектами, отсутствие защиты на выступающих концах болтовых соединений на игровых формах и элементах конструкций и т.д.); - нарушение лакокрасочного слоя и (или) его отсутствие, следы коррозии;

– *нарушения при эксплуатации детских игровых площадок*:

– ненадлежащее обслуживание и содержание детских площадок многоквартирных жилых домов, аттракционной техники; - обследования площадок не надлежащим лицом (непрошедшим обучение и не обладающим специальными познаниями в сфере обеспечения безопасной эксплуатации таких объектов;

– нарушения правил осмотра и обслуживания, не исполнение обязанности по содержанию и эксплуатации таких объектов уполномоченными должностными лицами.

В рамках нацпроекта «Инфраструктура для жизни» запланировано благоустройство 30 тыс. пространств, реализация 1,6 тыс. проектов-победителей Всероссийского конкурса лучших проектов формирования комфортной городской среды [18]. Важно, чтобы прокурорами и при реализации данного нацпроекта был обеспечен необходимый уровень законности, поскольку достижение поставленных целей реализации национальных проектов является одним из существенных приоритетов для органов прокуратуры [19].

В свою очередь при проведении проверок исполнения законов и соблюдения прав несовершеннолетних при эксплуатации аттракционов также выявлялись нарушения, связанные с отсутствием: регистрации в органе Гостехнадзора; учета и контроля единовременной вместимости аттракциона; журнала учета допуска

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

оборудования к эксплуатации, средств для измерения антропометрических данных пользователей и др.

Поскольку аналогичные нарушения выявляются также в состоянии детских игровых площадок на территории дошкольных и общеобразовательных учреждений, соответствующий круг вопросов должен изучаться при проведении проверок исполнения законов на указанных объектах.

Выводы

Таким образом, следует отметить, что только комплексное использование полномочий надзорного и ненадзорного характера способно обеспечивать должный уровень безопасности инфраструктуры для детей, только системный подход во внешнефункциональной и внутрифункциональной деятельности гарантирует необходимый уровень эффективности достижения целей, стоящих перед органами прокуратуры на современном этапе в части реализации государственной политики по созданию условий для охраны и защиты прав детей на безопасную инфраструктуру для жизни.

Список источников

1. Ермаков А.В. Организация прокурорского надзора в сфере защиты прав несовершеннолетних: автореф. дис. …канд.юрид. наук. Москва, 2007. 23 с.

2. Арутюнян А.С. Прокурорский надзор за исполнением законодательства о несовершеннолетних: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2011. 29 с.

3. Защита прокурором прав несовершеннолетних: практическое пособие: кол-в авторов / под ред. д.ю.н., проф. О.Н. Коршуновой. М.: "Юстиция", 2021. 587 с.

4. Швед А.И. Роль органов прокуратуры Республики Беларусь в защите прав несовершеннолетних // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2024. № 6 (104). С. 9 – 12.

5. https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/activity/protecting_children/?ysclid=msvqtpsjlg348695229

6. Коршунова О.Н., Лавров В.В., Никитин Е.Л. и др. Средства прокурорской деятельности: проблемы теории и практики: монография. Москва: Русайнс, 2019. 268 с.

7. Коршунова О.Н., Исламова Э.Р., Мурашкин И.Ю. и др. Методика и тактика прокурорских проверок: учебное пособие / под ред. О.Н. Коршуновой. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2025. 1 CD-R (1,47 Мб). ISBN 978-5-6054271-7-9.

8. Мирошникова А.А. Некоторые вопросы возникновения и развития института проведения прокурором проверок исполнения законов // КриминалистЪ. 2026. № 1 (54). С. 106 – 112.

9. Шерашенкова Е.А., Федоскин Н.Н. К вопросу о целях и задачах прокурорского надзора за соблюдением законов о несовершеннолетних и молодежи // Вестник экономики и права. 2026. № 118. С. 91 – 99.

10. Об утверждении программы «Модернизация школьных систем образования»: приказ министра просвещения РФ и министра строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ от 19.01.2022 № 15/25пр. URL: https://www.consultant.ru

11. http://www.kremlin.ru/events/president/news/73508

12. http://www.kremlin.ru/events/president/news/73508

13. Об утверждении перечня средств обучения и воспитания, соответствующих современным условиям обучения, необходимых при оснащении общеобразовательных организаций в целях реализации мероприятий государственной программы Российской Федерации «Развитие образования», направленных на содействие созданию (создание) в субъектах Российской Федерации новых (дополнительных) мест в общеобразовательных организациях, модернизацию инфраструктуры общего образования, школьных систем образования, критериев его формирования и требований к функциональному оснащению общеобразовательных организаций»: приказ Минпросвещения России от 28.11.2024 № 838./ URL: https://www.consultant.ru

14. О Требованиях к размещению медицинских организаций государственной системы здравоохранения и муниципальной системы здравоохранения исходя из потребностей населения: приказ Минздрава России от 27.02.2016 № 132н. URL: https://www.consultant.ru

15. Иванова Е.Ф. Защита прокурором прав несовершеннолетних на оказание медицинской помощи в образовательных организациях // КриминалистЪ. 2025. № 3 (52). С. 122 – 131.

16. https://woman.rambler.ru/children/54751133-minzdrav-ozvuchil-novye-dannye-po-detskoy-smertnosti-v-rossii/; https://www.kommersant.ru/doc/7888974 (дата обращения: 14.06.2026)

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

17. Решение Комиссии Таможенного союза от 23.09.2011 N 797 (ред. от 14.03.2023) "О принятии технического регламента Таможенного союза "О безопасности продукции, предназначенной для детей и подростков" (вместе с "ТР ТС 007/2011. Технический регламент Таможенного союза. О безопасности продукции, предназначенной для детей и подростков") с учетом Решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 13.12.2022 N 195 "О порядке введения в действие изменений в технический регламент Таможенного союза "О безопасности продукции, предназначенной для детей и подростков" (ТР ТС 007/2011)". URL: https://www.consultant.ru

18. https://www.minstroyrf.gov.ru/press/sovremennye-igrovye-ploshchadki-v-ramkakh-natsproekta-infrastruktura-dlya-zhizni-stanovyatsya-tsentr/ (дата обращения: 14.06.2026)

19. Данилов Д.Ю., Бут Н.Д. Обеспечение законности в сфере реализации национальных проектов средствами прокурорского надзора // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2021. № 1 (81). С. 12 – 18.

References

1. Ermakov A.V. Organization of prosecutorial supervision in the sphere of protection of the rights of minors: author's abstract. diss. ... candidate of legal sciences. Moscow, 2007. 23 p.

2. Arutyunyan A.S. Prosecutor's supervision over the implementation of legislation on minors: problems of theory and practice: author's abstract. diss. ... candidate of legal sciences. Moscow, 2011. 29 p.

3. Protection of the rights of minors by the prosecutor: a practical guide: number of authors. edited by Doctor of Law, prof. O.N. Korshunova. Moscow: "Yustitsia", 2021. 587 p.

4. Shved A.I. The role of the prosecutor's offices of the Republic of Belarus in protecting the rights of minors. Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. 2024. No. 6 (104). P. 9 – 12.

5. https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/activity/protecting_children/?ysclid=msvqtpsjlg348695229

6. Korshunova O.N., Lavrov V.V., Nikitin E.L. et al. Means of prosecutorial activity: problems of theory and practice: monograph. Moscow: Rusains, 2019. 268 p.

7. Korshunova O.N., Islamova E.R., Murashkin I.Yu. et al. Methodology and tactics of prosecutorial inspections: a tutorial. edited by O.N. Korshunova. St. Petersburg: St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, 2025. 1 CD-R (1.47 MB). ISBN 978-5-6054271-7-9.

8. Miroshnikova A.A. Some issues of the emergence and development of the institution of prosecutorial inspections of law enforcement. Kriminalist. 2026. No. 1 (54). P. 106 – 112.

9. Sherashenkova E.A., Fedoskin N.N. On the issue of the goals and objectives of prosecutorial supervision over compliance with laws on minors and youth. Bulletin of Economics and Law. 2026. No. 118. P. 91 – 99.

10. On approval of the program “Modernization of school education systems”: order of the Minister of Education of the Russian Federation and the Minister of Construction, Housing and Communal Services of the Russian Federation dated January 19, 2022 No. 15/25pr. URL: https://www.consultant.ru

11. http://www.kremlin.ru/events/president/news/73508

12. http://www.kremlin.ru/events/president/news/73508

13. On approval of the list of teaching and educational tools that meet modern learning conditions, necessary for equipping general education organizations for the purpose of implementing the activities of the state program of the Russian Federation “Education Development”, aimed at facilitating the creation (creation) of new (additional) places in general education organizations in the constituent entities of the Russian Federation, the modernization of the infrastructure of general education "On the Requirements for the Placement of Medical Organizations of the State Healthcare System and the Municipal Healthcare System Based on the Needs of the Population: Order of the Ministry of Health of Russia dated February 27, 2016 No. 132n. URL: https://www.consultant.ru

15. Ivanova E.F. "Protection of the Rights of Minors to Medical Care in Educational Organizations by the Prosecutor". Kriminalist. 2025. No. 3 (52). P. 122 – 131.

16. https://woman.rambler.ru/children/54751133-minzdrav-ozvuchil-novye-dannye-po-detskoy-smertnosti-v-rossii/; https://www.kommersant.ru/doc/7888974 (date of access: 14.06.2026)

17. Decision of the Customs Union Commission of 23.09.2011 N 797 (as amended on 14.03.2023) "On the adoption of the technical regulations of the Customs Union "On the safety of products intended for children and adolescents" (together with "TR CU 007/2011. Technical regulations of the Customs Union. On the safety of products intended for children and adolescents"), taking into account the Decision of the Board of the Eurasian Economic Commission of 13.12.2022 N 195 "On the procedure for introducing amendments to the technical regulations of the Customs Union "On the safety of products intended for children and adolescents" (TR CU 007/2011)". URL: https://www.consultant.ru

18. https://www.minstroyrf.gov.ru/press/sovremennye-igrovye-ploshchadki-v-ramkakh-natsproekta-infrastruktura-dlya-zhizni-stanovyatsya-tsentr/ (date of access: 14.06.2026)

19. Danilov D.Yu., But N.D. Ensuring the Lawfulness of the Implementation of National Projects by Means of Prosecutor's Supervision. Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. 2021. No. 1 (81). P. 12 – 18.

Информация об авторе

Коршунова О.Н., доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой, Санкт-Петербургский юридический институт, филиал Университета прокуратуры Российской Федерации, olga_korshunova1@mail.ru

© Коршунова О.Н., 2026

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)
УДК 343.244
DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-6-35-41

Институт пробации в отношении несовершеннолетних в России: проблемы правового регулирования и векторы развития

[1] Середа С.П.,
[1] Вологодский институт права и экономики ФСИН России

Аннотация: *в представленной научной статье анализируются проблемы правового регулирования применения института пробации к несовершеннолетним осуждённым в Российской Федерации. Автор обращает внимание на отсутствие в Федеральном законе «О пробации в Российской Федерации» специальных норм, учитывающих возрастные, психологические и педагогические особенности несовершеннолетних, а также на противоречие между декларируемой добровольностью пробации и фактической обязательностью её мероприятий для лиц, отбывающих наказание в воспитательных колониях. На основе анализа научных позиций и нормативных актов обосновывается необходимость внесения изменений в законодательство, включая введение специальной главы о пробации несовершеннолетних, закрепление участия законных представителей в пробационных процедурах, разграничение обязательных исправительных и факультативных пробационных мероприятий, а также отказ от заявительного порядка применительно к несовершеннолетним институтта пробации. Предлагаемые изменения направлены на формирование эффективной системы ресоциализации несовершеннолетних, основанной на принципах восстановительного подхода и международных стандартах. Реализация предложенных мер позволит повысить эффективность пробационной деятельности и снизить уровень рецидивной преступности среди несовершеннолетних. Представленные выводы могут быть использованы при совершенствовании законодательства и разработке методических рекомендаций для правоприменителей.*

Ключевые слова: *пробация, несовершеннолетние осуждённые, ресоциализация, правовое регулирование, индивидуальная программа, законные представители, воспитательные колонии*

Для цитирования: Середа С.П. Институт пробации в отношении несовершеннолетних в России: проблемы правового регулирования и векторы развития // International Law Journal. 2026. Том 9. № 6. С. 35 – 41. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-6-35-41

Поступила в редакцию: 7 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 4 августа 2026 г.; Принята к публикации: 2 октября 2026 г.

The Institute of Juvenile Probation in Russia: problems of legal regulation and development vectors

[1] Sereda S.P.,
[1] Vologda Institute of Law and Economics of the FPS of Russia

Abstract: *the presented scientific article analyzes the problems of legal regulation of the application of the institute of probation to minors in the Russian Federation. The author draws attention to the absence in the Federal Law "On Probation in the Russian Federation" of special norms that take into account the age, psychological and pedagogical characteristics of minors, as well as the contradiction between the declared voluntary nature of probation and the actual obligation of its activities for persons serving sentences in educational colonies. Based on the analysis of scientific positions and regulations, the need for amendments to legislation is justified, including the introduction of a special chapter on juvenile probation, the consolidation of the participation of legal representa-*

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

tives in probation procedures, the differentiation of mandatory correctional and optional probation measures, as well as the rejection of the application procedure for minors in the institution of probation. The proposed changes are aimed at forming an effective juvenile rehabilitation system based on the principles of a restorative approach and international standards. The implementation of the proposed measures will improve the efficiency of probation activities and reduce the rate of recidivism among minors. The presented conclusions can be used in improving legislation and developing methodological recommendations for law enforcement agencies.

Keywords: *probation, juvenile convicts, re-socialization, legal regulation, individual program, legal representatives, educational colonies*

For citation: Sereda S.P. The Institute of Juvenile Probation in Russia: problems of legal regulation and development vectors. International Law Journal. 2026. 9 (6). P. 35 – 41. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-6-35-41

The article was submitted: July 7, 2026; Approved after reviewing: August 4, 2026; Accepted for publication: October 2, 2026.

Введение

Принятие Федерального закона от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» (далее – Закона о пробации) ознаменовало качественно новый этап в развитии уголовно-исполнительной политики России, взявшей курс на гуманизацию и ресоциализацию лиц, вступивших в конфликт с законом. Закон был задуман как механизм, призванный преодолеть ограниченность существующей системы уголовно-исполнительных инспекций, традиционно ориентированной на административный контроль, и создать условия для коррекции социального поведения, ресоциализации и социальной адаптации осуждённых.

Однако, как справедливо отмечает М.И. Муркштис, эффективная борьба с преступностью возможна не через изоляцию, а через понимание её причин и целенаправленное изменение поведенческих и социальных паттернов личности [2, с. 27]. Этот тезис приобретает особое значение в отношении несовершеннолетних, личность которых находится в стадии формирования, а противоправное поведение часто является следствием неблагоприятных социальных условий, а не глубинной криминальной направленности.

Несмотря на несомненную прогрессивность Закона о пробации, его анализ выявляет существенный пробел: в тексте закона не содержится ни одной нормы, непосредственно касающейся несовершеннолетних осуждённых. Законодатель не предусмотрел специальных положений, учитывающих возрастные, психологические и педагогические особенности данной категории, не определил участие органов опеки и попечительства, комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав в пробационных процедурах. Это создаёт правовую неопределённость и риски формального применения общих норм без учёта специфики работы с несовершеннолетними.

Цель настоящего исследования – выявление проблем правового регулирования пробации в отношении несовершеннолетних в России и разработка предложений по совершенствованию законодательства с учётом международных стандартов и возрастных особенностей данной категории.

Материалы и методы исследований

Методологическую основу исследования составляют общенаучные методы познания (анализ, синтез, системный подход) и частнонаучные юридические методы: формально-юридический, сравнительно-правовой, метод толкования правовых норм.

Теоретической базой послужили научные публикации ведущих специалистов в области уголовно-исполнительного права и криминологии, посвящённые проблемам пробации в России. Нормативную основу составили Федеральный закон «О пробации в Российской Федерации», Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации (далее – УИК РФ), Приказ Минюста России от 29 ноября 2023 г. № 350 «О ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробация в соответствии с Федеральным законом от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации»» (далее – Приказ № 350), Приказ Минюста России от 16 сентября 2024 г. № 278 «Об утверждении Правил организации деятельности центров пробации» (далее – Приказ № 278), а также международные акты в области отправления правосудия в отношении несовершеннолетних. В работе использованы результаты эмпирических исследований, представленные в научной литературе, включая статистические данные о количестве несовершеннолетних в местах лишения свободы и показатели обращаемости за пробационной помощью.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Результаты и обсуждения

Необходимость специального правового регулирования пробации несовершеннолетних обусловлена их исключительным положением в системе уголовной юстиции. Как справедливо отмечает С.М. Воробьев, каждый осужденный является полноценной, сформировавшейся личностью (исключение составляют несовершеннолетние) [3, с. 14]. Это принципиальное указание создаёт теоретическую основу для выделения пробации для данной категории в самостоятельный правовой институт.

А.Н. Королева подчёркивает, что пробация несовершеннолетних – комплексная задача, требующая участия многих специалистов, а также отлаженной системы взаимодействия между субъектами пробации [4, с. 24]. В отношении несовершеннолетних должны преобладать превентивные меры, так как ювенальная преступность - явление в первую очередь социальное [4, с. 24].

М.А. Сережкина выделяет трёхсоставную структуру правового статуса несовершеннолетних осуждённых: несовершеннолетие, статус осуждённого, статус получателя пробации [5, с. 141]. Автор также обращает внимание на парадокс: государство привлекает несовершеннолетних к уголовной ответственности, но не признаёт их полностью дееспособными [5, с. 141]. Этот парадокс обосновывает необходимость участия законных представителей в пробационных процедурах.

Анализ Закона о пробации показывает, что ни одна из его статей не содержит положений, учитывающих особенности применения пробации к несовершеннолетним. Закон не делает различий между совершеннолетними и несовершеннолетними осуждёнными.

Как отмечает У.К. Хаджиев, Закон о пробации содержит большое количество отсылочных и бланкетных норм [6, с. 181], а его содержание имеет рамочный межотраслевой характер [6, с. 181]. Отсутствие специальных норм для несовершеннолетних не может быть восполнено путём систематического толкования - требуется целенаправленное законодательное регулирование.

В.А. Уткин критикует концептуальную размытость Закона о пробации, отмечая, что в большинстве его ключевых положений Закон о пробации едва ли может служить образцом юридической техники [7, с. 105]. Для несовершеннолетних эта размытость особенно опасна, поскольку создаёт риски формального применения общих норм без учёта возрастных особенностей.

О.В. Стрилец указывает на смешение понятий «исправление», «ресоциализация» и «пробация» в законодательстве, что существенно снижает эффективность ресоциализации осуждённых [8, с. 48]. Для несовершеннолетних это смешение особенно опасно, так как средства исправления (воспитание, образование) не должны подменяться пробацией, а должны быть интегрированы в неё.

Одной из ключевых проблем является противоречие между принципом добровольности, закреплённым в ст. 3 Закона о пробации (п. 7 ст. 3), и фактической обязательностью многих пробационных мероприятий. М.А. Сережкина отмечает, что законодатель установил дуалистическую модель реализации пенитенциарной пробации, разделяя мероприятия на обязательные (универсальные) и факультативные (специальные). Однако такая конструкция не в полной мере соответствует принципу добровольности [5]. Положения Приказа № 350 предусматривают исключения: воспитательная работа, социальное сопровождение, подготовка к освобождению относятся к числу обязательных мероприятий [5].

Особую остроту это противоречие приобретает в отношении несовершеннолетних. Как констатирует М.А. Сережкина, все несовершеннолетние, осуждённые к лишению свободы и поступающие в воспитательные колонии, приобретают статус лиц, в отношении которых реализуется пенитенциарная пробация [5, с. 143]. Несовершеннолетние не имеют реального выбора - они автоматически становятся субъектами пробации вне зависимости от их волеизъявления. В.А. Уткин также обращает внимание на это противоречие, задаваясь вопросом, как это соотносится с принципом её добровольности [7]. Возникает правовая неопределённость.

Закон о пробации устанавливает заявительный порядок применения исполнительной и постпенитенциарной пробации (ст. 31). Однако эмпирические данные свидетельствуют о крайне низкой эффективности такого подхода. В.К. Тарыкин и соавторы отмечают, что заявительный характер для "запуска" данного института не целесообразен с учётом индивидуальных особенностей таких лиц. Осуждённый после освобождения находится в состоянии кризиса, а значит, не может рационально оценивать свои возможности» [9, с. 176]. С.А. Злотников и С.П. Седнев приводят статистические данные: в Красноярском крае обратились с заявлением только 7,5% от потенциально нуждающихся, а из 77 осуждённых, обратившихся в учреждение, после освобождения в УИИ обратился только 1 [10, с. 46-47].

Для несовершеннолетних эта проблема стоит ещё острее. Психологический барьер, связанный с необходимостью контакта с УИС после освобождения, для несовершеннолетних может быть ещё более значительным.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

О.А. Рябова и П.Р. Рябов критикуют отсутствие у осуждённых статуса субъекта пробации. Законодатель не отнёс осуждённых к субъектам пробации, и их статус в рамках реализации этого института не определён [11, с. 319-320]. Для несовершеннолетних это особенно критично. Они не могут в полной мере реализовывать свои права и обязанности в рамках пробации, что требует участия законных представителей. Авторы предлагают внести поправки в ст. 6 Закона о пробации [11, с. 321-322]. Для несовершеннолетних это предложение требует конкретизации: они должны быть признаны субъектами пробации с учётом возрастных особенностей и с участием законных представителей.

М.И. Муркштис выделяет комплекс институциональных проблем, отмечая, что превращение инспектора УИИ в пробационного работника требует глубокой трансформации профессиональной культуры [2]. Для несовершеннолетних эта проблема стоит особенно остро. Работа с ними требует специальных компетенций в области психологии развития, педагогики, социальной работы. А.Н. Королева отмечает, что несовершеннолетним нужна психологическая поддержка и наставничество [4].

М.Л. Хациева обращает внимание на проблему ведомственного доминирования, подчинение задач ресоциализации задачам контроля и надзора [12, с. 461]. Как справедливо отмечает автор, пока пробация не получит достаточного уровня организационно-правовой автономии, её потенциал как инструмента альтернативного наказания будет ограничен [12, с. 461].

И.В. Дворянсков выделяет принцип отказа от стигматизации, который имплицитно исключает принудительный характер применения пробационных мер [13, с. 218]. Для несовершеннолетних этот принцип особенно важен. Автор также подчёркивает принцип участия общества в ресоциализации осуждённых [13, с. 218], что предполагает вовлечение образовательных организаций, комиссий по делам несовершеннолетних, органов опеки.

Одним из ключевых пробелов является отсутствие норм об участии законных представителей несовершеннолетних в пробационных процедурах. Как отмечает М.А. Сережкина, законные представители вправе защищать права и интересы подопечного не только с его согласия, но и вопреки его воле, если это необходимо для обеспечения его благополучия [5, с. 141-142]. Особое значение участие законных представителей приобретает при инициировании пробационных процедур. М.А. Сережкина предлагает закрепить процедуру инициирования мер пенитенциарной пробации на основе официального обращения осуждённого либо его законного представителя, с чем следует согласиться [5, с. 143].

П.В. Тепляшин, анализируя Киотские типовые стратегии ООН, обращает внимание на рекомендацию о досудебной пробации (предприговорных докладах) [14, с. 61]. Для несовершеннолетних это позволяет суду получить полную информацию о личности несовершеннолетнего, его социальном окружении, условиях жизни.

И.В. Дворянсков подчёркивает дихотомию наказания и пробации, отмечая, что пробация представляет собой восстановительную меру [13, с. 219]. Для несовершеннолетних это особенно важно, поскольку уголовное законодательство (ст. 87 УК РФ) предусматривает приоритет воспитательных мер. О.А. Рябова и П.Р. Рябов также рассматривают пробацию как основу восстановительного правосудия, однако справедливо отмечают, что восстановительное правосудие не является панацеей и требует дифференцированного подхода [15].

На основе проведённого анализа можно сформулировать следующие предложения, учитывающие и поддерживающие предложения, высказанные в литературе:

1. Необходимо внести изменения в Закон о пробаии, дополнив его специальной главой об особенностях применения пробации к несовершеннолетним, закрепляющей: участие законных представителей; привлечение органов опеки и попечительства, комиссий по делам несовершеннолетних; учёт возрастных особенностей при разработке индивидуальных программ; приоритет воспитательных и образовательных мер.

2. Нормативно разграничить обязательные исправительные мероприятия и факультативные пробационные меры, которые могут применяться только с согласия несовершеннолетнего и его законного представителя [5, с. 143].

3. Отказаться от заявительного порядка пробации в отношении несовершеннолетних, заменив его на обязательное пробационное сопровождение. Как предлагают В.К. Тарыкин и соавторы, необходимо заменить заявительный порядок на комплексный анализ предполагаемого положения осуждённых после отбытия наказания [9, с. 177]. С.А. Злотников и С.П. Седнев также поддерживают идею принудительной пробации [10, с. 47].

4. Законодательно закрепить статус несовершеннолетних как субъектов пробации с особыми правами и обязанностями [11, с. 321-322].

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

5. Предусмотреть создание специализированных центров пробации для несовершеннолетних, дополнив Правила организации деятельности центров пробации положениями, учитывающими возрастные особенности.

6. Разработать специальные критерии и методику оценки индивидуальной нуждаемости для несовершеннолетних с учётом их потребностей в образовании, профессиональной ориентации, восстановлении семейных связей, психологической коррекции.

7. Внести изменения в УИК РФ, дополнив его положениями о пробации в воспитательных колониях в качестве режима подготовки осужденных к освобождению.

Выводы

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

Федеральный закон «О пробации в Российской Федерации» не содержит специальных норм, учитывающих возрастные, психологические и педагогические особенности несовершеннолетних осуждённых. Отсутствие в законе упоминания о несовершеннолетних как об особой категории является существенным пробелом.

В правовом регулировании обнаруживается противоречие между принципом добровольности и фактической обязательностью пробационных мероприятий для лиц, отбывающих наказание в воспитательных колониях. Все несовершеннолетние автоматически становятся субъектами пробации, что требует переосмысления их правового статуса.

Заявительный порядок неэффективен в отношении несовершеннолетних в силу их возрастной несамостоятельности. Необходим отказ от заявительного порядка и введение обязательного пробационного сопровождения.

Отсутствие норм об участии законных представителей является серьёзным пробелом. Участие законных представителей должно быть обязательным на всех этапах пробационного сопровождения.

Институциональные проблемы (ведомственное доминирование, кадровый дефицит) в полной мере относятся к сфере пробации несовершеннолетних, приобретая особую остроту в силу необходимости учёта возрастных особенностей.

Для эффективной реализации пробации в отношении несовершеннолетних необходимо внести изменения в Закон о пробации, дополнив его специальной главой, закрепляющей: участие законных представителей; привлечение органов опеки; учёт возрастных особенностей; разграничение обязательных и факультативных мероприятий; отказ от заявительного порядка; создание специализированных центров пробации; разработку специальных критериев оценки нуждаемости.

Развитие института пробации в отношении несовершеннолетних должно основываться на принципах восстановительного правосудия и международных стандартах, предполагая приоритет воспитательных и ресоциализационных мер.

Предложенные изменения направлены на формирование эффективной системы ресоциализации несовершеннолетних, способной обеспечить их успешную интеграцию в общество и снижение рецидивной преступности. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов для совершенствования законодательства о пробации и разработки методических рекомендаций по применению пробации в отношении несовершеннолетних.

Список источников

1. Федеральный закон от 06.02.2023 № 10-ФЗ (ред. от 23.07.2025) «О пробации в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 6. Ст. 917.

2. Муркштис М.И. Пробация в России: криминологические предпосылки и институциональные вызовы // Образование и право. 2026. № 1. С. 26 – 30.

3. Воробьев С.М. Анализ факторов воздействия на формирование правопослушного поведения осужденного при реализации института пробации // Человек: преступление и наказание. 2026. Т. 34. № 1. С. 12 – 22.

4. Королева А.Н. Особенности подготовки несовершеннолетних, осужденных к лишению свободы, к постпенитенциарному периоду // Вестник Самарского юридического института. 2026. № 1 (67). С. 22 – 28. DOI: 10.37523/SUI.2026.67.1.003

5. Сережкина М.А. Формирование правового статуса несовершеннолетних осужденных, в отношении которых реализуется пенитенциарная пробация // Вестник Института права Башкирского государственного университета. 2025. № 3 (27). С. 138 – 145. DOI: 10.33184/vest-law-bsu-2025-27.13

6. Хаджиев У.К. Анализ Федерального закона «О пробации в Российской Федерации»: проблемы и перспективы развития // Международный научный вестник. 2026. № 1. С. 180 – 182.

7. Уткин В.А. Пенитенциарная пробация // Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. 2025. № 2 (24). С. 103 – 113.

8. Стрилец О.В. Соотношение понятий «исправление», «ресоциализация» и «пробация» в правовой доктрине // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 2 (73). С. 42 – 49.

9. Тарыкин В.К., Бондарева А.В., Гусеян Г.О. Система постпенитенциарной ресоциализации: возможности и правовые вызовы в контексте реализации законодательства о пробации // Российский научный вестник. 2026. № 1. С. 173 – 178.

10. Злотников С.А., Седнев С.П. Некоторые вопросы реализации Федерального закона «О пробации в Российской Федерации» // Человек: преступление и наказание. 2026. Т. 34. № 1. С. 82 – 87.

11. Рябова О.А., Рябов П.Р. О необходимости наделения лиц, в отношении которых осуществляется пробация, статусом субъекта пробации // Аграрное и земельное право. 2025. № 8. С. 319 – 322. DOI: 10.47643/1815-1329_2025_8_319

12. Хациева М.Л. Институт пробации как субъект уголовно-правовой политики: проблемы ведомственного доминирования и необходимость унификации правоприменительной практики // Экономические и социальные проблемы регионального развития в современных условиях: сборник научных трудов 2-й Международной научно-практической конференции. Курск, 2026. Т. 2. С. 460 – 463.

13. Дворянсков И.В. Пробация в России: концептуальные основы и перспективы реализации // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2025. № 5 (166). С. 216 – 220. DOI: 10.24412/2227-7315-2025-5-216-220

14. Тепляшин П.В. Пробация в контексте Киотских типовых стратегий // Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики: материалы XXV Всероссийской научно-практической конференции. Новокузнецк, 2025. С. 60 – 62.

15. Рябова О.А., Рябов П.Р. Пробация как основа модели восстановительного правосудия в России // Аграрное и земельное право. 2025. № 1. С. 264 – 267. DOI: 10.47643/1815-1329_2025_1_264

References

1. Federal Law of 06.02.2023 No. 10-FZ (as amended on 23.07.2025) "On Probation in the Russian Federation". Collected Legislation of the Russian Federation. 2023. No. 6. Article 917.

2. Murkshtis M.I. Probation in Russia: Criminological Prerequisites and Institutional Challenges. Education and Law. 2026. No. 1. P. 26 – 30.

3. Vorobyov S.M. Analysis of Factors Influencing the Formation of Law-Abiding Behavior of Convicts in the Implementation of the Probation Institution. Man: Crime and Punishment. 2026. Vol. 34. No. 1. P. 12 – 22.

4. Koroleva A.N. Features of the preparation of minors sentenced to imprisonment for the post-penitentiary period. Bulletin of the Samara Law Institute. 2026. No. 1 (67). P. 22 – 28. DOI: 10.37523/SUI.2026.67.1.003

5. Serezhkina M.A. Formation of the legal status of juvenile convicts in respect of whom penitentiary probation is implemented. Bulletin of the Institute of Law of Bashkir State University. 2025. No. 3 (27). P. 138 – 145. DOI: 10.33184/vest-law-bsu-2025-27.13

6. Khadzhiev U.K. Analysis of the Federal Law "On Probation in the Russian Federation": problems and development prospects. International Scientific Bulletin. 2026. No. 1. P. 180 – 182.

7. Utkin V.A. Penitentiary probation. Bulletin of the Tomsk Institute for Advanced Training of Employees of the Federal Penitentiary Service of Russia. 2025. No. 2 (24). P. 103 – 113.

8. Strilets O.V. The relationship between the concepts of “correction”, “resocialization”, and “probation” in the legal doctrine. Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 2 (73). P. 42 – 49.

9. Tarykin V.K., Bondareva A.V., Guseyan G.O. The system of post-penitentiary resocialization: opportunities and legal challenges in the context of the implementation of probation legislation. Russian Scientific Bulletin. 2026. No. 1. P. 173 – 178.

10. Zlotnikov S.A., Sednev S.P. Some Issues of Implementation of the Federal Law “On Probation in the Russian Federation”. Man: Crime and Punishment. 2026. Vol. 34. No. 1. P. 82 – 87.

11. Ryabova O.A., Ryabov P.R. On the Need to Grant Persons Subject to Probation the Status of a Probation Subject. Agrarian and Land Law. 2025. No. 8. P. 319 – 322. DOI: 10.47643/1815-1329_2025_8_319

12. Khatsieva M.L. The Institute of Probation as a Subject of Criminal Law Policy: Problems of Departmental Dominance and the Need to Unify Law Enforcement Practice. Economic and Social Problems of Regional Development in Modern Conditions: Collection of Scientific Papers of the 2nd International Scientific and Practical Conference. Kursk, 2026. Vol. 2. P. 460 – 463.

13. Dvoryanskov I.V. Probation in Russia: Conceptual Foundations and Implementation Prospects. Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2025. No. 5 (166). P. 216 – 220. DOI: 10.24412/2227-7315-2025-5-216-220

14. Teplyashin P.V. Probation in the Context of the Kyoto Model Strategies. The Penal System Today: Interaction of Science and Practice: Proceedings of the XXV All-Russian Scientific and Practical Conference. Novokuznetsk, 2025. P. 60 – 62.

15. Ryabova O.A., Ryabov P.R. Probation as the Basis of the Restorative Justice Model in Russia. Agrarian and Land Law. 2025. No. 1. P. 264 – 267. DOI: 10.47643/1815-1329_2025_1_264

Информация об авторе

Середа С.П., доцент, Вологодский институт права и экономики ФСИН России, sta-sereda2006@yandex.ru

© Середа С.П., 2026

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)
УДК 347.44:004.738.5
DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-6-42-50

Правовая природа консультационных отношений в условиях дистанционного взаимодействия сторон

[1] Алекперов К.М., [1] Внукова В.А.,
[1] Белгородский университет кооперации, экономики и права

Аннотация: *статья посвящена определению гражданско-правовой природы консультационных отношений, осуществляемых при дистанционном взаимодействии исполнителя и заказчика. Цель исследования состоит в выявлении тех юридически значимых признаков, которые изменяются при переносе консультации в цифровую среду, и тех элементов обязательства, которые сохраняют свою традиционную квалификацию. На основе анализа норм Гражданского кодекса Российской Федерации, законодательства о защите прав потребителей, законодательства о персональных данных, новелл о платформенной экономике, судебной практики и современной цивилистической доктрины обосновывается вывод о том, что дистанционный формат сам по себе не образует нового договорного типа. В типичной модели консультационное обязательство остается разновидностью возмездного оказания услуг, а цифровые средства модифицируют способы заключения, исполнения и доказывания договора. Предлагается разграничивать синхронные и асинхронные консультации, консультации в составе абонентских и смешанных моделей, а также платформенно-опосредованное оказание услуг. Сформулирован процессуальный стандарт надлежащего оказания дистанционной консультационной услуги и предложена доказательственная модель цифрового акцепта, учитывающая оферту, идентификацию пользователя, выбор параметров услуги, подтверждение заказа и оплату. Практическое значение выводов состоит в возможности их использования при разработке договорных условий, разрешении споров и квалификации роли цифровой платформы.*

Ключевые слова: *консультационные услуги, дистанционное взаимодействие, договор оказания услуг, электронный договор, цифровая платформа, качество услуг, защита прав потребителей, персональные данные*

Для цитирования: Алекперов К.М., Внукова В.А. Правовая природа консультационных отношений в условиях дистанционного взаимодействия сторон // International Law Journal. 2026. Том 9. № 6. С. 42 – 50. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-6-42-50

Поступила в редакцию: 7 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 4 августа 2026 г.; Принята к публикации: 2 октября 2026 г.

Legal nature of consulting relations in the context of remote interaction between the parties

[1] Alekperov K.M., [1] Vnukova V.A.,
[1] Belgorod University of Cooperation, Economics and Law

Abstract: *the article examines the civil-law nature of consulting relations carried out through remote interaction between a service provider and a customer. The purpose of the study is to identify which legally relevant features of a consulting obligation are transformed when communication moves to a digital environment and which elements retain their traditional legal qualification. The analysis is based on the Civil Code of the Russian Federation, consumer protection legislation, personal data regulation, the forthcoming platform-economy rules, judicial practice and recent civil-law scholarship. The authors argue that the remote format does not, by itself, create an*

autonomous contract type. In the typical model, consulting remains a paid service, while digital technologies modify the mechanisms of contract formation, performance and proof. The article differentiates synchronous and asynchronous consultations, consulting within subscription and mixed contractual models, and platform-mediated services. A procedural standard for proper performance of a remote consulting service is proposed, including clarification of the customer's request, disclosure of professional limits, verification of relevant information, observance of agreed communication rules, confidentiality and fixation of the performed actions. An evidentiary model of digital acceptance is also formulated, covering the offer, user identification, selection of service parameters, confirmation of the order and payment. The conclusions may be used in drafting contracts, resolving disputes and determining the legal role of a digital platform.

Keywords: *consulting services, remote interaction, service agreement, electronic contract, digital platform, quality of services, consumer protection, personal data*

For citation: Alekperov K.M., Vnukova V.A. Legal nature of consulting relations in the context of remote interaction between the parties International Law Journal. 2026. 9 (6). P. 42 – 50. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-6-42-50

The article was submitted: July 7, 2026; Approved after reviewing: August 4, 2026; Accepted for publication: October 2, 2026.

Введение

Распространение видеосвязи, мессенджеров, личных кабинетов и цифровых платформ сделало дистанционную консультацию обычным способом получения профессиональной помощи. Юридические, управленческие, бухгалтерские, информационные и иные консультации сегодня нередко заказываются без личной встречи: сторона выбирает специалиста в сети Интернет, знакомится с условиями публичной оферты, оплачивает услугу, получает ссылку на видеосессию либо ведет переписку в чате. Технологическое упрощение взаимодействия, однако, не устраняет традиционных цивилистических вопросов. Напротив, оно делает более заметными проблемы квалификации предмета договора, определения момента его заключения, оценки качества нематериальной услуги, распределения доказательственных рисков и определения роли посредника, обеспечившего цифровую инфраструктуру.

Российский законодатель прямо относит консультационные услуги к сфере главы 39 Гражданского кодекса Российской Федерации: по договору возмездного оказания услуг исполнитель обязуется по заданию заказчика совершить определенные действия или осуществить определенную деятельность, а заказчик – оплатить их [1]. Современная доктрина при этом сохраняет дискуссию о границах самого договорного типа услуг, его соотношении с подрядом и иными обязательствами [2, с. 188-210]. Применительно к консультированию дополнительная сложность связана с тем, что заказчик объективно ожидает полезного интеллектуального эффекта – совета, оценки, варианта решения, правовой позиции или системы рекомендаций, – тогда как юридический предмет обязательства далеко не всегда может быть сведен к гарантированному достижению внешнего результата. В литературе справедливо отмечается, что предмет консультационного договора определяется прежде всего действиями исполнителя, но фактическая полезность предоставления также приобретает значение при оценке исполнения [3, с. 53-57].

Дистанционный формат добавляет к этому технологический слой. В зависимости от организации сервиса консультация может состоять из одной видеосессии, серии сообщений, анализа присланных документов, доступа к закрытому разделу платформы, сопровождения в течение определенного периода или сочетания этих элементов. Поэтому одно и то же коммерческое обозначение «онлайн-консультация» способно скрывать разные договорные конструкции. Исследования информационных и консультационных услуг также показывают, что их нематериальность не исключает фиксации результата на материальном либо цифровом носителе; документ, сообщение или файл может служить формой восприятия и подтверждения оказанной услуги, не превращая ее автоматически в подряд [4, с. 91-93].

Цель настоящего исследования – сформулировать цивилистические критерии квалификации консультационных отношений в условиях дистанционного взаимодействия сторон. Для достижения цели необходимо: определить значение дистанционного способа коммуникации для договорного типа; разграничить услугу и сопутствующий цифровой результат; исследовать особенности электронного заключения договора; предложить подход к оценке надлежащего исполнения; определить место цифровой платформы в структуре отношений; обозначить специальные защитные обязанности, связанные с потребительским статусом заказчика и обработкой данных. Научная новизна состоит в рассмотрении дистанционного консультирования

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

не как самостоятельного «цифрового договора», а как многоуровневого обязательственного отношения, в котором базовое предоставление сохраняет природу услуги, а технология формирует особый порядок волеизъявления, исполнения и доказывания.

Материалы и методы исследований

Материалами исследования выступили положения частей первой и второй Гражданского кодекса Российской Федерации, нормы законодательства о защите прав потребителей и персональных данных, акты Верховного Суда Российской Федерации, принятые в 2025 г. федеральные законы о платформенной экономике и связанные с ними изменения законодательства, а также научные публикации 2023-2026 гг., посвященные услугам, электронной форме договора и цифровым платформам. Учитывалось, что на дату подготовки статьи Федеральный закон от 31 июля 2025 г. № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» еще не вступил в силу и начинает действовать с 1 октября 2026 г.; поэтому его нормы анализируются как ближайший нормативный ориентир, а не как действующее регулирование конкретного спорного правоотношения.

Методологическую основу составили формально-юридический, системный, сравнительно-правовой и функциональный методы. Формально-юридический метод использован для сопоставления признаков договора возмездного оказания услуг с особенностями цифрового взаимодействия; системный – для разграничения основного консультационного обязательства и сопутствующих отношений по предоставлению цифровой инфраструктуры; функциональный – для определения юридического значения отдельных элементов пользовательского пути: оферты, регистрации, выбора слота, оплаты, видеосвязи, переписки и хранения цифровых следов. Судебная практика анализировалась не как источник нового договорного типа, а как материал, позволяющий выявить критерии оценки полезности и профессиональной добросовестности исполнителя.

Результаты и обсуждения

Первый результат исследования связан с разграничением правовой природы обязательства и способа его технической реализации. Положения о письменной форме сделки допускают ее совершение с помощью электронных либо иных технических средств при условии, что содержание сделки может быть воспроизведено в неизменном виде, а используемый способ позволяет достоверно определить лицо, выразившее волю [5]. Следовательно, дистанционность характеризует прежде всего канал взаимодействия и способ фиксации волеизъявления. Она не добавляет к предмету консультационного обязательства нового самостоятельного имущественного предоставления, если цифровая инфраструктура лишь обеспечивает связь между исполнителем и заказчиком. Такой вывод согласуется с исследованиями электронных способов заключения договора: электронная почта, мессенджеры, стандартизированные интерфейсы и единый электронный документ представляют различные механизмы формирования соглашения, но сами по себе не определяют его тип [6, с. 185-192].

Из этого следует, что типичная синхронная видеоконсультация должна квалифицироваться как возмездное оказание услуг. Исполнитель не создает вещь и, как правило, не принимает на себя обязанность передать отделимый овеществленный результат; потребительская ценность возникает в процессе профессионального анализа запроса, обмена информацией и формулирования рекомендаций. Асинхронная консультация в чате имеет ту же базовую природу, хотя ее исполнение распределено во времени. Письменное заключение, меморандум, подборка рекомендаций, файл или запись сессии могут быть самостоятельными объектами передачи лишь тогда, когда договор придает им автономное хозяйственное значение. В обычной модели они выступают носителями, в которых закреплен нематериальный эффект услуги и которые одновременно выполняют доказательственную функцию.

Не всякая услуга, продаваемая под единым названием, является однородной. Если вместе с индивидуальной консультацией заказчику предоставляется доступ к заранее созданному курсу, базе документов, библиотеке материалов или программному сервису, возникает совокупность предоставлений. Ее квалификация должна проводиться по содержанию обязанностей, а не по маркетинговому названию. При самостоятельной ценности каждого элемента возможен смешанный договор; если доступ к цифровому контенту лишь помогает исполнить консультационную обязанность, он остается вспомогательным. При продаже права обращаться за консультациями в течение установленного периода за периодическую плату применима конструкция абонентского договора, предусмотренная статьей 429.4 ГК РФ. Тем самым подписка не превращает консультацию в иной вид обязательства, но меняет модель встречного предоставления: заказчик оплачивает право требовать исполнение в согласованном объеме и порядке.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Второй результат касается электронного заключения договора. Общие положения ГК РФ требуют достижения соглашения по существенным условиям в надлежащей форме; письменная форма может соблюдаться посредством обмена электронными данными, а акцепт допускается как в форме сообщения, так и посредством совершения действий, указанных в оферте [5]. Пленум Верховного Суда Российской Федерации также исходит из приоритета установления действительной воли сторон и допускает широкий круг способов электронного взаимодействия при возможности идентифицировать участника и содержание волеизъявления [7]. В условиях интерфейсного заключения договоров это означает, что юридически значимый акцепт не следует механически отождествлять с любым нажатием кнопки. Требуется установить, какие условия были доступны заказчику, какое действие оферта определяла как акцепт и можно ли связать это действие с конкретным лицом.

Для дистанционного консультирования целесообразно использовать доказательственную модель многоэтапного цифрового акцепта. Речь идет не о введении новой формы сделки и не о признании договора заключенным одновременно в нескольких моментах. Юридический момент акцепта остается единичным и определяется условиями оферты и фактическим поведением стороны. Однако для последующего доказывания содержание соглашения следует реконструировать по совокупности цифровых событий: публикация или направление условий; идентификация пользователя посредством учетной записи, номера телефона, адреса электронной почты либо иного средства; выбор вида консультации, специалиста и времени; выражение согласия с условиями; подтверждение заказа; оплата; направление ссылки или открытие доступа к каналу связи. Такая последовательность позволяет отделить вопрос о моменте заключения договора от вопроса о доказательствах его содержания и принадлежности волеизъявления.

В цифровой среде значение этого разграничения особенно велико. Автоматизированный интерфейс способен формально упростить заключение договора, но одновременно скрыть существенные условия в гиперссылках, нескольких экранах или изменяемых правилах сервиса. Поэтому принцип свободы договора в цифровой экономике не устраняет проблему информационной асимметрии и необходимости защищать слабую сторону [8, с. 1115-1122]. Для профессионального исполнителя рационально сохранять редакцию оферты, действовавшую на момент заказа, фиксировать дату и время акцепта, параметры выбранной услуги, платежный идентификатор и подтверждение направления ссылки на сессию. Для заказчика эти же сведения создают возможность доказать согласованный объем услуги и условия отмены либо переноса.

Третий результат относится к содержанию обязанности исполнителя и оценке качества. Формула статьи 779 ГК РФ описывает предмет услуги через действия или деятельность, но не означает юридической безразличности к цели договора. В определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 4 апреля 2023 г. № 305-ЭС22-24429 по делу № А40-67639/2021 подчеркнуто, что профессиональные правовые услуги представляют интерес для заказчика как предоставление, направленное на определенную пользу, а суд при споре вправе оценивать объем и качество действий исполнителя, согласованную цель и реальную возможность ее достижения [9]. Эта позиция важна для консультирования: отсутствие гарантии конкретного внешнего результата не освобождает исполнителя от обязанности действовать профессионально, добросовестно и соразмерно заявленной цели.

Поэтому качество дистанционной консультационной услуги предлагается оценивать через процессуальный стандарт надлежащего исполнения. Его содержание зависит от сферы консультирования, но в общей гражданско-правовой модели включает как минимум: выяснение и фиксацию предмета запроса; получение информации, без которой профессиональный вывод невозможен; обозначение пределов компетенции и ограничений консультации; проверку актуальности существенных нормативных, фактических или профессиональных данных; предоставление ответа в согласованной форме и срок; указание на существенные допущения и риски; соблюдение согласованного режима конфиденциальности; сохранение минимально достаточных подтверждений совершенных действий. Такой стандарт не подменяет специальные профессиональные требования, существующие для отдельных сфер, а заполняет договорное пространство там, где законодатель не устанавливает детальную технологию консультирования.

Процессуальный подход позволяет избежать двух противоположных ошибок. Первая – считать услугу надлежащей уже потому, что видеозвонок состоялся или сообщение было отправлено. Сам факт коммуникации подтверждает действие, но не его профессиональную достаточность. Вторая – превращать любое ожидание заказчика в гарантированный договорный результат. Если исполнитель обещал анализ и рекомендации, но не гарантировал, например, получение лицензии, выигрыш спора, рост прибыли или заключение сделки с третьим лицом, недостижение такого внешнего эффекта само по себе не доказывает нарушение. Иная оценка возможна, когда результат прямо включен сторонами в содержание обязательства либо

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

из совокупности условий следует, что исполнитель принял на себя обязанность обеспечить конкретный итог. В этом смысле полезность услуги и гарантия результата – разные юридические категории.

При определении качества возможно субсидиарное обращение к положениям о подряде на основании статьи 783 ГК РФ постольку, поскольку это не противоречит особенностям услуги. Современные исследования договора возмездного оказания услуг также подчеркивают значение такого межтипового взаимодействия норм [10, с. 750-757]. Вместе с тем механическое применение требований к вещественному результату работы к интеллектуальной консультации было бы ошибочным. Для консультационной услуги центральны не физические свойства созданного объекта, а профессиональная добросовестность процесса, соответствие согласованному заданию и способность предоставления иметь разумно ожидаемую полезность.

Четвертый результат связан с потребительским характером части дистанционных консультаций. Если заказчиком является гражданин, приобретающий услугу для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с предпринимательской деятельностью, к отношениям применяются императивные гарантии Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей» [11]. Цифровой канал не уменьшает их объем. Наоборот, при дистанционном заключении договора особое значение имеют полнота преддоговорной информации, ясность цены и состава услуги, запрет навязывания дополнительных предоставлений, правила возврата и право потребителя отказаться от исполнения договора с оплатой фактически понесенных исполнителем расходов в предусмотренных законом пределах. Исследования потребительских договоров в цифровой среде подтверждают, что автоматизация заключения и исполнения договора усиливает значение прозрачности интерфейса и доказуемости действий сторон [12, с. 6-12].

Для консультационных услуг это особенно заметно при пакетах и подписках. Условие «оплата не возвращается ни при каких обстоятельствах», распространенное в цифровых офертах, не может оцениваться вне императивных правил конкретного правоотношения. В предпринимательском договоре стороны обладают большей свободой в распределении рисков, тогда как в потребительской модели договорная автономия ограничена законом. Правила об отмене сессии, неявке, переносе и оплате фактически подготовительной работы должны быть сформулированы так, чтобы отделять компенсацию реально понесенных расходов от штрафного удержания, не предусмотренного законом. При этом объективные цифровые следы – бронирование времени, направленные материалы, подготовленный анализ, переписка – способны иметь значение для доказывания фактического объема исполнения.

Пятый результат касается роли цифровой платформы. В доктрине платформа рассматривается не только как программный объект, но и как организатор взаимодействия нескольких групп участников, способный устанавливать правила доступа, расчетов и коммуникации [13, с. 96-127]. Современные исследования платформенных отношений показывают, что объект регулирования здесь многослоен: наряду с основным договором между поставщиком и пользователем возникают самостоятельные отношения с оператором, основанные на правилах платформы и техническом контроле над инфраструктурой [14, с. 9-33]. Близкая проблематика раскрывается в исследованиях правового регулирования владельцев агрегаторов электронной торговли [15, с. 112-119] и правового режима цифровых платформ как объектов гражданских прав [16, с. 44-53]. Отсюда следует ключевой для дистанционного консультирования вывод: участие платформы не делает ее автоматически соисполнителем консультационной услуги.

Юридический статус оператора следует определять по фактически принятым функциям. Если платформа лишь размещает информацию, обеспечивает поиск специалиста, бронирование и проведение платежа, основное консультационное обязательство может связывать непосредственно консультанта и клиента, а платформа выступает самостоятельным посредником или поставщиком инфраструктурной услуги. Если же оператор от своего имени формирует содержание услуги, определяет обязательные методики, принимает оплату как собственное вознаграждение, контролирует качество и принимает на себя обязанность предоставить консультацию независимо от личности конкретного специалиста, основания для иной квалификации усиливаются. Решающее значение имеют не обозначения «маркетплейс», «сервис» или «агент», а распределение договорных обязанностей и рисков.

Такой функциональный подход приобретает дополнительное значение в связи с Федеральным законом от 31 июля 2025 г. № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации», вступающим в силу 1 октября 2026 г. [17]. Закон устанавливает правовые основы отношений операторов посреднических цифровых платформ, партнеров и пользователей, а также специальные требования к организации платформенного взаимодействия. Одновременно Федеральный закон от 31 июля 2025 г. № 290-ФЗ вносит связанные изменения, в том числе в законодательство о защите прав потребителей, и также вступает в силу 1 октября 2026 г. [18]. Эти акты усиливают организационную ответственность платформы, но не отменяют необходимость отдельно квалифицировать основное обязательство по оказа-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

нию консультации. Новое регулирование подтверждает скорее множественность договорных связей, чем превращение всякой платформенной сделки в единый трехсторонний договор.

В отечественной литературе уже отмечается межотраслевой характер регулирования онлайн-платформ и необходимость сочетать гражданско-правовые, информационные, потребительские и иные нормы [19, с. 13-21]. В этой связи для дистанционного консультирования целесообразно различать по крайней мере три уровня: договор клиент – консультант; договорные и организационные отношения пользователя и партнера с оператором платформы; императивные обязанности, возникающие из законодательства независимо от договорной конструкции. Такое разделение позволяет точнее определять надлежащего ответчика, основания возврата денежных средств, пределы ответственности за технический сбой и обязанность сохранить доказательства взаимодействия.

Шестой результат связан с данными и фиксацией консультации. Дистанционное взаимодействие почти неизбежно сопровождается обработкой идентификационных и контактных данных, переписки, документов, а иногда аудио- и видеозаписей. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» требует наличия законного основания обработки, соблюдения целей, объема и мер защиты [20]. Для гражданско-правовой квалификации важно, что обязанность обеспечить надлежащий режим данных является сопутствующей защитной обязанностью, а не частью предмета консультации в узком смысле. Современная доктрина справедливо рассматривает персональные данные как объект комплексного правового режима, в котором частноправовые элементы взаимодействуют с публично-правовыми требованиями [21, с. 56-69].

Запись сессии требует отдельного правового основания и предварительной определенности: кто осуществляет запись, для какой цели, где и как долго она хранится, кому доступна, может ли быть передана третьим лицам. При этом аудио- или видеозапись не следует автоматически признавать биометрическими персональными данными только по факту наличия изображения или голоса; специальный биометрический режим связан с обработкой соответствующих характеристик для установления личности. Для договорной практики более безопасно не смешивать согласие на оказание услуги с согласиями на необязательные способы обработки данных и отдельно определять режим записи.

Особого регулирования требуют технические сбои. В очной консультации риск невозможности связи почти отсутствует, тогда как дистанционная сессия зависит от оборудования, программного сервиса и сети. Общих правил ГК РФ достаточно для разрешения большинства споров, если договор заранее распределяет организационные обязанности: указывает используемый канал, требования к подключению, резервный способ связи, момент признания сессии начавшейся, действия при сбое на стороне исполнителя, заказчика или платформы. Сам технический сбой не должен автоматически квалифицироваться как неоказание услуги; юридическая оценка зависит от причины, продолжительности, возможности продолжить взаимодействие и поведения сторон после нарушения.

Проведенный анализ позволяет предложить обобщающую модель. Базовый уровень составляет консультационная услуга как профессиональная деятельность исполнителя, направленная на формирование полезного для заказчика интеллектуального предоставления. Второй уровень образуют условия цифрового взаимодействия: электронная форма, идентификация, акцепт, канал связи, цифровые доказательства. Третий уровень возникает при использовании инфраструктурного посредника – платформы, платежного сервиса, системы бронирования. Четвертый уровень составляют защитные режимы, связанные со статусом потребителя, персональными данными, конфиденциальностью и специальными требованиями к отдельным видам профессиональной деятельности. Ошибка в квалификации возникает тогда, когда один из дополнительных уровней принимается за правовую природу всего отношения.

Практически это означает, что специальный поименованный договор дистанционного консультирования в ГК РФ не является необходимым. Технологии быстро меняются, а создание нового договорного типа по признаку канала связи привело бы к дублированию общих норм главы 39. Более продуктивно развивать унифицированные критерии договорной конкретизации. В оферте или индивидуальном соглашении должны быть определены предмет запроса либо способ его конкретизации, формат и длительность взаимодействия, состав включенных действий и материалов, цена, условия переноса и отказа, пределы обещанного результата, технический канал, порядок обработки данных и цифровой фиксации, а при платформенной модели – распределение функций между консультантом и оператором. Такая детализация снижает риск спора без избыточного законодательного дробления договорных типов.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, дистанционное взаимодействие не является самостоятельным квалифицирующим признаком нового договорного типа. Если содержание предоставления состоит в совершении профессиональных консультационных действий, базовой конструкцией остается договор возмездного оказания услуг по главе 39 ГК РФ; цифровая среда изменяет форму волеизъявления, порядок исполнения и доказательственную инфраструктуру.

Во-вторых, нематериальный характер консультации не исключает полезного результата и его цифровой фиксации. Следует различать гарантированный внешний итог, который возникает лишь при соответствующем содержании договора, и полезный эффект профессиональной услуги, необходимый для оценки ее надлежащего исполнения. Файл, заключение, запись или переписка обычно являются носителями и доказательствами услуги; самостоятельный договорный элемент они образуют тогда, когда обладают отдельной согласованной ценностью.

В-третьих, для электронного заключения консультационного договора целесообразно применять доказательственную модель многоэтапного цифрового акцепта. Она не меняет правил о едином юридическом моменте акцепта, но позволяет надежно установить содержание оферты, личность заказчика, выбранные параметры услуги, факт согласия, оплату и последующее предоставление доступа к консультации.

В-четвертых, качество дистанционной консультации следует оценивать преимущественно через процессуальный стандарт профессионального исполнения: корректное выяснение запроса, достаточность исходной информации, актуальность анализа, раскрытие значимых ограничений, соблюдение срока и формата, конфиденциальность и фиксацию совершенных действий. Такой подход позволяет одновременно избежать формального признания любой состоявшейся коммуникации надлежащей услугой и необоснованного превращения профессиональной помощи в гарантию результата.

В-пятых, использование цифровой платформы создает самостоятельный слой правоотношений и не означает автоматического возникновения единого трехстороннего обязательства. Статус оператора определяется реальными функциями, договорными обещаниями и степенью контроля над предоставлением. Вступающие в силу 1 октября 2026 г. нормы о платформенной экономике усиливают требования к организаторам посреднических цифровых платформ, но сохраняют необходимость раздельной квалификации платформенного и основного консультационного обязательства.

В-шестых, дальнейшее развитие регулирования целесообразно связывать не с введением специального договора «дистанционной консультации», а с формированием договорных и судебных стандартов, учитывающих электронную форму, цифровые доказательства, потребительские гарантии, режим персональных данных и распределение риска технических сбоев. Предложенная многоуровневая модель может использоваться при подготовке публичных оферт и индивидуальных соглашений, при построении платформенных сервисов и при разрешении споров о качестве, оплате и ответственности сторон.

Список источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 29.01.1996. № 5. Ст. 410.

2. Пшеничников М.А. Место договора возмездного оказания услуг в системе договорных типов // Вестник гражданского права. 2024. Т. 24. № 1. С. 188 – 210. DOI: 10.24031/1992-2043-2024-24-1-188-210

3. Крюкова А.А. К вопросу о предмете договора оказания консультационных услуг: законодательное регулирование и судебная практика // Гуманитарные науки. Высшая школа. 2025. № 3. С. 53 – 57. DOI: 10.24412/cl-37382-2025-3-53-57

4. Гаджиев М.Р. Особенности договора возмездного оказания информационных и консультационных услуг // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 9-2 (84). С. 91 – 93. DOI: 10.24412/2500-1000-2023-9-2-91-93

5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.

6. Саркисян В.В. Электронные способы заключения договора: понятие и виды // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2023. Т. 9 (75). № 4. С. 185 – 192.

7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 2.

8. Латынин А.О. Свобода договора как метакатегория частноправового регулирования в условиях цифровой трансформации // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2025. Т. 35. Вып. 6. С. 1115 – 1122. DOI: 10.35634/2412-9593-2025-35-6-1115-1122

9. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 04.04.2023 № 305-ЭС22-24429 по делу № А40-67639/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

10. Идрышева С.К. Договоры возмездного оказания услуг по законодательству России и Казахстана // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11. № 4. С. 750 – 757. DOI: 10.37493/2409-1030.2024.4.18

11. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» // Собрание законодательства РФ. 15.01.1996. № 3. Ст. 140.

12. Середа С.П. Защита прав потребителей в цифровой среде: особенности заключения, исполнения и расторжения договоров // International Law Journal. 2026. Т. 9. № 2. С. 6 – 12. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-2-6-12

13. Жевняк О.В. Цифровые платформы как вид экономических рыночных отношений и отражение этого спекта в правовом режиме цифровых платформ // Юридические исследования. 2023. № 8. С. 96 – 127. DOI: 10.25136/2409-7136.2023.8.43646

14. Габов А.В., Саяпин С.П. Платформенные отношения как предмет правового регулирования // Lex russica. 2025. Т. 78. № 11. С. 9 – 33. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.228.11.009-033

15. Сиземова О.Б., Пчелкин А.В., Бурова А.Ю. О концепции правового регулирования деятельности владельцев агрегаторов электронной торговли // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2023. № 6. С. 112 – 119. DOI: 10.52452/19931778_2023_6_112

16. Аюшеева И.З. Правовой режим цифровых платформ как объектов гражданских прав // Lex russica. 2025. Т. 78. № 11. С. 44 – 53. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.228.11.044-053

17. Федеральный закон от 31.07.2025 № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 04.08.2025. № 31. Ст. 4643.

18. Федеральный закон от 31.07.2025 № 290-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 04.08.2025. № 31. Ст. 4644.

19. Воробьева Н.В., Маллабаева А.Л. Правовое регулирование онлайн-платформ в Российской Федерации: на стыке отраслей права и юрисдикций // International Law Journal. 2026. Т. 9. № 2. С. 13 – 21. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-2-13-21

20. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // Собрание законодательства РФ. 31.07.2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3451.

21. Чернышенко И.Г., Баркова А.В. Гражданско-правовая квалификация персональных данных // Юридические исследования. 2024. № 6. С. 56 – 69. DOI: 10.25136/2409-7136.2024.6.70419

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part Two) of January 26, 1996, No. 14-FZ. Collected Legislation of the Russian Federation. January 29, 1996. No. 5. Article 410.

2. Pshenichnikov M.A. The Place of a Contract for the Provision of Services for a Fee in the System of Contractual Types. Civil Law Bulletin. 2024. Vol. 24. No. 1. P. 188 – 210. DOI: 10.24031/1992-2043-2024-24-1-188-210

3. Kryukova A.A. On the Subject of a Contract for the Provision of Consulting Services: Legislative Regulation and Judicial Practice. Humanities. Higher School. 2025. No. 3. P. 53 – 57. DOI: 10.24412/cl-37382-2025-3-53-57

4. Gadzhiev M.R. Features of the Agreement for the Provision of Information and Consulting Services for a Fee. International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2023. No. 9-2 (84). P. 91 – 93. DOI: 10.24412/2500-1000-2023-9-2-91-93

5. Civil Code of the Russian Federation (Part One) of November 30, 1994 No. 51-FZ. Collected Legislation of the Russian Federation. December 5, 1994. No. 32. Art. 3301.

6. Sargsyan V.V. Electronic methods of concluding a contract: concept and types. Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Legal sciences. 2023. Vol. 9 (75). No. 4. P. 185 – 192.

7. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 25.12.2018 No. 49 "On certain issues of applying the general provisions of the Civil Code of the Russian Federation on the conclusion and interpretation of a contract". Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2019. No. 2.

8. Latynin A.O. Freedom of contract as a metacategory of private law regulation in the context of digital transformation. Bulletin of Udmurt University. Series: Economics and Law. 2025. Vol. 35. Issue. 6. P. 1115 – 1122. DOI: 10.35634/2412-9593-2025-35-6-1115-1122

9. Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 04.04.2023 No. 305-ES22-24429 in case No. A40-67639/2021. SPS "ConsultantPlus".

10. Idrysheva S.K. Contracts for the provision of services for a fee under the legislation of Russia and Kazakhstan. Humanitarian and legal studies. 2024. Vol. 11. No. 4. P. 750 – 757. DOI: 10.37493/2409-1030.2024.4.18

11. Law of the Russian Federation of 07.02.1992 No. 2300-1 "On Protection of Consumer Rights". Collected Legislation of the Russian Federation. 15.01.1996. No. 3. Art. 140.

12. Sereda S.P. Consumer Protection in the Digital Environment: Features of Conclusion, Performance, and Termination of Contracts. International Law Journal. 2026. Vol. 9. No. 2. P. 6 – 12. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-2-6-12

13. Zhevnyak O.V. Digital platforms as a type of economic market relations and reflection of this aspect in the legal regime of digital platforms. Legal studies. 2023. No. 8. P. 96 – 127. DOI: 10.25136/2409-7136.2023.8.43646

14. Gabov AV, Sayapin SP Platform relations as a subject of legal regulation. Lex russica. 2025. Vol. 78. No. 11. P. 9 – 33. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.228.11.009-033

15. Sizemova O.B., Pchelkin A.V., Burova A.Yu. On the concept of legal regulation of the activities of owners of e-commerce aggregators. Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. 2023. No. 6. P. 112 – 119. DOI: 10.52452/19931778_2023_6_112

16. Ayusheeva I.Z. Legal regime of digital platforms as objects of civil rights. Lex russica. 2025. Vol. 78. No. 11. P. 44 – 53. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.228.11.044-053

17. Federal Law of 31.07.2025 No. 289-FZ "On Certain Issues of Regulation of the Platform Economy in the Russian Federation". Collected Legislation of the Russian Federation. 04.08.2025. No. 31. Art. 4643.

18. Federal Law of July 31, 2025 No. 290-FZ "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation". Collected Legislation of the Russian Federation. August 4, 2025. No. 31. Article 4644.

19. Vorobyeva N.V., Mallabaeva A.L. Legal Regulation of Online Platforms in the Russian Federation: at the Intersection of Branches of Law and Jurisdictions. International Law Journal. 2026. Vol. 9. No. 2. P. 13 – 21. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-2-13-21

20. Federal Law of July 27, 2006 No. 152-FZ "On Personal Data". Collected Legislation of the Russian Federation. July 31, 2006. No. 31 (Part 1). Art. 3451.

21. Chernyshenko I.G., Barkova A.V. Civil Law Qualification of Personal Data. Legal Research. 2024. No. 6. P. 56 – 69. DOI: 10.25136/2409-7136.2024.6.70419

Информация об авторах

Алекперов К.М., аспирант, Белгородский университет кооперации, экономики и права, kiryusha.alekperov@mail.ru

Внукова В.А., кандидат юридических наук, доцент, Белгородский университет кооперации, экономики и права, kiryusha.alekperov@mail.ru

© Алекперов К.М., Внукова В.А., 2026

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)
УДК 341.641
DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-6-51-57

Легитимность и политическая обусловленность суда над Саддамом Хусейном в Высшем иракском уголовном трибунале

[1] Белозерова И.И., [1] Омар Бако Кака Мам Омар,
[1] Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Аннотация: *актуальность исследования обусловлена необходимостью комплексной оценки легитимности Высшего иракского уголовного трибунала, рассматривавшего дела представителей режима Саддама Хусейна в условиях постконфликтной трансформации Ирака и иностранного военного присутствия. Особое значение имеет анализ соотношения формальной национальной юрисдикции Трибунала и политических факторов, повлиявших на его создание, организацию и осуществление правосудия.*

Цель исследования заключается в выявлении особенностей правовой и политической обусловленности деятельности Высшего иракского уголовного трибунала и определении влияния данных факторов на восприятие его независимости, беспристрастности и легитимности. Для достижения поставленной цели проанализированы нормативно-правовые основания создания и деятельности Трибунала, особенности судебного разбирательства по делу Эд-Дуджейль, процессуальные гарантии обвиняемых, а также обстоятельства вынесения и исполнения смертного приговора Саддаму Хусейну. Отдельное внимание уделено оценкам деятельности Трибунала со стороны международных правозащитных организаций и представителей защиты.

Методологическую основу исследования составили историко-правовой и сравнительно-правовой методы, позволившие рассмотреть иракский опыт в контексте развития механизмов переходного правосудия и международных стандартов справедливого судебного разбирательства. Научная значимость исследования состоит в выявлении противоречия между задачами привлечения представителей авторитарного режима к уголовной ответственности и необходимостью обеспечения институциональной независимости суда, процессуальной справедливости и национального примирения.

В результате исследования установлено, что формальное соответствие деятельности Трибунала национальному законодательству не обеспечило его однозначного восприятия в качестве независимого и беспристрастного судебного органа. Существенное влияние иностранных сил и внутриполитических акторов, особенности процессуальной организации, применение смертной казни и поспешное исполнение приговора обусловили значительную политизацию процесса. Иракский опыт свидетельствует о том, что легитимность переходного правосудия определяется не только фактом привлечения виновных к ответственности, но и соблюдением процессуальных гарантий, институциональной независимостью судебных органов и способностью правосудия способствовать долгосрочному национальному примирению.

Ключевые слова: *высший иракский уголовный трибунал, Саддам Хусейн, переходное правосудие, легитимность правосудия, судебная независимость, политизация правосудия, справедливое судебное разбирательство, преступления против человечности, дело Эд-Дуджейль, национальное примирение*

Для цитирования: Белозерова И.И., Омар Бако Кака Мам Омар Легитимность и политическая обусловленность суда над Саддамом Хусейном в Высшем иракском уголовном трибунале // International Law Journal. 2026. Том 9. № 6. С. 51 – 57. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-6-51-57

Поступила в редакцию: 8 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 5 августа 2026 г.; Принята к публикации: 2 октября 2026 г.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Legitimacy and political conditionality of the trial of Saddam Hussein at the Supreme Iraqi Criminal Tribunal

[1] Belozerova I.I., [1] Omar Bako Kaka Mam Omar,
[1] Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

Abstract: *the relevance of the study lies in the need for a comprehensive assessment of the legitimacy of the Iraqi High Tribunal, which tried cases against representatives of Saddam Hussein's regime amid Iraq's post-conflict transformation and the presence of foreign military forces. Of particular importance is an analysis of the relationship between the Tribunal's formal national jurisdiction and the political factors that influenced its establishment, organization, and administration of justice.*

The aim of the study is to identify the legal and political factors underlying the activities of the Iraqi High Tribunal and to determine their impact on perceptions of its independence, impartiality, and legitimacy. To achieve this aim, the study analyzes the legal and regulatory framework governing the Tribunal's establishment and activities, the specific features of the trial in the Al-Dujail case, the procedural safeguards afforded to the accused, as well as the circumstances surrounding the imposition and execution of the death sentence against Saddam Hussein. Particular attention is paid to assessments of the Tribunal's activities by international human rights organizations and members of the defense team.

The methodological framework of the study is based on historical-legal and comparative-legal methods, which make it possible to examine the Iraqi experience in the context of the development of transitional justice mechanisms and international standards of fair trial. The academic significance of the study lies in identifying the tension between the objective of holding representatives of an authoritarian regime criminally accountable and the need to ensure institutional judicial independence, procedural fairness, and national reconciliation.

The study finds that formal compliance of the Tribunal's activities with national legislation did not ensure its unequivocal perception as an independent and impartial judicial body. The significant influence of foreign forces and domestic political actors, the specific features of the procedural framework, the use of the death penalty, and the hasty execution of the sentence contributed to the substantial politicization of the proceedings. The Iraqi experience demonstrates that the legitimacy of transitional justice is determined not only by the fact that those responsible are held accountable, but also by respect for procedural safeguards, the institutional independence of judicial bodies, and the ability of the justice system to contribute to long-term national reconciliation.

Keywords: *Iraqi High Tribunal, Saddam Hussein, transitional justice, legitimacy of justice, judicial independence, politicization of justice, fair trial, crimes against humanity, Al-Dujail case, national reconciliation*

For citation: Belozerova I.I., Omar Bako Kaka Mam Omar Legitimacy and political conditionality of the trial of Saddam Hussein at the Supreme Iraqi Criminal Tribunal. International Law Journal. 2026. 9 (6). P. 51 – 57. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-6-51-57

The article was submitted: July 8, 2026; Approved after reviewing: August 5, 2026; Accepted for publication: October 2, 2026.

Введение

Суд над Саддамом Хусейном в Высшем иракском уголовном трибунале (первоначально он назывался Специальным иракским трибуналом) остаётся одним из самых ярких и противоречивых эпизодов в истории переходного правосудия Ирака. Это был первый случай, когда бывший глава арабского государства предстал перед национальным судом по обвинениям в преступлениях против человечности, военных преступлениях и геноциде, и всё это на фоне глубокого политического кризиса, вторжения со стороны других государств и попыток построить новое государство.

К началу 2003 года Ирак оставался под жёстким контролем авторитарного режима Саддама Хусейна и партии «Баас», которые полностью монополизировали власть и систематически подавляли любую оппозицию. Международная изоляция страны, вызванная вторжением в Кувейт в 1990 году и последующими санкциями ООН, привела к глубокому экономическому кризису и росту социального недовольства. В марте 2003 года международная коалиция во главе с США свергла режим [1].

Свержение режима в апреле 2003 года вызвало быстрый распад государственных структур. Роспуск иракской армии и политика дебаасификации уничтожили основные механизмы поддержания порядка, что привело к вакууму власти, массовым грабежам и резкому обострению межконфессиональных конфликтов

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

между шиитским большинством и суннитским меньшинством. 13 декабря 2003 года бывший президент Ирака Саддам Хусейн был арестован американскими силами в ходе военной операции «Red Dawn» недалеко от Тикрита. Арест носил характер военного задержания военнопленного и не был основан на судебном ордере [2].

На протяжении десятилетий режим Хусейна проводил политику жёстких репрессий против политической оппозиции и этнических меньшинств. Наибольшую известность получила кампания «Анфаль» (1986–1989 гг.) против курдского населения, кульминацией которой стала химическая атака на Халабджу в марте 1988 года, а также массовые карательные операции после шиитского восстания 1991 года. Ключевым эпизодом стала резня в городе Эд-Дуджейль в 1982 году. После неудачного покушения на Саддама Хусейна, которое так и не было до конца расследовано, было убито от 142 до 148 жителей, и среди них, что особенно трагично, дети. Арестовано около 1500 человек, уничтожены обширные сельскохозяйственные угодья. Эти действия квалифицируются как преступления против человечности, геноцид и военные преступления [3] [4].

Создание Трибунала в октябре 2003 года стало прямым следствием свержения режима Саддама Хусейна в результате военной интервенции международной коалиции. Новые иракские власти рассматривали учреждение специального судебного органа как инструмент легитимности своего положения и провозглашение различных свобод как способ демонстрации разрыва с практиками прежнего авторитарного правительства. Важным фактором стало стремление обеспечить правовую оценку систематических нарушений прав человека, совершённых баасистским руководством за десятилетия его пребывания у власти.

Основной целью исследования является анализ противоречия между официальной независимостью Трибунала и внешним политическим влиянием. Несмотря на заявления о национальном характере суда, его создание и финансирование при активном участии международных сил вызывало ещё больше вопросов. Многие эксперты сделали такие наблюдения, и трудно не согласиться с ними. Сами сроки проведения судебного процесса, равно как и выбор конкретных обвинений, диктовались в первую очередь тактическими соображениями и интересами временного правительства. Кроме этого, политическая ангажированность процессуальных решений существенно ограничила восприятие трибунала как беспристрастного органа правосудия. И это восприятие, что особенно важно, сложилось как внутри Ирака, так и на международной арене.

Материалы и методы исследований

Представленное исследование опирается на специальные законы, касающиеся этого беспрецедентного дела, и в первую очередь на Закон о Высшем иракском уголовном трибунале № 10 от 2005 года. Этот закон был опубликован в «Иракской газете» (Al-Waqa'i Al-Iraqiya) под номером 4006 [5].

Для данного процесса первостепенными документами были также акт об учреждении Трибунала в соответствии с Приказом № 48, изданным Временной коалиционной администрацией, и Закон об управлении государством в переходный период.

Научное исследование также основывается на отчётах международных организаций Amnesty International и Human Rights Watch, опубликованных во время и после процесса, в которых задокументирована юридическая критика процедур Трибунала.

Юридической основой для Трибунала послужили как национальное законодательство, так и нормы международного права, включая Римский статут Международного уголовного суда. Однако создание суда в присутствии иностранных сил вызвало ряд вопросов, и прежде всего о независимости иракской судебной системы.

В основании обвинения легли доказательства преступлений против человечности, включая кампанию «Анфаль» против курдского народа и подавление шиитского восстания в 1991 году.

Методологическую основу исследования составили историко-правовой и сравнительно-правовой подходы, позволившие рассмотреть создание и функционирование Трибунала в контексте постконфликтной трансформации Ирака, а также сопоставить заявленные принципы его деятельности с требованиями справедливого судебного разбирательства и концепцией переходного правосудия.

Результаты и обсуждения

В ответ на систематические нарушения прав человека, которые носили, по сути, системный характер, 10 декабря 2003 года Временная коалиционная администрация учредила Специальный иракский уголовный трибунал (Приказ № 48). Однако это был лишь первый шаг. 9 августа 2005 года Национальная ассамблея Ирака приняла Закон № 10 от 2005 года, который преобразовал его в Высший иракский уголовный трибу-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

нал. Новый закон, что существенно, подтвердил законность всех предыдущих процедур и установил юрисдикцию трибунала над геноцидом, военными преступлениями и преступлениями против человечности за период с 17 июля 1968 года по 1 мая 2003 года. Правовая основа трибунала представляла собой гибридную модель, сочетавшую нормы иракского уголовного законодательства с принципами международного гуманитарного права, включая элементы Римского статута МУС [6, 7].

С самого начала создание трибунала под контролем иностранных сил породило серьёзные сомнения в его независимости и соответствии международным стандартам справедливого судопроизводства. Критики, включая Human Rights Watch и Amnesty International, указывали на целый ряд проблем: отсутствие апелляционной инстанции в первоначальной версии устава, суженную дефиницию преступлений против человечности, возможность применения смертной казни и, наконец, нарушение принципа nullum crimen sine lege [8]. Процессуальная архитектура трибунала, сочетавшая элементы англосаксонской и континентальной моделей, создала значительную правовую неопределённость [9].

Сторонники трибунала, в свою очередь, обосновывали его легитимность принципами восстановления национального суверенитета и концепцией переходного правосудия. Они подчёркивали: иракский народ имеет право самостоятельно судить преступления прежнего режима.

Команда защиты насчитывала 22 адвоката во главе с Халилем ад-Дулейми, при участии Рэмси Кларка, Наджиба ан-Нуайми и других. Она активно оспаривала легитимность суда. Адвокаты указывали на политическое давление, предвзятость судьи Рауфа Абдель Рахмана, недостаток времени для подготовки защиты и убийства нескольких адвокатов защиты [10]. Последнее обстоятельство, а именно физическое устранение защитников, ставит под вопрос сам принцип состязательности [10].

Судебный процесс по делу «Эд-Дуджейль» начался 19 октября 2005 года и продолжался до 5 ноября 2006 года. Трибунал выбрал именно это дело, поскольку имел достаточно доказательств личной причастности Саддама Хусейна. 5 ноября 2006 года Первая судебная палата под председательством судьи Рауфа Рашида Абдель Рахмана признала Саддама Хусейна, Барзана Ибрагима и Авада аль-Бандара виновными в преступлениях против человечности и приговорила их к смертной казни через повешение [11].

26 декабря 2006 года Кассационная палата утвердила приговор [12].

30 декабря 2006 года, на рассвете в первый день праздника Ид аль-Адха, смертный приговор в отношении Саддама Хусейна был приведён в исполнение в лагере «Кроппер» близ Багдада. Казнь произошла с необычайной поспешностью и вызвала острую критику за нарушение процессуальных сроков и религиозных норм [13].

Международные правозащитные организации Amnesty International и Human Rights Watch охарактеризовали процесс как «фундаментально несправедливый», «суд-засаду» и «упущенную возможность» для установления верховенства права в Ираке. ООН полностью дистанцировалась от трибунала из-за несоответствия международным стандартам и высокой вероятности вынесения смертного приговора [14].

Исполнение приговора имело противоречивые последствия для иракского общества. Шиитское и курдское население восприняло казнь как акт исторической справедливости, в то время как суннитская община увидела в ней акт политической мести шиитского большинства. Это привело к дальнейшей эскалации сектантского насилия в 2006–2007 годах, которая, по сути, подорвала доверие к новому правительству и серьёзно затруднила процесс национального примирения. Кроме того, казнь прервала судебный процесс по делу «Анфаль», лишив общество возможности получить полную картину преступлений прошлого режима [5].

Иракский опыт, который сегодня уже можно анализировать с известной долей исторической дистанции, наглядно продемонстрировал сложности обеспечения независимости судебных институтов в условиях политического транзита и иностранного присутствия. Он выявил фундаментальную дилемму переходного правосудия, которая заключается в противоречии между необходимостью уголовного преследования виновных и задачами национального примирения.

Проблема легитимности трибунала спровоцировала серьёзный раскол в юридическом сообществе. Защитники процесса настаивали на его полной правомерности и соответствии иракскому законодательству, оценивая ход судебного разбирательства как максимально справедливый и гуманный. Критики же, напротив, акцентировали внимание на уязвимости суда в вопросах независимости процедур. Они указывали, что вмешательство внешних сил и внутренних политических акторов привело к отступлению от базовых стандартов справедливого правосудия. В конечном счёте всё это поставило под обоснованное сомнение абсолютную беспристрастность всего процесса.

Судебный вердикт по делу Саддама Хусейна, обернувшийся в итоге смертной казнью, был официально вынесен с опорой на представленные доказательства. Однако анализ процесса выявил системные недостатки в процедурах сбора доказательств и обеспечении процессуальных гарантий обвиняемым. Политико-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

правовые последствия приговора оказались неоднозначными: с одной стороны, он символизировал торжество справедливости, с другой – усугубил существовавшие в обществе расколы, не решив задач национального примирения. Неспособность судебного вердикта стать основой для объединения остаётся наиболее болезненным уроком иракского дела.

Мнения юристов разделились, и это разделение отражает глубину проблемы. Команда защиты постоянно оспаривала легитимность и беспристрастность Трибунала. Международные правозащитные организации Human Rights Watch, Amnesty International и многие другие указывали на процедурные нарушения. Правительство США приветствовало приговор как «великое достижение для иракского народа». Этот разброс оценок, от полного неприятия до политически мотивированной поддержки, лишь подтверждает, что иракский трибунал стал не столько юридическим, сколько политико-правовым феноменом, требующим комплексного осмысления.

Решение суда свелось к осуждению Саддама Хусейна по делу Эд-Дуджейль в обход других дел и его казни 30 декабря 2006 года в спорное время – в первый день Ид аль-Адха, что помешало привлечению его к ответственности за преступления геноцида в ходе кампании «Анфаль» и применение химического оружия.

Вопрос о том, возможно ли достичь баланса между необходимостью привлечения к ответственности военных преступников и соблюдением международных стандартов справедливого суда, остаётся открытым. Все стороны, от Amnesty International до Human Rights Watch, согласны в том, что процесс стал «упущенной возможностью» для утверждения верховенства закона в Ираке.

Иракский опыт функционирования специального трибунала наглядно демонстрирует фундаментальную дилемму переходного правосудия.

Выводы

Создание Высшего иракского уголовного трибунала явилось объективной необходимостью для привлечения к ответственности лиц, виновных в преступлениях прежнего режима, в условиях постконфликтной трансформации. Исторический анализ показал: трибунал стал инструментом национального правосудия, призванным обеспечить символический разрыв с авторитарным прошлым. Вместе с тем тот факт, что процесс формирования и механизмы работы суда протекали в специфических правовых реалиях, вызванных падением режима Саддама Хусейна, изначально заложил его двойственную природу как юридического учреждения.

Главный урок заключается в том, что судебный механизм по данному делу сам по себе недостаточен. Эффективное преодоление наследия авторитаризма требует комплексного подхода, сочетающего уголовное правосудие с комиссиями по установлению истины, программами репараций и институциональными реформами [15].

Иракский опыт функционирования специального трибунала, который сегодня уже может быть осмыслен в более широком контексте, наглядно демонстрирует фундаментальную дилемму переходного правосудия.

Извлечённые уроки указывают на критическую важность обеспечения институциональной независимости судебных органов, которая, в свою очередь, предполагает минимизацию политического вмешательства и ориентацию на долгосрочные цели социальной консолидации. И последнее обстоятельство – нацеленность не на сиюминутное удовлетворение, а на устойчивое развитие – выступает наиболее сложной, но и наиболее значимой задачей.

Эти выводы имеют существенное значение для разработки аналогичных механизмов в других постконфликтных обществах. Опыт Ирака, при всей его противоречивости, служит своего рода прецедентом, который демонстрирует как возможные достижения, так и очевидные просчёты. И именно этот баланс между уроком и предостережением, между достигнутым и упущенным остаётся главным вкладом иракского уголовно-процессуального права в теорию и практику переходного правосудия.

Таким образом, вопрос о легитимности Высшего иракского уголовного трибунала не может рассматриваться исключительно с позиции формального соответствия национальному законодательству. Формальная национальная юрисдикция сочеталась с существенным влиянием политических и внешних факторов, что непосредственно отразилось на восприятии суда как независимого и беспристрастного органа. Иракский опыт показывает, что легитимность переходного правосудия определяется не только самим фактом привлечения виновных к ответственности, но и соблюдением процессуальных гарантий, институциональной независимостью суда и способностью судебного процесса способствовать национальному примирению.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Список источников

1. Russell Steve We Got Him! A Memoir of the Hunt and Capture of Saddam Hussein. New York: Threshold Editions, 2011. 480 p.
2. Coll Steve. The Achilles Trap: Saddam Hussein, the C.I.A., and the Origins of America's Invasion of Iraq. New York: Penguin Books, 2025. 576 p.
3. Ahmed Awara Hussein, Ameen Jamal Mohammed Amnesty for Kurdish Genocide Perpetrators: Perspectives from National and International Law // The Palgrave Handbook of Kurdish Genocides. Cham: Springer, 2025. P. 543 – 564.
4. Morone Diego Pasquale The Kurdish Case, Genocide or Victims of Politics? Legal Memories from Al-Anfal // Review of Law and Social Sciences. 2025. Vol. 3. No. 1. P. 113 – 126.
5. Iraqi High Criminal Court Law No. (10) of 2005 // Official Gazette of the Republic of Iraq. 2005. No. 4006. P. 1. Полное наименование закона подтверждается официальной публикацией Министерства юстиции Ирака.
6. Аль-Мухамед Гани Зкаер Атия. Судебная система Республики Ирак в соответствии принципа разделения власти // Территория науки. 2013. № 1. С. 128 – 133.
7. Хасан Хунар Амеен Хасан Преступление геноцида: вопросы подсудности // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 2 (51). С. 98 – 102.
8. Triponel Anna Can the Iraqi Special Tribunal Further Reconciliation in Iraq? // Cardozo Journal of International and Comparative Law. 2007. Vol. 15. No. 2. P. 277 – 320.
9. Шакирова Р.И. Понятие уголовной юрисдикции смешанного типа: гибридные трибуналы и интернационализированные суды // Вестник экономики, права и социологии. 2018. № 1. С. 155 – 158.
10. Mojtahedi Mohammad Hossein, Bolhuis Maarten P., Wijk Joris van Potential Tensions and Synergies between DDR and Transitional Justice in Relation to Pro-Government Militias: The Case of the PMF in Post-IS Iraq // Conflict, Security & Development. 2025. Vol. 25. No. 1. P. 1 – 36.
11. Sissons Miranda, Bassin Ari S. Was the Dujail Trial Fair? // Journal of International Criminal Justice. 2007. Vol. 5. No. 2. P. 272 – 286.
12. Badar Mohamed Elewa Laying the Groundwork for Prosecuting ISIS for Core International Crimes before an Iraqi Criminal Tribunal 2.0 // International Criminal Law Review. 2025. Vol. 25ю No. 6. P. 939 – 1001.
13. Ханалиев Н.У. Роль ИГИЛ в контексте шиитско-суннитского противостояния на Ближнем Востоке // PolitBook. 2019. № 1. С. 154 – 168.
14. Watson Alison M.S. Global Monitor: Human Rights Watch // New Political Economy. 2004. Vol. 9, No. 3. P. 441 – 453.
15. Медушевский А.Н. Международное правосудие в поисках равновесия между правом и политикой (часть 2) // Вопросы теоретической экономики. 2025. № 3 (28). С. 119 – 133.

References

1. Russell Steve We Got Him! A Memoir of the Hunt and Capture of Saddam Hussein. New York: Threshold Editions, 2011. 480 p.
2. Coll Steve. The Achilles Trap: Saddam Hussein, the C.I.A., and the Origins of America's Invasion of Iraq. New York: Penguin Books, 2025. 576 p.
3. Ahmed Awara Hussein, Ameen Jamal Mohammed Amnesty for Kurdish Genocide Perpetrators: Perspectives from National and International Law. The Palgrave Handbook of Kurdish Genocides. Cham: Springer, 2025. P. 543 – 564.
4. Morone Diego Pasquale The Kurdish Case, Genocide or Victims of Politics? Legal Memories from Al-Anfal. Review of Law and Social Sciences. 2025. Vol. 3. No. 1. P. 113 – 126.
5. Iraqi High Criminal Court Law No. (10) of 2005. Official Gazette of the Republic of Iraq. 2005. No. 4006. P. 1. The full name of the law is confirmed by the official publication of the Iraqi Ministry of Justice.
6. Al-Mohamed Ghani Zkaer Atiya The Judicial System of the Republic of Iraq in Accordance with the Principle of Separation of Powers. Territory of Science. 2013. No. 1. P. 128 – 133.
7. Hasan Hunar Ameen Hasan The Crime of Genocide: Jurisdictional Issues. Current Issues of Russian Law. 2015. No. 2 (51). P. 98 – 102.
8. Triponel Anna Can the Iraqi Special Tribunal Further Reconciliation in Iraq? Cardozo Journal of International and Comparative Law. 2007. Vol. 15. No. 2. P. 277 – 320.
9. Shakirova R.I. The Concept of Mixed-Type Criminal Jurisdiction: Hybrid Tribunals and Internationalized Courts. Bulletin of Economics, Law, and Sociology. 2018. No. 1. P. 155 – 158.

10. Mojtahedi Mohammad Hossein, Bolhuis Maarten P., Wijk Joris van Potential Tensions and Synergies between DDR and Transitional Justice in Relation to Pro-Government Militias: The Case of the PMF in Post-IS Iraq. Conflict, Security & Development. 2025. Vol. 25. No. 1. P. 1 – 36.

11. Sissons Miranda, Bassin Ari S. Was the Dujail Trial Fair? Journal of International Criminal Justice. 2007. Vol. 5. No. 2. P. 272 – 286.

12. Badar Mohamed Elewa Laying the Groundwork for Prosecuting ISIS for Core International Crimes before an Iraqi Criminal Tribunal 2.0. International Criminal Law Review. 2025. Vol. 25, No. 6. P. 939 – 1001.

13. Khanaliev N.U. The Role of ISIS in the Context of the Shiite-Sunni Confrontation in the Middle East. PolitBook. 2019. No. 1. P. 154 – 168.

14. Watson Alison M.S. Global Monitor: Human Rights Watch. New Political Economy. 2004. Vol. 9. No. 3. P. 441 – 453.

15. Medushevsky A.N. International Justice in Search of a Balance between Law and Politics (Part 2). Issues of Theoretical Economics. 2025. No. 3 (28). P. 119 – 133.

Информация об авторах

Белозерова И.И., кандидат юридических наук, доцент, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, belozerova_ii@pfur.ru

Омар Бако Кака Мам Омар, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, 1032255089@rudn.ru

© Белозерова И.И., Омар Бако Кака Мам Омар, 2026

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)
УДК 347.783
DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-6-58-63

Незаконная реализация мультпликационных и анимационных персонажей на одежде

[1] Гейнеман А.А.,
[1] Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова

Аннотация: *в статье анализируется правовой статус мультипликационных и анимационных персонажей, в том числе в связи с их одновременной регистрацией в качестве товарных знаков. В целях получения стабильного дохода крупнейшие корпорации в сфере медиа и развлечений, анимационные компании и государственные киностудии мультипликационных фильмов стабильно регистрируют мультипликационные персонажи в качестве товарных знаков, создают коллаборации с брендами одежды и массово направляют претензии и иски к правонарушителям не только за незаконное использование изображений персонажей мультфильмов, как объектов авторских прав, а также с требованиями о взыскании компенсации за нарушение исключительных прав на товарные знаки. В статье предлагается проанализировать подходы судов в делах, связанных с незаконным коммерческим использованием персонажей на одежде и определить правой статус мультипликационных и анимационных персонажей, исходя из сложившейся правоприменительной практики.*

Ключевые слова: *персонаж, мультипликационный персонаж, анимационный персонаж, товарный знак, интеллектуальная собственность, авторское право, право интеллектуальной собственности, право в индустрии моды, «модное» право*

Для цитирования: Гейнеман А.А. Незаконная реализация мультпликационных и анимационных персонажей на одежде // International Law Journal. 2026. Том 9. № 6. С. 58 – 63. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-6-58-63

Поступила в редакцию: 8 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 5 августа 2026 г.; Принята к публикации: 2 октября 2026 г.

Illegal sale of cartoon and animated characters on clothing

[1] Geineman A.A.,
[1] Plekhanov Russian University of Economics

Abstract: *this article analyzes the legal status of cartoon and animation characters, consistent with the process of registering cartoon characters as trademarks. To generate stable income, major media and entertainment corporations, animation companies, and state-owned animation film studios regularly register cartoon characters as trademarks, collaborate with clothing brands, and file large-scale claims and lawsuits against infringers not only for the illegal use of cartoon character images as copyrighted objects, but also for compensation for infringement of exclusive trademark rights.*

Keywords: *character, cartoon character, animation character; trademark, intellectual property, copyright, intellectual property law, fashion law, fashion law*

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

For citation: Geineman A.A. Illegal sale of cartoon and animated characters on clothing. International Law Journal. 2026. 9 (6). P. 58 – 63. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-6-58-63

The article was submitted: July 8, 2026; Approved after reviewing: August 5, 2026; Accepted for publication: October 2, 2026.

Введение

В современном мире мультипликационные и анимационные персонажи являются не просто популярными детскими героями мультфильмов, мультсериалов, художественных анимационных фильмов, видеоигр и тд., но при этом, несмотря на свою виртуальность, являются настоящими амбасадорами известных брендов одежды в реальном мире. Люксовые Бренды и мировые бренды массмаркета создают коллаборации и выпускают линейки детской одежды, используя на одежде товарные знаки крупнейших корпораций в сфере медиа и развлечений, анимационных компаний и государственных киностудий мультипликационных фильмов.

Материалы и методы исследований

В качестве примеров предлагается рассмотреть деятельность всемирно известных брендов индустрии моды. В 2024 году бренд Jimmy Choo реализовал коллекцию сумок с героями аниме «Sailor Moon», а в 2020 году бренд Gucci выпускал коллекции с культовым персонажем «Микки Маус». В 2024 году итальянский бренд Geox выпустил куртки и теплую обувь с персонажами мультсериала «Маша и Медведь», а именно кроссовки Geox Illuminus; утепленные ботинки Geox Junette; утепленные кроссовки Geox Theleven; дутые сноубуты Geox Willaboom. В 2022 году Бренд Givenchy в коллаборации с Disney выпустил коллекцию одежды с героями мультфильма 101 долматинец. В 2023 году бренд Tommy Hilfiger создал капсульную коллекцию, посвященную Микки Маусу. В 2023 году H&M выпускал комплекты одежды с персонажами из мультсериала «Маша и медведь», также в этом же году в честь 100-летия студии Disney, массмаркет H&M выпустил коллекцию одежды Disney100 x H&M. К 30-летию «Истории игрушек» была выпущена коллаборация Levi's, Disney и Pixar. Компания Crocs систематически выпускает обувь с мультипликационными персонажами, например в 2024 году компания выпустила обувь Crocs x Бэтман, Crocs x Шрек, Crocs x История игрушек.

В отечественной индустрии моды, подобными примерами могут служить коллаборация Союзмультфильм и российского бренда одежды Monochrome, которые выпустили джемперы, толстовки, футболки с героями мультфильмов «Бременские музыканты» и «Винни Пух». В 2026 году российский бренд одежды «Индивид» из города Архангельск, на официальных сайтах продает футболки и лонгсливы из официальной коллекции «СОЮЗМУЛЬТФИЛЬМ» с Волком и зайцем из «Ну, погоди!», с персонажами мультфильма «Винни Пух», с героями «Котенок по имени Гав», с героями из «Трое из Простоквашино» и многое другое. Отечественный бренд одежды SELA, в 2026 году, также радует поклонников советских мультфильмов Союзмультфильм и продает футболки, свитшоты и носки с попугаем Кеша и Винни Пухом на официальном сайте магазина [13].

Помимо производства одежды, в целях увеличения продаж популярные бренды используют героев мультфильмов в рекламе, например в 2022 году компания Givenchy выпустила рекламу с Микки Маусом, который является легендарным персонажем транснациональной медиакорпорации в сфере медиа и развлечений The Walt Disney Company. В России в 2002 году, компания Health & Nutrition впервые заключила лицензионный договор с Эдуардом Успенским для использования кота Матроскин из «Трое из Простоквашино», который стал главным амбассадором молочной продукции и радует потребителей в рекламе уже на протяжении 24 лет.

Говоря о коммерческой стороне использования анимационных персонажей в продуктовом маркетинге, Гладких И.В. и Старов С.А. отмечают, что продажа детского анимационного фильма не дает возможности получать стабильный доход и обеспечивать рентабельность проекта. Законодательный запрет на показ рекламы в детских передачах ограничивает такую возможность. Авторы проекта «Смешарики» активно использовали героев мультсериала для того, чтобы продавать товары и услуги для детей [2].

Результаты и обсуждения

Переходя к вопросу правового использования мультипликационных и анимационных персонажей и к правоприменительной практике, стоит отметить, что правообладатели имеют широкий спектр возможностей для коммерческого использования и правой защиты.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Несмотря на то, что мультипликационный и анимационный персонажи это неотъемлемая часть аудиовизуального произведения (мультфильма, мультсериала, анимационного фильма и др.), однако, согласно п.7 ст.1259 ГК РФ персонаж может охраняться авторским правом не только как составная часть аудиовизуального произведения, но и как самостоятельный результат интеллектуальной деятельности.

В соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» под персонажем следует понимать совокупность описаний и (или) изображений того или иного действующего лица в произведении в форме (формах), присущей (присущих) произведению: в письменной, устной форме, в форме изображения, в форме звуко- или видеозаписи, в объемно-пространственной форме и др. [8].

Таким образом, мультипликационный персонаж является объектом авторского права, как самостоятельный результат творческого труда его создателя (автора) или правообладателя, которому перешли права.

В понимании гражданского законодательства в целях защиты прав на персонаж истец должен обосновать суду обладает ли данный герой произведения характерными индивидуальными особенностями: внешний вид, характер, движения, голос, мимика, особенности речи или другие особенности, которые становятся узнаваемыми при его отдельном использовании от произведения.

Зачастую правообладатели мультипликационных и анимационных персонажей не останавливаются на охране персонажа, как самостоятельного объекта авторского права и регистрируют изображения персонажей в качестве товарного знака в целях придания детскому герою двойной защиты.

На сегодняшний день, около 100 изображений мультипликационных персонажей зарегистрированы в качестве товарных знаков Федеральное государственное унитарное предприятие "Творческо-производственное объединение "Киностудия "Союзмультфильм": №756546 – Заяц из мультфильма «Ну, погоди!»; № 751836- Волк из мультфильма «Ну, погоди!»; № 754873 – принцесса из мультфильма «Бременские музыканты»; №754872 – Чебурашка; № 756643 – Кот Матроскин из мультфильма «Трое из Простоквашино» и другие. Также, ООО "СОЮЗМУЛЬТФИЛЬМ" зарегистрировало более 20 мультипликационных персонажей, в частности героев из мультфильмов «Летучий корабль», «Золушка», «Винни Пух» и др.

В связи с чем, Союзмультфильм подаёт иски к правонарушителям не только за незаконное использование изображений персонажей мультфильмов, как объектов авторских прав, но и о взыскании компенсации за нарушение исключительных прав на товарные знаки.

Проанализировав судебные акты по искам АО «Киностудия «Союзмультфильм» и ООО «Союзмультфильм», связанным с незаконной продажей одежды с изображениями мультипликационных и анимационных персонажей в отношении дел № А50- 30731/2024, № А79-1890/2024, Истцами было подтверждено, что Исключительные права на товарный знак принадлежат Акционерному обществу АО "Киностудия "Союзмультфильм", а права на использование персонажей на условиях исключительной лицензии принадлежат ООО "Союзмультфильм". Правонарушения заключаются в незаконной продаже контрафактной одежды с нанесенными на неё изображениями персонажей и товарных знаков, а также в предложении о продаже такой одежды на интернет- сайте. Со своей стороны Истцы приводят в качестве доказательств товарные чеки, видеоматериалы контрольной закупки, контрафактный товар в виде вещественного доказательства и базы данных с идентификацией продавца. Таким образом, единообразие в удовлетворении исковых требований о возмещении компенсации, в частности за незаконную продажу контрафакта в среднем составляет от 50 000 рублей за каждый факт нарушения прав на товарный знак и 50 000 рублей за нарушение прав на персонажа.

Изучив судебную практику, связанную с незаконным использованием на одежде персонажей иностранного правообладателя «Disney Enterprises, Inc.», стоит отметить, что несмотря на отсутствие зарегистрированных на территории РФ товарных знаков, суды устанавливают, что обозначения на одежде воспроизводят объекты авторского права, зарегистрированные в США, квалифицировав по ч. 1 ст. 7.12 КоАП РФ. В частности, при рассмотрении дела № 5-34/2022 , суд признал охрану персонажей страны – участницы согласно Бернской конвенции, в связи с чем были использованы свидетельства авторского права США как с указанием номеров VA 1-869-411 (Frozen); VA 2-191-928 (Lion King); VA 1-850-709 (София Прекрасная); VA 1-800-720 (Pixar Cars), так и без указания, перечислив названия персонажей «Elena of Avalor» и «Моана». Постановление суда было принято на основании п. 7 ст. 1259 ГК РФ и направлено на уничтожение контрафакта и наложение минимального штрафа в размере 30 000 рублей согласно ч. 1 ст. 7.12 КоАП РФ [1, 7].

По делу № А55-24229/2021 судом был установлен незаконный ввоз на территорию России 2700 детских платьев с изображением Минни Маус. В данном деле незаконное использование персонажа на одежде рас-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

сматривалось в виде незаконного использования исключительных прав на товарный знак Disney. Примечательно, что несмотря на пропуск срока для возложения штрафа, контрафактная одежда, изъятая из незаконного оборота подлежит обязательному уничтожению согласно п. 2 ч. 3 ст. 29.10 КоАП РФ и разъяснению Пленума ВАС №10.

Следовательно, в более поздней судебной практике судами сформулирована позиция относительно возможности признания персонажа самостоятельным объектом правовой охраны вне рамок самого произведения. Вышестоящие судебные инстанции указывают на то, что использование прав на всю совокупность товарных знаков – образов персонажей анимационного сериала не следует квалифицировать одним единым нарушением, так как такой подход нельзя признать обоснованным, ввиду того, что между такими персонажами отсутствует общий повторяющийся словесный или изобразительный элемент. То есть речь идет не об одном комбинированном объекте, а о нескольких самостоятельных элементах (персонажах), в связи с чем, персонажей не следует рассматривать как единую серию, подлежащую признанию в совокупности.

Автор научной статьи «К вопросу о нарушении исключительных прав на персонажей» Ермакова М.А. предлагает предоставлять отдельную компенсацию за каждого самостоятельного персонажа, наделенного индивидуальными признаками, одновременно с возмещением ущерба за все произведение в целом, если незаконно были использованы также «второстепенные» персонажи, не подпадающие под самостоятельную правовую защиту [6].

С.С. Тамазян отмечает, что при предъявлении требования о взыскании компенсации за нарушение исключительного права выбор объекта (персонаж или изображение персонажа) относится к дискреции истца. Следовательно, в случае обращения за защитой прав на изображения (рисунки) ответственность может быть установлена по количеству изображений (не персонажей) [9].

Обращаясь к статистике контрафактной одежды, реализуемой на территории России, по данным Инк. в нише спортивной обуви лидером по продаже контрафактной одежды за 2025 год является бренд Nike, что составило 29% от общей массы контрафакта. У Бренда New Balance зафиксировано 34 990 подделок основных моделей, Adidas (19 462) и Asics (16 610). В люксовом сегменте лидируют Balenciaga (2 514 подделок, 43%) и Louis Vuitton Trainer (2 236 подделок, 21%).

Необходимо обратить внимание, что самым подделываемым объектом 2025 года стал именно персонаж Labubu бренда Pop Mart, продажа подделок которого была зафиксирована 1 233 раза [10].

В апреле 2026 года 13 топ-менеджеров, в числе которых председатель совета директоров киностудии «Союзмультфильм» Юлиана Слащева направили Правительству РФ, Минпромторгу, Минэкономразвития, ФАС и Роспотребнадзору – письмо с новой инициативой для противодействия распространению контрафактной продукции на маркетплейсах. В обращении указано, что доля контрафакта достигает 20-50% продаж в зависимости от отрасли и категории товаров. При этом, большая часть контрафакта реализуется на маркетплейсах. В письме предлагается закрепить порядок изъятия, документирования, хранения и уничтожения контрафактной продукции и обязать маркетплейсы внедрить автоматизированную проверку карточек товаров на этапе регистрации. Инициаторы обращения предлагают установить для зарубежных селлеров «институт гарантийных депозитов», из средств которых будет компенсироваться ущерб правообладателям [11].

В рамках Петербургского международного экономического форума (ПМЭФ) председатель АКОРТ Станислав Богданов озвучил, что одним из самых наиболее подделываемых категорий товаров является одежда и спортивная обувь [12].

Выводы

Исследование правовой охраны мультипликационных и анимационных персонажей продемонстрировало отсутствие единообразия в правоприменительной практике при разрешении споров, связанных с незаконным использованием персонажей на одежде. Главенствующий подход судов основан на положении постановления Пленума № 10, в соответствии с которым часть произведения подлежит защите в качестве самостоятельного РИД лишь при использовании такой части в отрыве от всего произведения в целом. Вместе с тем суды также исходят из того, что одновременное использование нескольких персонажей предполагает правовую защиту каждого из них как самостоятельного объекта авторского права. Процесс регистрации персонажей в качестве товарных знаков наделяет персонажей правообладателей двойной правовой защитой, что находит успешное применение в правоприменительной практике. Систематический ввоз на территорию РФ крупных партий контрафактной одежды свидетельствует о недостаточной эффективности квалификации таких деяний по ч. 1 ст. 7.12 КоАП РФ, поскольку предусмотренная административная ответственность характеризуется незначительным размером штрафов. Кроме того, судам предлагается рассмот-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

реть подход к применению двойной компенсации за незаконное использование самостоятельного персонажа одновременно с возмещением ущерба за все произведение в целом, в ситуациях когда были использованы второстепенные персонажи. В целях противодействию ввоза и продажи контрафакта на маркетплейсах, необходимо внедрить автоматизированную проверку карточек товаров на этапе их регистрации, а для иностранных продавцов предусмотреть «институт гарантийных депозитов», за счет которых будет компенсироваться ущерб правообладателям.

Список источников

1. Бернская Конвенция по охране литературных и художественных произведений от 09.09.1886 (ред. от 28.09.1979).

2. Гладких И.В., Старов С.А. Смешарики: герои мультфильма уходят в бизнес (учебный кейс) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент. 2009. № 3. С. 149 – 173.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (в действующей редакции) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 52 (ч. I). Ст. 5756.

4. Гринь Е.С. Художник-постановщик мультипликационного фильма как новый автор аудиовизуального произведения // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 12. С. 151 – 157. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.145.12.151-157

5. Донец Н.А. Наименование места происхождения товара и географическое указание как средства индивидуализации товаров // Актуальные проблемы гражданского права и процесса: Материалы международной научно-практической конференции, Омск, 23 апреля 2021 года / отв. ред. Д.Т. Караманукян, Е.Н. Маланина, Е.А. Махиня. Омск: Сибирский юридический университет, 2022. С. 43 – 50.

6. Ермакова М.А. К вопросу о нарушениях исключительных прав на персонажей // Дневник науки. 2023. № 11 (83). С. 1 – 10.

7. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 26.06.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 7.12

8. О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 [Электронный ресурс] // Верховный Суд Российской Федерации: официальный сайт. URL: https://vsrf.ru/documents/own/27773/ (дата обращения: 20.05.2026)

9. Тамазян С.С. Персонаж как объект авторских прав // Актуальные проблемы науки и практики: Гатчинские чтения – 2022: Сборник научных трудов по материалам IX Международной научно-практической конференции, Гатчина, 27-28 мая 2022 года. Т. 2. Гатчина: ГИЭФПТ, 2022. С. 148 – 151.

10. Какие бренды чаще всего подделывали в 2025 году: исследование // Inc. Russia. URL: https://incrussia.ru/news/kakie-brendy-chashhe-vsego-poddelyvali-v-2025-godu-issledovanie/ (дата обращения: 20.05.2026)

11. Бизнес предложил правительству новые меры борьбы с контрафактом // Ведомости. 2026. 30 апр. URL: https://www.vedomosti.ru/business/articles/2026/04/30/1194192-biznes-predlozhil-pravitelstvu-novie-meri-borbi-s-kontrafaktom (дата обращения: 20.05.2026)

12. В АКОРТ рассказали о наиболее подделываемых категориях товаров в России // ТАСС. URL: https://tass.ru/ekonomika/27685383 (дата обращения: 07.06.2025)

13. Лицензионная продукция «Союзмультфильма» // Sela. URL: https://www.sela.ru/eshop/soyuzmultfilm/ (дата обращения: 20.05.2026)

References

1. Berne Convention for the Protection of Literary and Artistic Works of September 9, 1886 (as amended on September 28, 1979).

2. Gladkikh I.V., Starov S.A. Smeshariki: Cartoon Characters Go into Business (Case Study). Bulletin of St. Petersburg University. Management. 2009. No. 3. P. 149 – 173.

3. Civil Code of the Russian Federation (Part Four) of December 18, 2006 No. 230-FZ (as amended). Collected Legislation of the Russian Federation. 2006. No. 52 (Part I). Article 5756.

4. Grin' E.S. Production Designer of an Animated Film as a New Author of an Audiovisual Work. Current Issues of Russian Law. 2022. Vol. 17. No. 12. P. 151 – 157. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.145.12.151-157

5. Donetsk N.A. Appellation of origin of goods and geographical indication as means of individualization of goods. Actual problems of civil law and procedure: Proceedings of the international scientific and practical conference, Omsk, April 23, 2021. eds. Omsk: Siberian Law University, 2022. P. 43 – 50.

6. Ermakova M.A. On the issue of violations of exclusive rights to characters. Science Diary. 2023. No. 11 (83). P. 1 – 10.

7. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of 30.12.2001 No. 195-FZ (as amended on 26.06.2026). Collected Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 1 (Part 1). Art. 7.12

8. On the Application of Part Four of the Civil Code of the Russian Federation: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 23.04.2019 No. 10 [Electronic resource]. Supreme Court of the Russian Federation: official website. URL: https://vsrf.ru/documents/own/27773/ (date of access: 20.05.2026)

9. Tamazyan S.S. Character as an object of copyright. Actual problems of science and practice: Gatchina readings – 2022: Collection of scientific papers based on the materials of the IX International scientific and practical conference, Gatchina, May 27-28, 2022. Vol. 2. Gatchina: GIEFPT, 2022. P. 148 – 151.

10. Which brands were most often counterfeited in 2025: a study. Inc. Russia. URL: https://incrussia.ru/news/kakie-brendy-chashhe-vsego-poddelyvali-v-2025-godu-issledovanie/ (date of access: 20.05.2026)

11. Business proposed new measures to the government to combat counterfeiting. Vedomosti. 2026. April 30. URL: https://www.vedomosti.ru/business/articles/2026/04/30/1194192-biznes-predlozhil-pravitelstvu-novie-meri-borbi-s-kontrafaktom (date of access: 20.05.2026)

12. AKORT reported on the most counterfeited product categories in Russia. TASS. URL: https://tass.ru/ekonomika/27685383 (date of access: 07.06.2025)

13. Licensed products of Soyuzmultfilm. Sela. URL: https://www.sela.ru/eshop/soyuzmultfilm/ (date of access: 20.05.2026)

Информация об авторе

Гейнеман А.А., аспирант, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, fashionlaw@mail.ru

© Гейнеман А.А., 2026

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)
УДК 316.77
DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-6-64-68

Концепт федерализма и представительных органов в юридической мысли сибирских правоведов начала XX века

[1] Головинов А.В., [2] Головинова Ю.В.,
[1]Алтайский государственный университет,
[2]Алтайский государственный педагогический университет

Аннотация: *в статье предложен анализ подходов профессиональных правоведов сибирского региона на федеративное устройство и значения для такой территориальной организации представительных (земских) учреждений на период начала XX века. Акцентируется, что в эпоху начала XX столетия на фоне разгула революций и общей общественно-политической нестабильности вопрос о путях сохранения единства страны приобрел новый формат. Из давних идеалов о федеративном устройстве ученые юристы стали активно разрабатывать и предлагать проекты федерализации государства в целях выхода из сложившегося тупика. Установлено, что дискуссия о федерализме и возможной союзной форме государственного устройства обострилась в начале XX века. Идеи демократического самоуправления нашли отражение в произведениях Г.И. Жернавкова. Им был создан наиболее подробный проект разграничения полномочий и совместного предмета ведения центра с регионами. Юрист органично вписал в свой концепт роль представительных и земских органов. Ученые правоведы – М.И. Альтшуллер, Н.Я. Новомбергский, И.А. Малиновский были заняты поиском оптимальной формы федерализации России в призме земского вопроса. Деятели придавали этим органам ключевое значение как представительной и совещательной основы федеративного союза.*

Ключевые слова: *федерализм, земство, представительные органы, Н.Я. Новомбергский, И.А. Малиновский, М.И. Альтшуллер, Г.И. Жернавков, позднее областничество*

Для цитирования: Головинов А.В., Головинова Ю.В. Концепт федерализма и представительных органов в юридической мысли сибирских правоведов начала XX века // International Law Journal. 2026. Том 9. № 6. С. 64 – 68. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-6-64-68

Поступила в редакцию: 9 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 5 августа 2026 г.; Принята к публикации: 2 октября 2026 г.

The concept of federalism and representative bodies in the legal thought of Siberian legal scholars at the beginning of the 20th century

[1] Golovinov A.V. [2] Golovinova Yu.V.,
[1] Altai State University,
[2] Altai State Pedagogical University

Abstract: *the study aims to analyze the approaches of professional legal scholars in the Siberian region to the federal structure and the significance of such a territorial organization for representative (zemstvo) institutions at the beginning of the 20th century. It is emphasized that in the early 20th century, against the backdrop of rampant revolutions and general socio-political instability, the question of ways to preserve the country's unity acquired a new format. Based on long-standing ideals about a federal structure, legal scholars began to actively develop and propose projects for the federalization of the state in order to break the deadlock. It has been established that the*

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

debate about federalism and a possible union form of government intensified at the beginning of the 20th century. The ideas of democratic self-government were reflected in the works of G.I. Zhernakov. He created the most detailed project for delineating powers and defining the joint areas of responsibility between the central government and the regions. The lawyer seamlessly incorporated the role of representative and zemstvo bodies into his concept. Legal scholars – M.I. Altshuller, N.Ya. Novombergsky, and I.A. Malinovsky – were engaged in searching for the optimal form of federalization of Russia in the context of the zemstvo issue. The figures attached key importance to this body as a representative and consultative foundation of the federal union.

Keywords: *federalism, zemstvo, representative bodies, N.Ya. Novombergsky, I.A. Malinovsky, M.I. Altshuller, G.I. Zhernavkov, later regionalism*

For citation: Golovinov A.V. Golovinova Yu.V. The concept of federalism and representative bodies in the legal thought of siberian legal scholars at the beginning of the 20th century. International Law Journal. 2026. 9 (6). P. 64 – 68. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-6-64-68

The article was submitted: July 9, 2026; Approved after reviewing: August 5, 2026; Accepted for publication: October 2, 2026.

Введение

Тема административно-территориального устройства во все времена была важным объектом политико-правовой рефлексии. Масштабы пространств нашего Отечества неизбежно задавали вектор идейного осмысления отношений центра и разнообразных регионов. При этом имперская модель территориальной организации власти не допускала положений федерализма. В начале XX столетия, на фоне разгула революционной стихии и роста общественно-политической нестабильности, вопрос о путях сохранения единства страны приобрел новый формат. Из давних идеалов о федеративном устройстве ученые юристы стали активно разрабатывать и предлагать проекты федерализации государства в целях выхода из сложившегося тупика. Центр-периферийные отношения, выстроенные в модели самоуправления и разумной автономии, понимались как реально возможная альтернативная база для сохранения интегративного единения народов и территорий России.

Не случайно и то, что тема федерализма в истории русской юридической мысли стабильно вызывает интерес исследователей. Правда, научное сообщество правоведов сосредоточено на познании центральных идеологем [1-8]. При этом, на обочине исследовательских стратегий до сих пор остаются идеи и проекты сибирских знатоков права. В целях восполнения сложившегося пробела в статье анализируются теоретические построения о федерализме профессиональных правоведов и ученых юристов сибирского региона в начале XX века.

Материалы и методы исследований

Поставленные исследовательские задачи обязывают к применению методологии герменевтики. Данная линза познания удачно подходит для анализа и толкования письменных доктринальных источников права – в нашем случае это статьи и книги сибирских юристов в начале XX века.

Результаты и обсуждения

Итак, история русского государства и права периода начала XX столетия оголила целый комплекс болевых точек отечественной государственности. Дух перемен и преобразований вызывал реальный запрос на поиск модели устройства России в условиях текущей социально-политической нестабильности. Для Сибири и вообще для восточных регионов страны тема приобрела экзистенциальную окраску. Данные условия буквально требовали от юридического мира предложений о будущем страны. Потому многие сибирские законники с упорным постоянством разрабатывали способы и механизмы союзной государственности на базе принципов демократии, самоуправления и разумного разграничения предметов ведения.

Одним из таких деятелей можно считать новосибирского юриста Г.И. Жернавкова. Ученый получил высшее образование сначала в стенах Казанского, а затем и Томского университетов. Имея багаж практической работы в сфере правоприменения и адвокатуры, он создал оригинальный и довольно актуальный к тому времени проект построения русской федерации. По сути, сибиряк создавал прототип законопроекта о федерации, автономии и представительных учреждениях в регионах. По политическим убеждения он был сторонником доктрины областничества. Напомним, что для данного политико-правового учения идеал фе-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

дерализма и концепт защиты русской провинции были всегда в центральной повестке. Свой проект федерализации страны он представил на полосах журнала «Сибирские записки» в 1917 году.

Ученый считал эту форму территориальной организации власти идеальной для согласования интересов различного порядка – от индивидуальных до государственно-общественных. По его мнению, «более благосклонной к суверенной личности человека будет демократическая федеративная республика. Как показывает самое название, федерация от латинского – соглашение, федеративный строй государственной жизни покоится на договорном соглашении человеческих обществ, народностей, племен, колоний, штатов, общин, коммун» [9, с. 129].

В такой мировоззренческой формуле считалось, что источник прав и обязанностей союзных членов между собой и в отношении к федерации только свободный договор. Пределы прав и обязанностей лежат в союзном договоре, то есть в законе, и в той внутренней дисциплине, которая дается свободным гражданским воспитанием в духе лояльного уважения к свободной жизни свободных людей.

Разделяя положения французской философии права, в частности учение Ж.Ж. Руссо, сибирский юрист надеялся на фактическое воплощение теории народного суверенитета. Всеобщее избирательное право, демократический режим и развитый парламентаризм в доктрине Г.И. Жернавкова понимались как платформа предметных федеративных отношений. Кстати, именно локальные легислатуры в таком подходе должны были выполнять роль органа осуществляющего разграничение предметов ведения и общую компетенцию союзного типа государства.

В сфере применения региональных парламентов он писал так: «Сибирская Союзная Дума и законодательные палаты отдельных штатов не должны издавать законов, ограничивающих свободу религиозной совести, слова, прессы, мирных народных собраний и петиций к правительству о прекращении злоупотреблений, а также не должны узаконить дворянские титулы и другие привилегированные наследственные звания и состояния» [9, с. 137].

Важным он считал, законодательное поощрение и создание переходных, социалистических форм организованного народного труда и общественного производства на договорных началах трудовых артелей, колоний, кооперативов, экономических союзов и объединений, в направлении к всеобщему трудовому равенству всех граждан Союза штатов.

Сибирская областная автономия, понимаемая, как более или менее широкое право местного законодательства, будучи проведена в жизнь, предрешает переустройство разноплеменной Сибири на началах областной федерации, понимаемой, как распространение автономных прав на все три отрасли законодательства, суда и управления. Ученый специально пояснял, что трудно уловимая теоретическая граница между автономией и федерацией кладет заметный отпечаток неопределённости на выступления сибирских областников, вызывая невольную сбивчивость в употреблении слов автономия, федерация и производных от них.

Не все проекты и идеалы федерализации страны имели такую ярко выраженную проработанность и адаптированность под Сибирь. Другие правоведы за Уралом рассматривали только отдельные элементы, которые в теории и на практике могут сопутствовать учреждению союзной государственности. Так важным компонентом данного процесса считали земство и органы самоуправления.

В 1915 году на полосах периодического издания «Право и промышленная жизнь Сибири» молодой знаток права М.И. Альтшуллер отмечал, что «сибиряки с давних пор при всяком удобном и неудобном случае твердят о некоторой общественной децентрализации, о введении земского самоуправления» [10, с. 41].

Опираясь на опыт демократизации и политику содействия самоуправлению в Англии и Германии, ученый полагал, что народовластие может выступить мощным стимулом, в том числе, экономической стабильности государства. Он считал, что соперничество общественной идеи с тенденциями абсолютизма типично для истории стран мира, но окончание подобной борьбы было связано с признанием и внедрением общественного самоуправления. Таким образом, социально-экономический потенциал государства существенно увеличивается пропорционально росту общественного влияния.

Он же отмечал, что после ликвидации думского вопроса проекты о сибирском земстве долгое время не поднимались в законодательных учреждениях. В 1913 г. правительство между тем созывает совещание под председательством главного начальника управления по делам местного хозяйства Анциферова при участии Тобольского и Томского губернаторов, на котором обсуждается вопрос о сибирском земстве. Тогда вопрос о введении земства далеко не был предрешенным. По мнению ученого общественные проекты только являются безопасной базой земской идеи. Время осуществление их наступит, может быт, не скоро, но вместе с обновлением всего общественного сибирского строя они откроют Сибири новую эру и широкие перспективы.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

В 1907 году профессор юридического факультета Томского университета Н.Я. Новомбергский отмечал, что участвовать в созидании новых форм жизни нельзя без знания достоинств и недостатков учреждений уже существующих. Для этого он специально опубликовал книгу с комментариями, где раскрывались положения земских учреждений [11]. Ученый как и многие юристы того времени рассчитывал на то, что земский вопрос решится и для Сибири, хотя здесь он так полностью и не состоялся.

Доктор права И.А. Малиновский также уповал на связь федеративного устройства и земского самоуправления. Через данные институты предполагалось выстраивать отношения с центральной государственной властью по средствам их представительной функции. В книге «Народ и власть в русской истории» он ратовал за расширение выборных начал» [12]. Широко применяя историко-правовой метод, ученый исследовал прошлое земских соборов, отмечал их ключевую роль для самодержавия, его внешней и внутренней политики. Как государственник препарировал земские полномочия на основе совещательного принципа в разграничении предметов ведения.

Выводы

Таким образом, можно сделать ряд выводов. Во-первых, дискуссия о федерализме и возможной союзной форме государственного устройства обострилась в начале XX века. Во-вторых, идеи демократического самоуправления нашли отражение в произведениях Г.И. Жернавкова. Им был создан наиболее подробный проект разграничения полномочий и совместного предмета ведения центра с регионами. Юрист органично вписал в свой концепт роль представительных и земских органов. В-третьих, ученые правоведы – М.И. Альтшуллер, Н.Я. Новомбергский, И.А. Малиновский были заняты поиском оптимальной формы федерализации России в призме земского вопроса. Деятели придавали этим органам ключевое значение как представительной и совещательной основы федеративного союза.

Список источников

1. Ахмаров А.В. Федерализм как культурно-ценностное явление // Философия и методология истории: Сборник научных статей XI Всероссийской научной конференции, Коломна, 11 апреля 2025 года. Коломна: Государственный социально-гуманитарный университет, 2025. С. 82 – 90.

2. Биттиров Р.И. Представления М.А. Бакунина о государстве: история и анархический политический идеал // Перспектива-2025: Материалы Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных, Нальчик, 24-27 апреля 2025 года. Нальчик: Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, 2025. С. 326 – 330.

3. Баженова О.И. Федерализм и местное самоуправление: в поисках новых способов взаимодействия // Местное право. 2023. № 6. С. 3 – 10.

4. Гвоздев В.А. Федерализм в США: история, развитие и современное состояние // Этнос и общество в контексте межнациональных отношений: Материалы IX Международной научно-практической конференции, Краснодар, 07 декабря 2023 года. Краснодар: Издательство ОК ПРЕСС, 2023. С. 614 – 620.

5. Бабурин С.Н. Союзное Государство как политико-правовой идеал русской нации // Образование и право. 2017. № 2. С. 29 – 36.

6. Коновалова Л.Г. Конституционализм как проявление принципа верховенства закона в Российской Федерации // Российский юридический журнал. 2020. № 2 (131). С. 88 – 102.

7. Мурадян Л.О. Автономизация как механизм сокращения политико-статусного дисбаланса национальных республик // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2025. Т. 15. № 6 (123). С. 1130 – 1136. DOI 10.35775/PSI.2025.123.6.020

8. Фролова Е.А. Наука истории политических и правовых учений: доктринальный и исторический компоненты (к 160-летию со дня рождения П.И. Новгородцева) // Государство и право. 2026. № 6. С. 46 – 54. OI 10.7868/S2713039826060040

9. Жернавков Г.И. Областная сибирская федерация (Опыт схематического построения Сибирской федерации) // Сибирские записки. 1917. № 4-5. С. 124 – 154.

10. Альтшуллер М. 1 Сибирь и земство // Право и финансово-промышленная жизнь Сибири (ред.-изд. Р.Л. Вейсман). Томск, 1915. Тетрадь 1. С. 40 – 43.

11. Новомбергский Н.Я. Положение о губернских и уездных земских учреждениях 1 января 1864 года. Томск: Типо-лит. Сиб. т-ва печат. дела, 1907. 62 с

12. Малиновский И.А. Народ и власть в русской истории. 1905. 235 с.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

References

1. Akhmarov A.V. Federalism as a Cultural-Value Phenomenon. Philosophy and Methodology of History: Collection of Scientific Articles of the XI All-Russian Scientific Conference, Kolomna, April 11, 2025. Kolomna: State Social and Humanitarian University, 2025. P. 82 – 90.

2. Bittirov R.I. M.A. Bakunin's Ideas about the State: History and the Anarchist Political Ideal. Perspective-2025: Proceedings of the International Scientific Conference of Students, Postgraduates, and Young Scientists, Nalchik, April 24-27, 2025. Nalchik: Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, 2025. P. 326 – 330.

3. Bazhenova O.I. Federalism and Local Self-Government: In Search of New Ways of Interaction. Local Law. 2023. No. 6. P. 3 – 10.

4. Gvozdev V.A. Federalism in the USA: History, Development, and Current State. Ethnicity and Society in the Context of Interethnic Relations: Proceedings of the IX International Scientific and Practical Conference, Krasnodar, December 7, 2023. Krasnodar: OK PRESS Publishing House, 2023. P. 614 – 620.

5. Baburin S.N. Union State as a Political and Legal Ideal of the Russian Nation. Education and Law. 2017. No. 2. P. 29 – 36.

6. Konovalova L.G. Constitutionalism as a Manifestation of the Principle of the Rule of Law in the Russian Federation. Russian Law Journal. 2020. No. 2 (131). P. 88 – 102.

7. Muradyan L.O. Autonomization as a Mechanism for Reducing the Political-Status Imbalance of National Republics. Issues of National and Federal Relations. 2025. Vol. 15. No. 6 (123). P. 1130 – 1136. DOI 10.35775/PSI.2025.123.6.020

8. Frolova E.A. The Science of the History of Political and Legal Doctrines: Doctrinal and Historical Components (on the 160th Anniversary of P.I. Novgorodtsev's Birth). State and Law. 2026. No. 6. P. 46 – 54. OI 10.7868/S2713039826060040

9. Zhernavkov G.I. Regional Siberian Federation (An Attempt at a Schematic Construction of the Siberian Federation). Siberian Notes. 1917. No. 4-5. P. 124 – 154.

10. Altshuller M. Siberia and the Zemstvo. Law and Financial-Industrial Life of Siberia (ed. and publisher R.L. Weissman). Tomsk, 1915. Notebook 1. P. 40 – 43.

11. Novombergsky N.Ya. Regulations on Provincial and District Zemstvo Institutions of January 1, 1864. Tomsk: Typo-lit. Siberian Society of Printing Houses, 1907. 62 p.

12. Malinovsky I.A. People and Power in Russian History. 1905. 235 p.

Информация об авторах

Головинов А.В., кандидат философских наук, доцент, Алтайский государственный университет, alex-golovinov@mail.ru

Головинова Ю.В., кандидат исторических наук, доцент, Алтайский государственный педагогический университет, yu.golovinova@mail.ru

© Головинов А.В., Головинова Ю.В., 2026

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.5. Международно-правовые науки (юридические науки)
УДК 342.4
DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-6-69-75

Правовой статус заморских территорий на примере Новой Каледонии после проведения референдумов во Франции

[1] Гущина Д.С.,
[1] Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации

Аннотация: *предметом анализа выступает правовой статус заморских территорий, прежде всего Новой Каледонии, после серии референдумов о независимости, проведённых в 2018-2021 годах. Рассмотрены конституционно-правовое регулирование статуса территории в рамках Французской Республики, эволюция подхода от ассимиляционной модели к более гибкой системе адаптации законодательства, а также особенности реализации права народов на самоопределение. Отдельно разобрано Нумейское соглашение 1998 года, закрепившее за архипелагом статус особой территориальной единицы (collectivité sui generis) и установившее механизм поэтапной передачи полномочий и проведения до трёх референдумов. Исследована проблема легитимности результатов референдума 2021 года, бойкотированного сторонниками независимости из числа коренного населения канаков; проанализировано состояние переговорного процесса между Парижем и местными элитами в 2022-2024 годах, включая последствия расширения избирательного корпуса и вызванных им протестов. Показаны противоречия между формально-юридическим закреплением французского суверенитета и фактическим отсутствием консенсуса среди населения архипелага, рассмотрены возможные сценарии развития статуса территории. Выявлены тенденции трансформации статуса заморских территорий в системе французского конституционализма и определены перспективы развития новокаледонской государственности.*

Ключевые слова: *заморские территории, Новая Каледония, референдум о независимости, заморские территории Франции, право на самоопределение, конституционный статус, Нумейское соглашение, деколонизация*

Для цитирования: Гущина Д.С. Правовой статус заморских территорий на примере Новой Каледонии после проведения референдумов во Франции // International Law Journal. 2026. Том 9. № 6. С. 69 – 75. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-6-69-75

Поступила в редакцию: 9 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 6 августа 2026 г.; Принята к публикации: 2 октября 2026 г.

The legal status of overseas territories: the case of New Caledonia after the referendums in France

[1] Guschina D.S.,
[1] Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Abstract: *the subject of analysis is the legal status of overseas territories, primarily New Caledonia, following the series of independence referendums held between 2018 and 2021. The constitutional and legal regulation of the territory's status within the French Republic is examined, together with the evolution of the approach from an assimilationist model toward a more flexible system of legislative adaptation and the specific features of*

implementing the right of peoples to self-determination. The 1998 Nouméa Accord is discussed separately: it granted the archipelago the status of a special territorial entity (collectivité sui generis) and established a mechanism for the gradual transfer of competences and for holding up to three referendums. The problem of the legitimacy of the 2021 referendum, boycotted by pro-independence representatives of the indigenous Kanak population, is investigated; the state of negotiations between Paris and local elites in 2022-2024 is analyzed, including the consequences of the expansion of the electoral roll and the protests it provoked. The contradictions between the formal legal consolidation of French sovereignty and the actual absence of consensus among the population are shown, and possible scenarios for the territory's future status are considered. Trends in the transformation of overseas territories' status within the French constitutional system are identified and the prospects for the development of New Caledonian statehood are determined.

Keywords: *overseas territories, New Caledonia, independence referendum, French overseas territories, right to self-determination, constitutional status, Nouméa Accord, decolonization*

For citation: Guschina D.S. The legal status of overseas territories: the case of New Caledonia after the referendums in France. International Law Journal. 2026. 9 (6). P. 69 – 75. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-6-69-75

The article was submitted: July 9, 2026; Approved after reviewing: August 6, 2026; Accepted for publication: October 2, 2026.

Введение

Статья 73 Конституции Франции, вступившей в силу 27 октября 1946 года, ввела категорию заморских «департаментов», разграничив её с понятием заморских территорий [1].

Принцип ассимиляции закреплён указанной статьёй в следующей формулировке: «Законодательный режим заморских департаментов такой же, как и у столичных департаментов, за исключением случаев, определенных законом». Со статьёй 3 закона от 19 марта 1946 г. это положение вступает в противоречие: та не допускала никаких ограничений в отношении заморских департаментов и постановляла, что «новые законы, применимые к метрополии, будут приниматься в заморских департаментах после издания специального нормативного акта».

Лишь в начале 2000-х стала очевидной потребность реформировать Раздел XII Конституции. Для этого имелось как минимум две ключевые причины.

Во-первых, институциональная система нуждалась в упорядочении и упрощении. Закреплённый Конституцией 1958 года бином «Заморские департаменты – Заморские территории» перестал соответствовать реальности после того, как закон от 31 декабря 1982 года создал заморские регионы на тех же территориях, что и заморские департаменты; возникли дублирующие друг друга территориальные единицы. Кроме того, на основании абзаца 1 статьи 72 Конституции появились образования sui generis: Сен-Пьер и Микелон, Майотта, Новая Каледония [1].

Во-вторых, статьи 73 и 74 перестали отвечать запросам местных политиков, прежде всего представителей французских департаментов Америки, стремившихся к изменению статуса. Принятый 13 декабря 2000 года Закон об ориентации для заморских территорий открыл для заморских департаментов определённые возможности, однако возможности эти оставались узкими из-за позиции Конституционного совета, придерживавшегося, как будет показано далее, «ассимиляционистского» толкования статьи 73 [2].

Следовательно, требовалось устранить «конституционную блокировку», чтобы позволить «Заморским департаментам – Заморским регионам» получить оригинальную институциональную модель и осуществлять расширенные полномочия.

Собственный путь статусного развития для каждого заморского департамента допустил Закон о стратегическом развитии заморских территорий от 13 декабря 2000 года, учредивший Конгресс выборных представителей. Изменения статуса этот орган мог инициировать: его предложения, не обязательные для властей, влекли за собой консультации с населением. Законодатель тем самым отказался от единообразия и признал инициативы местных властей.

Решением № 2000-435 от 7 декабря 2000 года [3] Конституционный совет подтвердил право заморских территорий на адаптацию, однако ограничил возможность введения для заморских департаментов особой организации, указав на её допустимость лишь в рамках ст. 73 Конституции. Положение законодателя, как отметила Д. Кюсто, оказалось сложным: он мог устанавливать особые статусы, оставаясь при этом связанным принципами единообразия [11].

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Право на автономную адаптацию законодательства получило условия реализации в органическом законе от 21 февраля 2007 года [4]; поправки к нему внесены органическим законом от 27 июля 2011 года [5], действие которого распространяется на коллективы, подпадающие под ст. 73 Конституции. Решениями от 15 февраля 2007 г. и 21 июля 2011 г. Конституционный совет признал эту систему соответствующей основному закону.

Возможностями самостоятельно адаптировать национальные законы и нормативные акты, которые открыла конституционная реформа 2003 года, образования, регулируемые ст. 73 Конституции, практически не пользуются. В том же положении остаётся их право (за исключением Реюньона) устанавливать собственные правила в сферах, отнесённых к компетенции законодателя или регламентарной власти.

Формально закреплённые полномочия и практика их применения разошлись. Причины двоякие: процедуры остаются громоздкими, а местные органы далеко не всегда готовы принимать на себя столь широкие законодательные прерогативы. Инструменты территориальной автономии, предоставленные конституцией, остаются невостребованными, и это ставит под вопрос работоспособность самой модели децентрализованной адаптации законодательства, рассчитанной на инициативу с мест.

Со временем конституционный подход смягчился. Жёсткую ассимиляцию сменила конструкция, которая удерживает единство правового пространства и оставляет место для особенностей отдельных территорий. На практике эти принципы воплощаются с трудом: основная сложность, по наблюдениям исследователей, состоит в сохранении равновесия между самостоятельностью территорий и целостностью Республики.

Первоначальное содержание категории «заморского департамента», привычной для конституционного права, изменилось. За этим изменением стоит перестройка территориального устройства Франции, где принцип единства Республики совмещается с гибким управлением заморскими территориями, различающимися по географии, экономике и истории. Пять регионов сохраняют статус заморских департаментов: Мартиника, Гваделупа, Гвиана, Реюньон и Майотта. Ещё пять территорий, Сен-Пьер и Микелон, Сен-Бартелеми, Сен-Мартен, Уоллис и Футуна, Французская Полинезия, отнесены к заморским сообществам.

Материалы и методы исследований

Новая Каледония стоит особняком среди современных примеров деколонизации и конституционного оформления статуса зависимых территорий. Франция управляет архипелагом на юго-западе Тихого океана с 1853 года, и правовое положение этой территории заметно отличается от положения остальных заморских владений Республики [6].

Нынешний статус Новой Каледонии определяется прежде всего Нумейским соглашением от 5 мая 1998 года. Подписанию предшествовали кровавые столкновения 1980-х годов между сторонниками независимости и лоялистами [7], а сам документ был выработан в ходе длительных переговоров Парижа с местными политическими силами. Вынесенный на референдум текст получил одобрение и вместе с конституционным законом от 20 июля 1998 года вошёл в Конституцию Франции.

Переходный период соглашение установило длиной в 15-20 лет. Архипелагу за это время предстояло получить широкие полномочия самоуправления, а на завершающей стадии право вынести вопрос о независимости на референдум. Взгляд на статус территории документ закрепил принципиально новый, прямо признав:

- самобытность коренного народа – канаков;
- необходимость преодолеть наследие колониального прошлого;
- постепенный переход полномочий от метрополии к местным властям;
- ограниченный круг лиц, допускаемых к голосованию на референдумах;
- право провести подряд до трёх референдумов о независимости.

Конституция Франции в статье 77 закрепила за Новой Каледонией статус «особой территориальной единицы» (collectivité sui generis) [1]. Налогообложение, трудовое и гражданское право, образование и миграционная политика отнесены к самостоятельному ведению архипелага. За центральной властью сохранены оборона, внешняя политика, денежная система, правосудие и охрана общественного порядка.

Институциональную структуру Новой Каледонии образуют Конгресс из 54 членов, формируемый из представителей трех провинций (Южной, Северной и островов Луайоте), и коллегиальное Правительство из 11 членов. К особенностям конструкции относятся требование консенсуальности при принятии основных решений и представительство различных политических сил в исполнительных органах [1].

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

В российской литературе модель конституционного регулирования статуса Новой Каледонии описывается как попытка совместить принцип территориальной целостности государства с признанием права народов на самоопределение; средствами такого совмещения названы согласительные процедуры и постепенная деволюция полномочий [8]. Серия референдумов 2018-2021 годов выявила значительные трудности в реализации этой модели.

Результаты и обсуждения

Три референдума о независимости от Франции проведены в Новой Каледонии с 2018 по 2021 год в соответствии с положениями Нумейского соглашения. Каждое голосование имело свои особенности и породило самостоятельный круг юридических и политических проблем.

Первый референдум состоялся 4 ноября 2018 года. Вынесенный на голосование вопрос формулировался следующим образом: «Хотите ли вы, чтобы Новая Каледония получила полную суверенность и стала независимой?» Против независимости высказались 56,7% избирателей при явке 81% [9]. Победа лоялистов сопровождалась значительной поддержкой идеи независимости, 43,3%, что указывало на глубокий раскол в обществе архипелага.

Второй референдум прошел 4 октября 2020 года с той же формулировкой вопроса, и разрыв между сторонниками и противниками независимости сократился: за сохранение статуса французской территории проголосовали 53,3%, за независимость – 46,7% [6]. Явка составила 85,7%, что свидетельствовало о высокой мобилизации избирателей. Увеличение доли сторонников независимости было интерпретировано как усиление сепаратистских настроений.

Наиболее противоречивым оказался третий референдум, проведенный 12 декабря 2021 года. По официальным данным, против независимости высказались 96,5% участников голосования при явке 43,9% [7]. Столь низкая явка была обусловлена бойкотом референдума со стороны партий, выступающих за независимость; свою позицию они мотивировали следующими обстоятельствами:

- проведение голосования в период траура по жертвам пандемии COVID-19 по канакской традиции;
- игнорирование французским правительством просьбы о переносе даты референдума;
- нарушение духа Нумейского соглашения, предполагавшего консенсуальный подход к определению сроков голосования;
- невозможность полноценной предвыборной кампании в условиях санитарных ограничений.

Формальным процедурным требованиям французского законодательства референдум 2021 года соответствовал полностью. Конституционный совет Франции признал результаты легитимными, указав на отсутствие правовых оснований для отмены или переноса голосования [1]. С политической и морально-этической позиций вопрос легитимности остается дискуссионным.

Исследователи фиксируют здесь «формальную легитимность при дефиците легитимности содержательной» [8]. Результаты третьего референдума юридически корректны, однако реального соотношения сил и мнений в новокаледонском обществе не отражают, поскольку значительная часть электората сознательно не приняла участия в голосовании.

Отдельного внимания заслуживает юридический вопрос об электоральном корпусе. Для референдумов о независимости Нумейское соглашение очертило ограниченный круг избирателей, в который вошли:

- те, кто жил на архипелаге до 1998 года;
- те, кто достиг избирательного возраста к моменту голосования и имеет хотя бы одного родителя с правом голоса;
- те, кто непрерывно прожил на территории не менее 20 лет.

Ограничения преследовали двойную цель: защиту интересов коренного населения и недопущение искусственного сдвига демографического баланса за счёт притока переселенцев из метрополии. Сами ограничения породили дискуссию об их совместимости с современными стандартами избирательного права и с принципом всеобщего голосования [10].

Вопрос о дальнейшем конституционно-правовом статусе архипелага встал перед Францией и Новой Каледонией сразу по завершении серии референдумов. Политического урегулирования формальная победа лоялистов в третьем туре не принесла, поскольку сторонники независимости отказались признать итоги голосования легитимными.

Новый раунд консультаций с политическими силами Новой Каледонии Париж начал в 2022–2024 годах. О необходимости выработать новый консенсус и институциональное решение, приемлемое для всех сторон, президент Эммануэль Макрон заявлял неоднократно [9]. Ход переговоров осложняют несколько обстоятельств:

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

- глубокий раскол между лоялистами и индепендантистами;
- утрату доверия между местными элитами и центром после событий 2021 года;
- социально-экономические трудности, обостряющие политические противоречия;
- давление геополитического соперничества в Тихоокеанском регионе.

Законопроект о расширении избирательного корпуса Новой Каледонии французский парламент одобрил в мае 2024 года, и на архипелаге начались массовые протесты и беспорядки [6]. Для сторонников независимости этот шаг означал попытку изменить демографический баланс в пользу лоялистов и отступление от Нумейского соглашения. Волнения обнаружили неустойчивость местной политической стабильности и последствия односторонних изменений статуса территории.

Пределы формально-юридического подхода к конфликтам вокруг самоопределения российские специалисты по конституционному праву прослеживают на случае Новой Каледонии [8]. Соблюдение процедур политической стабильности само по себе не обеспечивает, если между основными участниками отсутствует содержательное согласие. Опыт архипелага показывает, что правовые механизмы действуют лишь в связке с политическим диалогом и готовностью к компромиссу.

Сегодня обсуждается сразу несколько вариантов того, как может развиваться правовой статус Новой Каледонии.

Сохранение нынешнего статуса особой территориальной единицы в составе Франции с возможным расширением автономии составляет первый сценарий. За него выступают лоялисты и часть умеренных индепендантистов, склонных к компромиссу.

Второй сценарий сводится к новому референдуму, сроки и порядок которого согласуются заранее. Его сторонники указывают, что из-за бойкота итоги третьего голосования окончательными не являются.

Третий сценарий состоит в выработке принципиально нового конституционного статуса, включающего элементы ассоциированной государственности либо конфедеративных отношений между Новой Каледонией и Францией. Такая модель расширила бы самостоятельность архипелага, сохранив его связь с метрополией.

Четвёртый сценарий – постепенное движение к полной независимости: ещё один переходный период, в течение которого оставшиеся полномочия метрополии поэтапно перейдут к местным властям.

Международный опыт подсказывает, что споры о статусе территорий удаётся уладить лишь тогда, когда сходятся сразу несколько условий [10]:

- широкий политический диалог, в который вовлечены все значимые силы;
- готовность гибко подходить к выбору конституционных решений;
- внимание к экономическим интересам населения;
- международное сопровождение переговоров;
- встречная готовность всех сторон идти на уступки.

Экономическая составляющая имеет для будущего Новой Каледонии особый вес. На архипелаге сосредоточено около четверти мировых разведанных запасов никеля, что делает его стратегически важным для Франции [7]. Вопросы контроля над природными ресурсами, распределения доходов от их добычи и направления хозяйственного развития связаны с политическими спорами о статусе территории напрямую.

На перспективы архипелага влияет и геополитический фактор. Океания превращается в область соперничества между традиционными западными державами и Китаем. Присутствие в Тихом океане Франция рассматривает как часть своей глобальной стратегии, вследствие чего согласие на полную независимость Новой Каледонии в обозримой перспективе маловероятно [9].

Другие случаи деколонизации показывают, что пренебрежение волей значительной части населения ведёт к дестабилизации и затягиванию конфликта. Устойчивое решение опирается на легитимность не только юридическую, но и политическую, основанную на широком общественном согласии.

Выводы

Историко-правовой разбор изменений статуса заморских территорий Франции выявляет устойчивое стремление государства унифицировать их правовой режим. При многообразии названий и категорий постепенно возобладал подход, при котором заморские территории встраиваются в единое правовое пространство Республики на началах, близких к метрополии, с сохранением отдельных самобытных черт.

После серии референдумов 2018-2021 годов правовой статус Новой Каледонии остаётся предметом острых дискуссий и политических споров. Формально архипелаг сохраняет положение особой территориальной единицы в составе Французской Республики, однако этот итог оспаривается значительной частью жителей, прежде всего коренными канаками, на которых приходится около 40% населения.

Конституционно-правовой разбор позволяет сформулировать несколько выводов. Нумейским соглашением 1998 года предложен новаторский способ урегулирования деколонизационного конфликта: принципы самоопределения и территориальной целостности соединены в нём через согласительные процедуры и постепенную передачу полномочий. Практика применения обозначила и пределы формально-юридического подхода: при отсутствии содержательного согласия между основными силами следование процедурам политической легитимности не гарантирует.

Бойкот индепендантистов на третьем референдуме в декабре 2021 года породил ситуацию раздвоенной легитимности. Требованиям закона голосование соответствовало безупречно, однако политически его результаты не признаны заметной частью населения архипелага, прежде всего коренным. Противоречие не снято до сих пор и во многом определяет нынешнее состояние переговоров с Парижем.

Попытка расширить избирательный корпус в 2024 году и последовавшие беспорядки подтвердили неустойчивость политической обстановки на архипелаге, а вместе с ней и необходимость осторожного подхода к любым переменам в конституционном статусе. Односторонние решения центра, принятые без широкого согласия с местными элитами, ведут к обострению конфликта.

Дальнейшая судьба правового статуса Новой Каледонии зависит от того, сумеют ли французское государство и местные политические силы выработать новый консенсус с учётом интересов всех сторон. Требуется не только юридическая изобретательность в конструировании конституционных механизмов, но и политическая воля к компромиссу, уважение к культурной идентичности коренного населения и учет социально-экономических факторов.

Опыт Новой Каледонии значим не только для Франции и ее заморских территорий, но и для понимания проблем деколонизации, самоопределения и конституционного регулирования статуса территорий в XXI веке. Он показывает, что разрешение таких конфликтов требует гибкости, терпения и готовности к длительному диалогу, а юридические формулы должны отражать политические реальности, а не заменять их.

Список источников

1. Конституция Французской Республики от 4 октября 1958 г. (с изменениями и дополнениями по состоянию на 2023 г.). М.: Проспект, 2023. 96 с.

2. Loi n° 2000-1207 du 13 décembre 2000 d'orientation pour l'outre-mer [Закон № 2000-1207 от 13 декабря 2000 года о стратегическом развитии заморских территорий] // Journal Officiel de la République Française. 2000. 14 décembre. № 289. C. 19787. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/eli/loi/2000/12/13/2000-1207/jo/texte

3. Conseil constitutionnel. Décision n° 2000-435 DC от 07.12.2000 // Journal Officiel de la République Française. 2000. 12 décembre. C. 19688. URL: https://www.conseil-constitutionnel.fr/decision/2000/2000435DC.htm

4. Loi organique n° 2007-223 du 21 février 2007 portant dispositions statutaires et institutionnelles relatives à l'outre-mer [Органический закон № 2007-223 от 21 февраля 2007 года о статутных и институциональных положениях, касающихся заморских территорий] // Journal Officiel de la République Française. 2007. 22 février. C. 3220 – 3225. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/eli/loi_organique/2007/2/21/2007-223/jo/texte

5. Loi organique n° 2011-883 du 27 juillet 2011 relative aux collectivités régies par l'article 73 de la Constitution [Органический закон № 2011-883 от 27 июля 2011 года о сообществах, подпадающих под действие ст. 73 Конституции] // Journal Officiel de la République Française. 2011. 28 juillet. C. 12817. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/eli/loi_organique/2011/7/27/2011-883/jo/texte

6. Иванов Д.С. Трансформация статуса заморских территорий в современном конституционном праве // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19. № 5. С. 167 – 178. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=67845123 (дата обращения: 15.01.2025)

7. Лебедева М.М. Мировая политика: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2024. 256 с.

8. Захаров А.А. Конституционные механизмы урегулирования этнополитических конфликтов: сравнительный анализ // Сравнительное конституционное обозрение. 2023. № 3 (154). С. 56 – 74. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=54276891 (дата обращения: 15.01.2025)

9. Современные проблемы организации публичной власти: монография / под ред. С.А. Авакьяна. М.: Юстицинформ, 2023. 512 с.

10. Василенко И.А. Политическая глобалистика: учебное пособие для вузов. М.: Юрайт, 2023. 320 с.

11. Custos D. Le statut constitutionnel des départements d'outre-mer [Конституционный статус заморских департаментов] // Actualité Juridique – Droit Administratif (AJDA). 2001. № 8. C. 731 – 738.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

References

1. Constitution of the French Republic of October 4, 1958 (with amendments and additions as of 2023). Moscow: Prospect, 2023. 96 p.

2. Law No. 2000-1207 of December 13, 2000 on the strategic development of overseas territories. Journal Officiel de la République Française. 2000. December 14. No. 289. P. 19787. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/eli/loi/2000/12/13/2000-1207/jo/texte

3. Conseil constitutionnel. Décision n° 2000-435 DC from 07.12.2000. Journal Officiel de la République Française. 2000. 12 December. P. 19688. URL: https://www.conseil-constitutionnel.fr/decision/2000/2000435DC.htm

4. Organic Act No. 2007-223 of 21 February 2007 on statutory and institutional provisions relating to the overseas territories. Journal Officiel de la République Française. 2007. 22 February. P. 3220 – 3225. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/eli/loi_organique/2007/2/21/2007-223/jo/texte

5. Loi organique n° 2011-883 du 27 juillet 2011 relative aux collectivités régies par l'article 73 de la Constitution [Organic Law No. 2011-883 of 27 July 2011 on communities covered by Article 73 of the Constitution]. Journal Officiel de la République Française. 2011. 28 July. P. 12817. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/eli/loi_organique/2011/7/27/2011-883/jo/texte

6. Ivanov D.S. Transformation of the Status of Overseas Territories in Modern Constitutional Law. Current Issues of Russian Law. 2024. Vol. 19. No. 5. P. 167 – 178. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=67845123 (date of access: 15.01.2025)

7. Lebedeva M.M. World Politics: A Textbook for Universities. Moscow: Yurait, 2024. 256 p.

8. Zakharov A.A. Constitutional Mechanisms for Resolving Ethnopolitical Conflicts: A Comparative Analysis. Comparative Constitutional Review. 2023. No. 3 (154). P. 56 – 74. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=54276891 (date accessed: 15.01.2025)

9. Modern Problems of Public Authority Organization: Monograph. edited by S.A. Avakyan. Moscow: Yustitsinform, 2023. 512 p.

10. Vasilenko I.A. Political Global Studies: A Textbook for Universities. Moscow: Yurait, 2023. 320 p.

11. Custos D. Le statut constitutionnel des départements d'outre-mer [Constitutional Status of the Overseas Departments]. Actualité Juridique – Droit Administratif (AJDA). 2001. No. 8. P. 731 – 738.

Информация об авторе

Гущина Д.С., Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, guschina.d@mail.ru

© Гущина Д.С., 2026

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)
УДК 343.148.; 69.059.3:614.8
DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-6-76-80

Формирование экспертного вывода о причинно-следственной связи между нарушениями требований промышленной безопасности и наступившими последствиями в сфере строительства

[1] Кузбагарова Е.В. [1,] Ясакова В.Е.,
[1] Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет

Аннотация: *в статье приводятся статистические данные о фактах нарушения требований промышленной безопасности, повлекшие последствия в сфере строительства. Актуальность исследования обусловлена высокой аварийностью на объектах капитального строительства, сложностью доказывания вины причастных лиц и необходимостью унификации подходов к проведению судебной строительно-технической экспертизы. Авторы раскрывают вопросы необходимости анализа экспертизы промышленной безопасности для установления причинно-следственной связи между нарушения требований промышленной безопасности и возникшими последствия. Делается вывод о комплексности оценки экспертизы промышленной безопасности для формирования экспертного вывода по установлению причинно-следственной связи между нарушениями требований промышленной безопасности и наступившими последствиями в сфере строительства. Авторами проанализированы методологические принципы установления причинно-следственной связи, критерии доказательности причинно-следственной связи, а также типичные ошибки и когнитивные искажения, допускаемые экспертами при производстве судебных экспертиз. Данные материалы могут быть полезны судебным экспертам в рамках производства комплексной экспертизы и/ или комплекса экспертиз при расследовании случаев нарушений требований промышленной безопасности, повлекшие ряд последствий. Предложенные подходы направлены на повышение доказательственного значения экспертных заключений и формирование единообразной правоприменительной практики по делам о нарушениях промышленной безопасности в строительстве.*

Ключевые слова: *промышленная безопасность, экспертиза промышленной безопасности, нарушения требований промышленной безопасности, причинно-следственная связь, экспертный вывод*

Для цитирования: Кузбагарова Е.В., Ясакова В.Е. Формирование экспертного вывода о причинно-следственной связи между нарушениями требований промышленной безопасности и наступившими последствиями в сфере строительства // International Law Journal. 2026. Том 9. № 6. С. 76 – 80. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-6-76-80

Поступила в редакцию: 10 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 7 августа 2026 г.; Принята к публикации: 2 октября 2026 г.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Formation of an expert assessment of the causal relationship between violations of industrial safety requirements and the resulting consequences in the construction industry

[1] Kuzbagarova E.V., [1] Yasakova V.E.,
[1] Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering

Abstract: *this article presents statistical data on industrial safety violations that have resulted in consequences in the construction industry. The relevance of this study is due to the high accident rate at capital construction sites, the difficulty of proving the guilt of those involved, and the need to standardize approaches to conducting forensic construction and technical examinations. The authors discuss the need to analyze industrial safety examinations to establish a causal relationship between industrial safety violations and the resulting consequences. They conclude that the comprehensive nature of industrial safety examinations is essential for forming expert opinions on establishing a causal relationship between industrial safety violations and the resulting consequences in the construction industry. The authors analyze the methodological principles for establishing causal relationships, the criteria for proving causal relationships, as well as the typical errors and cognitive biases made by experts during forensic examinations.*

These materials may be useful to forensic experts in conducting comprehensive and/or complex expert examinations during investigations of industrial safety violations that have resulted in a number of consequences. The proposed approaches are aimed at enhancing the evidentiary value of expert opinions and developing uniform law enforcement practices in cases of industrial safety violations in construction.

Keywords: *industrial safety, industrial safety expert examination, industrial safety violations, causal relationships, expert opinion*

For citation: Kuzbagarova E.V., Yasakova V.E. Formation of an expert assessment of the causal relationship between violations of industrial safety requirements and the resulting consequences in the construction industry. International Law Journal. 2026. 9 (6). P. 76 – 80. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-6-76-80

The article was submitted: July 10, 2026; Approved after reviewing: August 7, 2026; Accepted for publication: October 2, 2026.

Введение

В последнее время наблюдается увеличение числа техногенных аварий на опасных производственных объектах, нарушения требований промышленной безопасности в сфере строительства, которые ежегодно приводят к значительным материальным ущербам и человеческим жертвам Данный факт подтверждается статистическими данными Ростехнадзора за 2024-2025 годы, фиксирующими инциденты с тяжелыми последствиями. Экспертиза промышленной безопасности играет ключевую роль в обеспечении безопасной эксплуатации зданий и сооружений, особенно тех объектов, эксплуатация которых связана с повышенными рисками аварий, катастроф или угроз здоровью населения. Осмысление понятия и содержания промышленной безопасности, регулируемой Федеральным законом Российской Федерации от 21.07.1997 № 116-ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» [1], приобретает особую значимость и определяет систему мер по предотвращению аварий, где документация экспертизы промышленной безопасности выступает центральным объектом, обладающим высоким значением для установления ответственности в уголовно-правовом поле.

Материалы и методы исследований

В ходе исследования применялись общенаучные и всеобщие методы познания, включая методы логического и системного анализа, метод анализа и обработки информации с использованием искусственного интеллекта, а также элементы сравнительно-правового характера. Их использование позволило рассмотреть экспертизу промышленной безопасности как самостоятельный источник исходных данных для установления причинно-следственной связи между нарушениями требований промышленной безопасности и наступившими последствиями в сфере строительства.

Результаты и обсуждения

По данным Департамента охраны труда и экологии Федерации независимых профсоюзов России (ФНПР), в 2025 году в стране произошло более 33 тысяч несчастных случаев на производстве, включая

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

смертельные, тяжёлые и лёгкие страховые случаи. За год погибли 1783 работника, выявлено 3893 случая профзаболеваний [2]. Эти данные показывают, что даже при наличии действующей системы контроля, уровень производственных рисков остается существенным. К основным факторам, порождающим возникновение аварийных ситуаций, относятся неудовлетворительная организация производства работ, недостаточный производственный контроль и нарушения требований технических регламентов, проектной документации.

Анализ аварийности и травматизма на производствах объектов повышенной опасности показывает, что более 70% всех нарушений, повлекших за собой аварии, связаны с тем, что работники либо не знают требований безопасности по тем или иным причинам, либо умышленно их нарушают, не представляя возможных последствий [3].

Экспертиза промышленной безопасности (далее по тексту ЭПБ) включает положения о системе управления промышленной безопасностью, документы по производственному контролю, регламенты технического обслуживания и ремонта, акты обследований и испытаний, журналы учета, обоснования безопасности, декларации и материалы мониторинга. Так, документы формируют основу для прослеживаемости решений, принятых на этапах проектирования, строительства и эксплуатации, и позволяют соотнести фактическое состояние здания или сооружения с предъявляемыми к нему требованиями промышленной безопасности в целях профилактики нарушений требований промышленной безопасности в сфере строительства.

В рамках экспертизы промышленной безопасности путем анализа материалов по технике безопасности определяется соответствие объекта экспертизы промышленной безопасности требованиям промышленной безопасности и фактического состояния зданий и сооружений на опасных производственных объектах. Именно результаты ЭПБ позволяют связать техническое состояние объекта с его эксплуатационной историей, режимами работы, изменениями нагрузки и реализуемыми мерами по снижению риска.

ЭПБ является основой для комплексной оценки технического состояния зданий и сооружений, условий труда и т.п. Ее качество напрямую определяет достоверность результатов расследования происшествий в сфере строительства, повлекшие нарушения требований промышленной безопасности [4]. Внедрении единой информационной платформы для обмена данными строительно-технической экспертизы и экспертизы промышленной безопасности, а также четкой стандартизации требований к документации позволит улучшить показатели качества расследования фактов нарушений промышленной безопасности и наступивших последствий в сфере строительства. Такой подход к анализу строительных и технологических рисков позволит сократить вероятность возникновения аварийных ситуаций, вызванных неполнотой данных или проектными недочетами [5].

Применительно к ЭПБ технического оборудования и технических устройств, как отмечает А.М. Кузнецов, то ее процедура, содержание, применяемые средства контроля, методы расчета остаточного ресурса дают возможность с достаточной для инженерных прогнозов точностью оценить техническое состояние технического устройства и ресурс его безопасной работы до следующей ЭПБ [6].

В рамках расследования фактов нарушений требований промышленной безопасности в сфере строительства и использования технических устройств и оборудования назначается комплексная экспертиза, в рамках которой эксперт должен установить факт наличия или отсутствия причинно-следственной связи между нарушениями требований промышленной безопасности и наступившими последствиями. Формирование экспертного подхода к установлению причинно-следственной связи в сфере охраны труда и промышленной безопасности – это переход от формальной фиксации нарушений к глубокому технико-технологическому анализу. Экспертный подход базируется на принципах объективности, воспроизводимости результатов и комплексности.

Вопросам процесса формирования экспертного выхода в рамках судебной экспертизы посвящено ряд научных исследований в области судебной экспертологии [7, 8, 9, 10].

М.В. Арискин, В.В. Павленко, А.Г. Бердников представили в обобщённом виде методы обследования, используемые в рамках, экспертизы промышленной безопасности [11].

Вместе с тем, в данных и иных научных трудах отсутствует указание на установление причинно-следственной связи между нарушениями требований промышленной безопасности и наступившими последствиями в сфере строительства.

В связи с этим, нами предпринята попытка определения перечня экспертных методов, используемых экспертами в рамках производства судебных экспертиз. В частности, формирование экспертного вывода должно быть основано на применении следующих экспертных методов: 1) «контрфактический анализ» (But-for test), основанный на мысленном моделирование ситуации; 2) анализ временных последовательностей, заключающийся в строгом выстраивание хронологии событий с точностью до секунд; 3) дозовый и экспозиционный анализ, состоящий в сопоставлении фактической дозы вредного фактора с предельно до-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

пустимыми концентрациями (ПДК) и порогами острого воздействия; 4) метод идентификации промежуточного звена путем поиска физического или химического агента-посредника; 5) метод исключения альтернативных гипотез – проверка других возможных причин (предсуществующие заболевания работника, его грубая неосторожность, вмешательство третьих лиц, скрытый дефект оборудования, не связанный с регламентом).

При этом следует отметить, что экспертом должны быть приняты по внимание и критерии доказательности причинно-следственной связи. Причинно-следственная связь считается установленной экспертом при одновременном соблюдении следующих условий: 1) техническая возможность, т.е. механизм нарушения физически мог привести к изменению параметров среды; 2) биологическая вероятность, обусловленной параметрами измененной среды и способной вызвать зафиксированное поражение у человека; 3) хронологическое единство; 4) дозовая зависимость, связанная корреляцией тяжести последствий с интенсивностью и длительностью воздействия.

При формировании экспертного подхода необходимо избегать экспертных ошибок, обусловленных автоматическим связыванием любого нарушения перед аварией с самой аварией; игнорированием системных факторов, подменой понятий и чрезмерной ретроспективной детерминации.

Выводы

Установление причинно-следственной связи при расследовании нарушений требований промышленной безопасности в сфере строительства требует отказа от формального подхода в пользу многофакторной инженерно-технической реконструкции. Ключевым инструментом формирования вывода выступает метод исключения альтернативных гипотез и контрфактическое моделирование: связь признается прямой достоверной, если доказано, что при строгом соблюдении регламентов авария была бы технически невозможна вне зависимости от действий пострадавшего. Итоговый экспертный вывод должен носить не декларативный, а алгоритмический характер, где каждое утверждение верифицируется законами строительной механики, сопромата и физиологии труда, обеспечивая объективную базу для правовой квалификации происшествия.

Финансирование

Статья подготовлена в рамках Гранта ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет»

Список источников

1. Федеральный закон от 21.07.1997 № 116-ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 30. Ст. 3904.

2. Стала известна общероссийская статистика несчастных случаев на производстве за 2025 год URL: https://www.gmpr74.ru/news/kak-rossiyane-travmirovalis-na-rabote (дата обращения: 05.07.2026)

3. Белов Г.П. и др. Анализ и Актуальные проблемы экспертизы промышленной безопасности опасных производственных объектов //Norwegian Journal of development of the International Science. 2018. № 18-1. С. 36 – 40.

4. Ермолаев Д.В. Промышленная безопасность // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2011. № 2-2. С. 108 – 111.

5. Ясакова В.Е., Кузбагарова Е.В. Роль документации промышленной безопасности при проведении строительно-технической экспертизы зданий на опасных производственных объектах // International Law Journal. 2026. Т. 9. № 5. С. 96 – 100.

6. Кузнецов А.М. Современные проблемы качества экспертизы промышленной безопасности // Безопасность труда в промышленности. 2018. № 2. С. 29 – 33.

7. Овсянников И.В. Проблемы формулирования и использования вероятных выводов экспертного заключения // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1998. № 1. С. 93 – 97.

8. Баркова Т.В. К вопросу надежности экспертного вывода // Дневник науки. 2021. № 5 (68). URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_46195778_73202645.pdf (дата обращения: 21.06.2026)

9. Новиков А.В., Слабкая Д.Н. Выявление и предупреждение экспертных ошибок // Вопросы российского и международного права. 2019. Т. 9. № 7-1. С. 327 – 334.

10. Хариков С.В. Методические рекомендации по проверке качества заключения эксперта: объективности, достоверности выводов эксперта // Вестник науки. 2026. Т. 1. № 1 (94). С. 80 – 91.

11. Арискин М.В., Павленко В.В., Бердников А.Г. Экспертиза промышленной безопасности, методы обследования // Новый университет. Серия: Технические науки. 2015. № 5-6. С. 53 – 56.

References

1. Federal Law of July 21, 1997, No. 116-FZ, "On Industrial Safety of Hazardous Industrial Facilities". Collected Legislation of the Russian Federation. 1997. No. 30. Article 3904.

2. All-Russian statistics on industrial accidents for 2025 have been released. URL: https://www.gmpr74.ru/news/kak-rossiyane-travmirovalis-na-rabote (date of access: 05.07.2026)

3. Belov, G.P., et al., "Analysis and Current Problems of Industrial Safety Expertise at Hazardous Industrial Facilities," Norwegian Journal of Development of the International Science. 2018. No. 18-1. P. 36 – 40.

4. Ermolaev, D.V. Industrial Safety. Bulletin of Tula State University. Economic and Legal Sciences. 2011. No. 2-2. P. 108 – 111.

5. Yasakova V.E., Kuzbagarova E.V. The Role of Industrial Safety Documentation in Conducting Construction and Technical Expertise of Buildings at Hazardous Industrial Facilities. International Law Journal. 2026. Vol. 9. No. 5. P. 96 – 100.

6. Kuznetsov A.M. Modern Problems of the Quality of Industrial Safety Expertise. Occupational Safety in Industry. 2018. No. 2. P. 29 – 33.

7. Ovsyannikov I.V. Problems of Formulating and Using Probable Conclusions of an Expert Opinion. Bulletin of Higher Educational Institutions. Jurisprudence. 1998. No. 1. P. 93 – 97.

8. Barkova T.V. On the Reliability of Expert Conclusions. Science Diary. 2021. No. 5 (68). URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_46195778_73202645.pdf (date of access: 21.06.2026)

9. Novikov A.V., Slabkaya D.N. Identification and Prevention of Expert Errors. Issues of Russian and International Law. 2019. Vol. 9. No. 7-1. P. 327 – 334.

10. Kharikov S.V. Methodological Recommendations for Checking the Quality of an Expert's Conclusion: Objectivity and Reliability of the Expert's Conclusions. Science Herald. 2026. Vol. 1. No. 1 (94). P. 80 – 91.

11. Ariskin M.V., Pavlenko V.V., Berdnikov A.G. Industrial safety expertise, survey methods. New University. Series: Technical Sciences. 2015. No. 5-6. P. 53 – 56.

Информация об авторах

Кузбагарова Е.В., кандидат юридических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет, elenakuzbagarova@mail.ru

Ясакова В.Е., Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет, viktoria_yas@mail.ru

© Кузбагарова Е.В., Ясакова В.Е., 2026

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.5. Международно-правовые науки (юридические науки)
УДК 341.1
DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-6-81-89

Глобальный договор о пластике: международно-правовые перспективы борьбы с пластиковым загрязнением и политическое сопротивление нефтехимических государств

[1] Примак А.В., [1] Мастюкова И.И., [1] Куцепалова В.С.,
[1] Нечай Е.Е., [1] Шарапова А.А.,
[1] Дальневосточный федеральный университет

Аннотация: *накопление пластиковых отходов в Мировом океане и на суше достигло масштаба, при котором фрагментарные природоохранные режимы (Конвенция ООН по морскому праву, Базельская и Стокгольмская конвенции, региональные морские программы) перестали обеспечивать предотвращение загрязнения по всему жизненному циклу полимеров. Резолюция Ассамблеи ООН по окружающей среде 5/14 от 2 марта 2022 г. запустила переговоры о юридически обязательном инструменте, однако к середине 2026 г. согласованный текст так и не принят: сессии Межправительственного комитета по переговорам, включая возобновлённую женевскую сессию августа 2025 г., завершились без консенсуса. Центральная задача работы – реконструировать международно-правовую конструкцию будущего договора и объяснить причины процедурного и содержательного тупика через расхождение интересов государств. Применены формально-юридический, сравнительно-правовой и историко-правовой методы, системное толкование действующих конвенций и обобщение хода переговорных раундов. Установлено, что водораздел проходит между моделью обязательного ограничения первичного производства полимеров, отстаиваемой Коалицией высоких амбиций, и моделью добровольного управления отходами, поддерживаемой группой нефтехимических экспортёров. Сохранение правила консенсуса при принятии решений наделяет численное меньшинство производящих государств блокирующим потенциалом, несоразмерным его доле в международном сообществе. Преодоление тупика достижимо реформой процедуры, то есть переходом к голосованию квалифицированным большинством либо формированием договора заинтересованных государств за пределами консенсусной процедуры, а не корректировкой содержания статей.*

Ключевые слова: *глобальный договор о пластике, международное экологическое право, пластиковое загрязнение, Межправительственный комитет по переговорам, Коалиция высоких амбиций, нефтехимические государства, правило консенсуса, жизненный цикл полимеров*

Для цитирования: Примак А.В., Мастюкова И.И., Куцепалова В.С., Нечай Е.Е., Шарапова А.А. Глобальный договор о пластике: международно-правовые перспективы борьбы с пластиковым загрязнением и политическое сопротивление нефтехимических государств // International Law Journal. 2026. Том 9. № 6. С. 81 – 89. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-6-81-89

Поступила в редакцию: 10 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 7 августа 2026 г.; Принята к публикации: 2 октября 2026 г.

The global plastics treaty: international legal prospects for combating plastic pollution and the political resistance of petrochemical states

[1] Primak A.V., [1] Mastyukova I.I., [1] Kutsepalova V.S., [1] Nechai E.E., [1] Sharapova A.A.,
[1] Far Eastern Federal University

Abstract: *the accumulation of plastic waste in the world ocean and on land has reached a scale at which fragmented environmental regimes (the United Nations Convention on the Law of the Sea, the Basel and Stockholm Conventions, and regional seas programmes) no longer ensure the prevention of pollution across the full life cycle of polymers. United Nations Environment Assembly Resolution 5/14 of 2 March 2022 launched negotiations on a legally binding instrument, yet by mid-2026 no agreed text has been adopted: the sessions of the Intergovernmental Negotiating Committee, including the resumed Geneva session of August 2025, closed without consensus. The central task of the study is to reconstruct the international legal design of the future treaty and to explain the procedural and substantive deadlock through the divergence of state interests. Formal-legal, comparative-legal and historical-legal methods, systemic interpretation of the conventions in force and generalisation of the negotiating rounds are applied. It is established that the dividing line runs between a model of binding restriction on primary polymer production, advanced by the High Ambition Coalition, and a model of voluntary waste management supported by the group of petrochemical exporters. Retention of the consensus rule grants a numerical minority of producing states a blocking capacity disproportionate to its share in the international community. Overcoming the deadlock is attainable through procedural reform, that is a shift to qualified-majority voting or the formation of a treaty of the willing outside the consensus procedure, rather than by softening the substance of the articles.*

Keywords: *global plastics treaty, international environmental law, plastic pollution, Intergovernmental Negotiating Committee, High Ambition Coalition, petrochemical states, consensus rule, plastic life cycle*

For citation: Primak A.V., Mastyukova I.I., Kutsepalova V.S., Nechai E.E., Sharapova A.A. The global plastics treaty: international legal prospects for combating plastic pollution and the political resistance of petrochemical states. International Law Journal. 2026. 9 (6). P. 81 – 89. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-6-81-89

The article was submitted: July 10, 2026; Approved after reviewing: August 7, 2026; Accepted for publication: October 2, 2026.

Введение

Объём ежегодного производства синтетических полимеров превысил 460 млн т, и значительная их часть после короткого цикла использования поступает в окружающую среду; накопление пластиковых фрагментов и микрочастиц фиксируется в морской воде, донных отложениях, пресноводных экосистемах, атмосфере и биологических тканях [4]. Поступление пластика в Мировой океан происходит преимущественно из наземных источников, тогда как исторически сложившиеся международные природоохранные режимы создавались для борьбы с судовым и эксплуатационным загрязнением.

Международно-правовая охрана морской среды от загрязнения пластиком опирается на рамочные обязанности государств, закреплённые в Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. [2], и на специальные акты, регулирующие отдельные стадии обращения с отходами. Сложившаяся конфигурация режимов охватывает фрагменты проблемы, но не предлагает единого инструмента, рассчитанного на весь жизненный цикл полимерной продукции.

Несоответствие между масштабом загрязнения и регулятивными возможностями действующего права породило запрос на универсальный обязывающий договор. Разработать международный юридически обязательный инструмент по пластиковому загрязнению на основе подхода, охватывающего полный жизненный цикл пластика, поручила Резолюция Ассамблеи ООН по окружающей среде 5/14 от 2 марта 2022 г. Завершить работу предполагалось к концу 2024 г., однако к середине 2026 г. согласованного текста нет: возобновлённая женевская сессия 2025 г. закрылась без результата. Потенциал будущего договора оценивается в рамке, которую задаёт принятое в доктрине международного экологического права разграничение действующего регулирования (lex lata) и формируемых норм (lex ferenda) [1]. Возникает вопрос, почему широкая поддержка инструмента не переходит в его принятие.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Тупик переговоров создан прежде всего столкновением экономических интересов государств с различной структурой производства; технические трудности кодификации при этом второстепенны. В обязательных производственных лимитах государства с развитой нефтехимической промышленностью, экспортирующие первичные полимеры, видят прямую угрозу отраслевым доходам, и переговорная стратегия выстраивается ими вокруг сужения предмета договора до управления отходами. Каким образом распределение издержек регулирования предопределяет позиции сторон, раскрывает анализ роли экономической политики в глобальном управлении пластиковым загрязнением [8]. Основную линию анализа задаёт заявленная в названии настоящей работы связь между международно-правовой конструкцией договора и политическим сопротивлением производящих государств.

Исследовательский вопрос имеет три составляющие. Первая касается правовой природы и архитектуры обязательств, закладываемых в проект договора, вторая относится к причинам устойчивости переговорного тупика при широкой поддержке обязывающего инструмента, третья к процедурным и содержательным решениям, способным вывести процесс из блокировки. Ответы требуют одновременного обращения к материи действующих конвенций, к документам переговорных раундов и к расстановке интересов государств-участников.

Материалы и методы исследований

Эмпирическую основу образуют действующие источники международного экологического права и документы переговорного процесса. К первой группе отнесены Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. (статьи 192, 194, 207, 213), Международная конвенция по предотвращению загрязнения с судов 1973/78 гг. с Приложением V, Базельская конвенция 1989 г. с поправками о пластиковых отходах 2019 г., вступившими в силу 1 января 2021 г., Стокгольмская конвенция о стойких органических загрязнителях 2001 г. и региональные программы по морскому мусору.

Вторую группу составляют Резолюция ЮНЕА 5/14, тексты Председателя Межправительственного комитета по переговорам, подготовленные по итогам сессии в Пусане и в ходе женевской сессии (проекты от 13 и 15 августа 2025 г.), а также материалы организационной сессии 7 февраля 2026 г.

Применён формально-юридический метод для установления содержания и пределов действующих обязательств, сравнительно-правовой – для сопоставления регулятивных моделей и позиций блоков, историко-правовой – для реконструкции эволюции переговорных раундов. Системное и телеологическое толкование использованы при определении соотношения мандата Резолюции 5/14 с предлагаемыми вариантами текста. Вопрос о химических веществах в составе полимеров, занимающий обособленное место в переговорах, рассмотрен с опорой на современное состояние их регулирования. При оценке реализуемости договорных обязательств учтено сопоставление национальных правовых подходов к борьбе с морским загрязнением пластиком [6]. Весь набор методов подчинён двум задачам: реконструировать договорную конструкцию и объяснить переговорный тупик.

Аналитическая процедура состоит из трёх шагов. Сначала реконструируется архитектура обязательств будущего договора, затем картируются позиции переговорных блоков по узловым элементам, после чего оцениваются процедурные механизмы принятия решений. Применимость общих конструкций к конкретным бассейнам проверена на региональном срезе проблемы, отражённом в практике правового регулирования предотвращения загрязнения отдельных морских акваторий [7]. При анализе содержания обязательств приняты во внимание и последствия проектируемого договора для системы многосторонней торговли, включая возможную коллизию торговых ограничений с правилами Всемирной торговой организации [3]. Совмещение этих ракурсов и обеспечивает переход от описания норм к объяснению расстановки интересов.

Результаты и обсуждения

Ни один из действующих режимов не охватывает производство полимеров. К пластиковому загрязнению международное право подходит через совокупность специализированных инструментов: Конвенция ООН по морскому праву закрепляет общую обязанность защищать и сохранять морскую среду и предотвращать загрязнение из наземных источников, но формулирует её рамочно, оставляя конкретизацию национальному законодательству и отраслевым соглашениям. После поправок 2019 г. трансграничное перемещение пластиковых отходов подпадает под процедуру предварительного обоснованного согласия Базельской конвенции [5], чем усилен контроль над экспортом загрязнённых и трудноперерабатываемых фракций. Базельский механизм работает на стадии обращения с уже

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

образовавшимися отходами; объёмов первичного производства и химического состава полимеров он не затрагивает.

Этот каркас дополняют несколько инструментов на стыке торгового и таможенного регулирования. Гармонизированная система описания и кодирования товаров рассматривается как канал повышения прослеживаемости трансграничных потоков: детализация товарных позиций по видам пластика [9] способна поддержать природоохранные ограничения. Из фискальных инструментов обсуждается акциз на отдельные виды пластиковой продукции, снижающий потребление через ценовой сигнал [10]. Все перечисленные подходы воздействуют на спрос и на логистику отходов, обязательства по сокращению выпуска полимеров они не образуют и потому остаются вспомогательными по отношению к стержневому вопросу переговоров.

Конфигурацию интересов задаёт экономическое измерение проблемы. Утилизация пластиковых отходов сопряжена со значимыми издержками для систем здравоохранения и окружающей среды, чем в логике обеспечения экологической безопасности обосновывается перенос части бремени на производителей. Национальная экологическая политика, включая российскую, строится вокруг расширенной ответственности производителя и развития переработки, а вопрос об ограничении первичного производства в активную повестку не входит. Доктринальную опору для государств, отвергающих производственные лимиты, даёт позиция, по которой обращение с пластиковыми отходами эффективнее решать технологиями переработки и обезвреживания, без запретительных мер. Совокупность этих установок и очерчивает экономико-правовое основание сопротивления обязывающей модели.

Соотнесённые по предмету, механизму и регулятивному пробелу, действующие акты обнаруживают общую черту: каждый работает на отдельной стадии жизненного цикла, и производство полимеров не нормирует ни один.

Почему наращивание числа специализированных режимов проблему не снимает, объясняет распределение пробелов вдоль жизненного цикла. Обязанность предотвращения загрязнения морское право задаёт, но в измеримые количественные обязательства не переводит. Потоки отходов Базельский механизм перехватывает на границе, объёмы их образования оставляя нетронутыми; региональные программы дают гибкость, однако обязывающей силы в большинстве случаев лишены и единого стандарта не создают. Регулятивная конструкция складывается плотной на стадии отходов и почти пустой на стадии производства.

Рамочный характер обязанности предотвращать загрязнение порождает известную трудность правоприменения. Обязательство сформулировано как обязанность поведения, и в отрыве от конкретных стандартов её нарушение установить трудно. Морское право возлагает на государства должную осмотрительность в отношении загрязнения из наземных источников, однако содержание этой осмотрительности остаётся неопределённым при отсутствии согласованных пороговых значений. Применительно к пластику это означает, что даже масштабное поступление полимеров в морскую среду с территории государства само по себе не образует достаточного основания международной ответственности, пока не установлены измеримые нормативы. Восполнение дефицита конкретики и составляет одну из задач будущего договора, переводящего диффузную обязанность в систему поддающихся проверке обязательств.

Эта асимметрия предопределила центральное требование Резолюции 5/14, охватить полный жизненный цикл пластика, то есть распространить будущие обязательства на проектирование, производство и состав продукции, выходя за пределы стадии утилизации. Перенос регулирования вверх по цепочке, к стадии первичного полимера, затрагивает интересы добывающих и нефтехимических отраслей напрямую, поскольку ограничивает сам выпуск сырья наряду с обращением образующихся отходов. Содержательный конфликт переговоров вырастает из этого смещения предмета и воспроизводится на каждой последующей сессии.

Переговорный процесс, запущенный Резолюцией 5/14, прошёл последовательность сессий Межправительственного комитета по переговорам, на каждой из которых воспроизводился один и тот же раскол. Первая сессия в Пунта-дель-Эсте в ноябре 2022 г. была посвящена процедурным рамкам, и уже здесь обнаружилась неурегулированность правил процедуры в части порядка голосования, вопроса, приобретшего в дальнейшем решающее значение. Парижская сессия 2023 г. поручила подготовить «нулевой проект», а сессия в Найроби того же года показала, что обсуждение текста ведёт к его разрастанию за счёт альтернативных формулировок, отражающих несовместимые позиции.

Сессия в Оттаве в апреле 2024 г. учредила юридическую редакционную группу, однако не сблизила стороны по вопросу о сокращении производства. Первая часть пятой сессии в Пусане в конце 2024 г.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

подготовила «текст Председателя» и перенесла завершение работы, формально исчерпав установленный Резолюцией срок.

Возобновлённая женевская сессия 5-15 августа 2025 г. рассматривалась как финальная; Председатель внёс проекты от 13 и 15 августа, но оба не получили достаточной поддержки и были отклонены сторонниками обязывающего инструмента как чрезмерно ослабленные. Сессия завершилась без консенсуса по производству, химическим веществам, финансовому механизму и порядку принятия решений.

Организационная сессия 7 февраля 2026 г. в Женеве не вела содержательных переговоров и ограничилась избранием нового Председателя, посла Чили Х. Кордано, после отставки прежнего, что отодвинуло возобновление предметной работы на более поздний этап 2026 г. Сжатое представление узловых разногласий по сессиям делает видимой их повторяемость.

Повторяемость разногласий от сессии к сессии указывает на структурную природу тупика. Содержание спорных формулировок менялось мало: на каждом раунде воспроизводилось противостояние по охвату, и каждый раунд завершался либо переносом, либо разрастанием текста. Перерастание единственной финальной сессии в Пусане в две женевские части, а затем в организационную сессию со сменой Председателя, свидетельствует о том, что инструментарий консенсусной дипломатии исчерпал способность сблизить позиции в установленные сроки.

В начале 2026 г. институциональная среда переговоров пополнилась самостоятельным экспертным органом: в Женеве состоялось первое пленарное заседание Межправительственной научно-политической группы по химическим веществам, отходам и предотвращению загрязнения. Создание постоянного механизма научной оценки отвечает на повторявшиеся упрёки в подмене экспертных заключений отраслевыми доводами и потенциально смещает баланс аргументации в сторону медико-санитарных и экологических сведений. Совещательный статус группы и отсутствие у её заключений обязывающей силы оставляют, однако, открытым вопрос о том, в какой мере научная оценка повлияет на исход межгосударственного торга, определяемого экономическими интересами.

Блоков на переговорах два. Коалиция высоких амбиций, объединяющая свыше ста государств, добивается обязательного инструмента по полному жизненному циклу с глобальными целевыми показателями сокращения производства, обязательным перечнем химических веществ, вызывающих обеспокоенность, и самостоятельным финансовым механизмом, тогда как противостоящая ей группа государств с развитым нефтехимическим экспортом настаивает на сведении договора к управлению отходами и переработке, отвергая производственные лимиты как выходящие за пределы мандата.

Линия раскола проходит не только по содержанию обязательств, но и по порядку их принятия. Переход к голосованию квалифицированным большинством при невозможности достичь согласия сторонники обязывающей модели допускают; производящие государства держатся строгого правила консенсуса, которое сохраняет за численным меньшинством блокирующий потенциал. На тот же раскол накладывается финансовый вопрос: самостоятельному многостороннему фонду с обязательными взносами противопоставлены существующие механизмы и добровольность. Позиции по узловым элементам системно несовместимы.

Несовместимость позиций по производству и по процедуре взаимно усиливается. Пока действует правило консенсуса, блок, отвергающий производственные лимиты, способен заблокировать любую формулировку, выходящую за рамки управления отходами, не предлагая альтернативы. Требование вывести из-под регулирования первичное производство и одновременно сохранить консенсус образует устойчивую конструкцию обороны: процедура защищает содержательную позицию, а содержательная позиция оправдывает сохранение процедуры. В этих условиях расширение текста на каждой сессии отражает накопление взаимоисключающих вариантов вместо сближения сторон.

У накопления взаимоисключающих формулировок имеется отчётливое процедурное следствие: чем больше альтернативных вариантов сохраняется в проекте, тем выше переговорная ценность правила консенсуса для стороны, заинтересованной в удержании сложившегося положения. Разросшийся текст с многочисленными заключёнными в скобки положениями требует для своего согласования либо политической воли к взаимным уступкам, либо механизма принятия решений, позволяющего преодолеть возражения меньшинства.

При отсутствии первого второе приобретает решающее значение, чем объясняется устойчивость процедурного спора и его приоритет над спором содержательным. Перенос центра тяжести с предмета регулирования на порядок голосования отражает зрелую стадию переговорного тупика, на которой исход определяется не столько формулировками статей, сколько правилами их принятия.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Нефтехимические государства сопротивляются преимущественно правовыми и процедурными средствами; открытого отказа от мандата нет. Внутри переговорной процедуры формально остаются оспаривание толкования формулы «полный жизненный цикл», настаивание на консенсусе, апелляция к национальным обстоятельствам и возможностям, перенос акцента на добровольные меры. Переговорный вес этой линии усиливает присутствие значительного числа представителей профильной промышленности в составе делегаций и среди наблюдателей, и процесс удерживается в состоянии, при котором обязывающие нормы по производству не принимаются, а формальное участие в переговорах сохраняется.

Самостоятельную ось разногласий внутри того же раскола образует вопрос о химических веществах, вызывающих обеспокоенность. Перечневый подход с обязательным поэтапным выводом отдельных добавок сближает будущий договор со стокгольмской логикой, но переносит её на полимерную продукцию в целом, затрагивая рецептуры и, опосредованно, объёмы производства. Обособленную статью о защите здоровья человека поддержали более ста двадцати государств, стремясь вывести медико-санитарное измерение из-под действия оговорок о национальных обстоятельствах. Сопротивление этой линии со стороны производящих государств подтверждает, что регулирование состава воспринимается ими как функциональный эквивалент ограничения производства.

С правом международной торговли проектируемые обязательства соприкасаются неизбежно: ограничения производства, запреты отдельных изделий и требования к составу продукции затрагивают трансграничное перемещение товаров. Если обоснование мер экологическими и медико-санитарными целями окажется недостаточно подкреплённым, они способны вступить в напряжение с принципами недискриминации и наименьшей ограничительности торговли. Согласовать природоохранный и торговый режимы можно либо прямыми оговорками о соотношении договоров, либо опорой на исключения, допускающие защиту здоровья и окружающей среды. Неопределённость этого соотношения даёт производящим государствам дополнительный довод против жёстких производственных обязательств.

Практическая исполнимость любого согласованного текста зависит от встроенных механизмов содействия соблюдению и урегулирования разногласий. Многосторонние природоохранные соглашения показывают, что без комитета по соблюдению, процедуры отчётности и проверяемых показателей обязательства сохраняют преимущественно декларативный характер. Восходящая архитектура с национально определяемыми планами эту трудность усугубляет: уровень амбиций остаётся на усмотрении каждого государства, сопоставление вкладов затрудняется. Нисходящая архитектура с едиными показателями контроль облегчает и по этой причине встречает сопротивление государств, не готовых связывать себя количественными нормативами. Конструкция механизма соблюдения продолжает, следовательно, то же противостояние по вопросу о производстве на завершающей стадии согласования договора.

Распределение обязательств предопределено архитектурой договора, а выбор архитектуры тесно связан с исходом процедурного спора. Централизованная, нисходящая модель закрепляет глобальные нормы прямого действия и единые целевые показатели по образцу Монреальского протокола о веществах, разрушающих озоновый слой, с его обязательными графиками поэтапного отказа. Децентрализованная, восходящая модель переносит определение обязательств на национальный уровень через самостоятельно формируемые планы действий и воспроизводит логику Парижского соглашения по климату. В гибридной модели обязательное ядро, то есть общие обязательства и отчётность, сочетается с национальной конкретизацией конкретных мер.

Если привязать каждую модель к юридическому прецеденту и к поддерживающему её блоку, обнаружится, что спор об архитектуре воспроизводит спор о производстве: при нисходящей модели производственные лимиты исполнимы, при восходящей они остаются на усмотрении государства.

Предпочтение восходящей модели со стороны производящих государств логически вытекает из их содержательной позиции. Национально определяемые обязательства позволяют сохранить выпуск первичных полимеров, формально оставаясь участником договора, поскольку мера амбиции определяется самим государством. Нисходящая модель, напротив, делает обязательства внешними по отношению к национальному усмотрению и потому неприемлемыми для экспортёров сырья. Гибридная конструкция выглядит компромиссной, однако её устойчивость зависит от того, попадут ли производственные показатели в обязательное ядро или будут отнесены к национальной части; на этой границе и концентрируется торг.

Финансовый механизм и режим соблюдения замыкают конструкцию обязательств. Самостоятельный фонд с обязательными взносами обеспечивал бы предсказуемое финансирование перехода для государств с ограниченными возможностями и тем самым расширял бы круг сторонников обязывающей модели, тогда

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

как опора на существующие добровольные механизмы оставляет реализацию зависимой от усмотрения доноров. Обязательные по форме нормы рискуют остаться декларативными без действенного режима соблюдения, то есть без отчётности, проверки и реагирования на отклонения. От того, как эти элементы распределены между обязательным ядром и национальной частью, зависит, изменит ли договор структуру производства или закрепит существующее положение под видом регулирования отходов.

Соотнесение полученных наблюдений показывает, что предметный и процедурный конфликты образуют единую конструкцию из двух взаимосвязанных препятствий. Содержательное требование охватить производство наталкивается на процедурную возможность его заблокировать, а консенсус сохраняется лишь постольку, поскольку есть содержательная позиция, которую надо защитить. Смягчение текста этой связки не разрушает: процедурный замок остаётся нетронутым.

Выход из тупика лежит поэтому в плоскости процедуры. Принятие решений квалифицированным большинством лишило бы меньшинство производящих государств блокирующего потенциала и перевело бы спор в режим, где численная поддержка обязывающей модели получает правовое выражение. Альтернативой выступает формирование договора заинтересованных государств за пределами консенсусной процедуры: с риском фрагментации режима и ослабления его универсальности, но с возможностью закрепить обязательства по производству для готового к ним круга участников.

Выводы

Международно-правовая конструкция будущего договора о пластике складывается на фоне регулятивной асимметрии действующего права, плотного на стадии обращения с отходами и почти лишённого обязательств на стадии производства полимеров. Мандат Резолюции 5/14 на охват полного жизненного цикла смещает регулирование вверх по цепочке, к первичному сырью, и это смещение превращает кодификацию из технической задачи в зону столкновения экономических интересов.

Устойчивость переговорного тупика определяется сцеплением содержательного и процедурного конфликтов. Требование вывести производство из-под регулирования и требование сохранить правило консенсуса образуют взаимно поддерживающую конструкцию, в которой процедура защищает позицию, а позиция оправдывает процедуру. Сохранение консенсуса наделяет численное меньшинство нефтехимических экспортёров блокирующим потенциалом, несоразмерным его доле в международном сообществе, поэтому смягчение текста, не затрагивающее порядок принятия решений, тупик не разрешает.

Правовыми средствами внутри процедуры и реализуется политическое сопротивление производящих государств: оспариванием толкования формулы жизненного цикла, апелляцией к национальным обстоятельствам, удержанием консенсуса. От мандата открыто никто не отказывается, и процесс удерживается в состоянии управляемой блокировки.

Условием продвижения выступает реформа процедуры, а не корректировка содержания. Голосование квалифицированным большинством перевело бы широкую поддержку обязывающей модели в правовую плоскость и отняло бы у меньшинства блокирующий рычаг; договор заинтересованных государств за пределами консенсуса закрепил бы производственные обязательства для готового круга участников ценой риска фрагментации универсального режима.

От выбора между этими путями зависит, станет ли итоговый инструмент регулятором структуры производства или оформит управление отходами под названием договора о пластике. Обе траектории международным сообществом уже опробованы, что видно по привязке архитектурных моделей к прецедентам Монреальского протокола и Парижского соглашения; различие между ними сводится к набору элементов, попадающих в обязательное ядро.

Организационная сессия, состоявшаяся в Женеве 7 февраля 2026 г., сменила Председателя, но оставила процедурный замок нетронутым, отложив предметные переговоры на более поздний этап года. Пока вопрос о порядке принятия решений не получит разрешения, новые редакции текста будут воспроизводить уже сложившийся раскол, а согласованный обязывающий инструмент по полному жизненному циклу пластика останется за пределами достижимого на условиях консенсуса.

Список источников

1. Солнцев А.М. Борьба с загрязнением пластмассами в международном праве: lex lata и lex ferenda // Московский журнал международного права. 2023. № 4. С. 35 – 49.

2. Куделькин Н.С. Международно-правовая охрана морской среды от загрязнения пластиком // Международное право и международные организации. 2022. № 4. С. 11 – 21.

3. Смбатян А.С., Лунина Е.С. Проект международного договора о загрязнении пластиком и последствия для многосторонней торговли // Российский внешнеэкономический вестник. 2025. № 6. С. 24 – 46.

4. Силакова В.В. Динамика аккумуляции микропластика в пресноводных экосистемах России: пространственно-временные закономерности и экологические последствия // Вопросы экологии. 2023. Т. 13. № 1. С. 143 – 156.

5. Бубнов П.В. Борьба с пластиковыми отходами инструментами Базельской конвенции // Охрана окружающей среды и заповедное дело. 2022. № 1. С. 85 – 92.

6. Салихова М.А., Артамонов С.Л. Правовые подходы в борьбе с загрязнением морей пластиком // Провинциальные научные записки. 2023. № 2 (18). С. 17-– 20.

7. Корсун Т.В., Селвян Д.Е., Литвин Т.А. Международно-правовое регулирование предотвращения загрязнения Чёрного моря пластиком // Вестник государственного морского университета имени адмирала Ф.Ф. Ушакова. 2025. № 2 (51). С. 77 – 79.

8. Барроуклаф Д., Дир Брикбек К. Преобразование мировой экономики пластмасс: роль экономической политики в глобальном управлении загрязнениями пластиком // Экономика природопользования. 2022. № 4. С. 19 – 59.

9. Андреева Е.И., Лысенчук В.Г. Гармонизированная система описания и кодирования товаров как международный инструмент по сокращению пластикового загрязнения // Российский внешнеэкономический вестник. 2025. № 6. С. 106 – 116.

10. Щекин Д.М. Акциз на пластик как мера по защите окружающей природной среды // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. 2022. № 1. С. 26 – 45.

References

1. Solntsev A.M. Combating Plastic Pollution in International Law: Lex Lata and Lex Ferenda. Moscow Journal of International Law. 2023. No. 4. P. 35 – 49.

2. Kudelkin N.S. International Legal Protection of the Marine Environment from Plastic Pollution. International Law and International Organizations. 2022. No. 4. P. 11 – 21.

3. Smbatyan A.S., Lunina E.S. Draft International Treaty on Plastic Pollution and Implications for Multilateral Trade. Russian Foreign Economic Bulletin. 2025. No. 6. P. 24 – 46.

4. Silakova V.V. Dynamics of Microplastic Accumulation in Freshwater Ecosystems of Russia: Spatio-Temporal Patterns and Environmental Consequences. Ecological Issues. 2023. Vol. 13. No. 1. P. 143 – 156.

5. Bubnov P.V. Combating Plastic Waste Using the Basel Convention Instruments. Environmental Protection and Nature Reserve Management. 2022. No. 1. P. 85 – 92.

6. Salikhova M.A., Artamonov S.L. Legal Approaches to Combating Marine Plastic Pollution. Provincial Scientific Notes. 2023. No. 2 (18). P. 17 – 20.

7. Korsun T.V., Selvyan D.E., Litvin T.A. International Legal Regulation of the Prevention of Plastic Pollution of the Black Sea. Bulletin of the Admiral F.F. Ushakov State Maritime University. 2025. No. 2 (51). P. 77 – 79.

8. Barrowclough D., Deer Brickbeck K. Transforming the global plastics economy: the role of economic policy in global plastic pollution management. Economics of Nature Management. 2022. No. 4. P. 19 – 59.

9. Andreeva E.I., Lysenchuk V.G. The Harmonized System of Commodity Description and Coding as an International Instrument to Reduce Plastic Pollution. Russian Foreign Economic Bulletin. 2025. No. 6. P. 106 – 116.

10. Shchekin D.M. Excise tax on plastic as a measure to protect the environment. Bulletin of Moscow University. Series 11, Law. 2022. No. 1. P. 26 – 45.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Информация об авторах

Примак А.В., Дальневосточный федеральный университет, Primak.av@dvfu.ru

Мастюкова И.И., Дальневосточный федеральный университет, mastyukova.ii@dvfu.ru

Куцепалова В.С., Дальневосточный федеральный университет, kutcepalova.vs@dvfu.ru

Нечай Е.Е., кандидат политических наук, доцент, Дальневосточный федеральный университет, nechay.ee@dvfu.ru

Шарапова А.А., старший преподаватель, Дальневосточный федеральный университет, sharapova.aa@dvfu.ru

© Примак А.В., Мастюкова И.И., Куцепалова В.С., Нечай Е.Е., Шарапова А.А., 2026

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)
УДК 347.65
DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-6-90-96

Реализация права собственности на здания и помещения при их преобразовании: границы между перепланировкой, реконструкцией и созданием нового объекта недвижимости

[1, 2] Скворцова Т.А., [1] Епифанова Т.В., [1] Метсо В.С.,
[1] Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
[2] Ростовский государственный университет путей сообщения

Аннотация: *в статье исследуются особенности осуществления права собственности на здания и помещения при проведении работ, влекущих изменение физических и юридически значимых характеристик объектов недвижимости. Основное внимание уделяется разграничению перепланировки помещения, реконструкции объекта капитального строительства и образования новых объектов недвижимости. Актуальность исследования обусловлена изменением законодательства о перепланировке помещений, развитием положений Гражданского кодекса Россий-ской Федерации об образовании недвижимых вещей, а также формированием судебной практики по спорам, связанным с изменением площади, границ и конфигурации помещений, использованием общего имущества и самовольной рекон-струкцией. Проанализированы нормы гражданского, жилищного, градостроительного законодательства и законодательства о государственной регистрации недвижимости. Рассмотрена практика Верховного Суда Российской Федерации. Обосновывается необходимость разграничения изменения характеристик существующего объекта недвижимости, образования новых помещений и реконструкции здания или сооружения. Предлагаются критерии такой квалификации. Сделан вывод о необходимости согласованного применения гражданско-правовых, жилищных, градостроительных и регистра-ционных норм при разрешении споров, возникающих в связи с преобразованием зданий и помещений.*

Ключевые слова: *право собственности, недвижимость, здание, сооружение, помещение, перепланировка, реконструкция, образование недвижимой вещи, общее имущество, государственная регистрация, самовольная постройка*

Для цитирования: Скворцова Т.А., Епифанова Т.В., Метсо В.С. Реализация права собственности на здания и помещения при их преобразовании: границы между перепланировкой, реконструкцией и созданием нового объекта недвижимости // International Law Journal. 2026. Том 9. № 6. С. 90 – 96. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-6-90-96

Поступила в редакцию: 10 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 7 августа 2026 г.; Принята к публикации: 2 октября 2026 г.

Exercise of ownership rights to buildings and premises during their transformation: boundaries between redevelopment, reconstruction and creation of a new real estate object

[1, 2] Skvortsova T.A., [1] Epifanova T.V., [1] Metso V.S.,
[1] Rostov State University of Economics,
[2] Rostov State Transport University

Abstract: *the article examines the specifics of exercising ownership of buildings and premises during work that entails changes to the physical and legally significant characteristics of real estate. The primary focus is on distinguishing between the redevelopment of premises, the reconstruction of a capital construction project, and the cre-*

ation of new real estate. The relevance of the study is determined by changes in the legislation on the redevelopment of premises, the development of the provisions of the Civil Code of the Russian Federation on the formation of immovable property, as well as the formation of judicial practice in disputes related to changes in the area, boundaries, and configuration of premises, the use of common property, and unauthorized reconstruction. The norms of civil, housing, urban planning legislation, and legislation on state registration of real estate are analyzed. The practice of the Supreme Court of the Russian Federation is considered. The need to distinguish between changes to the characteristics of an existing real estate object, the creation of new premises, and the reconstruction of a building or structure is substantiated. Criteria for such qualification are proposed. A conclusion was made on the need for a coordinated application of civil, housing, urban planning and registration norms in resolving disputes arising in connection with the transformation of buildings and premises.

Keywords: *ownership, real estate, building, structure, premises, redevelopment, reconstruction, formation of immovable property, common property, state registration, unauthorized construction*

For citation: Skvortsova T.A., Epifanova T.V., Metso V.S. Exercise of ownership rights to buildings and premises during their transformation: boundaries between redevelopment, reconstruction and creation of a new real estate object. International Law Journal. 2026. 9 (6). P. 90 – 96. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-6-90-96

The article was submitted: July 10, 2026; Approved after reviewing: August 7, 2026; Accepted for publication: October 2, 2026.

Введение

Осуществление права собственности на недвижимое имущество имеет особен-ности, обусловленные правовой природой зданий, сооружений и помещений. В соответствии со ст. 209 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) собственнику принадлежат права владения, пользования и распоряжения своим имуществом. Вместе с тем реализация указанных правомочий в отношении недвижимости осуществляется с учетом установленных законом требований к назначению объекта, его техническим характеристикам, безопасности, порядку реконструк-ции и перепланировки, а также прав и законных интересов иных лиц.

Особое значение приобретают случаи, когда собственник осуществляет строительные или технические работы, изменяющие площадь, границы, конфигурацию либо иные характеристики объекта. Возникает необходимость установить право-вую природу соответствующих изменений и определить, сохраняется ли ранее существовавший объект недвижимости, образуется ли новый объект либо произ-веденные работы являются реконструкцией здания или сооружения.

Указанный вопрос имеет практическое значение, поскольку правовая квалифи-кация выполненных работ непосредственно влияет на порядок их согласования, необходимость осуществления кадастрового учета, государственную регистрацию прав и возможность последующего распоряжения недвижимым имуществом.

Гражданский кодекс Российской Федерации предусматривает специальные по-ложения об образовании и изменении недвижимых вещей. Согласно ст. 141.3 ГК РФ изменение характеристик здания или сооружения по общему правилу не является основанием для образования нового здания или сооружения. Статья 141.4 ГК РФ предусматривает образование помещений в результате раздела, объединения, реконструкции здания или сооружения, а также возможность изменения границ помещений вследствие перепланировки. Одновременно в градостроительном законодательстве действует самостоятельное понятие реконструкции объекта капитального строительства. Вследствие этого одни и те же строительные работы требуют оценки с учетом нескольких отраслевых правовых режимов. Проблема заключается в отсутствии единого критерия, который позволял бы квалифицировать изменения объекта недвижимости для целей гражданского, жилищного, градостроительного законодательства.

Цель исследования состоит в определении правовых критериев разграничения перепланировки помещения, реконструкции здания или сооружения и образования новых объектов недвижимости при осуществлении собственником принадлежащих ему правомочий.

Задачи исследования. Для достижения поставленной цели необходимо определить правовое значение изменения характеристик недвижимой вещи; установить соотношение норм гражданского, жилищного и градостроительного законодательства; исследовать порядок государственной регистрации результатов преобразования объектов недвижимости; рассмотреть пределы осуществления права собственности в случаях затрагивания общего имущества.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Гипотеза исследования основывается на положении о том, что правовая ква-лификация преобразования объекта недвижимости должна осуществляться с учетом совокупности юридически значимых обстоятельств: характера и объема про-изведенных работ, объекта строительного воздействия, сохранения либо прекра-щения существования первоначального объекта, образования новых объектов, изменения параметров здания или сооружения и затрагивания имущества, при-надлежащего другим лицам.

Материалы и методы исследований

Исследование проведено с использованием формально-юридического, системного и правоприменительного методов. Нормативную основу составили положения Гражданского, Жилищного и Градостроительного кодексов Российской Федерации, законодательства о государственной регистрации недвижимости. Правоприме-нительная база представлена разъяснениями Верховного Суда Российской Федерации и судебными актами по спорам о перепланировке, реконструкции, общем имуществе и самовольных постройках [1-7]. Доктринальную основу составили исследования, посвященные правовой природе недвижимости, возникновению и изменению вещных прав, государственной регистрации и режиму общего имущества [8-17].

Результаты и обсуждения

Правовые последствия преобразования недвижимости зависят прежде всего от того, сохраняется ли исходный объект гражданских прав. В доктрине индивидуальная определенность рассматривается как необходимое условие существования вещного права, а применительно к недвижимости она обеспечивается совокупностью пространственных, технических и регистрационных характеристик [8-10]. Изменение площади, конфигурации либо иных характеристик здания или помещения само по себе не означает образования новой недвижимой вещи. Иной результат возникает при разделении или объединении, когда исходный объект прекращает существование и формируются самостоятельные помещения. Р.С. Бевзенко обоснованно разграничивает фактическое создание недвижимости и юридическое возникновение права на нее [11]. Поэтому при квалификации произведенных работ необходимо устанавливать не только их технический результат, но и сохранение индивидуализирующих признаков первоначального объекта.

Вопрос о сохранении объекта имеет значение и для определения момента воз-никновения вещного права на результат преобразования. Если первоначальная недвижимая вещь продолжает существовать, изменение ее характеристик не по-рождает нового права собственности, а требует актуализации сведений об объекте. При образовании самостоятельных помещений правовая ситуация иная: прекращение исходного объекта сопровождается возникновением новых объектов, каждый из которых должен обладать собственными индивидуализирующими характеристиками. Такая конструкция соответствует современному подходу к не-движимости как к юридически индивидуализированному объекту и одновременно выявляет ограничения концепции единого объекта недвижимости применительно к зданиям, внутри которых могут существовать самостоятельные помещения [10; 14].

Наиболее сложным остается разграничение перепланировки помещения и реконструкции объекта капитального строительства. Действующее жилищное зако-нодательство относит к перепланировке изменение границ, площади и внутренней планировки помещения, а также образование новых помещений. Реконструкция определяется через изменение параметров здания или сооружения. Следовательно, увеличение площади помещения не может рассматриваться как самостоятельный признак реконструкции. Определяющим является способ ее изменения: перенос внутренних перегородок и перераспределение площади в пределах существующего контура относятся к перепланировке, тогда как пристройка, надстройка или изменение внешнего контура затрагивают параметры объекта ка-питального строительства. Аналогичный подход отражен в Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ от 13.12.2023, где при квалификации работ предложено исходить из их фактического содержания и влияния на характеристики здания [2].

Изменение характеристик помещения должно сопровождаться приведением сведений ЕГРН в соответствие с его фактическим состоянием. После реформы 2024 г. изменение границ или площади помещения в предусмотренных законом случаях завершается внесением соответствующих сведений в ЕГРН, а образование новых помещений требует их кадастрового учета и государственной регистрации прав. Публичность и достоверность регистрационных сведений имеют существенное значение для последующего распоряжения объектом и защиты участников оборота, что отмечается А.В. Харченко [13]. Вместе с тем регистрационная запись не устраняет допущенных при строительстве или реконструкции нарушений и не исключает применения правил о самовольной постройке [1]. Особое значение регистрационные последствия приобретают при последующем распоряжении преобразованным объектом. Несоответствие фактической плани-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

ровки сведениям ЕГРН способно затруднить отчуждение помещения, его залог, раздел имущества и совершение иных регистрационных действий. Вместе с тем регистрационный порядок должен следовать за правильной материально-правовой квалификацией произведенных изменений. Ошибочное отражение в ЕГРН результата работ не изменяет их правовой природы: перепланировка не становится реконструкцией вследствие выбранного способа учета, а самовольная реконструкция не приобретает законный характер только в результате внесения сведений в реестр. Поэтому кадастровые и регистрационные действия должны рассматриваться как завершающая стадия юридического оформления уже определенного результата преобразования [13].

Следует также обратить внимание на то, что неким ограничителем осуществления права собственности является правовой режим общего имущества. Собственник помещения вправе производить изменения только в той мере, в какой они не влекут распоряжения имуществом, принадлежащим другим собственникам. Это особенно значимо при вмешательстве в несущие и ограждающие конструкции, фасад, балконные плиты, инженерные сети, а также при присоединении площадей общего назначения. В определении от 21.01.2025 № 41-КГ24-57-К4 Верховный Суд РФ указал на необходимость учитывать принадлежность изменяемых конструктивных элементов к общему имуществу и наличие требуемого согласия собственников [4]. Публичное согласование перепланировки в таких случаях не заменяет волеизъявления участников общей долевой собственности. Сходная проблема возникает при разделе крупного нежилого помещения. В деле № А45-20899/2023 собственник сформировал несколько самостоятельных объектов, однако спорным оказался режим коридоров и иных площадей, обеспечивающих доступ к ним. Верховный Суд РФ указал на необходимость устано-вить функциональное назначение этих частей здания и их правовой режим [3]. Из данного подхода следует, что образование нескольких помещений требует одновременного определения состава имущества, предназначенного для их общего обслуживания. Такой вывод согласуется с исследованиями общего имущества собственников недвижимости и правового положения помещений в здании [16; 17]. Разграничение индивидуального и общего имущества требует учитывать назначение соответствующего элемента здания. Принадлежность конструкции к общему имуществу определяется не местом ее фактического расположения относительно помещения, а функцией в составе здания и обслуживанием одного либо нескольких объектов. Поэтому при разрешении спора необходимо установить, затронуты ли элементы, обеспечивающие устойчивость здания, его ограждение, доступ к помещениям или работу общих инженерных систем. Такой подход пре-пятствует расширительному пониманию правомочий собственника отдельного помещения и обеспечивает сохранение прав остальных участников общей собственности [16; 17].

При изменении параметров здания с нарушением обязательных требований возникает вопрос о последствиях самовольной реконструкции. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12.12.2023 № 44 ориентирует суды на оценку характера нарушения и возможности приведения объекта в соответствие установленным требованиям [1]. В определении от 04.03.2025 № 18-КГ24-370-К4 Верховный Суд РФ отменил судебные акты о сносе здания, над которым был возведен дополнительный этаж, поскольку нижестоящие суды не исследовали существенность нарушений, результаты экспертизы и возможность сохранения объекта [5]. В деле № А41-72208/2022 Суд также указал на необходимость оценивать возможность приведения спорных объектов в соответствие обязательным требованиям [6]. Эти позиции подтверждают, что выбор правового последствия самовольной реконструкции должен учитывать фактические свойства объекта и устранимость нарушения. Комплексный характер данного правового режима отмечается и в современной литературе [12].

Судебная практика по самовольной реконструкции также свидетельствует о необходимости разграничивать основание ответственности и способ устранения нарушения. Установление факта проведения работ без требуемого разрешения либо с отступлением от обязательных требований еще не освобождает суд от оценки возможности узаконить объект. При этом изменение назначения помещения требует самостоятельной правовой оценки и не должно отождествляться с его перепланировкой или реконструкцией. Перевод жилого помещения в нежилое характеризует допустимый способ использования объекта, тогда как перепланировка и реконструкция связаны с изменением его физических характеристик. В определении от 19.06.2025 № 306-ЭС25-218 по делу № А72-15352/2023 Верховный Суд РФ при рассмотрении спора о переводе помещений указал на необходимость исследования их фактического назначения, соответствия строительным и противопожарным требованиям и безопасности предполагаемого использования [7]. Следовательно, одновременное проведение перевода и строительных работ предполагает соблюдение требований каждого из соответствующих правовых режимов.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Проведенный анализ позволяет предложить последовательный порядок квали-фикации преобразования недвижимости. На первом этапе устанавливается объект: помещение либо здание (сооружение). На втором определяется гражданско-правовой результат работ – сохранение исходного объекта либо образование новых недвижимых вещей. На третьем проверяется изменение параметров здания и наличие признаков реконструкции. Далее устанавливается, затронуто ли общее имущество и требуется ли согласие иных собственников. Завершающим этапом является определение необходимых кадастровых и регистрационных действий.

Применение указанного подхода требует более последовательного согласования нормативных понятий. Для разграничения перепланировки и реконструкции целесообразно исходить из объекта изменения: работы, ограниченные внутренними характеристиками помещения и не изменяющие параметры здания, должны рассматриваться как перепланировка; изменение параметров объекта капитального строительства – как реконструкция. Дополнительной конкретизации требует режим коридоров, проходов и технических помещений, возникающих при разделе крупных объектов. При определении последствий самовольной реконструкции необходимо учитывать возможность устранения нарушения без прекращения существования всего объекта.

Выводы

Реализация права собственности на здания, сооружения и помещения посредством их физического преобразования осуществляется в пределах, установленных гражданским, жилищным, градостроительным и регистрационным законодательством. Правовые последствия произведенных собственником работ зависят от характера изменения объекта недвижимости. Существенное значение имеет установление того, сохраняется ли исходный объект, образуются ли новые недвижимые вещи либо изменяются параметры здания или сооружения как объекта капитального строительства.

Для разграничения перепланировки и реконструкции определяющим следует считать объект строительного воздействия. Изменение внутренней конфигурации помещения при сохранении параметров здания регулируется нормами о перепланировке. Изменение параметров здания или сооружения подлежит квалифи-кации в соответствии с нормами о реконструкции. Изменение площади помеще-ния не может использоваться в качестве самостоятельного критерия разграничения указанных правовых режимов. Необходимо устанавливать способ и правовые последствия такого изменения. Образование новых помещений является самостоятельным гражданско-правовым результатом преобразования недвижимости. В этом случае подлежат определению момент прекращения существования исходного объекта, характеристики вновь образованных объектов, режим имущества общего назначения и основания государственной регистрации соответствующих прав.

Преобразование помещения, затрагивающее общее имущество, требует соблю-дения правил общей собственности. Решение публичного органа о согласовании перепланировки не заменяет согласия собственников, когда необходимость такого согласия непосредственно предусмотрена гражданским или жилищным зако-нодательством.

При разрешении споров о самовольной реконструкции судам необходимо устанавливать характер допущенного нарушения, его существенность, наличие угрозы жизни и здоровью граждан, возможность приведения объекта в соответствие обязательным требованиям и добросовестность лица, осуществившего работы.

В целях обеспечения единообразного правоприменения представляется целесообразным нормативно конкретизировать соотношение перепланировки, рекон-струкции и образования недвижимых вещей, а также установить более подробные правила определения режима общего имущества, возникающего при преобразовании и разделении помещений.

Список источников

1. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12.12.2023 № 44 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при применении норм о самовольной постройке» // СПС «Консультант Плюс».

2. Обзор судебной практики по спорам, связанным с реконструкцией, пере-устройством и перепланировкой помещений в многоквартирном доме: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 13.12.2023 // СПС «Консультант Плюс».

3. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 18.02.2025 № 304-ЭС24-20153 по делу № А45-20899/2023.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

4. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 21.01.2025 № 41-КГ24-57-К4.

5. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 04.03.2025 № 18-КГ24-370-К4.

6. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 29.10.2024 № 305-ЭС24-12116 по делу № А41-72208/2022.

7. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 19.06.2025 № 306-ЭС25-218 по делу № А72-15352/2023.

8. Суханов Е.А. Вещное право: научно-познавательный очерк. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2024.

9. Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. 6-е изд., испр. и доп. М.: Статут, 2023.

10. Суханов Е.А. Недвижимость в системе объектов гражданских прав // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 1. С. 16 – 22.

11. Бевзенко Р.С. Возникновение права собственности на вновь создаваемое недвижимое имущество: комментарий к ст. 219 ГК РФ // Вестник гражданского права. 2019. № 3. С. 137 – 153.

12. Карпов И.В. Проблемы квалификации самовольных построек в современном российском праве // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2024. № 5 (272). С. 82 – 99.

13. Харченко А.В. Становление и современное развитие института государственной регистрации прав на недвижимость в России // Хозяйство и право. 2022. № 6. С. 19 – 27.

14. Чаплин Н.Ю. Концепция единого объекта недвижимости: к вопросу о целесообразности и возможности ее реализации в российском законодательстве // Журнал российского права. 2019. № 1. С. 150 – 158.

15. Третьякова Д.В. 3D-кадастр и концепция единого объекта недвижимости // Вестник гражданского права. 2019. № 3. С. 53 – 95.

16. Алексеев В.А. Земельный участок и общее имущество собственников недвижимых вещей // Закон. 2025. № 8. С. 118 – 127.

17. Кархалев Д.Н., Макарчук И.Ю. Помещения и машино-места как недвижимые вещи // Современное право. 2026. № 3. С. 49 – 52.

References

1. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 12.12.2023 No. 44 "On Certain Issues Arising in Judicial Practice When Applying Norms on Unauthorized Construction". SPS "Consultant Plus".

2. Review of Judicial Practice on Disputes Related to the Reconstruction, Redevelopment, and Alteration of Premises in an Apartment Building: Approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 13.12.2023. SPS "Consultant Plus".

3. Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of 18.02.2025 No. 304-ES24-20153 in Case No. A45-20899/2023.

4. Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated January 21, 2025 No. 41-KG24-57-K4.

5. Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated March 4, 2025 No. 18-KG24-370-K4.

6. Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated October 29, 2024 No. 305-ES24-12116 in case No. A41-72208/2022.

7. Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 19, 2025 No. 306-ES25-218 in case No. A72-15352/2023.

8. Sukhanov E.A. Property Law: A Scientific and Educational Essay. 3rd ed., revised and enlarged. Moscow: Statut, 2024.

9. Sklovsky K.I. Property in Civil Law. 6th ed., revised and enlarged. Moscow: Statut, 2023.

10. Sukhanov E.A. Real Estate in the System of Civil Rights Objects. Journal of Russian Law. 2021. Vol. 25. No. 1. P. 16 – 22.

11. Bevzenko R.S. Emergence of Ownership Rights to Newly Created Real Estate: Commentary on Article 219 of the Civil Code of the Russian Federation. Bulletin of Civil Law. 2019. No. 3. P. 137 – 153.

12. Karpov I.V. Problems of Qualification of Unauthorized Constructions in Modern Russian Law. Property Relations in the Russian Federation. 2024. No. 5 (272). P. 82 – 99.

13. Kharchenko A.V. Formation and Modern Development of the Institute of State Registration of Rights to Real Estate in Russia. Business and Law. 2022. No. 6. P. 19 – 27.

14. Chaplin N.Yu. The Concept of a Single Real Estate Object: On the Issue of its Expediency and Possibility of Implementation in Russian Legislation. Journal of Russian Law. 2019. No. 1. P. 150 – 158.
15. Tretyakova D.V. 3D Cadastre and the Concept of a Single Real Estate Object. Bulletin of Civil Law. 2019. No. 3. P. 53 – 95.
16. Alekseev V.A. Land plot and common property of owners of immovable property. Law. 2025. No. 8. P. 118 – 127.
17. Karkhalev D.N., Makarchuk I.Yu. Premises and parking spaces as immovable property. Modern law. 2026. No. 3. P. 49 – 52.

Информация об авторах

Скворцова Т.А., кандидат юридических наук, профессор, ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-9605-0966, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ); доцент, Ростовский государственный университет путей сообщения, tas242@yandex.ru

Епифанова Т.В., доктор экономических наук, кандидат юридических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), rostovshell@mail.ru

Метсо В.С., Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), metsovs@mail.ru

© Скворцова Т.А., Епифанова Т.В., Метсо В.С., 2026

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)
УДК 347.72:336.763.2
DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-6-97-108

Доказывание убытков инвестора при недостоверном раскрытии информации в ходе первичного публичного размещения акций: гражданско-правовой аспект

[1] Студенский А.М.,
[1] Казанский (Приволжский) федеральный университет

Аннотация: *в статье представлены результаты гражданско-правового исследования доказывания убытков инвестора, возникших вследствие недостоверного, неполного либо вводящего в заблуждение раскрытия информации при первичном публичном размещении акций, а основное внимание сосредоточено на разграничении потерь, вызванных информационным завышением цены, и неблагоприятных последствий обычного рыночного риска. Проведена работа по определению обстоятельств, подлежащих установлению судом, исследованы особенности доказывания противоправности поведения эмитента и иных обязанных лиц, причинной связи, размера реального ущерба и поведения самого инвестора, а также раскрыта последовательность оценки доказательств по данной категории споров. Обосновано, что факт снижения стоимости акций сам по себе не подтверждает наличие убытков, вызванных дефектным раскрытием информации, и потому размер подлежащего возмещению ущерба должен определяться с учетом степени влияния недостоверных сведений на цену приобретения, последующего исправляющего раскрытия, общей рыночной динамики и операций инвестора с соответствующими ценными бумагами. Предложена двухуровневая модель причинной связи, при которой отдельно устанавливаются влияние информации на решение о приобретении акций и ее воздействие на последующее уменьшение их стоимости, а также сформулирован последовательный алгоритм доказывания и расчета убытков по отдельным партиям акций. Результаты исследования могут применяться судами при оценке доказательств, инвесторами и их представителями при подготовке исковых требований, а эмитентами, аудиторами и организаторами размещения – при формировании возражений, внутренних процедур проверки раскрываемой информации и мер предупреждения гражданско-правовых рисков.*

Ключевые слова: *первичное публичное размещение акций, проспект ценных бумаг, убытки инвестора, недостоверное раскрытие, событийный анализ, ценовое завышение, гражданско-правовая ответственность*

Для цитирования: Студенский А.М. Доказывание убытков инвестора при недостоверном раскрытии информации в ходе первичного публичного размещения акций: гражданско-правовой аспект // International Law Journal. 2026. Том 9. № 6. С. 97 – 108. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-6-97-108

Поступила в редакцию: 10 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 7 августа 2026 г.; Принята к публикации: 2 октября 2026 г.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Proving the investor's losses in case of false disclosure of information during the initial public offering of shares: a civil law aspect

[1] Studensky A.M.,
[1] Kazan (Volga Region) Federal University

Abstract: *the article presents the results of a civil law study of proving investor losses arising from inaccurate, incomplete, or misleading disclosure of information during an initial public offering, with particular attention to distinguishing losses caused by information-induced price inflation from the consequences of ordinary market risk. The study identifies the circumstances to be established by the court and examines the proof of unlawful conduct by the issuer and other liable persons, causation, actual damage, and the investor's own conduct, while also outlining the sequence for assessing evidence in such disputes. It is argued that a decline in share value does not, by itself, prove losses caused by defective disclosure. Recoverable damages should therefore be determined by considering the effect of inaccurate information on the purchase price, the subsequent disclosure of accurate information, general market movements, and the investor's transactions in the relevant securities. A two-level model of causation is proposed, under which the influence of the defective disclosure on the decision to acquire shares or on the purchase price is established separately from its effect on the subsequent economic loss. The article also formulates a sequential framework for proving and calculating losses for individual blocks of shares. The results may be used by courts in assessing evidence, by investors and their representatives in preparing claims, and by issuers, auditors, and offering organisers in preparing objections, improving internal verification procedures, and preventing civil law risks.*

Keywords: *initial public offering, securities prospectus, investor losses, inaccurate disclosure, event study, price inflation, civil law liability*

For citation: Studensky A.M. Proving the investor's losses in case of false disclosure of information during the initial public offering of shares: a civil law aspect. International Law Journal. 2026. 9 (6). P. 97 – 108. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-6-97-108

The article was submitted: July 10, 2026; Approved after reviewing: August 7, 2026; Accepted for publication: October 2, 2026.

Введение

Прежде всего первичное публичное размещение акций (далее – первичное размещение) соединяет корпоративное решение о привлечении капитала с формированием инвестиционных ожиданий, а достоверность проспекта влияет как на волеизъявление приобретателей, так и на исходную цену выпуска. При этом инвестор оценивает денежные потоки, долговую нагрузку, корпоративное управление и регуляторные риски на основании раскрытых сведений, но эмитент контролирует первичные данные и внутренние процедуры их проверки. В условиях такого информационного неравенства требования к содержанию проспекта приобретают особое значение, и пункт 4 статьи 22 Федерального закона от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» прямо закрепляет: «Информация, содержащаяся в проспекте ценных бумаг, должна отражать все обстоятельства, которые могут оказать существенное влияние на принятие решения о приобретении эмиссионных ценных бумаг» [2], а качество раскрытия тем самым связывается не с формальным объёмом документа, а со значением содержащихся в нём сведений для инвестиционного выбора. Несоблюдение указанного требования позволяет недостоверным данным о выручке, задолженности, связанных сделках, структуре контроля и известных претензиях повлиять на цену размещения, и имущественная потеря инвестора возникает при приобретении акций по цене, сформированной под воздействием информационного дефекта. Однако последующее снижение котировки не тождественно компенсируемому убытку, и временная близость негативного сообщения и падения стоимости не заменяет доказательства причинной связи между дефектом проспекта и конкретной частью ценовой потери. Следовательно, последствия общей рыночной и отраслевой конъюнктуры должны оставаться за инвестором, а эмитент и иные ответственные лица должны возмещать только ту часть убытков, которая вызвана недостоверным, неполным либо вводящим в заблуждение содержанием проспекта ценных бумаг.

Федеральный закон от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» устанавливает ответственность за дефектное раскрытие информации, тогда как Гражданский кодекс Российской Федерации определяет общие пределы возмещения вреда. Согласно пункту 1.1 статьи 51 указанного Федерального закона,

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

«Эмитент несет ответственность за убытки, причиненные им инвестору и (или) владельцу ценных бумаг вследствие раскрытия или предоставления недостоверной, неполной и (или) вводящей в заблуждение информации, в том числе содержащейся в проспекте ценных бумаг» [2], в установленных законом пределах ответственность несут также лица, подписавшие либо утвердившие проспект, и аудиторская организация. Пункт 1 статьи 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации закрепляет: «Вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред» [1], вследствие чего принцип полного возмещения применяется в части, не урегулированной законодательством о рынке ценных бумаг. А.А. Вишневский отмечает: «Структурность в понимании автора прежде всего должна учитывать роль рынка розничного инвестирования в финансовой системе государства, его рисковый характер, в том числе потенциально рисковые последствия, которые он может создать для государства, вследствие чего публичный интерес государства имеет “косвенный” характер, а защита инвестора предстает как справедливое перераспределение рисков на рынке розничного инвестирования» [3], и эта позиция позволяет разграничить информационный риск и обычный рыночный риск. Подтверждая необходимость специальной защиты инвестора, А.Н. Левушкин пишет: «В настоящее время крайне слабо развиты гражданско-правовые механизмы защиты владельцев корпоративных ценных бумаг при их эмиссии (дополнительной эмиссии)» [4], а модель доказывания убытков должна обеспечивать возмещение последствий дефектного раскрытия, не перекладывая на эмитента конъюнктурные, отраслевые и индивидуальные риски инвестора. С.Р. Решетняк связывает практическую эффективность возмещения убытков с последовательным установлением нарушения, причинной связи и размера имущественной потери [8], поэтому специальная модель для первичного размещения должна одновременно обеспечивать компенсацию информационного риска и исключать возмещение обычного колебания рынка.

В развитие исходной постановки следует учитывать, что российская литература охватывает защиту частных инвесторов, категоризацию клиентов, публичное регулирование и общую конструкцию убытков, тогда как специальная модель доказывания ценовой потери при первичном размещении остается фрагментарной; на этом фоне А.В. Пилинцов указывает: «Глобально можно выделить три основные проблемы в правовом регулировании фондового рынка: 1) нахождение баланса в государственном регулировании фондового рынка; 2) установление оптимального соотношения иностранного капитала и отечественных денежных средств на фондовом рынке; 3) защита прав неквалифицированных (розничных) инвесторов» [5], что позволяет отнести рассматриваемый спор к проблеме защиты розничных инвесторов и одновременно связать его с устойчивостью публичного рынка. Практическое значение единообразного режима компенсации возрастает вместе с числом участников фондового рынка, и А.А. Шамхалова отмечает: «В июне 2023 г. количество частных инвесторов на российском фондовом рынке достигло 31 млн» [6]. При этом формальная категоризация инвесторов не обеспечивает необходимой дифференциации способов защиты, поскольку, как подчеркивает Н.С. Антонов, «Приведенное распределение носит формальный характер и не позволяет распределять механизмы защиты инвесторов в разрезе представленных категорий, что способствует формированию барьеров для входа на финансовый рынок» [7], поэтому положение приобретателя следует определять с учетом характера сделки и фактического доступа к информации. Таким образом, научный пробел выражается в отсутствии согласованной модели перехода от дефекта проспекта к его ценовому воздействию, тогда как практический пробел состоит в отсутствии последовательного алгоритма доказывания причинной связи и размера потери.

Цель исследования – разработка и обоснование воспроизводимой гражданско-правовой модели доказывания убытков инвестора, возникших вследствие недостоверного, неполного либо вводящего в заблуждение раскрытия информации при первичном публичном размещении акций.

Гипотеза исследования состоит в том, что информационная потеря может быть отделена от обычного рыночного риска посредством двухуровневой модели причинной связи, при которой сначала устанавливается влияние дефекта раскрытия на решение о приобретении либо цену акций, а затем определяется воздействие исправляющего раскрытия на возникновение и размер экономической потери.

Научная новизна исследования заключается в разработке двухуровневой модели причинной связи, шестиэтапного алгоритма доказывания и формулы индивидуального расчёта реального ущерба, которые обеспечивают полное возмещение информационной потери, но исключают переложение на ответчика обычных инвестиционных рисков.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Материалы и методы исследований

В исследовании применены формально-юридический, системный и функциональный методы, причинный анализ и правовое моделирование, а эмпирическую основу составили нормативные правовые акты, научные публикации, сведения о биржевом ценообразовании, судебные акты и обзоры. Судебная практика исследована за период с 1 января 2023 г. по 1 августа 2026 г. посредством целевой выборки актов Верховного Суда Российской Федерации, в которых рассматривались доказанность убытков, профессиональный стандарт участника финансового или консультационного рынка, поведение потерпевшего, информационная асимметрия и внешние причины имущественной потери. В выборку включены определения Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 5 декабря 2023 г. № 310-ЭС23-14012, от 13 февраля 2024 г. № 305-ЭС23-18507 и от 11 марта 2025 г. № 305-ЭС24-21664, Обзор практики по корпоративным спорам о субсидиарной ответственности от 19 ноября 2025 г. и Обзор по специальным экономическим мерам от 17 июня 2026 г. № 11А/2026 [19-23]. Опубликованных определений Верховного Суда Российской Федерации, непосредственно разрешающих требование инвестора о возмещении убытков по статье 22.1 Федерального закона от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» вследствие дефекта проспекта при первичном размещении, в пределах выборки не выявлено, поэтому правовые позиции указанных актов использованы как функционально близкие ориентиры, а не как прямая практика применения статьи 22.1.

Эмпирическую базу образуют Гражданский кодекс Российской Федерации, Федеральный закон от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг», Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, научная юридическая литература и пять документов судебной практики 2023-2026 гг., отобранных по связи с причинностью, размером убытков, профессиональной ответственностью, поведением потерпевшего и распределением доказательственного бремени.

Результаты и обсуждения

Переходя к правовой природе требования, следует разграничить закреплённое законом основание ответственности и его гражданско-правовую квалификацию, при этом Федеральный закон от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» прямо не относит требование инвестора ни к договорным, ни к деликтным. О.В. Савенкова отмечает: «Не случайно ведь ст. 12 ГК РФ относит возмещение убытков к способам защиты гражданских прав» [13], что позволяет рассматривать взыскание имущественной потери прежде всего как способ восстановления положения инвестора, нарушенного вследствие дефектного раскрытия. Вместе с тем конкретная квалификация зависит от характера правоотношений сторон: приобретатель акций непосредственно при размещении связан договорным обязательством с продавцом, в то время как последующий владелец такой связи с эмитентом не имеет, хотя пункт 1.1 статьи 51 указанного Федерального закона прямо предоставляет ему самостоятельное право на возмещение причинённых убытков. Именно применительно к последующему владельцу предлагается использовать конструкцию специального деликтного требования с субсидиарным обращением к статье 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации по вопросам, которые законодательством о рынке ценных бумаг специально не разрешены. Ю.Э. Монастырский пишет: «Соответственно, возмещение убытков в постиндустриальных странах объективно становится основным средством охраны субъективных гражданских прав» [11], и этот вывод подтверждает компенсационную направленность рассматриваемого института, не устраняя различий между средствами защиты приобретателя, состоящего с ответчиком в обязательственном отношении, и последующего владельца, получившего право требования непосредственно из закона.

В продолжение субъектного анализа основным обязанным лицом признаётся эмитент, тогда как лица, подписавшие либо утвердившие проспект, и аудиторская организация отвечают в пределах подтверждённых ими сведений. Пункт 3 статьи 22.1 Федерального закона от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» устанавливает: «Лица, подписавшие или утвердившие проспект ценных бумаг (проголосовавшие за утверждение проспекта ценных бумаг), аудиторская организация (организации), составившая аудиторское заключение или иной документ в соответствии со стандартами аудиторской деятельности по результатам проверки бухгалтерской (финансовой) отчетности, консолидированной финансовой отчетности или финансовой отчетности эмитента и лица, предоставляющего (предоставившего) обеспечение по облигациям эмитента, содержащиеся в проспекте ценных бумаг, несут солидарно субсидиарную с эмитентом ответственность за убытки, причиненные инвестору и (или) владельцу ценных бумаг вследствие содержащейся в проспекте ценных бумаг и подтвержденной ими недостоверной, неполной и (или) вводящей в заблуждение информации» [2]. Формулировка «солидарно субсидиарная» объединяет разные виды множе-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

ственности должников, поэтому последовательность предъявления требований законом определена недостаточно ясно. В рамках предлагаемого толкования эмитент выступает основным должником, тогда как подписанты и аудитор образуют солидарную группу дополнительных должников в пределах подтверждённой ими информации.

Определяя положение организатора размещения, недостаточно учитывать само его участие в формировании книги заявок, рекламно-информационном сопровождении выпуска или обсуждении ценового диапазона, так как гражданско-правовые последствия должны соотноситься с конкретным объёмом обязанностей, принятых этим лицом по закону, договору либо подписанным им документам. Федеральный закон от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» не устанавливает самостоятельной ответственности организатора лишь в связи с выполнением перечисленных функций, поэтому в споре необходимо выяснить, подписывал ли он проспект, подтверждал ли отдельные содержащиеся в нём сведения и принимал ли на себя обязанность провести их проверку. Проведение правовой и финансовой проверки уменьшает вероятность информационного дефекта, однако не создаёт безусловной гарантии достоверности проспекта, вследствие чего предел ответственности организатора определяется содержанием принятой обязанности и фактически выполненными функциями.

Требования к профессиональной проверке раскрываемой информации позволяют конкретизировать подход, сформулированный Судебной коллегией по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации в определении от 13 февраля 2024 г. № 305-ЭС23-18507: оценивая действия консультанта, суд предложил учитывать не только формальное исполнение предусмотренных договором процедур, но и фактически проявленные заботливость, осмотрительность и профессионализм [20]. Для аудитора или организатора размещения такой критерий приобретает значение в ситуациях, когда документально подтверждённое проведение проверки само по себе не отвечает на вопрос о качестве её выполнения, например если очевидные противоречия остались без оценки либо существенный профессионально распознаваемый риск не был доведён до заинтересованных лиц. В этом же определении признана возможность существования нескольких причин одной имущественной потери, что требует применительно к первичному размещению устанавливать фактический вклад отдельных обстоятельств: недостатков проведённой проверки, решений эмитента и поведения самого инвестора. Их самостоятельная оценка позволяет избежать ситуации, при которой неблагоприятный финансовый результат без дополнительного анализа целиком связывается с одним выявленным нарушением.

В составе предмета доказывания юридическая квалификация информационного дефекта должна предшествовать исследованию его ценовых последствий: эксперт способен установить экономическое воздействие раскрытых сведений, однако вывод о нарушении обязанности по раскрытию относится к компетенции суда. При проверке недостоверности исходным является состояние информации на дату утверждения и опубликования проспекта, в связи с чем последующее ухудшение финансовых показателей эмитента ещё не подтверждает ложность ранее сделанного утверждения; истцу необходимо показать, что расхождение между раскрытым сведением и фактическим положением существовало уже в соответствующий момент. Несколько иначе оценивается неполнота, при которой значимое для инвестора обстоятельство отсутствует в раскрытии, а также формально достоверная информация, способ представления которой способен создать искажённое представление о долговой нагрузке, финансовом положении, структуре контроля или рисках эмитента. Прогнозные сведения требуют самостоятельной проверки, так как их последующая нереализация не свидетельствует автоматически о дефекте проспекта, в отличие от ситуации, когда на дату публикации заявленные ожидания не имели достаточной фактической основы либо уже были известны обстоятельства, вступавшие с ними в противоречие. Наконец, при ссылке на умолчание необходимо установить не только отсутствие определённого сведения, но и существовавшую обязанность его раскрыть, после чего истец должен конкретизировать спорную информацию и показать её возможное значение для инвестиционного решения либо формирования цены размещения.

При определении защищаемой имущественной потери информационный ущерб следует квалифицировать как чисто экономические убытки (уменьшение имущественной сферы без повреждения вещи и без причинения вреда личности), и требование инвестора направляется на возмещение снижения стоимости акций, вызванного дефектом раскрытия. Ю.Е. Туктаров отмечает: «Чисто экономические убытки являются одним из наиболее обсуждаемых и противоречивых вопросов современного деликтного и договорного права зарубежных стран» [14], и применительно к ответственности за содержание проспекта указанная позиция требует определить защищаемый интерес и пределы причинной связи. Прямая потеря выражается в информационной переплате (разнице между фактической ценой приобретения и ценой, которая сформировалась бы при своевременном раскрытии достоверных сведений), а последующее снижение котировки поз-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

воляет установить размер устранённого ценового завышения. Разница между ценой приобретения и любой последующей более низкой ценой не образует убыток автоматически, но возмещению подлежит часть снижения, обусловленная исправляющим раскрытием (публикацией сведений, устраняющих созданное проспектом ошибочное представление об эмитенте или выпуске). Дивиденды и иные выплаты уменьшают размер требования при их связи с той же имущественной позицией (конкретной партией приобретённых акций), но доходность иных ценных бумаг или финансовых инструментов в расчёт не включается. Следовательно, компенсация восстанавливает интерес инвестора в приобретении акций по цене, сформированной на основе достоверной информации, но она не гарантирует сохранение рыночной стоимости актива или получение ожидаемой прибыли.

Единый способ расчёта имущественной потери не означает тождества оснований ответственности всех лиц, участвовавших в подготовке размещения, поэтому применительно к каждому ответчику необходимо установить содержание именно той обязанности, нарушение которой связывается с дефектом раскрытия. В отношении эмитента предметом оценки выступают подготовка и раскрытие информации о выпуске, применительно к подписанту – сведения проспекта, утверждённые им в пределах соответствующей компетенции, а для аудиторской организации определяющее значение имеет объём бухгалтерской и финансовой информации, фактически охваченной профессиональной проверкой. Отсюда следует и предел ответственности аудитора: она не распространяется автоматически на коммерческие планы или управленческие прогнозы, которые не входили в предмет его работы, но может возникнуть при ненадлежащей проверке показателей, отражённых в аудиторском заключении либо ином подтверждённом документе. Правила о вине также зависят от гражданско-правовой квалификации отношения, так как статья 401 Гражданского кодекса Российской Федерации применяется в договорной конструкции, а пункт 2 статьи 1064 указанного Кодекса предусматривает обязанность причинителя вреда доказать отсутствие вины при деликтной модели. Специальные положения Федерального закона от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» не устраняют необходимость определить, какие общие гражданско-правовые нормы дополняют установленное им основание ответственности. При этом документы о проведении проверки имеют доказательственное значение не сами по себе: суду необходимо оценить содержание выполненных процедур, реакцию на выявленные противоречия, направленные запросы и действия ответчика после обнаружения существенных рисков.

При установлении причинной связи необходимо последовательно исследовать влияние дефекта на решение о приобретении акций или цену размещения и влияние исправляющего раскрытия на возникновение имущественной потери, иначе в размер компенсации может быть включено снижение, вызванное обычным рыночным риском. А.В. Егоров отмечает: «Причинно-следственная связь является одним из центральных вопросов проблематики возмещения упущенной выгоды» [15], и этот вывод применим к реальному ущербу, возникшему вследствие информационного завышения цены. На первом уровне инвестор подтверждает приобретение акций в период существования дефекта, а также его влияние на инвестиционное решение либо публичную цену (цену, сформированную под воздействием доступной участникам рынка информации), однако непосредственное ознакомление каждого приобретателя со всеми положениями проспекта не может признаваться единственным способом доказывания. Цена размещения формируется при участии эмитента и организатора, тогда как существенная публичная информация воздействует на спрос, объём заявок и ценовой диапазон независимо от индивидуального ознакомления инвесторов с проспектом. На втором уровне исправляющее раскрытие сопоставляется с уменьшением прежнего завышения, при этом ответчик вправе доказать влияние иных корпоративных сообщений, отраслевых событий либо общей рыночной динамики. Временная близость публикации исправляющих сведений и снижения котировки подтверждает причинную связь только при совпадении содержания раскрытого факта с ранее скрытым или искажённым обстоятельством, тогда как одно совпадение дат не доказывает, что именно публикация вызвала ценовую реакцию. Если сведения раскрываются поэтапно, каждое сообщение устраняет лишь соответствующую часть информационного завышения (часть цены, сформированную под влиянием конкретного дефекта проспекта), поэтому расчёт должен отдельно учитывать содержание публикации, вызванное ею изменение котировки и остаточное завышение после реакции рынка.

Определения Верховного Суда Российской Федерации 2023 и 2025 гг. конкретизируют правила установления причинной связи и имущественной потери. В определении от 5 декабря 2023 г. № 310-ЭС23-14012 указано, что истец должен обосновать размер убытков и причинную связь с разумной степенью достоверности, но объективная сложность доказывания не должна снижать уровень правовой защиты [19]. В определении от 11 марта 2025 г. № 305-ЭС24-21664, вынесенном по спору о неисполнении брокером заявки на приобретение акций, имущественная потеря связывалась не с покупкой по завышенной цене, а с отсутствием в составе имущества клиента подорожавших бумаг, которые находились бы у него при надле-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

жащем исполнении поручения [21]. Для спора о дефектном проспекте значение этих позиций заключается не в прямом переносе обстоятельств рассмотренных дел, а в допустимости расчётного установления имущественной потери при наличии достаточной фактической основы. Инвестору в таком случае необходимо связать конкретный информационный дефект с ценой приобретения и последующим уменьшением соответствующего завышения, однако отсутствие возможности выразить такое воздействие с абсолютной математической точностью не исключает его доказанности, если содержание исправляющих публикаций, движение котировок и иные обстоятельства позволяют получить обоснованный результат.

Количественное влияние исправляющего раскрытия на котировку предлагается устанавливать посредством событийного анализа, основанного на сравнении фактической доходности акции с её расчётной динамикой при отсутствии соответствующей публикации. Разница между этими величинами характеризует аномальную доходность и показывает, насколько движение цены отклонилось от обычного для рассматриваемой бумаги и рынка уровня. Для построения расчёта сначала исследуется период, предшествующий раскрытию и позволяющий определить нормальную динамику акции, после чего устанавливаются временные границы самой рыночной реакции с учётом возможного распространения сведений до официального сообщения и продолжительности корректировки котировки. Рыночный фон также требует самостоятельного выбора: общий биржевой или отраслевой индекс, равно как показатели сопоставимых организаций, пригодны для расчёта лишь тогда, когда они действительно отражают условия обращения акций конкретного эмитента, особенности его деятельности и уровень ликвидности. А.В. Митенков и В.Ф. Клеванский обращают внимание на то, что итог событийного анализа меняется в зависимости от даты события, продолжительности исследуемых периодов и принятой модели нормальной доходности [10], поэтому эксперт должен раскрыть логику выбора этих параметров и показать, насколько чувствителен к ним полученный результат. Само по себе статистически необычное падение или повышение котировки ещё не доказывает воздействия исправляющего раскрытия: экономический расчёт необходимо сопоставить с содержанием опубликованных сведений и временем их поступления на рынок.

С учётом изложенных положений в настоящем исследовании предлагается формализовать расчёт реального ущерба инвестора через разницу между информационным завышением цены на дату приобретения акций и его сохранившейся частью на дату продажи либо оценки непроданных акций. Предлагаемая модель выражается формулой:

$$L_{экон} = \sum_i q_i \times \max[0, I(t_i) - I(s_i)]$$

где $L_{экон}$ обозначает совокупную потерю по относимым партиям акций, q_i отражает количество акций в партии, $I(t_i)$ показывает информационное завышение на дату приобретения, тогда как $I(s_i)$ выражает его остаток на дату продажи либо оценки позиции. Информационное завышение являет собой разницу между фактической ценой акции и расчётной ценой при надлежащем раскрытии сведений об эмитенте и выпуске (контрфактической ценой), поэтому этот показатель не совпадает со всем последующим снижением котировки. Разница между первоначальным и остаточным завышением отражает устранённую часть ценового искажения, а оператор max (выбор наибольшего значения) исключает отрицательный результат при сохранении или увеличении завышения. Независимые рыночные, отраслевые и корпоративные факторы учитываются при определении $I(t_i)$ и $I(s_i)$, поэтому их повторное вычитание уменьшило бы потерю необоснованно. При приобретении 1000 акций с завышением цены на 30 рублей и сохранении завышения в размере 5 рублей потеря составляет 25 рублей на акцию, а её общий размер равен 25 000 рублей. После расчёта суд отдельно оценивает прямые расходы, полученные выплаты и поведение инвестора, так как эти обстоятельства не изменяют информационное завышение, но влияют на размер возмещения. Прямые расходы учитываются при доказанной связи с дефектом раскрытия, дивиденды и иные выплаты – при их относимости к той же имущественной потере, а поведение инвестора оценивается по статье 404 Гражданского кодекса Российской Федерации при договорной квалификации либо по статье 1083 указанного Кодекса при деликтной квалификации.

Упущенная выгода требует самостоятельной оценки после определения реального ущерба, так как неполученный доход возникает по иной модели имущественных последствий и его смешение с информационной переплатой способно привести к повторной компенсации одной потери. Если реальный ущерб отражает переплату за акции, цена которых была искажена дефектом проспекта, то требование о неполученном доходе предполагает доказательство другой сделки, достаточно определённой для вывода о том, что инвестор мог её совершить вместо спорного приобретения. В связи с этим значение имеют обстоятельства, су-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

ществовавшие до наступления убытков: поручение брокеру, ранее поданная заявка, утверждённый инвестиционный план либо подтверждённая стратегия размещения средств способны свидетельствовать о реальности альтернативного варианта, в отличие от последующего выбора инструмента, доходность которого оказалась наиболее высокой. Сопоставимость такого актива также не может оцениваться только по величине дохода и требует учитывать риск, валюту вложения, предполагаемый срок и ликвидность. Если намерение приобрести конкретный инструмент было зафиксировано заранее, появляется фактическая основа как для оценки вероятности альтернативной сделки, так и для определения её возможного финансового результата. Расходы по заёмному финансированию или производным финансовым инструментам могут рассматриваться отдельно, когда они непосредственно связаны со спорным приобретением и их возникновение было предвидимо для ответчика, а нетипичная структура позиции предполагает дополнительное подтверждение того, что способ финансирования был ему известен. При таком разграничении изменение стоимости одних и тех же акций не должно одновременно формировать размер информационной переплаты и расчёт неполученного альтернативного дохода.

Для преодоления информационной асимметрии в настоящем исследовании предлагается двухступенчатое распределение доказательственного бремени, при котором на первом этапе истец конкретизирует дефект проспекта, период его существования и связь запрашиваемых материалов с рассматриваемым спором, а на втором этапе ответчик раскрывает контролируемые им документы, относящиеся к подготовке первичного размещения. С.Л. Дегтярев подчёркивает: «Необходимость доказывания убытков в суде есть одно из отличительных свойств такого способа правовой защиты, как возмещение убытков» [16], однако требование доказанности не должно лишать инвестора доступа к материалам, которые находятся исключительно у эмитента, аудитора или организатора размещения (версиям проспекта, таблицам проверки, протоколам согласования и внутренней переписке), поэтому исходное бремя доказать дефект, приобретение акций и имущественную потерю сохраняется за истцом, а сведения о внутренних процедурах проверки, распределении обязанностей и альтернативных причинах ценового движения представляет сторона, которая фактически располагает соответствующими материалами. Такой подход согласуется с позицией Обзора практики Верховного Суда Российской Федерации от 19 ноября 2025 г., согласно которой объективное неравенство в доступе к доказательствам может устраняться посредством перераспределения доказательственного бремени, если одна сторона контролирует сведения о спорных внутренних процедурах [22].

Если ответчик без уважительной причины не представляет истребованный документ, суд оценивает такое поведение во взаимосвязи с другими доказательствами, но неблагоприятный вывод допускается лишь при условии, что существование документа и контроль ответчика над ним подтверждены, тогда как эксперт обязан раскрыть исходные машиночитаемые сведения, формулы, параметры модели и результаты проверки чувствительности (изменение результата при замене окна события, рыночного индекса либо состава сопоставимых компаний), а разрешение вопросов о противоправности, вине и окончательной причинной связи сохраняется в исключительной компетенции суда. Предварительное определение перечня документов и структуры экспертного исследования снижает риск назначения повторной экспертизы, а воспроизводимость расчёта позволяет сторонам проверить исходные сведения, промежуточные операции и итоговый результат, вследствие чего экспертное заключение становится не только источником специальных знаний, но и проверяемым доказательством, доступным для процессуального опровержения. Истребование и оценка таких материалов осуществляются по статьям 65, 66 и 71 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации либо по статьям 56, 57 и 67 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [17, 18], поэтому предлагаемая модель не создаёт автоматической презумпции виновности, а определяет последовательность процессуального содействия суда при подтверждённой информационной асимметрии.

При оценке влияния дефекта раскрытия на цену необходимо разделять вывод, который суд уже вправе сделать на основании представленных доказательств, и специальную опровержимую презумпцию, для появления которой требуется прямое законодательное основание. Публичность проспекта позволяет учитывать воздействие содержащейся в нём существенной информации на формирование цены размещения, однако такой вывод возможен лишь после подтверждения истцом конкретного дефекта, приобретения акций в период его существования, последующего поступления достоверных сведений и заметной рыночной реакции, выраженной, например, в аномальном изменении котировки или объёма торгов. На этом основании причинная связь ещё не становится неопровержимой: ответчик может показать особенности индивидуального согласования цены, осведомлённость конкретного приобретателя, отсутствие реакции на спорное сообщение либо воздействие самостоятельных внешних факторов. Содержательная ценность подобных возражений определяется представленными в их подтверждение материалами – условиями сделки, пере-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

пиской, объективными рыночными показателями или экспертным анализом, тогда как предположение о возможном существовании другой причины само по себе не опровергает установленную последовательность событий. Для будущего регулирования возможно закрепление опровержимой презумпции общего ценового воздействия существенного информационного дефекта, если законодатель одновременно ограничит её предмет: собственные операции инвестора, время приобретения и отчуждения акций, продолжительность владения и индивидуальная величина потери по-прежнему должны подтверждаться им самостоятельно. Такая конструкция могла бы уменьшить неравенство сторон в доступе к информации, не устраняя необходимости исследовать причинную связь применительно к конкретному требованию и не связывая любое падение котировки после негативного сообщения с обязанностью его компенсировать.

В разработанной модели независимые причины движения котировки исключаются при определении информационного завышения, тогда как поведение потерпевшего учитывается позднее и по отдельному правовому основанию, поэтому повторное уменьшение возмещения не допускается. К независимым причинам относятся изменения общего рынка, отраслевых показателей, процентных ставок, валютного курса и не связанные с проспектом результаты деятельности эмитента, но каждое сопутствующее событие исключается только в пределах доказанного воздействия на цену. При одновременном распространении нескольких сообщений эксперт должен сопоставить их содержание, время появления и самостоятельную рыночную реакцию, а многофакторная модель должна включать лишь переменные, необходимость которых обоснована. Если точное разделение причин невозможно, эксперт определяет диапазон информационной потери, а суд выбирает конкретную величину с учётом качества исходных сведений и альтернативных объяснений. В пункте 13 Обзора, утверждённого постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 17 июня 2026 г. № 11А/2026, убытки не были взысканы после подтверждения объективного воздействия санкционных ограничений [23], поэтому применительно к первичному размещению внешний фактор должен исключаться только в доказанной части, тогда как общее указание на кризис, санкции или отраслевое снижение не опровергает влияние конкретного дефекта проспекта.

Предлагаемая методика может применяться и в групповом производстве, однако общие обстоятельства (содержание и существенность дефекта, период его существования и ценовое воздействие) должны разграничиваться с индивидуальными обстоятельствами (количеством акций, датами приобретения и отчуждения, расходами и поведением инвестора). Общая экспертиза устанавливает величину информационного завышения на соответствующие даты, а индивидуальный расчёт производится по сделкам каждого участника, поэтому единая формула не приводит к усреднению требований инвесторов.

Результаты исследования позволяют предложить шестиэтапную последовательность доказывания, исходной особенностью которой является разграничение юридической квалификации нарушения и последующей экономической оценки его последствий. На первом этапе конкретизируется сам дефект раскрытия – недостоверное утверждение, отсутствие существенного сведения либо способ представления информации – и устанавливается его состояние на дату утверждения проспекта; затем проверяются обстоятельства выпуска, период существования выявленного дефекта, статус приобретателя и возможные пределы ответственности каждого из заявленных ответчиков. Следующий вопрос относится уже не к содержанию проспекта как таковому, а к воздействию спорной информации на инвестиционное решение или сформировавшуюся цену размещения, причём вывод суда должен основываться на исследованных доказательствах и не может автоматически заменяться не установленной законом презумпцией. После этого анализ переносится на последующее раскрытие достоверных сведений и события, совпавшие с ним по времени: рыночные, отраслевые и корпоративные факторы необходимо отделить от реакции, которая может быть связана с устранением первоначального информационного искажения. Только после такого разграничения производится расчёт ценового завышения одной акции с использованием событийного анализа, фундаментальной оценки либо сочетания соответствующих методов, а полученная величина затем соотносится с конкретными операциями инвестора; прямые расходы, относимые выплаты и его собственное поведение учитываются отдельно при наличии самостоятельного основания для изменения размера требования. Исходной фактической основой для перехода к такой последовательности служат подтверждённый существенный дефект, приобретение акций в период его существования, последующее поступление исправляющей информации и экономически заметная реакция рынка.

Верховному Суду Российской Федерации целесообразно разъяснить двухуровневую причинную связь (воздействие дефекта на цену приобретения и воздействие последующего раскрытия на имущественную потерю), а также соотношение статей 322 и 399 Гражданского кодекса Российской Федерации со статьёй 22.1 Федерального закона от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг», тогда как Банку России следует установить минимальные требования к исходным сведениям, параметрам модели и воспроизводи-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

мости событийного анализа. Предлагаемая модель не устраняет обычный инвестиционный риск, но она позволяет отделить его от информационного риска и обеспечивает возмещение только той части потери, которая возникла вследствие нарушения обязанности по достоверному раскрытию информации, благодаря чему исключается как необоснованное переложение на ответчика последствий общего рыночного движения, так и возложение на инвестора потерь, непосредственно вызванных дефектом проспекта.

Выводы

Таким образом, Исследование подтверждает, что общее снижение стоимости акций не тождественно компенсируемой информационной потере, поскольку возмещению подлежит только часть цены, сформированная под влиянием существенного дефекта проспекта и устранённая после раскрытия достоверной информации. Основание ответственности закреплено статьями 22.1 и 51 Федерального закона от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг», тогда как статьи 15, 393, 401, 404, 1064 и 1083 Гражданского кодекса Российской Федерации определяют цель, условия и пределы компенсации. Требование приобретателя может иметь договорную природу только в отношении лица, связанного с ним обязательством, а требование последующего владельца предлагается квалифицировать как специальное деликтное требование.

Предмет доказывания включает существенный информационный дефект, статус инвестора, период приобретения, влияние спорных сведений на инвестиционное решение или цену, последующее уменьшение информационного завышения и индивидуальные обстоятельства сделок. Реальный ущерб рассчитывается по изменению завышения каждой партии акций, а независимые рыночные причины и поведение потерпевшего учитываются раздельно, поскольку они имеют различные фактические и правовые основания. Событийный анализ должен быть воспроизводимым, а при непродолжительной истории торгов он дополняется фундаментальной оценкой и сравнением с сопоставимыми организациями.

Научный результат выражается в двухуровневой модели причинной связи, формуле индивидуального расчёта и шестиэтапном алгоритме доказывания, а практическое значение состоит в разграничении информационного и обычного инвестиционного риска. Верховному Суду Российской Федерации целесообразно разъяснить соотношение статей 322 и 399 Гражданского кодекса Российской Федерации со статьёй 22.1 Федерального закона № 39-ФЗ, тогда как Банку России следует установить требования к исходным данным, параметрам и воспроизводимости событийного анализа.

Список источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации: часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ и часть вторая от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (в действующей редакции) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301; 1996. № 5. Ст. 410.

2. Федеральный закон Российской Федерации от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» (в действующей редакции) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 17. Ст. 1918.

3. Вишневский А.А. Структура правового института защиты розничного инвестора // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 9. С. 40 – 48.

4. Левушкин А.Н. Правовая природа и виды корпоративных ценных бумаг иностранных эмитентов // Вестник РГГУ. Серия: «Экономика. Управление. Право». 2024. № 3. С. 132 – 147.

5. Пилинцов А.В. Основные теоретические проблемы правового регулирования рынка ценных бумаг // Право и государство: теория и практика. 2023. № 10 (226). С. 321 – 324.

6. Шамхалова А.А. Частные инвесторы на российском фондовом рынке // Экономическое развитие России. 2023. Т. 30. № 9. С. 38 – 45.

7. Антонов Н.С. Категории современных инвесторов на финансовом рынке и политика государства по защите их прав и интересов // Прогрессивная экономика. 2025. № 3. С. 177 – 188.

8. Решетняк С.Р. Актуальные вопросы реализации гражданско-правового института возмещения убытков в современном российском праве // Вестник экспертного совета. 2024. № 2 (37). С. 77 – 86.

9. Платонова Н.В. К вопросу о дифференциации стандартов доказывания по гражданским делам // Правоприменение. 2025. Т. 9. № 3. С. 134 – 143.

10. Митенков А.В., Клеванский В.Ф. Критика метода краткосрочного событийного анализа при оценке эффективности сделок слияний и поглощений // Экономика промышленности. 2024. Т. 17. № 2. С. 115 – 128.

11. Монастырский Ю.Э. Регулирование требований об убытках в Гражданском кодексе Российской Федерации и Принципах европейского контрактного и деликтного права // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 2. С. 87 – 108.

12. Смаков В.М. Понятие убытков: деконструкция их определения как меры ответственности // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2022. № 4. С. 84 – 96.

13. Савенкова О.В. Возмещение убытков в современном гражданском праве // Убытки и практика их возмещения: сборник статей / отв. ред. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2006. С. 6 – 67.

14. Туктаров Ю.Е. Чисто экономические убытки // Убытки и практика их возмещения: сборник статей / отв. ред. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2006. С. 138 – 168.

15. Егоров А.В. Упущенная выгода: проблемы теории и противоречия практики // Убытки и практика их возмещения: сборник статей / отв. ред. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2006. С. 68 –137.

16. Дегтярев С.Л. Процессуальные аспекты возмещения убытков в гражданском и арбитражном процессе // Убытки и практика их возмещения: сборник статей / отв. ред. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2006. С. 489 – 521.

17. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (в действующей редакции) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3012.

18. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (в действующей редакции) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 46. Ст. 4532.

19. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 5 декабря 2023 г. № 310-ЭС23-14012 по делу № А09-1358/2022 // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf_ec/2314676 (дата обращения: 05.07.2026)

20. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 13 февраля 2024 г. № 305-ЭС23-18507 по делу № А40-111577/2022 // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf_ec/2448474 (дата обращения: 05.07.2026)

21. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 11 марта 2025 г. № 305-ЭС24-21664 по делу № А40-170425/2023 // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf_ec/2478296 (дата обращения: 05.07.2026)

22. Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел по корпоративным спорам о субсидиарной ответственности контролирующих лиц по обязательствам недействующего юридического лица: утверждён Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 19 ноября 2025 г. // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: https://www.vsrf.ru/documents/all/34902/ (дата обращения: 05.07.2026)

23. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением арбитражными судами законодательства о специальных экономических мерах, предусмотренных в целях защиты национальных интересов Российской Федерации: утверждён постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 17 июня 2026 г. № 11А/2026 // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: https://vsrf.ru/documents/all/36053/ (дата обращения: 05.07.2026)

References

1. Civil Code of the Russian Federation: Part One of November 30, 1994 No. 51-FZ and Part Two of January 26, 1996 No. 14-FZ (as amended). Collected Legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32. Art. 3301; 1996. No. 5. Art. 410.

2. Federal Law of the Russian Federation of April 22, 1996 No. 39-FZ "On the Securities Market" (as amended). Collected Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 17. Art. 1918.

3. Vishnevsky A.A. Structure of the Legal Institute for the Protection of Retail Investors. Bulletin of the O.E. Kutafina (MSAL). 2024. No. 9. P. 40 – 48.

4. Levushkin A.N. Legal nature and types of corporate securities of foreign issuers. Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series; "Economics. Management. Law". 2024. No. 3. P. 132 – 147.

5. Pilintsov A.V. Main theoretical problems of legal regulation of the securities market. Law and state: theory and practice. 2023. No. 10 (226). P. 321 – 324.

6. Shamkhalova A.A. Private investors in the Russian stock market. Economic development of Russia. 2023. Vol. 30. No. 9. P. 38 – 45.

7. Antonov N.S. Categories of modern investors in the financial market and state policy to protect their rights and interests. Progressive Economy. 2025. No. 3. P. 177 – 188.

8. Reshetnyak S.R. Current issues of implementation of the civil-law institution of compensation for damages in modern Russian law. Bulletin of the expert council. 2024. No. 2 (37). P. 77 – 86.

9. Platonova N.V. On the issue of differentiation of standards of proof in civil cases. Law Application. 2025. Vol. 9. No. 3. P. 134 – 143.

10. Mitenkov A.V., Klevansky V.F. Critique of the short-term event analysis method in assessing the effectiveness of mergers and acquisitions. Industrial Economics. 2024. Vol. 17. No. 2. P. 115 – 128.

11. Monastyrskiy Yu.E. Regulation of Claims for Damages in the Civil Code of the Russian Federation and the Principles of European Contract and Tort Law. Law. Journal of the Higher School of Economics. 2021. No. 2. P. 87 – 108.

12. Smakov V.M. The Concept of Damages: Deconstructing Their Definition as a Measure of Liability. Bulletin of Moscow University. Series 11: Law. 2022. No. 4. P. 84 – 96.

13. Savenkova O.V. Compensation for Damages in Modern Civil Law. Damages and the Practice of Their Compensation: Collection of Articles. Ed. M.A. Rozhkova. M.: Statute, 2006. P. 6 – 67.

14. Tuktarov Yu.E. Purely economic losses. Losses and the practice of their compensation: collection of articles. rep. ed. M.A. Rozhkova. M.: Statute, 2006. P. 138 – 168.

15. Egorov A.V. Lost profit: problems of theory and contradictions in practice. Losses and the practice of their compensation: collection of articles. rep. ed. M.A. Rozhkova. M.: Statute, 2006. P. 68 – 137.

16. Degtyarev S.L. Procedural aspects of compensation for losses in civil and arbitration proceedings. Losses and the practice of their compensation: collection of articles. rep. ed. M.A. Rozhkova. M.: Statut, 2006. P. 489 – 521.

17. Arbitration Procedure Code of the Russian Federation of July 24, 2002, No. 95-FZ (as amended). Collected Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 30. Art. 3012.

18. Civil Procedure Code of the Russian Federation of November 14, 2002, No. 138-FZ (as amended). Collected Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 46. Art. 4532.

19. Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 5, 2023 No. 310-ES23-14012 in case No. A09-1358/2022. Official website of the Supreme Court of the Russian Federation. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf_ec/2314676 (date of access: 05.07.2026)

20. Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated February 13, 2024 No. 305-ES23-18507 in case No. A40-111577/2022. Official website of the Supreme Court of the Russian Federation. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf_ec/2448474 (date of access: 05.07.2026)

21. Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated March 11, 2025 No. 305-ES24-21664 in case No. A40-170425/2023. Official website of the Supreme Court of the Russian Federation. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf_ec/2478296 (date of access: 05.07.2026)

22. Review of the practice of arbitration courts in considering cases on corporate disputes regarding subsidiary liability of controlling persons for the obligations of an inactive legal entity: approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on November 19, 2025. Official website of the Supreme Court of the Russian Federation. URL: https://www.vsrf.ru/documents/all/34902/ (date of access: 05.07.2026)

23. Review of Certain Issues of Judicial Practice Related to the Application by Arbitration Courts of Legislation on Special Economic Measures Provided for the Protection of the National Interests of the Russian Federation: approved by Resolution of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation of June 17, 2026, No. 11A/2026. Official Website of the Supreme Court of the Russian Federation. URL: https://vsrf.ru/documents/all/36053/ (date of access: 05.07.2026)

Информация об авторе

Студенский А.М., аспирант, Казанский (Приволжский) федеральный университет, 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18, 89196873238@mail.ru

© Студенский А.М., 2026

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)
УДК 343.7:004.738.5
DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-6-109-113

Криптовалюта и цифровые финансовые активы как предмет преступления: проблемы квалификации хищений, легализации доходов и конфискации

[1] Таилова А.Г., [2] Казакбиева Л.Т., [2] Муслимов М.М.,
[1] Северо-Кавказский институт, филиал Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России),
[2] Дагестанский государственный технический университет

Аннотация: *в статье исследуются теоретические и прикладные проблемы квалификации преступлений, предметом которых выступают криптовалюта и иные цифровые финансовые активы. Автор анализирует доктринальные подходы к определению правовой природы цифровых активов для целей уголовного права, выявляет сложности, возникающие при квалификации хищений криптовалюты и её использования в механизмах легализации преступных доходов, а также рассматривает препятствия, с которыми сталкивается правоприменитель при обращении взыскания на цифровые активы в рамках конфискации. На основе анализа судебной практики и зарубежного опыта сформулированы предложения по совершенствованию уголовного законодательства и разъяснений Пленума Верховного Суда РФ.*

Ключевые слова: *криптовалюта, цифровые финансовые активы, хищение, легализация преступных доходов, конфискация, предмет преступления, блокчейн, биткоин, квалификация преступлений, цифровая экономика*

Для цитирования: Таилова А.Г., Казакбиева Л.Т., Муслимов М.М. Криптовалюта и цифровые финансовые активы как предмет преступления: проблемы квалификации хищений, легализации доходов и конфискации // International Law Journal. 2026. Том 9. № 6. С. 109 – 113. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-6-109-113

Поступила в редакцию: 11 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 8 августа 2026 г.; Принята к публикации: 2 октября 2026 г.

Cryptocurrency and digital financial assets as the subject of a crime: problems of qualification of theft, money laundering and confiscation

[1] Tailova A.G., [2] Kazakbieva L.T., [2] Muslimov M.M.,
[1] North Caucasus Institute of the All-Russian State University (RPA of the Ministry of Justice of Russia) branch,
[2] Dagestan State Technical University

Abstract: *the article examines theoretical and applied problems of qualification of crimes the subject of which is cryptocurrency and other digital financial assets. The author analyzes doctrinal approaches to determining the legal nature of digital assets for criminal law purposes, identifies difficulties arising in the qualification of cryptocurrency theft and its use in money laundering mechanisms, as well as considers obstacles faced by law enforcers when seizing digital assets within the framework of confiscation. Based on the analysis of judicial practice and foreign experience, proposals are formulated for improving criminal legislation and clarifications of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation.*

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Keywords: *cryptocurrency, digital financial assets, theft, money laundering, confiscation, subject of crime, blockchain, bitcoin, qualification of crimes, digital economy*

For citation: Tailova A.G., Kazakbieva L.T., Muslimov M.M. Cryptocurrency and digital financial assets as the subject of a crime: problems of qualification of theft, money laundering and confiscation. International Law Journal. 2026. 9 (6). P. 109 – 113. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-6-109-113

The article was submitted: July 11, 2026; Approved after reviewing: August 8, 2026; Accepted for publication: October 2, 2026.

Введение

Стремительная цифровизация финансовой сферы, ознаменовавшаяся появлением и широким распространением криптовалют и иных цифровых финансовых активов, поставила перед уголовно-правовой наукой и правоприменительной практикой комплекс принципиально новых вопросов. Если ещё десятилетие назад криптовалюта воспринималась как маргинальное явление, интересовавшее преимущественно IT-энтузиастов, то сегодня объём глобального рынка цифровых активов исчисляется триллионами долларов, а сами они всё активнее вовлекаются в орбиту преступной деятельности – от банальных хищений до изощрённых схем отмывания денег, полученных от наркоторговли, коррупции и финансирования терроризма.

Рыночная стоимость криптовалюты может изменяться на десятки процентов в течение нескольких дней и при этом доступ к криптовалюте обеспечивается исключительно закрытым криптографическим ключом, который известен только владельцу кошелька. Отсутствие специального правового регулирования порядка ареста и конфискации цифровых активов во многом усложняет вопросы противодействия преступлениям, совершаемым с использованием криптовалюты.

Особую тревогу вызывает то обстоятельство, что децентрализованная природа большинства криптовалют, отсутствие единого эмиссионного центра и трансграничный характер операций существенно затрудняют выявление, пресечение и расследование соответствующих деяний.

Материалы и методы исследований

В работе проанализирован и использован теоретический материал авторов ранее занимавшихся исследованиями по данной тематике, залет и последние пять данные судебной практики

При написании статьи были использованы диалектический метод, метод сравнительного анализа, методика контент-анализа материалов опубликованной судебной практики и ряд других общенаучных методов.

Результаты и обсуждения

Квалификация преступлений с использованием криптовалюты вызывает ряд вопросов, которые неоднозначно решаются на практике и толкуются в теории уголовного права.

Судебная практика демонстрирует разнообразие подходов к определению самой юридической природы криптовалюты. Так, приговором Люблинского районного суда г. Москвы от 13 октября 2022 г. по делу № 1-412/2022 подсудимый был осуждён по ч. 3 ст. 159 УК РФ за хищение у потерпевшего 2,8 биткоина. Суд квалифицировал содеянное как мошенничество, признав криптовалюту иным имуществом, в отношении которого возможно совершение хищения, и указав, что «отсутствие в законодательстве прямого указания на отнесение криптовалюты к объектам гражданских прав не исключает её имущественной ценности и, соответственно, уголовно-правовой охраны». Данный подход представляется наиболее взвешенным и разделяется большинством учёных-криминалистов [3; 4; 7].

Противоположная позиция, встречающаяся в отдельных судебных актах, исходит из того, что криптовалюта, не будучи прямо поименованной в статье 128 ГК РФ, не может признаваться предметом хищения, а завладение ею должно квалифицироваться исключительно как компьютерное преступление. Эта логика, однако, приводит к парадоксальному результату: более общественно опасное деяние (хищение) подменяется менее опасным (несанкционированный доступ к информации), что нарушает принцип справедливости.

В доктрине сформировались три основных подхода к квалификации хищений криптовалюты. Сторонники первого, традиционного, подхода (Р.Р. Галиуллин, С.М. Кочои) настаивают на том, что криптовалюта является полноценным предметом хищения, а её противоправное изъятие должно квалифицироваться по статьям 158-162 УК РФ в зависимости от способа совершения [5; 7]. Второй подход (Л.В. Иногамова-Хегай) исходит из того, что криптовалюта должна рассматриваться как разновидность имущественных прав, что влечёт квалификацию содеянного как мошенничества в форме приобретения права на чужое

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

имущество [6]. Третий подход (А.В. Шмонин, П.С. Яни) допускает возможность квалификации хищения криптовалюты как по статьям о преступлениях против собственности, так и по совокупности со статьями о компьютерных преступлениях, в зависимости от конкретных обстоятельств дела [3].

Представляется, что наиболее обоснованным является третий подход. Хищение криптовалюты с использованием методов социальной инженерии, когда потерпевший сам передаёт преступнику ключи доступа к криптокошельку, должно квалифицироваться как мошенничество.

Анонимность и децентрализованный характер блокчейн-технологий создают практически идеальные условия для сокрытия следов предикатных преступлений.

А.М. Долгиев выделяет несколько типовых схем легализации с использованием криптовалюты: конвертация преступных доходов в криптовалюту на зарубежных биржах с последующим обратным обменом; использование миксеров (сервисов смешивания транзакций); применение анонимных криптовалют (Monero, Zcash); транзит средств через юрисдикции с минимальным регулированием криптовалютного рынка [4]. Каждая из этих схем ставит перед правоприменителем специфические задачи доказывания.

М.М. Долгиева подчёркивает, что квалификация легализации, сопряжённой с использованием криптовалюты, осложняется необходимостью доказывания двух обстоятельств: во-первых, того, что денежные средства или иное имущество, конвертированные в цифровые активы, были получены именно преступным путём; во-вторых, того, что целью совершаемых с криптовалютой операций являлось придание правомерного вида владению, пользованию и распоряжению преступными доходами [9].

Институт конфискации имущества, предусмотренный главой 15.1, как иная мера уголовно правового характера сталкивается на практике с рядом проблем.

Доступ к криптовалюте обеспечивается исключительно закрытым криптографическим ключом, который известен только владельцу кошелька. Если подозреваемый (обвиняемый) отказывается предоставить такой ключ, принудительное изъятие актива становится практически невозможным.

Криптобиржи, на которых зачастую хранятся активы, как правило, зарегистрированы в иностранных юрисдикциях (Сейшельские Острова, Каймановы Острова, Сингапур) и не всегда оперативно и полно отвечают на запросы российских правоохранительных органов. Даже при наличии международно-правового поручения об аресте активов его исполнение может затянуться на месяцы, в течение которых заинтересованное лицо способно беспрепятственно вывести криптовалюту.

Рыночная стоимость криптовалюты может изменяться на десятки процентов в течение нескольких дней. Возникает вопрос: на какую дату надлежит оценивать стоимость конфискованного актива — на момент совершения преступления, на момент вынесения приговора или на момент фактического обращения взыскания?

Действующее уголовно-процессуальное законодательство не содержит норм, определяющих процедуру наложения ареста на криптовалюту и её последующего хранения до вынесения приговора.

Решение обозначенных проблем нами видится в следующих мерах.

Во-первых, необходимо внесение изменений в статью 115 УПК РФ, предусматривающих возможность наложения ареста на цифровые финансовые активы с возложением на лицо, у которого они находятся, обязанности обеспечить их сохранность и запретом на совершение с ними каких-либо операций.

Во-вторых, целесообразно создание специализированного государственного криптокошелька, на который могли бы переводиться арестованные цифровые активы на период предварительного расследования и судебного разбирательства.

В-третьих, требует законодательного разрешения вопрос о принудительном изъятии закрытого криптографического ключа: отказ в его предоставлении должен влечь за собой неблагоприятные процессуальные последствия, включая возможность признания такого поведения обстоятельством, учитываемым при назначении наказания.

Выводы

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

Криптовалюта, несмотря на отсутствие прямого указания в статье 128 ГК РФ, de facto признаётся судебной практикой объектом имущественных прав и, как следствие, предметом хищения. Данный подход следует признать обоснованным и закрепить путём внесения соответствующих изменений в статью 128 ГК РФ либо путём прямого указания в диспозициях статей главы 21 УК РФ на возможность признания цифровых финансовых активов предметом хищения.

Квалификация хищений криптовалюты должна осуществляться дифференцированно, с учётом способа завладения активом: при обмане или злоупотреблении доверием – по статье 159 УК РФ; при использовании

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

вредоносного программного обеспечения и неправомерного доступа к компьютерной информации – по совокупности статей 158 (или 159) и 272 УК РФ.

Легализация преступных доходов с использованием криптовалюты обладает существенной спецификой, требующей разъяснений на уровне постановления Пленума Верховного Суда РФ, которые детализировали бы типовые схемы отмывания, критерии установления субъективной стороны и доказательственные презумпции, применимые в данной категории дел.

Список источников

1. Русскевич Е.А. Уголовно-правовая охрана цифровой экономики: современное состояние и перспективы развития // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. 2023. № 2. С. 89 – 101.

2. Мазур О.В. Криптовалюта как предмет преступления: проблемы квалификации // Уголовное право. 2022. № 5. С. 48 – 56.

3. Шмонин А.В., Яни П.С. Цифровые активы в уголовном праве: предмет хищения или инструмент легализации? // Законность. 2024. № 1. С. 33 – 40.

4. Долгиев А.М. Легализация преступных доходов с использованием криптовалюты: схемы и квалификация // Российский следователь. 2023. № 8. С. 22 – 28.

5. Галиуллин Р.Р. Имущественная ценность криптовалюты как предпосылка её уголовно-правовой охраны // Библиотека криминалиста. 2022. № 4. С. 117 – 125.

6. Иногамова-Хегай Л.В. Квалификация хищений цифровых финансовых активов: теоретические и практические аспекты // Lex Russica. 2023. № 9. С. 73 – 82.

7. Кочои С.М. Криптовалюта в механизме преступления: уголовно-правовой анализ // Всероссийский криминологический журнал. 2024. Т. 18. № 1. С. 56 – 65.

8. Лопашенко Н.А. Цифровые активы и искусственный интеллект: уголовно-правовые риски // Библиотека криминалиста. 2023. № 1. С. 9 – 18.

9. Долгиева М.М. Противодействие легализации преступных доходов в цифровой среде: проблемы и решения // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2024. № 2. С. 38 – 46.

10. Рарог А.И. Субъективное вменение в преступлениях, совершаемых с использованием цифровых технологий // Уголовное право. 2024. № 3. С. 51 – 60.

References

1. Russkevich E.A. Criminal-legal protection of the digital economy: current state and development prospects. Bulletin of Moscow University. Series 11, Law. 2023. No. 2. P. 89 – 101.

2. Mazur O.V. Cryptocurrency as a subject of a crime: problems of qualification. Criminal law. 2022. No. 5. P. 48 – 56.

3. Shmonin A.V., Yani P.S. Digital assets in criminal law: subject of theft or instrument of legalization? Legality. 2024. No. 1. P. 33 – 40.

4. Dolgiev A.M. Legalization of criminal proceeds using cryptocurrency: schemes and qualification. Russian investigator. 2023. No. 8. P. 22 – 28.

5. Galiullin R.R. Property Value of Cryptocurrency as a Prerequisite for Its Criminal-Law Protection. Library of a Criminologist. 2022. No. 4. P. 117 – 125.

6. Inogamova-Khegay L.V. Qualification of Theft of Digital Financial Assets: Theoretical and Practical Aspects. Lex Russica. 2023. No. 9. P. 73 – 82.

7. Kochoi S.M. Cryptocurrency in the Mechanism of a Crime: Criminal-Law Analysis. All-Russian Criminological Journal. 2024. Vol. 18. No. 1. P. 56 – 65.

8. Lopashenko N.A. Digital Assets and Artificial Intelligence: Criminal Law Risks. Criminologist's Library. 2023. No. 1. P. 9 – 18.

9. Dolgieva M.M. Combating Money Laundering in the Digital Environment: Problems and Solutions. Legal Science and Law Enforcement Practice. 2024. No. 2. P. 38 – 46.

10. Rarog A.I. Subjective Imputation in Crimes Committed Using Digital Technologies. Criminal Law. 2024. No. 3. P. 51 – 60.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Информация об авторах

Таилова А.Г., кандидат юридических наук, доцент, Северо-Кавказский институт, филиал Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

Казакбиева Л.Т., кандидат юридических наук, доцент, Дагестанский государственный технический университет

Муслимов М.М., аспирант, Дагестанский государственный технический университет

© Таилова А.Г., Казакбиева Л.Т., Муслимов М.М., 2026

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.5. Международно-правовые науки (юридические науки)
УДК 341.655
DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-6-114-119

Влияние санкций на суверенитет и международно-правовой статус Ирака

[1] Аль-Шарифи Мохаммад Хайдер,
[1] Казанский (Приволжский) федеральный университет

Аннотация: *в статье анализируется влияние санкций Совета Безопасности ООН на суверенитет и международно-правовой статус Ирака в контексте реализации механизма коллективной безопасности. Автор обосновывает тезис о том, что санкции, введённые против Ирака в 1990-2003 гг., носили правомерный характер, соответствовали Уставу ООН и были направлены на нейтрализацию реальной угрозы международному миру и безопасности. Делается вывод о допустимости временного ограничения суверенных прав государства-нарушителя в рамках главы VII Устава ООН.*

Автор обосновывает тезис о том, что санкции, введённые против Ирака после вторжения в Кувейт, носили правомерный характер, соответствовали положениям Устава ООН и были направлены на нейтрализацию реальной угрозы международному миру и безопасности. Санкционные меры рассматриваются как инструмент коллективного принуждения, предназначенный для обеспечения выполнения обязательств, установленных Советом Безопасности, и восстановления международного правопорядка. При этом анализируется степень воздействия санкций на осуществление Ираком отдельных суверенных полномочий в экономической, внешнеполитической и финансовой сферах.

Ключевые слова: *международное право, санкции, международные вооруженные конфликты, Ирак, гуманитарное право, Совет Безопасности ООН*

Для цитирования: Аль-Шарифи Мохаммад Хайдер Влияние санкций на суверенитет и международно-правовой статус Ирака // International Law Journal. 2026. Том 9. № 6. С. 114 – 119. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-6-114-119

Поступила в редакцию: 12 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 9 августа 2026 г.; Принята к публикации: 2 октября 2026 г.

The impact of sanctions on Iraq's sovereignty and international legal status

[1] Al-Sharifi Mohammad Haider,
[1] Kazan (Volga Region) Federal University

Abstract: *the article analyzes the impact of the UN Security Council's sanctions on Iraq's sovereignty and international legal status in the context of the implementation of the collective security mechanism. The author argues that the sanctions imposed on Iraq from 1990 to 2003 were legitimate, in accordance with the UN Charter, and aimed at neutralizing the real threat to international peace and security. The article concludes that it is permissible to temporarily restrict the sovereign rights of a violating state under Chapter VII of the UN Charter.*

The author substantiates the thesis that the sanctions imposed on Iraq after the invasion of Kuwait were lawful, consistent with the provisions of the UN Charter, and aimed at neutralizing a real threat to international peace and security. The sanctions measures are viewed as a tool of collective enforcement designed to ensure compliance with the obligations established by the Security Council and to restore international law and order. At the same time, the extent to which the sanctions affected Iraq's exercise of certain sovereign powers in the economic, foreign policy, and financial spheres is analysed.

Keywords: *international law, sanctions, international armed conflicts, Iraq, humanitarian law, the UN Security Council*

For citation: Al-Sharifi Mohammad Haider The impact of sanctions on Iraq's sovereignty and international legal status. International Law Journal. 2026. 9 (6). P. 114 – 119. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-6-114-119

The article was submitted: July 11, 2026; Approved after reviewing: August 8, 2026; Accepted for publication: October 2, 2026.

Введение

В современной доктрине права международной безопасности введение санкций и влияние на международно-правовой статус государства является одной из самых обсуждаемых и актуальных среди исследователей. Начиная с конца XX века, санкции стали выступать не только набором инструментов для дипломатического воздействия, но и активным компонентом воздействия на суверенитет, при этом, не ограничивая его. Сюда же можно и включить контроль над внешнеэкономическими потоками и использованием оборонных программ для минимизации угрозы безопасности всего мира.

В российской международно-правовой доктрине данная проблематика получила широкое освещение. Так, М.В. Кешнер подчёркивает, что санкции выступают формой реализации международной ответственности государства и представляют собой институционализированный механизм коллективного принуждения, направленный на восстановление нарушенного международного правопорядка [4].

Схожую позицию занимает А.Я. Капустин, который отмечает, что санкции Совета Безопасности ООН являются легитимным инструментом воздействия, основанным на положениях главы VII Устава ООН, и не могут рассматриваться как произвольное вмешательство во внутренние дела государства.

Кейс Ирака в этом отношении стал наглядным и ярким примером. После событий в Кувейте, СБ ООН ввел обширный комплект санкций, сопоставимых с тотальной экономической блокадой. 1991-2003 года стал временем уникального экспериментального периода: член-ООН, государство стало объектом длительного экономического, политического и военного контроля. Введенные санкции сопровождались созданием международных инспекционных механизмов, компенсационных комиссий которые занимались контролем внешнеторговой деятельности, контролем за экспортом нефти и так далее [7].

Как отмечает Г.И. Тункин, развитие международного права в XX веке привело к формированию системы коллективной безопасности, в рамках которой суверенитет государств уже не является абсолютным, а соотносится с интересами международного сообщества.

Дополняя данную позицию, Р.А. Каламкарян указывает, что санкции представляют собой форму централизованного правового воздействия, направленного на поддержание международного правопорядка и предотвращение угроз миру.

Вопрос влияния международных санкций на суверенитет государств и их международно-правовой статус является одной из ключевых тем современных исследований в сфере международного публичного права.

Профессор М.В.Кешнер в своих исследованиях рассматривает международно-правовую ответственность государства не только как совокупность последствий, возникающих вследствие нарушения международных обязательств, но и как механизм реализации возложенных на государство обязанностей посредством институтов коллективного принуждения [5].

Актуальность исследования определяется тем, что санкции, будучи правовым инструментом принуждения, всё чаще оказывают длительное и глубокое влияние не только на политический курс государства, но и на его суверенитет и правосубъектность.

Цель исследования заключается в комплексном международно-правовом анализе влияния санкционного режима, введённого Советом Безопасности ООН в отношении Ирака после кризиса 1990 года, на суверенитет и международно-правовой статус государства через призму концепции международной ответственности государств, разработанной профессором М.В. Кешнер, а также в выявлении трансформации механизма реализации международной ответственности в условиях коллективной безопасности.

Для достижения поставленной цели предполагается решение следующих задач:

- Рассмотреть понятие международных санкций и ответственность государства;
- Проанализировать суверенитет государства под санкциями: юридические измерения;
- Изучить практику санкций против Ирака и их влияние на международно-правовой статус.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Материалы и методы исследований

В качестве эмпирической базы исследования выступила практика Совета Безопасности ООН. Использованы научные труды и монографии М.В. Кешнер, Р.А. Каламкаряна, А.Я. Капустина, А.И. Абдуллина по международной ответственности государств и международным санкциям.

В качестве основных методов исследований выступили формально-юридический анализ и структурно-системный подход.

Результаты и обсуждения

Понятие суверенитета занимает центральное место в системе международного права и на протяжении нескольких столетий остается одной из наиболее сложных и дискуссионных категорий юридической науки. Именно через призму суверенитета определяется место государства в международной системе, объем его прав и обязанностей, пределы независимости во внутренней и внешней политике, а также допустимость международного вмешательства в деятельность государств [2]. Исследование влияния санкций ООН на международно-правовой статус Ирака невозможно без предварительного анализа эволюции концепции суверенитета, поскольку имена эта категория позволяет определить степень допустимости ограничений, налагаемых международным сообществом на государство-нарушителя.

Исторически концепция суверенитета формировалась как ответ на необходимость юридического образования верховной власти государства. Наиболее раннее теоретическое осмысление данной категории связано с трудами французского мыслителя Жан Боден, который в работе «Шесть книг о государстве» определял суверенитет как абсолютную и постоянную власть государства. Согласно его концепции, суверенная власть является высшей властью, не подчиненной никаким внешним или внутренним ограничениям. Для Бодена суверенитет выступал главным признаком государственности и основой политической организации общества [1].

Дальнейшее развитие концепции суверенитета связано с формированием Вестфальской системы международных отношений после заключения Вестфальского мира. Именно Вестфальская система заложила основы современного международного права, основанного на признании юридического равенства государств, их независимости и невмешательства во внутренние дела друг друга. В научной литературе данный этап часто рассматривается как начало классического понимания государственного суверенитета.

Классическая теория суверенитета получила развитие и в работах немецкого ученого Георга Елиннека. Он определял суверенитет как способность государства самостоятельно устанавливать границы собственной компетенции и не подчиняться никакой иной политической власти [12]. В рамках данной концепции государство рассматривалось как высший носитель публичной власти на своей территории.

В начале XX века значительное влияние на развитие международно-правовой доктрины оказали труды Ласса Опенгейма. Он связывал суверенитет с независимостью государства в международных отношениях и подчеркивал, что именно суверенитет является основным критерием международной правосубъектности. По мнению Оппенгейма, государство остается суверенным до тех пор, пока находится под юридической властью другого государства [9].

Однако две мировые войны продемонстрировали ограниченность концепции абсолютного суверенитета. Масштабные международные конфликты показали, что действия одного государства способны представлять угрозу всему международному сообществу. В результате после создания ООН произошло существенное переосмысление традиционного понимания суверенитета.

Современное международное право исходит из того, что государственный суверенитет не является абсолютной категорией. Устав ООН одновременно закрепляет принцип суверенного равенства государства и предусматривает механизмы ограничения отдельных аспектов суверенитета в целях поддержания международного мира и безопасности.

Ключевое значение имеет статья 2 Устава ООН, согласно которой Организация основана на принципе суверенного равенства всех ее членов. Данное положение признается одной из фундаментальных норм современного международного права [8]. Суверенное равенство означает, что независимо от размеров территории, численности населения, экономического потенциала или военной мощи все государства обладают равным международно-правовым статусом.

Содержание принципа суверенного равенства получила дальнейшее развитие в Декларации о принципах международного права 1970 года. В указанном документе подчеркивается, что каждое государство обладает правом на политическую независимость, территориальную целостность и свободное развитие своей политической, экономической, социальной и культурной системы.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Особое место в развитии концепции суверенитета занимает деятельность Комиссии международного права ООН. В своих проектах статей об ответственности государств Комиссия исходила из того, что суверенитет не освобождает государство от обязанности соблюдать международные обязательства [6]. Напротив, современный суверенитет предполагает не только наличие прав, но и существование обязанностей перед международным сообществом.

Существенный вклад в развитие современной концепции суверенитета внесли зарубежные исследователи. Так, Ганс Кельзен отмечал, что государственный суверенитет не должен рассматриваться как абсолютная независимость. По его мнению, участие государства в международных организациях неизбежно предполагает добровольное ограничение части суверенных полномочий ради достижения коллективных целей [5].

Аналогичной позиции придерживалась Розалин Хиггинс, которая подчеркивала, что современный суверенитет следует понимать не как свободу от международного права, а как способность государства действовать в рамках международно-правового порядка.

В российской науке мендународного права существенное место занимает исследование взаимного влияния санкөионных механизмов и принципа государственнго суверенитета. Р.А. Каламкарян исходит из того, что применение санкционных мер само по себе не означает прекращения или утраты суверенитета государства. Их воздействие выражается преимущественно в установлении определнных пределов реализации отдельных суверенных полномочий в соответствии с действующими нормами международного права и механизмами ответственности [6].

Близкий по своей направленности подход представлен в работах Г.И.Тункина, согласно которому суверенитет государства в современном международном праве не является абсолютно неограниченной категорией. В определенных случаях осуществление государством своих суверенных прав может подвергаться правомерным функциональным ограничениям, если такие ограничения обусловлены необходимостью обеспечения международного мира, безопасности и соблюдения международно-правовых обязательств [4].

В традиционной доктрине международно-правовая ответственность связывается с налиием международно-противоправного деяния, возможностью его отнесения к соответствующему государству и наступлением предусмотренных международным правом юридических последствий. К числу таких последствий относятся прекращение противоправного поведения, устранение его последствий, предоставление соответствующих гарантий неповторения, а также возмещение причиненного вреда в установленных формах.

Санкционные меры в данной системе могут рассматриваться как особый механизм международно-правового принуждения, посредством которого обеспечивается выполнение определнных требований международного права [1]. При этом санкции, принимаемые СБ ООН, обладают принципиально иной природой по сравнению с индивидуальными мерами воздействия, поскольку основываются на коллективном решении уполномоченного органа ООН и в предусмотренных Уставом ООН случаях являются обязательными для государств – членов ООН.

Представление о санкциях исключительно как о разновидности наказания не отражает в полной мере их международно-правового назначения. Их основная задача состоит в воздействии на государство с целью прекращения протвиоправной деятелньости, восстановления нарушенного порядка международных отношений и в обеспечении исполнения соответствующих обязательств. Одновременно санкционные меры обладают превентивным потенциалом, поскольку их применение направлено не только на прекращение уже возникшего нарушения, но и на недопущение его продолжения либо повторения. Тем самым санкционный механизм способствует поддержанию авторитета и обязательности международно-правововых норм [3].

Таким образом, правовая природа международных санкций является многоаспектной. В них одновременно проявляются элементы международно-правового принуждения дальнейших нарушений. Именно совокупность указанных характеристик позволяет рассматривать санкции как самостоятельный инструмент обеспечения международного правопорядка.

Одним из ключевых выводов является временный характер санкционных ограничений. Они действуют до устранения нарушения и выполнения условий, установленных международным сообществом.

Следовательно, санкции представляют собой не отмену суверенитета, а его функциональное ограничение в рамках правового режима ответственности [5].

Кризис 1990 года, связанный с вторжением Ирака в Кувейт, стал основанием для введения одного из наиболее масштабных санкционных режимов в истории ООН. Решения Совет Безопасности ООН преду-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

сматривали: всеобъемлющее торговое эмбарго, замораживание активов, ограничения на экспорт нефти, международный контроль за вооружениями, создание компенсационного механизма.

Безусловно введенные санкции повлияли на реализацию Ираком его международно-правового статуса. Прежде всего, усилился международный контроль за Ираком. Страна оказалась под постоянным мониторингом со стороны международных инспекционных органов. Ограничилась экономическая автономия [7]. Контроль над экспортом нефти существенно снизил самостоятельность государства в управлении национальными ресурсами. Изменился характер международных обязательств. Ирак был обязан выполнять дополнительные требования, выходящие за рамки обычных обязательств государств – членов ООН.

Однако при всех этих ограничениях Ирак сохранил международную правосубъектность, членство в ООН и право участвовать в международных отношениях.

Выводы

Данное обстоятельство имеет принципиальное значение для оценки последствий санкций против Ирака. Несмотря на масштабность введенных СБООН ограничений, Ирак не утратил статуса суверенного государства и продолжал обладать международной правосубъектностью. Следовательно, санкционный режим следует рассматривать не как механизм ликвидации суверенитета государства, а как установленный международным правом способ временного и функционально обусловленного ограничения реализации отдельных суверенных полномочий в целях восстановления международного мира и безопасности.

Список источников

1. Абдуллин А.И., Кешнер М.В. Применение ограничительных мер в контексте общей внешней политики ЕС: концептуальные подходы // Современная Европа. 2021. № 7. С. 72 – 83.

2. Виноградова Е.В. Реторсии, репрессалии и санкции. Контрфорс государственного суверенитета и мер межгосударственного давления // Право и государство: теория и практика. 2022. № 9 (213). С. 66 – 68.

3. Кешнер М.В. Институт реализации международной ответственности государств: монография. Москва: Проспект, 2024. 288 с.

4. Кешнер М.В. Право международной ответственности: учебник. Москва: Проспект, 2024. 240 с.

5. Кешнер М.В. Санкции в современном международном праве // Международное право и международные организации. 2023. № 2. С. 1 – 15.

6. Курдюков Г.И., Кешнер М.В. Соотношение международно-правовой ответственности и санкций в международном праве: современные доктринальные подходы // Международное право и международные организации. 2024. № 1. С. 103 – 115.

7. Панов Ф.Ю. Международно-правовые основы введения односторонних ограничительных мер Европейского союза // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2022. № 1. С. 137 – 146.

8. Семенова Н.К., Марченкова Е.А., Грачева И.В. Санкции, односторонние ограничительные меры и рестрикции в международном праве // Международный научно-исследовательский журнал. 2022. № 8 (122). С. 91 – 96.

9. Barber R. An Exploration of the General Assembly's Troubled Relationship with Unilateral Sanctions // International & Comparative Law Quarterly. 2021. Vol. 70. P. 343 – 374.

10. Dowlah C. US and Multilateral Sanctions Regimes against the Republic of Iraq // Economic and Financial Sanctions of the United States: Legal Perspectives. Cambridge: Cambridge University Press, 2025. P. 234 – 271.

11. Ruys T., Ryngaert C., Rodríguez Silvestre F. (eds.). The Cambridge Handbook of Secondary Sanctions and International Law. Cambridge: Cambridge University Press, 2024. 534 p.

12. Šturma P. (ed.). International Sanctions and Human Rights. Cham: Springer, 2024. 294 p.

References

1. Abdullin A.I., Keshner M.V. Application of Restrictive Measures in the Context of the EU Common Foreign Policy: Conceptual Approaches. Modern Europe. 2021. No. 7. P. 72 – 83.

2. Vinogradova E.V. Retortions, Reprisals, and Sanctions. Counterforce of State Sovereignty and Interstate Pressure Measures. Law and State: Theory and Practice. 2022. No. 9 (213). P. 66 – 68.

3. Keshner M.V. Institute for the Implementation of International Responsibility of States: Monograph. Moscow: Prospect, 2024. 288 p.

4. Keshner M.V. Law of International Responsibility: Textbook. Moscow: Prospect, 2024. 240 p.

5. Keshner M.V. Sanctions in Modern International Law. International Law and International Organizations. 2023. No. 2. P. 1 – 15.

6. Kurdyukov G.I., Keshner M.V. The Relationship between International Legal Responsibility and Sanctions in International Law: Modern Doctrinal Approaches. International Law and International Organizations. 2024. No. 1. P. 103 – 115.

7. Panov F.Yu. International Legal Foundations for the Introduction of Unilateral Restrictive Measures of the European Union. Journal of Foreign Legislation and Comparative Law. 2022. No. 1. P. 137 – 146.

8. Semenova N.K., Marchenkova E.A., Gracheva I.V. Sanctions, Unilateral Restrictive Measures and Restrictions in International Law. International Research Journal. 2022. No. 8 (122). P. 91 – 96.

9. Barber R. An Exploration of the General Assembly's Troubled Relationship with Unilateral Sanctions. International & Comparative Law Quarterly. 2021. Vol. 70. P. 343 – 374.

10. Dowlah C. US and Multilateral Sanctions Regimes against the Republic of Iraq. Economic and Financial Sanctions of the United States: Legal Perspectives. Cambridge: Cambridge University Press, 2025. P. 234 – 271.

11. Ruys T., Ryngaert C., Rodríguez Silvestre F. (eds.). The Cambridge Handbook of Secondary Sanctions and International Law. Cambridge: Cambridge University Press, 2024. 534 p.

12. Šturma P. (ed.). International Sanctions and Human Rights. Cham: Springer, 2024. 294 p.

Информация об авторе

Аль-Шарифи Мохаммад Хайдер, Казанский (Приволжский) федеральный университет, mohammedalsarifi@gmail.com

© Аль-Шарифи Мохаммад Хайдер, 2026

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.5. Международно-правовые науки (юридические науки)
УДК 341.222
DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-6-120-127

Применение принципа *uti possidetis* при дезинтеграции Чехословакии

[1, 2] Мирзаев Фархад Сабир оглы,
[1] кандидат юридических наук, PhD (Университет Лестера, Великобритания),
[2] старший партнер Международной юридической фирмы BM Morrison Partners, Дубай, ОАЭ

Аннотация: *Чехия и Словакия разошлись без территориального конфликта. Однако отсутствие спора еще не объясняет, почему с 1 января 1993 г. государственной стала именно прежняя межреспубликанская линия. Ответ приходится искать одновременно в федеральном законодательстве Чехословакии, uti possidetis и соглашениях Праги и Братиславы. Конституционные акты показывают, что граница республик была юридически определима до распада федерации. Договор 29 октября 1992 г. принял эту линию за будущую государственную границу и предусмотрел ее временное применение с первого дня независимости. Договор 1996 г. решал уже не вопрос о первоначальной принадлежности территории. Он описал прохождение рубежа и оформил согласованные изменения в Сидонии, У Саботу, на Мораве и на нескольких меньших участках. Поэтому возникновение прав на территорию следует отличать от делимитации, демаркации и последующего изменения границы. Такое различие помогает понять, почему обмен территориями 1996-1997 гг. не опровергает применение uti possidetis в 1993 г. Чешско-словацкий опыт интересен именно мирным характером процесса, т.к. действие принципа здесь видно без вооруженного спора и судебного разбирательства.*

Ключевые слова*. uti possidetis, граница, правопреемство, Чехия, Словакия, федерация, делимитация, демаркация*

Для цитирования: Мирзаев Фархад Сабир оглы Применение принципа *uti possidetis* при дезинтеграции Чехословакии // International Law Journal. 2026. Том 9. № 6. С. 120 – 127. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-6-120-127

Поступила в редакцию: 12 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 9 августа 2026 г.; Принята к публикации: 2 октября 2026 г.

The application of the principle of *uti possidetis* during the disintegration of Czechoslovakia

[1, 2] Mirzayev Farhad Sabir oglu,
[1] Candidate of Legal Sciences, PhD in Law, University of Leicester, United Kingdom,
[2] Senior Partner, BM Morrison Partners international law firm, Dubai, UAE

Abstract: *the Czech and Slovak Republics separated without a territorial conflict. That fact alone, however, does not explain why their former republican boundary became the state border on 1 January 1993. The answer lies in the interaction between Czechoslovak federal law, uti possidetis and the agreements reached by Prague and Bratislava. The constitutional legislation made the republican boundary legally ascertainable before the federation ended. The treaty of 29 October 1992 adopted that line as the future border and arranged its provisional application from the first day of independence. The 1996 treaty addressed a different matter. It described the border and recorded agreed changes at Sidonie, U Sabotů, the River Morava and several smaller sectors. These events show why the original allocation of territory must be distinguished from delimitation, demarcation and a later consensu-*

al alteration. The territorial exchanges of 1996-1997 therefore do not disprove the operation of uti possidetis in 1993. The value of the Czech-Slovak example lies in its peaceful setting, where the principle can be observed without the distortion of armed conflict or litigation.

Keywords. *uti possidetis, border, succession, Czechia, Slovakia, federation, delimitation, demarcation*

For citation: Mirzayev Farhad Sabir oglu The application of the principle of *uti possidetis* during the disintegration of Czechoslovakia. International Law Journal. 2026. 9 (6). P. 120 – 127. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-6-120-127

The article was submitted: July 12, 2026; Approved after reviewing: August 9, 2026; Accepted for publication: October 2, 2026.

Введение

Распад Чехословакии принято противопоставлять конфликтным случаям прекращения федераций [10, 13, 14]. Действительно, Прага и Братислава не спорили о территории. Но мирный характер раздела не отвечает на другой вопрос. Почему 1 января 1993 г. государственной границей стала именно прежняя межреспубликанская линия? Для ответа необходимо рассматривать вместе *uti possidetis* и договоренности двух республик.

Смысл uti possidetis нельзя сводить к сохранению любого фактического владения. На критическую дату международное значение получают юридически определимые границы прежних административных единиц [1, 2, 11, 12]. Поэтому в русскоязычном исследовании уместнее говорить о правах на территорию и об исходной линии, а не использовать кальку «территориальный титул». Для Чехии и Словакии это не терминологическая мелочь, т.к. граница республик охранялась конституционным правом задолго до прекращения федерации.

Литература позволяет сделать более осторожный вывод. Uti possidetis обеспечивает территориальную непрерывность при появлении государств, но не лишает соседей права позднее изменить границу договором [1-5]. Поэтому нельзя объяснить всю историю линии только соглашением 29 октября 1992 г. Нельзя и считать унаследованную границу навсегда неизменной. Обмен территориями 1996-1997 гг. произошел уже между двумя государствами и принципу не противоречил.

Российская доктрина отделяет юридическую принадлежность территории от технического установления и обозначения границы.[6]. В учебных курсах под редакцией А.Н. Вылегжанина и Ю.М. Колосова устойчивость границ рассматривается вместе с правопреемством, территориальной целостностью и договорным порядком изменения линии [7, 8]. Р.А. Колодкин также предостерегал от искусственного противопоставления норм, регулирующих один правовой результат [9].

Чешская и словацкая литература обычно идет от конституционного устройства федерации и документов ее раздела, а не от латинской формулы. И. Маленовский, например, связывает границу со статусом республик и последствиями прекращения Чехословакии [10]. Авторы более поздних работ изучают уже иной период, когда линия давно стала государственной. Их интересуют приграничные учреждения, повседневные связи и устойчивость границы после 1993 г. [13-17]. По существу речь идет о двух частях одной истории. Первая объясняет происхождение рубежа, вторая показывает, как он действует после раздела.

Здесь легко смешать разные вопросы. Международно-правовые работы рассматривают презумпцию *uti possidetis*, самоопределение и выбор критической даты [11, 12]. Чешские и словацкие исследования чаще обращены к трансграничному сотрудничеству и к возвращению контроля в кризисные периоды [13-17]. Между тем отмена обычных проверок в Шенгенском пространстве касается режима пересечения. Сама граница как предел территориальной компетенции от этого не исчезает.

В статье обосновывается то, что 1 января 1993 г. международное качество получила прежняя межреспубликанская линия. Это соответствует логике *uti possidetis*. Договор 1992 г. заранее подтвердил такой выбор, а соглашение 1996 г. и последующие акты уже описывали границу и корректировали отдельные участки по взаимному согласию. Анализ следует хронологии событий. Сначала решается вопрос о возникновении границы, затем о ее делимитации и демаркации, после чего рассматриваются позднейшие договорные изменения.

Материалы и методы исследований

В центре исследования находятся документы, которые непосредственно определяли статус или прохождение границы. К ним относятся Конституционный закон о Чехословацкой федерации 1968 г., закон о пре-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

кращении федерации 1992 г., договоры 29 октября 1992 г. и 4 января 1996 г., конституционные акты об изменении территории, материалы совместной комиссии, а также новый договор 9 ноября 2023 г., действующий с 1 августа 2024 г. Международно-правовая оценка учитывает решения Международного Суда ООН и Заключение № 3 Арбитражной комиссии Конференции по Югославии.

Каждый акт оценивается с учетом его предмета и времени действия. История нужна для выяснения происхождения линии, но сама по себе не заменяет юридического основания, существовавшего на критическую дату. Сопоставление с Аландским спором и иной пограничной практикой позволяет проверить, где чешско-словацкий случай следует общей логике *uti possidetis*, а где имеет собственные особенности [3, 10-12, 14].

Для применения *uti possidetis* сначала требуется установить, существовала ли административная единица, способная стать государством, и можно ли определить ее границу по внутреннему праву. Затем выбирается критическая дата. Наконец, необходимо проверить, не согласовали ли стороны еще до правопреемства другую линию. Позднейший договор имеет самостоятельное действие и не переносит установленную им границу в прошлое [1, 2, 11, 12].

Принадлежность территории, делимитация и демаркация отвечают на разные вопросы. Делимитация дает юридическое описание направления границы. Демаркация обозначает ее на местности. Но прежде необходимо определить, территория какого государства находится по каждую сторону линии. В чешско-словацкой практике эти действия следовали одно за другим. Если объединить их словом «установление», возникнет неверное впечатление, будто комиссия 1993-1995 гг. провела границу впервые [6-8].

Результаты и обсуждения

1. Внутренняя граница как юридически определимая линия

У чешско-словацкой линии долгая история. На значительном протяжении она следует старому разграничению земель Чешской короны и Венгерского королевства [10, 17]. После 1918 г. рубеж стал внутренним, в 1939-1945 гг. временно приобрел международное значение, а затем снова выполнял административную функцию [10, 14, 17]. Однако одна историческая давность ничего не решает. Для *uti possidetis* важно то правовое положение, которое существовало непосредственно перед 1 января 1993 г.

Ответ дает Конституционный закон № 143/1968 о Чехословацкой федерации. Федерацию составляли две равноправные республики. Ее территория складывалась из их территорий, а изменение республиканской границы требовало федерального конституционного закона и согласия соответствующего национального совета, также выраженного конституционным законом. Статья 140 связывала территории республик с существовавшими административно-территориальными образованиями. Значит, речь шла не об условной этнографической полосе, а о линии, охраняемой конституционным порядком.

Именно это отличает чешско-словацкий случай от границы, нанесенной только на ведомственную карту. Федеративная конституция придавала линии самостоятельное территориально-организующее значение, т.к. ни одна республика не могла изменить ее в одностороннем порядке. Пограничных столбов и постоянного контроля внутри общего государства не требовалось. Их отсутствие не лишало границу юридической определимости и не мешало изменению ее правового качества при прекращении федерации [10, 12, 17].

Не всякая внутренняя линия автоматически становится международной. Поэтому значение имеют устойчивость административной единицы, ее место в конституционном строе и возможность восстановить границу на критическую дату [10, 12]. Исторические материалы подтверждают существование Чешской и Словацкой республик как отдельных территориальных единиц [10, 14, 17]. Uti possidetis отвечает уже на следующий вопрос. Какое правовое качество получила разделявшая их линия после прекращения федерации?

По этой причине нынешнюю границу нельзя целиком выводить из Парижских мирных договоров 1919-1920 гг. [10, 17]. Они определили внешние пределы Чехословакии и послевоенное устройство региона, но не служили непосредственным источником всей современной линии между Чехией и Словакией. На критическую дату ориентиром была республиканская граница, закрепленная федеральным правом и прямо воспринятая договором 1992 г. Более ранние договоры важны для происхождения отдельных участков, но не подменяют норму, действовавшую 31 декабря 1992 г.

2. Критическая дата и договор от 29 октября 1992 г.

Критическая дата следует из Конституционного закона № 542/1992. Чехословакия существовала до конца 31 декабря 1992 г., а с 1 января 1993 г. Чешская Республика и Словацкая Республика выступили государствами-преемниками. Именно в этот момент внутренняя линия стала международной. Переговоры лета

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

1992 г., закон 25 ноября и последующая ратификация договора объясняют подготовку раздела, но не меняют критическую дату [1, 2, 11, 12].

К моменту прекращения федерации стороны уже располагали договором 29 октября 1992 г. о генеральном определении общей государственной границы. Его статья 1 прямо связала будущую границу с административной границей республик. Статья 2 отсылала к карте масштаба 1 к 25 000, а статьи 3-11 учреждали совместную комиссию и предусматривали подготовку пограничных документов. Особенно важно то, что по статье 15 договор временно применялся с 1 января 1993 г., хотя формально вступил в силу 3 мая.

Хронология показывает замысел Праги и Братиславы. Они не стали делить территорию заново по этническим или хозяйственным соображениям. В день возникновения двух государств международное значение получила уже действовавшая административная граница. Это и есть результат, ожидаемый от *uti possidetis*. Отсутствие латинского выражения в договоре не меняет квалификации, т.к. она зависит от содержания согласованных действий [1-3].

Можно возразить, что при наличии договора ссылка на обычную норму излишня. Между участниками соглашение действительно имело самостоятельную силу. Но его предмет, дата временного применения и формула тождества показывают, какую линию стороны считали исходной. Договор не вытеснил *uti possidetis*. Он заранее снял возможный спор о том, как принцип должен действовать в данном случае.

Сходную правовую логику передавало Заключение № 3 Комиссии Бадинтера. Границы бывших республик получают международно-правовую защиту и могут изменяться по соглашению. Прага и Братислава договорились еще до прекращения федерации, а потому не ограничились молчаливым принятием линии. Они заранее предусмотрели и ее последующее описание. В этом смысле чешско-словацкий раздел дополняет европейскую практику *uti possidetis* [2, 3].

Таким образом, договор 1992 г. соединил два разных основания. Международное качество прежней линии возникло на критическую дату, а карта и работа комиссии получили специальную договорную опору. Международный Суд ООН также исходит из того, что территориальная определенность не должна ждать завершения технических работ. Иной вывод означал бы, что два новых государства несколько лет существовали без общей границы.

3. Совместная комиссия и договорная корректировка унаследованной линии

Формула тождества не устранила всех вопросов на местности. Граница следовала меандрам Моравы, пересекала дороги, участки и поселения, а старые кадастровые планы расходились с картами [14, 17]. Совместная комиссия работала с сентября 1993 г. по июнь 1995 г. и предложила изменить восемнадцать участков [14, 17]. В результате стороны обменялись равными площадями по 452,02 га, а протяженность линии сократилась приблизительно с 285 до 252 км [14].

Наиболее заметными стали решения по Мораве, Сидонии и У Саботу. На Мораве границу перенесли с прежних меандров на середину регулируемого русла, вследствие чего около 148,5 га перешло Чехии. Для соединения Сидонии с остальной чешской территорией ей передали еще 7,5 га. У Саботу площадью 48,5 га отошел Словакии после того, как большинство участников местного опроса высказалось за словацкую юрисдикцию [14, 17]. Но работа комиссии этими тремя случаями не ограничивалась.

Договоренности оформили в Жидлоховице 4 января 1996 г.. Документ не только описывал границу, но и передавал территории, поэтому обеим сторонам потребовались конституционные процедуры. В Словакии согласие было выражено Конституционным законом № 47/1996. После обмена ратификационными грамотами договор вступил в силу 25 июля 1997 г., заменил соглашение 1992 г. и включил пограничную документацию в новый договорный режим.

Изменение отдельных участков не опровергает *uti possidetis* [11, 12]. Такой вывод смешивал бы границу на критическую дату с более поздним соглашением о ее переносе. Принцип охраняет исходное территориальное положение, но не запрещает двум государствам изменить его договором. Именно такую возможность допускает и доктрина стабильности границ [12].

Равенство обмененных площадей тоже показательно. В 1996 г. стороны не возвращались к первоначальному разделу федерации, а устраняли неудобства уже существующей линии. Поэтому каждая передача оформлялась как изменение территории и требовала конституционного согласия. Если бы граница возникла только в 1996 г., такая юридическая конструкция была бы лишней. Форма сделки подтверждает то, что *uti possidetis* выполнил свою задачу раньше.

Значение опроса населения У Саботу также не стоит переоценивать. Местная воля была разумным политическим и гуманитарным фактором, но самостоятельного права определять международную принадлежность территории не создавала: передача основывалась на договоре государств и конституционных ак-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

тах. Самоопределение повлияло на содержание договорной корректировки, но не отменило исходную границу и не стало способом установления всей линии [1, 11].

4. Историческая линия, самоопределение и *uti possidetis*

За пределами деколонизации международными становятся также не любые административные границы. Чешская и Словацкая республики были конституционными частями федерации, имели собственные органы и выражали государственность двух народов. Разделявшая их линия обладала исторической и нормативной определенностью, которую подтверждали конституционный порядок и практика сторон [10, 17].

Это обстоятельство не ограничивает *uti possidetis* колониальным контекстом. При образовании новых государств внутренний предел устойчивой территориальной единицы может получить международное качество [1, 2, 11, 12]. История помогает определить, о каких единицах идет речь. Само же правовое преобразование линии объясняется *uti possidetis*.

Действие принципа двойственно: он стабилизирует территориальные отношения, но иногда закрепляет линии, не совпадающие с фактическим расселением населения [1, 12]. В чешско-словацком случае исторически укорененная граница в основном совпадала с разграничением двух республик, а точечные неудобства стороны устранили договором, так что типичное напряжение между стабильностью и самоопределением здесь не приобрело острой формы.

Чешско-словацкий пример редко связывают с *uti possidetis*, вероятно, потому, что граница не стала предметом вооруженного спора. Но обычная норма действует не только в кризисе или в суде [1, 2, 11, 12]. Здесь ее следы видны в конституционных актах, договоре 1992 г., временном применении с критической даты и дальнейшей практике сохранения линии. Мирный характер раздела не скрывает принцип, а позволяет рассмотреть его без влияния военных событий.

Разумеется, один пример не подтверждает автоматическое применение *uti possidetis* при любом распаде государства. В Чехословакии существовали две конституционные республики, их граница поддавалась определению, а стороны ясно согласились ее сохранить. При отсутствии установленных пределов либо при выборе иной линии до критической даты результат мог быть другим. Uti possidetis дает презумпцию непрерывности, но не освобождает от анализа конкретного правопорядка [4, 11, 12, 14-17].

5. Договор 2023 г. как подтверждение окончательности границы

После 1997 г. договорный режим не оставался неизменным. В 2010 г. стороны внесли в него дополнения, а в 2018 г. заключили соглашение об обновлении пограничной документации. Эти документы касались геодезических систем, управления линией и ее технического обслуживания. Вопрос о распределении территорий заново не ставился.

Новый договор о государственных границах был подписан 9 ноября 2023 г. и действует с 1 августа 2024 г.. Он обновил прежнее регулирование и перевел координаты в систему ETRS89. При этом статья 2 не проводит границу заново, а сохраняет ее прохождение, установленное договором 1996 г. на 25 июля 1997 г. Статья 3 допускает перенос линии только международным договором. Постоянная комиссия решать вопрос об изменении территории не может.

За техническими формулировками видна прежняя правовая граница между исправлением документации и передачей территории. Ошибку в координатах можно устранить обменом дипломатическими нотами, пока прохождение линии не меняется. Для ее перемещения необходим новый договор. Такая конструкция соответствует окончательности границ, о которой неоднократно говорил Международный Суд ООН.

Европейская интеграция изменила то, как жители воспринимают эту границу, но не отменила ее юридического существования. Исследователи отмечают плотность местных связей и ослабление повседневного ощущения барьера [5, 13-17]. Во время пандемии пограничный контроль был быстро возвращен [15]. Отсюда видно различие между режимом пересечения и самой линией, которая по-прежнему разграничивает территориальную компетенцию государств.

6. Значение чешско-словацкой практики для общей теории принципа

Чешско-словацкий материал важен тем, что принцип проявился вне классической деколонизации. Два государства возникли после согласованного прекращения европейской федерации, но смена суверена все равно потребовала немедленного ответа на вопрос о территории. Им стала прежняя межреспубликанская граница [2, 14-17]. История возникновения *uti possidetis* поэтому не исчерпывает современную сферу его применения.

Договоры и *uti possidetis* здесь выполняли не одну и ту же функцию. Принцип сохранял исходное территориальное положение, а соглашения подтверждали выбор сторон, описывали линию и позднее изменяли отдельные участки. Обычная норма, конституционное правопреемство и специальные договоры не конку-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

рировали между собой. Они последовательно регулировали разные этапы одного процесса, что соответствует системному подходу к международному праву [9].

Спор о конкретной точке не означает неопределенности прав на всю территорию. С 1 января 1993 г. каждая республика осуществляла суверенитет в пределах, заданных ее конституционным положением. Карты, измерения и работа комиссии потребовались для более узких вопросов о берегах, меандрах и кадастровых участках [6-8].

Договор 1996 г. не изменял прошлое. До 25 июля 1997 г. принадлежность Сидонии и У Саботу определялась унаследованной линией, после этой даты - новым соглашением двух государств. Если рассуждать иначе, любое последующее изменение границы пришлось бы считать доказательством отсутствия первоначального *uti possidetis*.

Возможности принципа не следует преувеличивать. Он не гарантирует политического согласия и иногда сохраняет неудобную границу [12, 14]. Но при наличии определимой внутренней линии *uti possidetis* избавляет стороны от нового раздела всей территории. Поэтому Чехия и Словакия спорили о конкретных участках, а не о принадлежности пространства бывшей федерации. В этом состоит его практическая ценность.

Выводы

С 1 января 1993 г. границей Чехии и Словакии стала прежняя межреспубликанская линия. Такой результат соответствует *uti possidetis*. Конституционный закон 1968 г. позволял юридически определить границу республик, а закон 1992 г. указал момент, когда она приобрела международное качество.

Договор 29 октября 1992 г. имеет особое значение, т.к. был заключен до прекращения федерации. Он отождествил будущую государственную границу с действовавшей административной линией и предусмотрел временное применение с первого дня независимости. Отсутствие слов *uti possidetis* в тексте договора не меняет содержания этой конструкции.

Комиссия и договор 1996 г. имели дело уже с существующей границей. Они завершили ее описание, обеспечили демаркацию и оформили согласованные передачи участков. Равный обмен по 452,02 га, а также решения по Сидонии, У Саботу и Мораве были последующей договорной корректировкой. *Uti possidetis* не лишал государства права изменить принятую линию по взаимному согласию.

Историческая укорененность делала границу общественно понятной, но не заменяла юридического механизма. Внутреннее право определило территориальный объект. Uti possidetis придал прежней линии международное качество на критическую дату, после чего двусторонние договоры закрепили и уточнили результат.

Договор, действующий с 1 августа 2024 г., продолжает эту логику. Он сохраняет линию в состоянии на 25 июля 1997 г., различает исправление координат и перенос границы, а территориальное изменение допускает только новым международным договором. Тем самым современная практика подтверждает как происхождение исходной линии, так и окончательность ее последующего договорного оформления.

Список источников

1. Mirzayev F.S. Uti Possidetis v Self-Determination: The Lessons of the Post-Soviet Practice: PhD thesis. Leicester: University of Leicester, 2014. 321 p. DOI: 10.25392/leicester.data.10146536.v1

2. Мирзаев Ф.С. Принцип uti possidetis: история зарождения // Московский журнал международного права. 2014. № 4 (96). С. 56 – 77. DOI: 10.24833/0869-0049-2014-4-56-77

3. Мирзаев Ф.С. Европейский опыт применения uti possidetis: Аландский спор // Российский юридический журнал. 2018. № 2 (119). С. 32 – 41.

4. Мирзаев Ф.С. «Футбольная война» между Гондурасом и Сальвадором: роль uti possidetis в разрешении пограничного спора // Право и практика. 2023. № 4. С. 224 – 228.

5. Мирзаев Ф.С. Роль принципа uti possidetis в разрешении пограничного спора относительно храма Преах-Вихеар // Право и практика. 2024. № 2. С. 178 – 184.

6. Клименко Б.М. Государственная территория: вопросы теории и практики международного права. М.: Международные отношения, 1974. 168 с.

7. Международное право: учебник / отв. ред. А.Н. Вылегжанин. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2014. 904 с.

8. Международное право / отв. ред. Ю.М. Колосов, В.И. Кузнецов. М.: Международные отношения, 1995. 608 с.

9. Колодкин Р.А. Фрагментация международного права // Московский журнал международного права. 2005. № 2. С. 38 – 61. DOI: 10.24833/0869-0049-2005-2-38-61

10. Malenovský J. Trpký úděl Ústavního soudu ČSR: divák za plotem u cesty od Mnichova k federaci // Právník. 2021. Roč. 160. č. 11. P. 948 – 962.

11. Kumar A. A Relook at the Principle of Uti Possidetis in the Context of the Indo-Nepal Border Dispute // Jindal Global Law Review. 2021. Vol. 12. No. 1. P. 95 – 115. DOI: 10.1007/s41020-021-00146-5

12. Bobanga Wawa B. L'uti possidetis: une présomption en droit international public? // Civitas Europa. 2023. No. 51. P. 101 – 114. DOI: 10.3917/civit.051.0101

13. Böhm H., Boháč A., Wróblewski Ł. Evaluation of Cross-Border Cooperation in Czechia since 1993: Euroregions on the Way to Authentic Cross-Border Regions? // Geografický časopis. 2023. Vol. 75. No. 3. P. 253 – 267. DOI: 10.31577/geogrcas.2023.75.3.13

14. Jeřábek M., Slavík V., Šindelář M. Development of the Czech-Slovak Border Area and Cross-Border Cooperation after 1993 // Geografický časopis. 2024. Vol. 76. No. 1. P. 77 – 94. DOI: 10.31577/geogrcas.2024.76.1.05

15. Pavlásek M. On Borderland "Švejkism": Acts of Resistance and Undermining the Czech-Slovak Border during the COVID-19 Pandemic // Sociologický časopis / Czech Sociological Review. 2025. Vol. 61. No. 2. P. 193 – 220. DOI: 10.13060/csr.2025.014

16. Lendel M. Public Institutions for Cross-Border Cooperation in the Czech-Slovak Borderland // Baltic Journal of Legal and Social Sciences. 2025. No. 4. P. 237 – 247. DOI: 10.30525/2592-8813-2025-4-30

17. Najdený R., Gurňák D. A Stable or a Fuzzy Border: The Czech-Slovak Frontier in Historical-Geographical Research // Journal of Maps. 2026. Vol. 22. No. 1. Article 2667020. 9 p. DOI: 10.1080/17445647.2026.2667020

References

1. Mirzayev F.S. Uti Possidetis v Self-Determination: The Lessons of the Post-Soviet Practice: PhD thesis. Leicester: University of Leicester, 2014. 321 p. DOI: 10.25392/leicester.data.10146536.v1

2. Mirzayev F.S. The Principle of Uti Possidetis: The History of Its Origins. Moscow Journal of International Law. 2014. No. 4 (96). P. 56 – 77. DOI: 10.24833/0869-0049-2014-4-56-77

3. Mirzayev F.S. European Experience of Applying Uti Possidetis: The Åland Dispute. Russian Journal of Law. 2018. No. 2 (119). P. 32 – 41.

4. Mirzaev F.S. "The Football War" between Honduras and El Salvador: the Role of uti possidetis in Resolving a Border Dispute. Law and Practice. 2023. No. 4. P. 224 – 228.

5. Mirzaev F.S. The Role of the uti possidetis Principle in Resolving the Border Dispute Regarding the Preah Vihear Temple. Law and Practice. 2024. No. 2. P. 178 – 184.

6. Klimenko B.M. State Territory: Issues of Theory and Practice of International Law. Moscow: International Relations, 1974. 168 p.

7. International Law: Textbook. ed. A.N. Vylegzhanin. 3rd ed., revised and enlarged. M.: Yurait, 2014. 904 p.

8. International Law. ed. by Yu.M. Kolosov, V.I. Kuznetsov. M.: International Relations, 1995. 608 p.

9. Kolodkin R. A. Fragmentation of International Law. Moscow Journal of International Law. 2005. No. 2. P. 38 – 61. DOI: 10.24833/0869-0049-2005-2-38-61

10. Malenovský J. Trpký úděl Ústavního soudu ČSR: divák za plotem u cesty od Mnichova k federacy. Právník. 2021. Roč. 160. No. 11. P. 948 – 962.

11. Kumar A. A Relook at the Principle of Uti Possidetis in the Context of the Indo-Nepal Border Dispute. Jindal Global Law Review. 2021. Vol. 12.No. 1. P. 95 – 115. DOI: 10.1007/s41020-021-00146-5

12. Bobanga Wawa B. L'uti possidetis: une présomption en droit international public? Civitas Europa. 2023. No. 51. P. 101 – 114. DOI: 10.3917/civit.051.0101

13. Bohm H., Boháč A., Wróblewski Ł. Evaluation of Cross-Border Cooperation in Czechia since 1993: Euroregions on the Way to Authentic Cross-Border Regions? Geografický časopis. 2023. Vol. 75.No. 3. P. 253 – 267. DOI: 10.31577/geogrcas.2023.75.3.13

14. Jeřábek M., Slavík V., Šindelář M. Development of the Czech-Slovak Border Area and Cross-Border Cooperation after 1993. Geografický časopis. 2024. Vol. 76.No. 1. P. 77 – 94. DOI: 10.31577/geogrcas.2024.76.1.05

15. Pavlásek M. On Borderland "Švejkism": Acts of Resistance and Undermining the Czech-Slovak Bor-der during the COVID-19 Pandemic. Sociologický časopis. Czech Sociological Review. 2025. Vol. 61. No. 2. P. 193 – 220. DOI: 10.13060/csr.2025.014

16. Lendel M. Public Institutions for Cross-Border Cooperation in the Czech-Slovak Borderland. Baltic Journal of Legal and Social Sciences. 2025. No. 4. P. 237 – 247. DOI: 10.30525/2592-8813-2025-4-30

17. Najdený R., Gurňák D. A Stable or a Fuzzy Border: The Czech-Slovak Frontier in Historical-Geographical Research. Journal of Maps. 2026. Vol. 22.No. 1. Article 2667020. 9 p. DOI: 10.1080/17445647.2026.2667020

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Информация об авторе

Мирзаев Фархад Сабир оглы, кандидат юридических наук, PhD (Университет Лестера, Великобритания), старший партнер Международной юридической фирмы BM Morrison Partners, Дубай, ОАЭ, ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-8219-3448, fmirzayev@gmail.com

© Мирзаев Фархад Сабир оглы, 2026

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)
УДК 340.154
DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-6-128-132

Законодательно-институциональные основания становления самодержавной системы в России в начале XVIII века: историографический обзор

[1] Скопа В.А.,
[1] Алтайский государственный педагогический университет

Аннотация: *настоящая статья представляет критический анализ того, как в отечественной политико-правовой мысли рассматривалась проблема формирования абсолютистского государства в России эпохи петровских преобразований. При этом автор особое внимание уделяет нормативно-правовым и структурным факторам этого процесса. Современная наука активно ищет оригинальные модели, объясняющие траекторию развития российской государственности. Однако, несмотря на обширный корпус публикаций, посвящённых истории российского абсолютизма, в современном научном дискурсе по-прежнему недостаёт единой концептуальной схемы. Такая схема должна была бы системно объяснить механизмы юридического и институционального оформления абсолютной монархии в России начала XVIII столетия, интегрируя при этом новейшие наработки из области социальных и гуманитарных исследований. В условиях текущих трансформаций государственного аппарата и постоянного стремления найти исторически укоренённую модель развития страны, изучение реформационной программы Петра I становится особенно востребованным. Под его воздействием Россия пережила радикальные изменения, где результатом является переход из периферийной державы к статусу великой империи с глобальным влиянием на запад.*

Ключевые слова: *история государства и права России, самодержавие, теория самодержавия, государственная власть, самобытность российской государственности, государственность, право*

Для цитирования: Скопа В.А. Законодательно-институциональные основания становления самодержавной системы в России в начале XVIII века: историографический обзор // International Law Journal. 2026. Том 9. № 6. С. 128 – 132. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-6-128-132

Поступила в редакцию: 13 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 10 августа 2026 г.; Принята к публикации: 2 октября 2026 г.

Legislative and institutional foundations for the formation of the autocratic system in Russia at the early 18th century: a historiographical review

[1] Skopa V.A.,
[1] Altai State Pedagogical University

Abstract: *this article presents a critical analysis of how Russian political and legal thought addressed the problem of the formation of the absolutist state in Russia during the Petrine era. The author devotes particular attention to the normative, legal, and structural factors of this process. Contemporary scholarship is actively seeking original models that explain the trajectory of Russian statehood development. However, despite the extensive body of publications devoted to the history of Russian absolutism, contemporary scholarly discourse still lacks a unified conceptual framework. Such a framework would systematically explain the mechanisms of the legal and institutional formation of absolute monarchy in Russia in the early 18th century, while integrating the latest findings from the fields of social and humanities research. Given the ongoing transformations of the state apparatus and the con-*

stant search for a historically rooted model of national development, the study of Peter the Great's reform program is becoming especially relevant. Under his influence, Russia underwent radical changes, moving from a peripheral power to a great empire with global influence.

Keywords: *history of the state and law of Russia, autocracy, theory of autocracy, state power in Russia, distinctiveness of Russian statehood, statehood, law*

For citation: Skopa V.A. Legislative and institutional foundations for the formation of the autocratic system in russia at the early 18th century: a historiographical review. International Law Journal. 2026. 9 (6). P. 128 – 132. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-6-128-132

The article was submitted: July 13, 2026; Approved after reviewing: August 10, 2026; Accepted for publication: October 2, 2026.

Введение

Острые исторические конфликты и глубокие расколы между цивилизациями побуждают научное сообщество обращаться к опыту минувших эпох в поисках объяснений происходящего. Начало нынешнего столетия принесло с собой геополитические переломы и цивилизационные сдвиги, которые вновь заострили интерес к вопросу об уникальности российской государственной системы [4]. Центральное место среди таких исследований занимает анализ российского абсолютизма – явления, которое, несмотря на огромный корпус опубликованных работ, всё ещё недостаточно раскрыто в своих глубинных аспектах государственного и юридического устройства [1, 3, 10, 12].

В контексте современных государственных реформ и постоянного поиска исторически обоснованной стратегии национального развития обращение к реформам Петра I приобретает особую значимость. Под его руководством Российское государство совершило беспрецедентный скачок, трансформировавшись из периферийной державы в мощную империю мирового масштаба. Этот вывод находит подтверждение в официальном документе эпохи, так канцлер Г.И. Головкин, выступая от имени Сената с ходатайством о присвоении государю титулов Петра Великого, Отца Отечества и императора всероссийского, подчеркнул, что именно его политика позволила русскому государству выйти из состояния исторической маргинальности и войти в число признанных европейских держав [16].

Отечественная историография сохранила с имперского периода две взаимоисключающие точки зрения на эпоху Петра I. Первая школа исследователей утверждала, что петровские преобразования прервали сложившуюся траекторию государственного развития [5, 7]. Вторая группа придерживалась иной позиции: проводимые реформы были исторически неизбежны и представляли собой логическое продолжение национального исторического процесса [14].

Актуальный исторический взгляд существенно переоценивает суть петровских преобразований. Ученые историки, правоведы определяют их как ускоренную адаптацию к западноевропейским образцам, явившуюся катализатором фундаментальной реорганизации государства и открывшую эру модернизационных изменений [9, 18].

Материалы и методы исследований

Концептуальный базис исследования образуют цивилизационная теория и антропологическая школа в юриспруденции, постулирующие обусловленность государственно-правовых формаций социально-историческим контекстом. Указанные явления выступают индикатором материального и культурного состояния общества, оставаясь в органическом единстве с конкретными формами его существования.

Исследовательский подход строится на синтезе нескольких методологических направлений. Во-первых, последовательная периодизация исторических событий; во-вторых, компаративный анализ различных исторических этапов; в-третьих, критическое истолкование политико-правового дискурса; в-четвёртых, реконструкция происхождения и изменения концептуальных идей под влиянием исторических катаклизмов и социальных реформ. Многоаспектная методологическая стратегия способствовала глубокому анализу государственно-правовых механизмов, определивших развитие абсолютизма в России, на основе систематизации историографического материала.

Результаты и обсуждения

Крупнейший исследователь эпохи петровских реформ С.М. Соловьев полагал, что независимо от различных интерпретаций петровской деятельности она представляет собой водораздел русской истории [14].

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Далее историк развивал эту мысль, утверждая, что народное сознание осознало необходимость исторического поворота и изъявило готовность к переменам, однако нуждалось в харизматичном лидере и такой вождь появился [14].

Однако современный учёный П.А. Кротов придерживается противоположной позиции: фактически массы не стремились к кардинальным переменам, с которыми выступил государь, и встретили их недовольством и протестом [9]. Более адекватной представляется оценка современника правителя И.Т. Посошкова, который заметил метафорически: хотя вождь прикладывает величайшие усилия при восхождении на гору, миллионы тянут вниз, как в такой ситуации успех возможен [8, 11]?

Касаясь вопроса о критериях оценки петровских начинаний, необходимо привести наблюдение В.О. Ключевского, который указывает, что любой мыслитель, стремящийся философски осмыслить российское прошлое, считал своим долгом высказать суждение о царских преобразованиях [7]. Парадоксально, но вся философия истории нередко сводилась исключительно к анализу петровской программы реформ. Именно эта программа заняла центральное место в историческом нарративе, объединяя в себе как завершение предыдущей эпохи, так и предпосылки будущего развития. Соответственно, вся русская история классифицировалась на две чётко разграниченные стадии: допетровскую (древнюю) Русь и послепетровскую (новую) Русь.

По нашему убеждению, исторический вклад Петра I заключался в том, что он своевременно разглядел острую необходимость и масштабность трансформационных задач, стоящих перед государством, и энергично начал их практическую реализацию. Исходя их этого проанализируем трансформацию научного дискурса российских учёных относительно генезиса и утверждения абсолютистского строя в России.

Актуальность данной тематики определяется динамикой государственно-правовых институтов и преемственностью развития политических структур Российского государства. В дореволюционный период первые исследования по этой проблематике возникли на рубеже XVIII столетия. В своих сочинениях В.Н. Татищев, М.М. Щербатов и Ю. Крижанич доказывали, что сосредоточение полноты власти в руках монарха представляет оптимальный политический режим для России [8, 15, 19].

Осмысление механизма абсолютной монархии предложили представители государственно-юридической школы XIX века – К.Д. Кавелин, А.Д. Градовский, М.П. Погодин. Учёные пришли к единому мнению, что фундамент абсолютной монархии покоится на концепции неразделимости государства и народного организма [2, 5, 13].

Особо следует отметить работы, в которых абсолютизм рассматривается как самостоятельный объект научного исследования. Систематическое изучение этого феномена развернулось в рамках историко-социологического подхода, оформившегося приблизительно к началу 1970-х годов. Здесь выделяются труды А.Н. Чистозвонова, А.Я. Авреха и Л.В. Черепнина, которые акцентировали национальные особенности российского абсолютизма [1, 16, 17].

В исследованиях Е. В. Анисимова петровские административные преобразования получают детальный анализ с точки зрения их внутренней логики, методов реализации и достигнутых результатов.

Характерной чертой современной историографии является комплексный подход к изучению абсолютизма с использованием различных исследовательских парадигм. В частности, В.Ю. Захаров и А.Н. Гребенкин, применяя сравнительно-исторический метод, выявляют самобытность русского абсолютизма, его дистанцированность как от западноевропейских, так и от восточноазиатских моделей государственной власти [3, 4].

Оригинальное решение исследуемой проблемы предложил С.А. Нефедов. Рассматривая происхождение российского абсолютизма как открытый научный вопрос, исследователь применяет концепцию военной революции [12]. Согласно этой теоретической схеме, появление огнестрельного арсенала в регулярных войсках перестраивает баланс влияния между монархом и землевладельческой аристократией. Содержание армии требует огромных бюджетных затрат, вынуждая государя аккумулировать ресурсы путём отчуждения боярских земель и капиталов. Результирующее противоборство преодолевается посредством авторитарных трансформаций государственного аппарата, проводимых властями сверху. Нефедов усматривает именно такой авторитарный переворот в петровских преобразованиях, начатых в 1698 году [12]. Развивая эту логику, П.А. Кротов в своих трудах, опираясь на актуальные реалии государственного строительства, аргументированно обосновывает целесообразность выявления исторических аналогий при изучении петровского реформирования государственных структур [9]. В целом, проведённый обзор историографического материала демонстрирует актуальность поставленной проблемы и обнаруживает потребность в её дальнейшем развитии посредством применения актуальных методологических подходов и теоретических инструментов.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Так, по мнению М.Б. Некрасовой, абсолютистский строй представляет собой характерную для XVII-XVIII столетий европейскую модель государственной власти, в которой вся полнота этой государственной власти концентрируется исключительно в руках монарха [11]. Облечённый феодальными традициями европейский абсолютизм преуспел в подавлении территориального сепаратизма и в установлении единой государственной централизации. Монарх вырывался из феодального иерархического порядка; система вассальных отношений замещалась отношениями подчинения. Аристократия отодвигалась на периферию государственного управления. В рамках абсолютистской системы государственная власть позиционировала себя как непреложная, неограниченная и трансцендентная по отношению к закону [11]. Движение государственных систем европейских держав в направлении абсолютизма свидетельствовало об усилиях знатного сословия удержать собственное влияние в трансформирующихся условиях становления капиталистического уклада.

Так, Некрасова М.Б. выделяет специфические черты русского абсолютизма. Его возникновение определялось главным образом геополитическими обстоятельствами: агрессивная экспансия развитых западных держав и постоянная угроза с южных границ требовали содержания боеспособной армии, расходы на которую многократно превышали имеющиеся экономические возможности. Лишь деспотическая воля государя могла побудить население идти на необходимые жертвы. Критическое отличие состояло в том, что российский абсолютизм был лишён поддержки формирующегося буржуазного класса в противоположность западноевропейскому. Русское торговое сословие не только воздерживалось от критики аристократического господства, но и не выступало оппонентом крепостного порядка, напротив – стремилось к ассимиляции в дворянское сословие, желая воспользоваться его основным привилегием – правом собственности на крепостное население [11].

Выводы

Развитие историографического знания о петровском преобразовании иллюстрирует принципиальную смену исследовательской парадигмы. Научное сообщество переосмыслило статус реформ: от понимания их как дислокации с традиционной парадигмой к концептуализации в качестве геополитически обусловленного ускорения модернизационных процессов. Специфичность российского абсолютизма коренилась в его идиосинкразических чертах. Появившись под натиском внешних военных вызовов, государство не встретило поддержки со стороны буржуазии; напротив, оно утвердилось на основе поместного дворянства с его консервативными крепостническими интересами. Современная историческая методология интегрирует многоуровневые теоретические инструменты для дешифровки глубинных механизмов государственно-правовых конструкций. Петровские инициативы при такой оптике выступают подлинной осью исторической трансформации, начертавшей демаркационную линию между допетровским и послепетровским периодами русской цивилизации.

Список источников

1. Аврех А.Я. Русский абсолютизм и его роль в утверждении капитализма в России // История СССР. 1968. № 2. С. 82 – 104.
2. Градовский А.Д. Общество и государство. СПб., 2001. 114 с.
3. Гребенкин А.Н. Генезис и развитие традиции самодержавия в России // Вестник государственного и муниципального управления. 2015. № 1 (16). С. 149 – 156.
4. Захаров В.Ю. Абсолютизм и самодержавие: соотношение понятий // Знание. Понимание Умение. 2008. № 6. С. 85 – 91.
5. Кавелин К.Д. Государство и община. М., 2013. 211 с.
6. Каменский А.Б. От Петра I к Павлу I: Реформы в России XVIII века (Опыт целостного анализа). М., 1999. 304 с.
7. Ключевский В.О. Соч. Т. IV. М., 1988. 385 с.
8. Крижанич Ю. Политика // История государственно-правовых учений: Хрестоматия. М., 2006. С. 191 – 201.
9. Кротов П.А. Петр Великий: концепция власти и правления. // Личность в истории в эпоху Нового и новейшего времени (памяти профессора С.И. Ворошилова). СПб., 2011. С. 27 – 33.
10. Медушевский А.Н. Утверждение абсолютизма в России. Сравнительное историческое исследование. М., 1994. 295 с.
11. Некрасова М.Б. Отечественная история: учебное пособие. М., 2008. 285 с.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

12. Нефедов С.А. Петр I и происхождение российского абсолютизма // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2014. Т. 13. Вып. 8 История. С. 72 – 81.
13. Погодин М.П. Вечное начало. Русский дух. М., 2011. 245 с.
14. Соловьев С.М. Публичные чтения о Петре Великом. М., 1984. 255 с.
15. Татищев В.Н. Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах // Татищев В.Н. Собр. соч.: в 8-ми т. 1979. Т. 8. С. 51 – 132.
16. Черепнин Л.В. К вопросу о складывании абсолютной монархии в России (XVI-XVIII вв.). М., 1968. 261 с.
17. Чистозвонов А.Н. Некоторые аспекты проблемы генезиса абсолютизма // Вопросы истории. 1968. № 5. С. 46 – 62.
18. Шапиро А.Л. Об абсолютизме в России // История СССР. 1968. № 5. С. 69 – 82.
19. Щербатов М.М. Разные рассуждения о правлении // Классики теории государственного управления: управленческие идеи в России. М., 2008. С. 43 – 52.

References

1. Avrekh A.Ya. Russian Absolutism and Its Role in the Establishment of Capitalism in Russia. History of the USSR. 1968. No. 2. P. 82 – 104.
2. Gradovsky A. D. Society and State. St. Petersburg, 2001. 114 p.
3. Grebenkin A. N. Genesis and Development of the Tradition of Autocracy in Russia. Bulletin of Public and Municipal Administration. 2015. No. 1 (16). P. 149 – 156.
4. Zakharov V.Yu. Absolutism and Autocracy: the Relationship of Concepts. Knowledge. Understanding. Skill. 2008. No. 6. P. 85 – 91.
5. Kavelin K. D. State and Community. Moscow, 2013. 211 p.
6. Kamensky A.B. From Peter I to Paul I: Reforms in Russia in the 18th Century (An Attempt at a Holistic Analysis). Moscow, 1999. 304 p.
7. Klyuchevsky V.O. Works. Vol. IV. Moscow, 1988. 385 p.
8. Krizhanich Yu. Politics. History of State and Legal Doctrines: Anthology. Moscow, 2006. P. 191 – 201.
9. Krotov P.A. Peter the Great: the Concept of Power and Rule. Personality in History in the Modern and Contemporary Times (in memory of Professor S.I. Voroshilov). St. Petersburg, 2011. P. 27 – 33.
10. Medushevsky A.N. The Establishment of Absolutism in Russia. A Comparative Historical Study. Moscow, 1994. 295 p.
11. Nekrasova M.B. Russian History: A Textbook. Moscow, 2008. 285 p.
12. Nefedov S.A. Peter I and the Origin of Russian Absolutism. NSU Bulletin. Series: History, Philology. 2014. Vol. 13. Issue 8 History. P. 72 – 81.
13. Pogodin M.P. The Eternal Beginning. The Russian Spirit. Moscow, 2011. 245 p.
14. Soloviev S.M. Public Readings on Peter the Great. Moscow, 1984. 255 p.
15. Tatishchev V.N. Conversation between Two Friends about the Benefits of Science and Schools. Tatishchev V.N. Collected Works: in 8 volumes. 1979. Vol. 8. P. 51 – 132.
16. Cherepnin L.V. On the Formation of the Absolute Monarchy in Russia (16th-18th Centuries). Moscow, 1968. 261 p.
17. Chistozvonov A.N. Some Aspects of the Problem of the Genesis of Absolutism. Questions of History. 1968. No. 5. P. 46 – 62.
18. Shapiro A.L. On Absolutism in Russia. History of the USSR. 1968. No. 5. P. 69 – 82.
19. Shcherbatov M.M. Various Reasonings about Government. Classics of Public Administration Theory: Management Ideas in Russia. Moscow, 2008. P. 43 – 52.

Информация об авторе

Скопа В.А., доктор исторических наук, профессор, Алтайский государственный педагогический университет, sverhtitan@rambler.ru

© Скопа В.А., 2026

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)
УДК 343.82
DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-6-133-138

Эмоциональное состояние осуждённого как фактор, учитываемый при применении мер дисциплинарного взыскания в исправительных учреждениях: проблемы правового регулирования

[1] Стронская А.Д., [1] Юрина Е.В.,
[1] Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева

Аннотация: *статья посвящена исследованию правового пробела в уголовно-исполнительном законодательстве Российской Федерации: при наложении дисциплинарных взысканий на осуждённых администрация исправительных учреждений не обязана принимать во внимание их эмоциональное и психологическое состояние в момент совершения нарушения. Актуальность темы обусловлена стабильно высокими показателями психической нагрузки в местах лишения свободы: исследования фиксируют повышенный уровень тревожности примерно у трёх четвертей осуждённых, состояние выраженного стресса – у более чем половины, признаки невротизации – у каждого третьего. В этих условиях игнорирование эмоционального контекста нарушения при выборе меры взыскания вступает в противоречие с принципами гуманизма и индивидуализации исполнения наказания. В исследовании применяются формально-юридический анализ норм УИК РФ и УК РФ, сравнительно-правовой метод, системный метод, а также анализ психологической литературы в части состояний осуждённых. Автор анализирует действующие нормы, регламентирующие основания и порядок применения взысканий, сопоставляет их с подходом уголовного закона к институту аффекта, исследует правовую позицию Конституционного Суда Российской Федерации 2021 года и современные нормативные тенденции в сфере психологической помощи осуждённым. По итогам исследования выявлены три системные причины существующего пробела и сформулированы конкретные предложения по изменению законодательства: дополнение статьи 117 УИК РФ прямым указанием на учёт эмоционального и психологического состояния осуждённого, введение обязательного заключения психолога при применении наиболее строгих взысканий, а также ограничение автоматического признания осуждённого злостным нарушителем в случае совершения нарушения в состоянии выраженного психоэмоционального стресса.*

Ключевые слова: *дисциплинарные взыскания, эмоциональное состояние, осуждённый, исправительное учреждение, УИК РФ, аффект, психологическая помощь*

Для цитирования: Стронская А.Д., Юрина Е.В. Эмоциональное состояние осуждённого как фактор, учитываемый при применении мер дисциплинарного взыскания в исправительных учреждениях: проблемы правового регулирования // International Law Journal. 2026. Том 9. № 6. С. 133 – 138. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-6-133-138

Поступила в редакцию: 14 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 11 августа 2026 г.; Принята к публикации: 2 октября 2026 г.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

The emotional state of a convicted person as a factor to be considered in the application of disciplinary sanctions in correctional facilities: problems of legal regulation

[1] Stronskaya A.D., [1] Yurina E.V.,
[1] North Caucasus Branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev

Abstract: *this article examines a legislative gap in the penal enforcement legislation of the Russian Federation: when imposing disciplinary sanctions on convicted persons, the administration of correctional facilities is not required to take into account their emotional and psychological state at the time the violation was committed. The relevance of the topic is underscored by persistently high levels of psychological burden in custodial settings – research indicates elevated anxiety in approximately three quarters of convicted persons, pronounced stress in more than half, and signs of neuroticism in approximately one in three. Under such conditions, disregarding the emotional context of a violation when selecting a disciplinary measure is inconsistent with the principles of humanism and individualisation of the execution of punishment. The study employs formal legal analysis of the Penal Enforcement Code and the Criminal Code of the Russian Federation, a comparative legal method juxtaposing the approaches of criminal law and penal enforcement law to the evaluation of a person's emotional state, a systemic method, and an analysis of psychological literature on the states of convicted persons. The authors analyse the existing statutory provisions governing the grounds and procedure for imposing sanctions, compare them with the criminal law approach to the institution of affect, and examine the legal position of the Constitutional Court of the Russian Federation articulated in 2021 as well as recent regulatory trends in the provision of psychological assistance to convicted persons. Based on the findings, three systemic causes of the existing gap are identified and concrete legislative proposals are formulated: supplementing Article 117 of the Penal Enforcement Code with an explicit requirement to consider the emotional and psychological state of the convicted person; introducing a mandatory psychologist's opinion for the most severe sanctions; and restricting the automatic classification of a convicted person as a persistent violator when a violation was committed in a state of pronounced psycho-emotional stress.*

Keywords: *disciplinary sanctions, emotional state, convicted person, correctional facility, Penal Enforcement Code of the Russian Federation, affect, psychological assistance*

For citation: Stronskaya A.D., Yurina E.V. The emotional state of a convicted person as a factor to be considered in the application of disciplinary sanctions in correctional facilities: problems of legal regulation. International Law Journal. 2026. 9 (6). P. 133 – 138. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-6-133-138

The article was submitted: July 14, 2026; Approved after reviewing: August 11, 2026; Accepted for publication: October 2, 2026.

Введение

Вопросы дисциплинарного воздействия на осуждённых в исправительных учреждениях относятся к числу наиболее значимых в уголовно-исполнительном праве. Именно через дисциплинарную практику во многом реализуется цель исправления, закреплённая в качестве одной из задач уголовно-исполнительного законодательства [1]. Вместе с тем анализ действующего правового регулирования обнаруживает серьёзный пробел: при решении вопроса о применении взыскания администрация учреждения не обязана устанавливать и оценивать эмоциональное и психологическое состояние осуждённого в момент совершения нарушения.

Между тем уголовный закон последовательно исходит из того, что внутреннее психологическое состояние лица имеет самостоятельное юридическое значение. Для лиц, совершивших преступление под влиянием внезапно возникшего сильного душевного волнения, вызванного противоправными действиями потерпевшего, предусмотрены привилегированные составы со значительно сниженными санкциями [2]. Таким образом, уголовный закон исходит из принципа, согласно которому одно и то же деяние, совершённое в состоянии аффекта и в спокойном состоянии, влечёт различные правовые последствия. Уголовно-исполнительное законодательство данного принципа не воспроизводит.

Указанное противоречие приобретает особую остроту с учётом психологических условий отбывания наказания. Изоляция от общества, режимные ограничения, специфика среды осуждённых – всё это создаёт устойчивый психотравмирующий фон, существенно влияющий на поведение лиц, отбывающих наказание.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

В этих условиях признание эмоционального состояния юридически нейтральным при разрешении вопросов дисциплинарной ответственности представляется необоснованным.

Целью настоящей статьи является выявление правового пробела, связанного с неучётом эмоционального состояния осуждённого при применении мер дисциплинарного взыскания, и обоснование предложений по его устранению.

Материалы и методы исследований

Действующее законодательство устанавливает закрытый перечень взысканий, которые могут быть применены к осуждённым, отбывающим лишение свободы: от выговора до перевода в единое помещение камерного типа на срок до одного года [1]. Система взысканий выстроена по принципу нарастающей строгости, что создаёт видимость дифференцированного подхода. Однако критерии выбора конкретной меры из данного перечня урегулированы крайне лаконично.

Норма, определяющая порядок применения взысканий, предписывает учитывать обстоятельства нарушения, а также данные о личности осуждённого и его поведении в период отбывания наказания [1]. При этом законодатель не раскрывает содержание понятия «личность осуждённого» применительно к данной процедуре и не устанавливает обязанности выяснять психологическое состояние нарушителя. Отсутствие нормативного определения открывает возможность для сугубо формального применения данного критерия.

В исследовании применены следующие методы: формально-юридический (анализ норм УИК РФ, УК РФ, судебной практики), сравнительно-правовой (сопоставление уголовного и уголовно-исполнительного подходов к оценке эмоционального состояния лица), системный (рассмотрение дисциплинарного взыскания в системе уголовно-исполнительных правоотношений), а также анализ психологической литературы в части состояний осуждённых.

Результаты и обсуждения

Именно так складывается правоприменительная практика. Как показывают исследования в области пенитенциарного права, при рассмотрении материалов о наложении взысканий администрация, как правило, ограничивается оценкой количества предшествующих нарушений, отношения осуждённого к труду и учёбе, поведения в жилом отряде [3, с. 142]. Вопрос о том, в каком эмоциональном состоянии находился осуждённый в момент конкретного нарушения, на практике не ставится и не исследуется. В результате взыскание, включая наиболее строгие его виды, может быть наложено без какого-либо учёта психологических обстоятельств произошедшего.

Масштаб проблемы подтверждается данными психологических исследований. Специалисты, изучавшие психологические состояния осуждённых в учреждениях исполнения наказаний, фиксируют, что подавляющее большинство из них характеризуется высоким уровнем тревожности – около трёх четвертей обследованных, – а более половины находятся в состоянии выраженного стресса. Невротизация выявляется примерно у каждого третьего осуждённого. Наиболее интенсивные показатели тревоги и стресса наблюдаются в начале срока отбывания наказания и в период, предшествующий освобождению [4].

С позиций юридической психологии подобные состояния закономерно порождают дезадаптивное поведение: раздражительность, импульсивные реакции, утрату самоконтроля в конфликтных ситуациях [5, с. 318]. Иными словами, значительная часть дисциплинарных нарушений совершается не вследствие устойчивой антисоциальной установки осуждённого, а под влиянием острых психоэмоциональных состояний, спровоцированных самими условиями лишения свободы. Игнорирование этого обстоятельства при наложении взыскания противоречит принципу индивидуализации исполнения наказания.

Уголовный закон последовательно придерживается иного подхода. Совершение деяния в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения признаётся основанием для существенного смягчения ответственности как при умышленном лишении жизни, так и при причинении тяжкого вреда здоровью [2]. Кроме того, противоправное или аморальное поведение потерпевшего, ставшее поводом для преступления, отнесено к обстоятельствам, смягчающим наказание в общем порядке [2]. Таким образом, уголовный закон исходит из принципиальной позиции: эмоциональный контекст деяния имеет правовое значение. Уголовно-исполнительное законодательство эту логику не воспроизводит.

Важную роль в формировании правовой позиции по данному вопросу сыграло Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 08.06.2021 № 27-П, вынесенное по жалобе осуждённого, к которому было применено взыскание в виде водворения в штрафной изолятор, несмотря на его нахождение в лечебном исправительном учреждении [9]. Конституционный Суд указал, что при

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

применении взысканий состояние здоровья осуждённого, включая психическое, является фактором, который надлежит принимать во внимание. Наличие медицинского заключения, констатирующего невозможность содержания в условиях штрафного изолятора, препятствует исполнению назначенного взыскания. Данная правовая позиция прямо подтверждает, что психическое здоровье – не частный, а юридически значимый аспект дисциплинарной процедуры.

Вместе с тем судебная практика демонстрирует существенное ограничение: учёту подлежит лишь состояние здоровья, зафиксированное в медицинских документах, тогда как психоэмоциональное состояние в момент нарушения, не достигающее уровня психического расстройства, остаётся вне сферы правового регулирования. Между клинически диагностированным расстройством и острым стрессом, вызванным конкретной ситуацией, существует значительная зона, юридически никак не оформленная в уголовно-исполнительном законодательстве.

Показательна в этом отношении и нормотворческая тенденция последних лет. Принятый в 2023 году Федеральный закон о пробации закрепил системный подход к ресоциализации осуждённых, неотъемлемым элементом которого признана психологическая поддержка [6]. В 2025 году законодатель распространил право на получение психологической помощи на лиц, содержащихся в следственных изоляторах [7], а Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 21.01.2026 № 10 установил порядок её оказания и закрепил функционирование психологической службы в каждом исправительном учреждении [8]. Данная совокупность нормативных актов свидетельствует о признании государством психологического благополучия осуждённых в качестве самостоятельной правовой ценности. Тем не менее механизм учёта эмоционального состояния в процедуре дисциплинарного взыскания по-прежнему не создан.

Системный анализ обозначенных проблем позволяет выделить три ключевые причины существующего пробела. Во-первых, норма о порядке применения взысканий не содержит прямого предписания исследовать психологическое состояние нарушителя. Во-вторых, законодательство не предусматривает процедуры обязательного привлечения психолога к рассмотрению дисциплинарных материалов. В-третьих, сотрудники исправительных учреждений не обладают специальными психологическими познаниями, необходимыми для самостоятельной оценки эмоционального состояния осуждённого. Совокупность этих факторов делает учёт психологического состояния при нынешнем правовом регулировании практически невозможным.

Нормотворческая тенденция последних лет, направленная на усиление психологического сопровождения осуждённых, не дополнена процедурным механизмом, связывающим психологическое состояние нарушителя с процессом принятия дисциплинарного решения [5, с. 318; 10, с. 60]. Это означает, что на практике осуждённый, совершивший нарушение в состоянии острого стресса, находится в заведомо менее защищённом положении, чем лицо, подозреваемое в преступлении, – в отношении последнего уголовный процесс допускает учёт эмоционального состояния при решении вопроса об уголовной ответственности.

Выводы

В целях устранения выявленного пробела предлагается внести в уголовно-исполнительное законодательство следующие изменения.

Первое. Норму, определяющую порядок применения мер взыскания к осуждённым к лишению свободы, предлагается дополнить прямым указанием на то, что наряду с иными обстоятельствами учитывается эмоциональное и психологическое состояние осуждённого в момент совершения нарушения. Предлагаемая редакция соответствующей части статьи 117 УИК РФ: «При применении мер взыскания к осуждённому к лишению свободы учитываются обстоятельства совершения нарушения, личность осуждённого, его предыдущее поведение, а также эмоциональное и психологическое состояние в момент совершения нарушения. Налагаемое взыскание должно соответствовать тяжести и характеру нарушения».

Второе. В Правилах внутреннего распорядка исправительных учреждений целесообразно закрепить обязанность администрации при рассмотрении материалов о применении наиболее строгих взысканий — водворении в штрафной изолятор, переводе в помещение камерного типа или единое помещение камерного типа — получать заключение психолога учреждения о психологическом состоянии осуждённого. Данное требование не создаёт дополнительной инфраструктурной нагрузки, поскольку психологическая служба уже функционирует в исправительных учреждениях на нормативной основе [8].

Третье. Норму, регулирующую признание осуждённого злостным нарушителем (статья 116 УИК РФ), предлагается дополнить положением, согласно которому нарушение, совершённое в состоянии выраженного психоэмоционального стресса, подтверждённого заключением психолога учреждения, не

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

может являться автоматическим основанием для признания осуждённого злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания.

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие выводы. Действующее уголовно-исполнительное законодательство не обязывает администрацию исправительных учреждений устанавливать и оценивать эмоциональное состояние осуждённого в момент нарушения режима. Это порождает условия для несоразмерного применения взысканий, что вступает в противоречие с принципами гуманизма и индивидуализации исполнения наказания. Реализация предложенных законодательных изменений позволила бы создать правовой механизм, обеспечивающий учёт психоэмоционального состояния осуждённого при дисциплинарном воздействии, и тем самым привела бы уголовно-исполнительное законодательство в соответствие с подходом, утвердившимся в уголовном праве.

Список источников

1. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 20.01.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 2. Ст. 198.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

3. Малинин В.Б., Смирнов Л.Б. Уголовно-исполнительное право: учебник. М.: Контракт, 2023. 368 с.

4. Типичные психические состояния осуждённых, подозреваемых, обвиняемых и их учёт в процессе профилактики правонарушений: научно-исследовательская работа / межрегиональная психологическая лаборатория ГУФСИН России по Челябинской области. URL: https://psy.su/psyche/projects/40/ (дата обращения: 10.04.2026)

5. Еникеев М.И. Юридическая психология : учебник для вузов. М.: Норма, 2022. 512 с.

6. Федеральный закон от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» (ред. от 23.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 6. Ст. 916.

7. Федеральный закон от 31.07.2025 № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон "О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений"» // Российская газета. 2025. 8 авг.

8. Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 21.01.2026 № 10 «Об утверждении Порядка оказания психологической помощи подозреваемым и обвиняемым, содержащимся в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, сотрудниками психологических служб следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации и Порядка организации оказания психологической помощи осуждённым сотрудниками психологической службы учреждений и органов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, а также иными лицами, имеющими право на оказание такой помощи» (зарег. в Минюсте России 23.01.2026, рег. № 85033) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/413413316/ (дата обращения: 10.04.2026)

9. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 08.06.2021 № 27-П «По делу о проверке конституционности частей первой и восьмой статьи 74, части второй статьи 101 и пункта "в" части первой статьи 115 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.В. Яковлева» // Российская газета. 2021. 19 июня.

10. Колесникова Н.Е., Макаркина М.С. Социально-психологическая характеристика осуждённых // Психология и право. 2022. Т. 12. № 2. С. 55 – 68.

References

1. Criminal Executive Code of the Russian Federation of 08.01.1997 No. 1-FZ (as amended on 20.01.2026). Collected Legislation of the Russian Federation. 1997. No. 2. Art. 198.

2. Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 09.04.2026). Collected Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. Art. 2954.

3. Malinin V.B., Smirnov L.B. Criminal Executive Law: textbook. Moscow: Contract, 2023. 368 p.

4. Typical mental states of convicts, suspects, and accused persons and their consideration in the process of offense prevention: research work. Interregional Psychological Laboratory of the Main Directorate of the Federal Penitentiary Service of Russia for the Chelyabinsk Region. URL: https://psy.su/psyche/projects/40/ (date of access: 10.04.2026)

5. Enikeev M.I. Legal Psychology: a textbook for universities. Moscow: Norma, 2022. 512 p.

6. Federal Law of 06.02.2023 No. 10-FZ "On Probation in the Russian Federation" (as amended on 23.07.2025). Collected Legislation of the Russian Federation. 2023. No. 6. Art. 916.

7. Federal Law of July 31, 2025 No. 323-FZ "On Amendments to the Criminal Executive Code of the Russian Federation and the Federal Law "On the Detention of Suspects and Accused of Committing Crimes"". Rossiyskaya Gazeta. August 8, 2025.

8. Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation of 21.01.2026 No. 10 "On approval of the Procedure for the provision of psychological assistance to suspects and accused persons held in pre-trial detention facilities of the penal system of the Russian Federation, by employees of psychological services of pre-trial detention facilities of the penal system of the Russian Federation and the Procedure for organizing the provision of psychological assistance to convicts by employees of the psychological service of institutions and bodies of the penal system of the Russian Federation, as well as other persons entitled to provide such assistance" (registered in the Ministry of Justice of Russia on 23.01.2026, reg. No. 85033). Official Internet Portal of Legal Information. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/413413316/ (date of access: 10.04.2026)

9. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 08.06.2021 No. 27-P "On the case of verifying the constitutionality of parts one and eight of Article 74, part two of Article 101 and paragraph "c" of part one of Article 115 of the Criminal Executive Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen A.V. Yakovlev". Rossiyskaya Gazeta. 2021. June 19.

10. Kolesnikova N.E., Makarkina M.S. Social and psychological characteristics of convicts. Psychology and Law. 2022. Vol. 12. No. 2. P. 55 – 68.

Информация об авторах

Стронская А.Д., кандидат юридических наук, доцент, Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева

Юрина Е.В., Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева

© Стронская А.Д., Юрина Е.В., 2026

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)
УДК 347.4
DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-6-139-145

Строительство многоквартирных домов: пределы гражданско-правовой ответственности застройщика

[1, 2] Скворцова Т.А., [2] Кириченко Л.Е., [2] Каспарян А.А.,
[1] Ростовский государственный университет путей сообщения,
[2] Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)

Аннотация: *в статье исследуются вопросы гражданско-правовой ответственности застройщика при строительстве многоквартирных домов. Актуальность обусловлена реформой Федерального закона № 214-ФЗ в 2024-2025 гг. и действием в 2026 г. специальных правил о передаче объектов и исполнении требований к застройщикам. Анализируются сокращение гарантийного срока, спе-циальный штраф, стандарт застройщика, трехпроцентный предел отдельных взысканий и Постановление Конституционного Суда РФ от 14.04.2026 № 24-П. Обосновывается переход от единой усиленной защиты участника долевого строительства к дифференцированному распределению рисков. Рассматриваются различные основания ответственности застройщика: дефекты, затрагивающие качество и безопасность объекта; недостатки отделки и комплектации; нарушение срока передачи. Предлагаются направления совершенствования законодательства.*

Ключевые слова: *многоквартирный дом, долевое строительство, застройщик, участник долевого строительства, ответственность застройщика, качество объекта, стандарт застройщика, гарантийный срок, неустойка, защита прав граждан*

Для цитирования: Скворцова Т.А., Кириченко Л.Е., Каспарян А.А. Строительство многоквартирных домов: пределы гражданско-правовой ответственности застройщика // International Law Journal. 2026. Том 9. № 6. С. 139 – 145. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-6-139-145

Поступила в редакцию: 9 сентября 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 20 сентября 2026 г.; Принята к публикации: 2 октября 2026 г.

Apartment building construction: limits of developer civil liability

[1, 2] Skvortsova T.A., [2] Kirichenko L.E., [2] Kasparyan A.A.,
[1] Rostov State Transport University,
[2] Rostov State University of Economics

Abstract: *the article examines issues related to the civil liability of a developer in the construction of multi-apartment buildings. The relevance is due to the reform of Federal Law No. 214-FZ in 2024-2025 and the introduction in 2026 of special rules on the transfer of objects and the fulfillment of requirements against developers. The analysis covers the reduction of the warranty period, a special penalty, the developer's standard, the three-percent limit on certain penalties, and the Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated April 14, 2026, No. 24-P. The transition from a unified enhanced protection for participants in shared construction to a differentiated distribution of risks is substantiated. Various grounds for the developer's liability are examined: defects affecting the quality and safety of the facility; shortcomings in finishing and equipment; breach of the transfer deadline. Directions for improving the legislation are proposed.*

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Keywords: *apartment building, shared construction, developer, participant in shared construction, developer liability, quality of the unit, developer standard, warranty peri-od, penalty, protection of citizens' rights*

For citation: Skvortsova T.A., Kirichenko L.E., Kasparyan A.A. Apartment building construction: limits of developer civil liability. International Law Journal. 2026. 9 (6). P. 139 – 145. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-6-139-145

The article was submitted: September 9, 2026; Approved after reviewing: September 20, 2026; Accepted for publication: October 2, 2026.

Введение

При сторительстве многоквартирного дома публично-правовые требования к созданию объекта капитального строительства соединяются с частноправовыми обязательствами по привлечению денежных средств и передаче будущих помещений. Градостроительный кодекс Российской Федерации определяет разрешительные, проектные и контрольные параметры строительства, тогда как Федеральный закон от 30.12.2004 № 214-ФЗ формирует специальный режим отношений между застройщиком и участником долевого строительства [2; 3]. Поэтому оценка право-вого положения застройщика не может ограничиваться только договором: надлежащее исполнение предполагает одновременно соответствие объекта проектной документации, обязательным требованиям, согласованным характеристикам и срокам передачи.

В последние годы центр правовых рисков долевого строительства заметно изменился. Механизмы проектного финансирования и счетов эскроу существенно ограничили риск утраты гражданином внесенных денежных средств вследствие незавершения строительства, однако не устранили споры о качестве, отделке, площади, сроке передачи и объеме имущественной ответственности застройщика. В доктрине договор участия в долевом строительстве обоснованно рассматривается как самостоятельная гражданско-правовая конструкция со специальным субъектным составом и особым распределением рисков [12-14]. В 2024-2026 гг. законодатель и Правительство Российской Федерации одновременно изменили несколько элементов защитного механизма: минимальный гарантийный срок для объекта был сокращен, введен специальный штраф вместо общего потребительского, для отделочных работ установлен отдельный гарантийный срок, допускается использование стандарта застройщика, ограничена совокупная сумма отдельных взысканий, а исполнение части требований к застройщикам отсрочено до конца 2026 г. [3-7]. Формально эти меры относятся к разным институтам, однако в совокупности они образуют новую модель распределения рисков между профессиональным участником рынка и гражданином.

Цель настоящего исследования состоит в выявлении системных последствий реформы ответственности застройщика при строительстве многоквартирных домов и в формулировании критериев, позволяющих сохранить баланс между устойчивостью строительной отрасли и эффективностью частноправовой защиты участника долевого строительства. При этом внимание сосредоточено не на экономической целесообразности отдельных льгот, а на их согласованности с принципами полного возмещения убытков, недопустимости обратной силы ухудшающего регулирования и соразмерности ограничений гражданских прав [1; 8].

Задачи исследования включают: определить соотношение градостроительного и гражданско-правового регулирования строительства многоквартирного дома; проанализировать изменения гарантий качества и специальных мер ответственности; установить значение правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации 2026 г.; оценить влияние временных отсрочек и особенностей передачи объектов на механизм защиты граждан; предложить направления реформирования действующего законодательства.

Гипотеза исследования состоит в том, что современное законодательство фак-тически переходит от единой усиленной модели ответственности застройщика к системе функционально различающихся режимов, однако это разделение пока не получило последовательного нормативного оформления. В результате постоянные и временные ограничения ответственности накладываются друг на друга, а одинаковые по экономическому результату потери участника долевого строительства могут компенсироваться по различным правилам. Устранение этой несогласованности возможно посредством нормативного разграничения базовых строительных дефектов, недостатков отделки и нарушений срока передачи.

Материалы и методы исследований

Исследование выполнено с использованием формально-юридического, систем-ного и сравнительно-правового методов. Проанализированы положения Граж-данского и Градостроительного кодексов Российской Федерации, Федерального закона № 214-ФЗ в редакции, действующей в 2026 г., Федеральных законов

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

от 08.08.2024 № 266-ФЗ и от 26.12.2024 № 482-ФЗ, постановлений Правительства Российской Федерации № 326 и № 2380, а также правовые позиции Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ [1-9]. Доктринальную основу составили современные работы о правовой природе договора долевого строительства и гражданско-правовой ответственности застройщика [10-14].

Результаты и обсуждения

Правовой режим строительства многоквартирного дома формируется на пере-сечении публичного и частного права. Градостроительное законодательство определяет требования к земельному участку, проектной документации, экспертизе, разрешению на строительство, строительному контролю и вводу объекта в эксплуатацию [2]. Частноправовой контур возникает при привлечении денежных средств и заключении договора участия в долевом строительстве: застройщик обязан создать объект и передать согласованное помещение, а участник – уплатить цену и принять его [3]. При этом сама категория многоквартирного дома имеет системообразующее значение для определения объема жилищных прав и обязанностей. Д.А. Топоров обоснованно обращает внимание на необходимость понятийной определенности этой категории и устранения противоречий в ее законодательной конструкции [15]. Для участника долевого строительства такая определенность важна уже на стадии создания объекта, поскольку влияет на разграничение индивидуального помещения и имущества, предназначенного для обслуживания дома в целом.

Первой существенной тенденцией реформы стало изменение гарантий качества. С 1 сентября 2024 г. минимальный гарантийный срок для объекта долевого стро-ительства сокращен с пяти до трех лет [4], а с 2025 г. для результата отделочных работ и элементов отделки установлен самостоятельный минимальный срок про-должительностью один год [5]. При этом статья 7 Закона № 214-ФЗ сохраняет обязанность застройщика передать объект, соответствующий договору, проектной документации и обязательным требованиям [3]. Поэтому ключевым становится разграничение недостатков отделки и дефектов, затрагивающих конструктивную надежность, инженерные системы либо возможность нормальной эксплуатации объекта: применение к ним одинаковых ограничений не соответствует различию защищаемых интересов.

Вторая тенденция связана с изменением стимулирующих санкций. Федеральный закон № 266-ФЗ закрепил в части 3 статьи 10 Закона № 214-ФЗ специальный штраф в размере пяти процентов от присужденной судом суммы вместо ранее применявшегося пятидесятипроцентного потребительского штрафа [4]. Это объективно уменьшило превентивное воздействие ответственности и повысило значение компенсационных способов защиты [10; 11]. Конституционный Суд РФ в По-становлении от 14.04.2026 № 24-П установил важный предел реформы: новый, менее обременительный для застройщика порядок не может ухудшающим образом распространяться на обязанность по уплате штрафа, возникшую ранее [8]. Тем самым подтверждено, что изменение санкционного режима должно учитывать момент формирования соответствующего требования.

Третья тенденция проявилась в специальном регулировании отделки. С 1 марта 2025 г. договор может предусматривать соответствие отделочных работ заре-гистрированному стандарту организации застройщика, требования которого не должны быть ниже федерального минимума [5]. Одновременно часть 4 статьи 10 Закона № 214-ФЗ ограничивает тремя процентами цены договора совокупный размер ряда взысканий, связанных с качеством отделки, оконных и дверных блоков, сантехнического оборудования и иных элементов, если договором не преду-смотрено большее [5]. Проблема состоит в объединении требований различной природы – расходов на устранение недостатков, убытков и санкций. Представляется более последовательным функциональный подход: фактическая стоимость необходимых восстановительных работ должна определяться отдельно, а процентный предел применяться прежде всего к стимулирующим и штрафным последствиям. Иначе ограничение ответственности способно превратиться в частичное переложение стоимости устранения дефекта на приобретателя.

Четвертая и пятая тенденции связаны с процедурой передачи объекта и временными ограничениями ответственности. Постановлением Правительства РФ № 2380 на 2026 г. сохранен специальный порядок передачи, предусматривающий электронное направление сообщений, особую фиксацию существенных недостатков и привлечение специалиста при разногласиях [7]. Одновременно Постановление Правительства РФ № 326 в редакции от 30.12.2025 сохраняет до 31 декабря 2026 г. отсрочку исполнения ряда требований о неустойках, штрафах, процентах и убытках [6]. Каждая мера имеет самостоятельную цель, однако их совокупный эффект должен оцениваться с позиции реальности защиты: признанное требование гражданина не должно утрачивать экономическую ценность из-за длительного переноса исполнения, а процедурные правила приемки не должны создавать необоснованные препятствия для фиксации строительного недостатка.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Судебная практика подтверждает возрастание значения правильной квалифи-кации дефекта. В Определении Судебной коллегии по гражданским делам Вер-ховного Суда РФ от 05.03.2024 № 5-КГ23-158-К2 был подвергнут критике дого-ворный гарантийный срок, ухудшавший положение гражданина по сравнению с действовавшими императивными гарантиями [9]. После реформы задача услож-нилась: суду необходимо определить, относится ли недостаток к отделке, оборудованию, инженерной системе или к объекту как конструктивному целому. Ошибка квалификации влияет одновременно на гарантийный срок, объем возможных требований и применимость процентных ограничений, поэтому характер дефекта должен устанавливаться до определения конкретной меры ответственности.

На этой основе выделим три вида оснований ответственности застройщика. Первый образуют дефекты, затрагивающие безопасность, пригодность для проживания, конструктивные элементы, инженерные системы и соответствие основным проектным характеристикам. Второй составляют недостатки отделки, комплектации и монтажа заменяемых элементов. Третий – нарушение срока передачи объекта при отсутствии недостатков, исключающих его использование. Такое разграничение связывает правовые последствия не с формальным наименованием требования, а с природой нарушенного интереса. Оно также учитывает, что последствия строительных недостатков могут выходить за пределы отдельной квартиры и затрагивать общее имущество многоквартирного дома, правовой режим содержания и капитального ремонта которого имеет самостоятельное значение. Практическая ценность такого деления проявляется прежде всего в спорах о недостатках, обнаруженных после передачи помещения. Если дефект обусловлен проектным либо строительным решением, затрагивающим несущие конструкции, фасад, кровлю, внутридомовые инженерные сети или иные элементы общего имущества, его последствия не могут оцениваться исключительно как недостаток конкретной квартиры. В подобных случаях спор фактически затрагивает качество созданного многоквартирного дома как единого объекта и потенциальные расходы всех собственников на последующее содержание и восстановление общего имущества. Именно поэтому для первого вида ответственности необходим повышенный стандарт доказывания причин возникновения дефекта, но одновременно и наиболее полный объем компенсаторной защиты.

Для первого вида должна сохраняться максимально полная компенсационная защита: процентные пределы не должны охватывать документально подтвержденную стоимость необходимых работ, материалов, обследований и иных разумных расходов, без которых невозможно восстановить надлежащее состояние объекта. Для второго вида допустим более гибкий режим, включая специальные пределы дополнительных взысканий, однако и здесь базовая стоимость устранения недостатка должна быть отделена от санкционной составляющей. Подобное решение соответствует принципу полного возмещения убытков [1] и одновременно препятствует превращению малозначительных дефектов отделки в источник несоразмерных штрафных взысканий. При таком подходе предел ответственности выполняет именно ограничительную функцию в отношении дополнительных имущественных санкций, не подменяя обязанность застройщика обеспечить согласованное качество результата строительства. Для судебной практики это означает необходимость раздельного определения стоимости устранения недостатка, убытков, неустойки и штрафа, даже если в дальнейшем отдельные суммы подпадают под общий установленный законом предел. Раздельная квалификация делает расчет взыскания проверяемым и позволяет суду мотивированно показать, какая часть требования направлена на восстановление имущества, а какая имеет стимулирующий характер.

Особого регулирования требует стандарт застройщика. До заключения договора участнику должна предоставляться не только ссылка на документ, но и идентифицируемая неизменная редакция стандарта; последующее одностороннее ухудшение характеристик объекта должно исключаться. Минимальные требования целесообразно формулировать в виде показателей, пригодных для экспертной проверки, а привлекаемый при приемке специалист должен быть независим от обеих сторон. Для третьего основания – просрочки передачи – следует разграничивать постоянные меры ответственности и временные антикризисные исключения. Отсрочка исполнения должна иметь четкий предельный срок, а доказанные расходы гражданина, непосредственно вызванные просрочкой, нуждаются в более сильной защите, чем штрафные санкции. Принцип перспективного действия ухудшающих норм, сформулированный Конституционным Судом РФ [8], целесообразно закрепить в Законе № 214-ФЗ применительно ко всем новым ограничениям ответственности.

Таким образом, ответственность застройщика должна рассматриваться как система функционально различающихся правовых последствий. Возмещение рас-ходов восстанавливает имущественное положение, неустойка компенсирует и стимулирует своевременное исполнение, штраф побуждает удовлетворять требования добровольно, гарантийный срок определяет период риска за недостатки, а отсрочка относится уже к стадии реализации признанного права. Для единообразного применения законодательства предлагается

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

последовательный алгоритм: сначала установить природу нарушения, затем функцию заявленного требования и применимый временной режим нормы и лишь после этого решать вопрос о процентных пределах и отсрочках. Такой порядок снижает риск механического распространения льготного режима на требования иной правовой природы и обеспечивает более предсказуемый баланс интересов застройщика и участника долевого строительства.

Выводы

Проведенный анализ подтверждает выдвинутую гипотезу: российское законо-дательство о строительстве многоквартирных домов и долевом участии перешло к дифференцированной, но пока фрагментарной модели ответственности застройщика. Реформы 2024-2026 гг. направлены на снижение избыточной финансовой нагрузки и формализацию приемки и оценки качества, однако одновременно уменьшили ряд ранее действовавших гарантий гражданина. Конституционный Суд Российской Федерации в 2026 г. обозначил важный предел такой трансформации, исключив ухудшающее ретроспективное применение нового порядка штрафа [8].

Основными проблемными зонами являются: отсутствие четкого разграничения компенсаторных и штрафных последствий при применении трехпроцентного ли-мита по отделке; неопределенность квалификации недостатков при различной продолжительности гарантийных сроков; недостаточная регламентация доступности и неизменности стандарта застройщика. Эти проблемы способны приводить к различному уровню защиты при сопоставимых фактических потерях и тем самым снижать предсказуемость гражданского оборота.

В целях совершенствования законодательства предлагается вывести фактические разумные расходы на устранение недостатков из процентного ограничения взысканий; установить обязательное раскрытие конкретной редакции стандарта застройщика и запрет его одностороннего ухудшающего изменения; урегулировать критерии независимости специалиста при приемке; а также законодательно закрепить перспективное действие норм, уменьшающих объем ответственности, и предельные сроки временных отсрочек. Реализация этих предложений позволит согласовать соблюдение интересов застройщиков с конституционно значимой задачей эффективной защиты права граждан на жилище.

Список источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 10.06.2026) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

2. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ (ред. от 04.08.2026; с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2026) // Собрание законодательства РФ. 2005. № 1 (ч. 1). Ст. 16.

3. Федеральный закон от 30.12.2004 № 214-ФЗ (ред. от 09.04.2026) «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости...» // Собрание законодательства РФ. 2005. № 1 (ч. 1). Ст. 40.

4. Федеральный закон от 08.08.2024 № 266-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон № 214-ФЗ» // Официальный интернет-портал правовой информации. 08.08.2024.

5. Федеральный закон от 26.12.2024 № 482-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. 26.12.2024.

6. Постановление Правительства РФ от 18.03.2024 № 326 (ред. от 30.12.2025) «Об установлении особенностей применения неустойки (штрафа, пени), иных финансовых санкций, а также других мер ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по договорам участия в долевом строительстве, установленных законодательством о долевом строительстве» // Официальный интернет-портал правовой информации. http://pravo.gov.ru, 22.03.2024

7. Постановление Правительства РФ от 29.12.2023 № 2380 (ред. от 30.12.2025) «Об установлении особенностей передачи объекта долевого строительства участнику долевого строительства» // Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru, 30.12.2023.

8. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.04.2026 № 24-П // Российская газета. № 89. 27.04.2026.

9. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 05.03.2024 № 5-КГ23-158-К2 // СПС «Консультант Плюс».

10. Пачулия Г.Т. Актуальные проблемы ответственности застройщиков по договорам купли-продажи и договорам участия в долевом строительстве // Российский судья. 2025. № 11. С. 17 – 20. DOI: 10.18572/1812-3791-2025-11-17-20

11. Зевакин Ю.А. Правовая природа гражданской ответственности застройщика в отношениях, связанных с долевым строительством // Образование и право. 2025. № 1. С. 297 – 302. DOI: 10.24412/2076-1503-2025-1-297-302

12. Ячменев Ю.В. К вопросу о долевом строительстве // Правда и закон. 2024. № 2 (28). С. 20 – 30.

13. Колиева А.Э., Хачиев Г.Г., Конова Ф.Р. Понятие и содержание договора долевого строительства и его правовая характеристика // Правоприменение. 2022. Т. 6. № 3. С. 252 – 261. DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(3).252-261

14. Ярошевская А.М. Проблемы правового регулирования договора участия в долевом строительстве многоквартирных домов // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. 2020. Т. 7. № 3. С. 74 – 78.

15. Топоров Д.А. Правовая конструкция понятия «многоквартирный дом» в российском законодательстве // Проблемы экономики и юридической практики. 2019. Т. 15. № 3. С. 169 – 171.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part One) of November 30, 1994 No. 51-FZ (as amended on June 10, 2026). Collected Legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32. Art. 3301.

2. Urban Development Code of the Russian Federation of December 29, 2004 No. 190-FZ (as amended on August 4, 2026; with amendments and additions, entered into force on September 1, 2026). Collected Legislation of the Russian Federation. 2005. No. 1 (Part 1). Art. 16.

3. Federal Law of 30.12.2004 No. 214-FZ (as amended on 09.04.2026) "On Participation in Shared Construction of Apartment Buildings and Other Real Estate..." Collected Legislation of the Russian Federation. 2005. No. 1 (Part 1). Art. 40.

4. Federal Law of 08.08.2024 No. 266-FZ "On Amendments to Federal Law No. 214-FZ". Official Internet Portal of Legal Information. 08.08.2024.

5. Federal Law of 26.12.2024 No. 482-FZ "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation". Official Internet Portal of Legal Information. 26.12.2024.

6. RF Government Resolution No. 326 of March 18, 2024 (as amended on December 30, 2025) "On Establishing the Specifics of Applying Penalties (Fines, Late Interest), Other Financial Sanctions, and Other Liability Measures for Failure to Perform or Improper Performance of Obligations under Shared Construction Participation Agreements Established by the Legislation on Shared Construction". Official Internet Portal of Legal Information. http://pravo.gov.ru, March 22, 2024

7. RF Government Resolution No. 2380 of December 29, 2023 (as amended on December 30, 2025) "On Establishing the Specifics of Transferring a Shared Construction Object to a Shared Construction Participant". Official Internet Portal of Legal Information http://pravo.gov.ru, December 30, 2023.

8. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of April 14, 2026, No. 24-P. Rossiyskaya Gazeta. No. 89. April 27, 2026.

9. Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of March 5, 2024, No. 5-KG23-158-K2. SPS "Consultant Plus".

10. Pachuliya, G.T. "Current Issues of Developer Liability under Sale and Purchase Agreements and Shared Construction Participation Agreements". Rossiysky Sudekh. 2025. No. 11. P. 17 – 20. DOI: 10.18572/1812-3791-2025-11-17-20

11. Zevakin, Yu.A. The Legal Nature of the Developer's Civil Liability in Relations Related to Shared Construction. Education and Law. 2025. No. 1. P. 297 – 302. DOI: 10.24412/2076-1503-2025-1-297-302

12. Yachmenev Yu.V. On the Issue of Shared Construction. Pravda i Zakon. 2024. No. 2 (28). P. 20 – 30.

13. Kolieva A.E., Khachiev G.G., Konova F.R. The Concept and Content of a Shared Construction Agreement and Its Legal Characteristics. Law Enforcement. 2022. Vol. 6. No. 3. P. 252 – 261. DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(3).252-261

14. Yaroshevskaya A.M. Problems of legal regulation of the agreement on participation in shared construction of apartment buildings. Bulletin of the Faculty of Law of the Southern Federal University. 2020. Vol. 7. No. 3. P. 74 – 78.

15. Toporov D.A. Legal construction of the concept of "apartment building" in Russian legislation. Problems of Economics and Legal Practice. 2019. Vol. 15. No. 3. P. 169 – 171.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Информация об авторах

Скворцова Т.А., кандидат юридических наук, доцент, Ростовский государственный университет путей сообщения; профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-9605-0966, tas242@yandex.ru

Кириченко Л.Е., Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Liliyakirichenko9900@mail.ru

Каспарян А.А., Ростовский государственный экономичекий университет (РИНХ), alinka.kasparyan.1999@mail.ru

© Скворцова Т.А., Кириченко Л.Е., Каспарян А.А., 2026

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)
УДК 347.78.031
DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-6-146-152

Гражданско-правовые пределы свободного использования произведений в целях обучения искусственного интеллекта

[1] Хмелевский Д.Д.,
[1] Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Аннотация: *в статье исследуются гражданско-правовые пределы свободного использования произведений в целях обучения искусственного интеллекта. Автором рассматривается содержание понятия «обучение искусственного интеллекта», анализируются особенности использования произведений в целях обучения на различных этапах соответствующего процесса, исследуются положения Федерального закона от 26.07.2026 г. № 243-ФЗ «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации», а также проводится сравнительно-правовой анализ отечественного и зарубежных подходов. Установлено, что предусмотренный Федеральным законом № 243-ФЗ режим свободного использования произведений имеет ограниченную сферу действия и распространяется на обучение суверенных и национальных больших фундаментальных моделей искусственного интеллекта, вследствие чего сохраняется правовая неопределенность в отношении иных систем и моделей. В качестве направлений совершенствования законодательства предлагается закрепить легальное определение обучения искусственного интеллекта, учитывающее сбор, хранение и анализ данных, а также установить специальный случай свободного использования произведений для обучения искусственного интеллекта с предоставлением правообладателю возможности запретить такое использование. Практическое значение исследования заключается в возможности использования сформулированных предложений при дальнейшем совершенствовании гражданского законодательства и формировании правоприменительной практики в области искусственного интеллекта.*

Ключевые слова*: обучение искусственного интеллекта, свободное использование произведений, исключительное право*

Для цитирования: Хмелевский Д.Д. Гражданско-правовые пределы свободного использования произведений в целях обучения искусственного интеллекта // International Law Journal. 2026. Том 9. № 6. С. 146 – 152. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-6-146-152

Поступила в редакцию: 4 августа 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 2 сентября 2026 г.; Принята к публикации: 2 октября 2026 г.

Civil law limits of free use of works in order to train artificial intelligence systems

[1] Khmelevskii D.D.,
[1] Saint Petersburg State University of Economics

Abstract: *the article examines the civil law limits of the free use of works for the purpose of teaching artificial intelligence systems. The author examines the content of the concept of "artificial intelligence training", analyzes the features of using works for teaching purposes at various stages of the relevant process, examines the provisions of Federal Law № 243-FZ dated July 26, 2026 "On Support for the development of artificial Intelligence technologies in the Russian Federation", and conducts a comparative legal analysis of domestic and foreign approaches. It has been established that the regime of free use of works provided for by Federal Law № 243-FZ has a limited*

scope and extends to the training of sovereign and national large fundamental models of artificial intelligence, as a result of which legal uncertainty remains with respect to other systems and models. As directions for improving legislation, it is proposed to consolidate the legal definition of artificial intelligence training, taking into account the collection, storage and analysis of data, as well as to establish a special case for the free use of works for artificial intelligence training, giving the copyright holder the opportunity to prohibit such use. The practical significance of the research lies in the possibility of using the formulated proposals in the further improvement of civil legislation and the formation of law enforcement practice in the field of artificial intelligence.

Keywords: *artificial intelligence training, free use of works, exclusive right*

For citation: Khmelevskii D.D. Civil law limits of free use of works in order to train artificial intelligence systems. International Law Journal. 2026. 9 (6). P. 146 – 152. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-6-146-152

The article was submitted: August 4, 2026; Approved after reviewing: September 2, 2026; Accepted for publication: October 2, 2026.

Введение

За последние несколько лет искусственный интеллект стремительно заполонил многие сферы жизни общества. Столь интенсивное развитие указанных технологий создает серьёзный вызов для существующих институтов, в том числе правовых. Одним из наиболее острых вопросов, представляющих собой камень преткновения для правоприменителей и научных деятелей в сфере юриспруденции, является проблема допустимости свободного использования произведений в целях обучения искусственного интеллекта. В рамках настоящей статьи представляется необходимым очертить гражданско-правовые пределы такого использования, а также обозначить перспективы развития исследуемого института.

Цель исследования состоит в выработке подхода правового регулирования использования произведений в целях обучения искусственного интеллекта посредством определения допустимых границ соответствующего использования.

Для достижения указанной цели ставятся следующие задачи:

- Определить подходы к определению «обучение искусственного интеллекта»;
- Исследовать отечественное законодательное регулирование использования произведений в целях обучения искусственного интеллекта;
- Провести сравнительно-правовой анализ отечественного законодательства по вопросам правового регулирования обучения искусственного интеллекта с практикой зарубежных стран;
- Предложить способы оптимизации законодательства по исследуемому вопросу.

Степень разработанности исследуемой темы: вопрос свободного использования произведений неоднократно затрагивался учеными в области гражданского права, при этом, невозможно не отметить отсутствие единой позиции относительно вопроса допустимости свободного использования произведений. Более того, в силу недавнего появления, научными специалистами еще не был детально исследован и оценен Федеральный закон от 26.07.2026 г. № 243-ФЗ «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации», который непосредственно затрагивает вопрос обучения искусственного интеллекта, что также подчеркивает необходимость проведения соответствующего исследования.

Материалы и методы исследований

Теоретическую базу исследования составляют труды отечественных ученых, посвященные вопросом правового регулирования искусственного интеллекта: А.Н. Артемовой, Н.В. Бузовой, А.С. Васильевой, А.С. Ворожевич, И.О. Кузьмина, Р.Л. Лукьянова, А.А. Никифорова, М.В. Самарцевой.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные методы исследования, такие как индукция и анализ. Более того, при подготовке настоящей работы были применены также частнонаучные методы: формально-юридический метод исследования, направленный на исследование нормативно-правовых актов и судебных решений изнутри, а также сравнительно-правовой метод, посредством которого автор обращается к зарубежному опыту правового регулирования исследуемого вопроса для выработки предложений по преодолению поставленной проблемы в отечественном правопорядке.

Результаты и обсуждения

Следует определить, что именно понимается под обучением искусственного интеллекта. В научной сфере были предложены различные варианты в отношении дефиниции.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Так, А.С. Васильева понимает под обучением процесс настройки искусственного интеллекта для выполнения задач и получения имитации человеческих результатов интеллектуальной деятельности посредством обработки наборов данных, включая охраняемые авторским правом произведения [4, с. 81].

А.С. Ворожевич определяет термин посредством описания процесса – обучением является анализ искусственным интеллектом массивов данных, разбитых на единицы (токены), с целью определения закономерностей и настройки параметров на создание новых результатов, схожих с референтными данными [5, с. 7].

Обучение искусственного интеллекта также сравнивается с процессами, которые совершает человеческий мозг при изучении материалов. А.А. Никифоров указывает на то, что нейросетевые системы разбирают вводные данные, включая произведения, на абстрактные методы и принципы, на основе которых создаются произведения [7, с. 79].

Все изложенные определения, представляются корректными, поскольку рассматривают процесс с разных ракурсов. При этом, технически обучение искусственного интеллекта может быть реализовано различными способами. По мнению автора, это создает дополнительные трудности при попытке установить легальную дефиницию термина, поскольку слишком узкое определение может вывести из правового регулирования процессы обучения, построенные на других механизмах.

Вместе с тем, в настоящее время вопрос о легальном определении рассматриваемого приобрел новое значение. 26 июля 2026 года был принят Федеральный закон № 243-ФЗ «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации», вступающий в силу с 1 сентября 2026 года. Данный закон носит рамочный характер [9], то есть очерчивает основные принципы развития искусственного интеллекта на территории РФ, которые в последующем будут конкретизироваться посредством подзаконных актов.

Федеральный закон № 243-ФЗ важен тем, что в нем впервые для отечественного правопорядка закрепляются легальные определения терминов, связанных с искусственным интеллектом. В статье 3 указанного нормативно-правового акта вводятся понятия искусственного интеллекта и обучения большой фундаментальной модели искусственного интеллекта.

При этом законодатель разграничивает упомянутые термины. Так, под искусственным интеллектом понимается «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека … и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их» [1], который включает в себя не только программное обеспечение, но и инфраструктуру, а также процессы и сервисы, направленные на получение результатов.

Под большой фундаментальной моделью понимается программа, обучаемая на составах данных и используемая для «для выведения (распознавания) закономерностей, предоставления информации, принятия решений или прогнозирования результатов по определенным человеком целям» [1]. Для такой модели законодатель также вводит ряд признаков: программа должна содержать в себе не менее 1 миллиарда параметров, применяться для большого количества задач, а также являться базисом для создания или доработки программного обеспечения.

Примечательно, что, говоря об обучении, Федеральный закон № 243-ФЗ определяет исключительно «обучение большой фундаментальной модели искусственного интеллекта». Под термином понимается подбор числовых значений и параметров процесса обучения для формирования или улучшения способности выполнять задачи, поставленные пользователем такой модели [1].

Представляется, что указанная дефиниция имеет относительно неширокую сферу применения. В частности, законодатель связывает обучение только с конкретным видом моделей – большими фундаментальными моделями искусственного интеллекта. При этом, исходя из определения искусственного интеллекта, изложенного в ст. 3 Федерального закона № 243-ФЗ, следует вывод о том, что могут существовать и иные модели, не соответствующие признакам, установленным для большой функциональной модели. В связи с этим возникает вопрос о том, каким образом следует регулировать процесс обучения моделей, которые не достигают установленного порога в один миллиард параметров.

Полагаем, что меньшая численность параметров не означает меньшей значимости процесса обучения. Такая модель также может обучаться на массивах данных, изменять свои параметры и совершенствовать способность выполнять определенные задачи. Однако специальной легальной дефиниции такого процесса Федеральный закон № 243-ФЗ не содержит. Данный пробел в виде отсутствия определения обучения искусственного интеллекта может быть уточнен в дальнейшем посредством внесения поправок в закон или подзаконными актами, однако уже сейчас наблюдается такая потребность, поскольку иначе правовое регулирование обучения нейросетей не будет затрагивать программы и модели, не являющиеся большими фундаментальными моделями искусственного интеллекта.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Кроме того, определение обучения исключительно через подбор числовых значений параметров модели и параметров процесса обучения также представляется дискуссионным. Как отмечают Н.В. Бузова и Р.Л. Лукьянов, в рамках обучения также осуществляется сбор данных и обеспечение доступа искусственного интеллекта к ним, после чего уже полученные данные анализируются и преобразуются в иной формат для обработки системой [3, с. 120]. Следовательно, процесс подготовки системы к выполнению определенных задач не сводится исключительно к изменению параметров модели. Данное обстоятельство имеет значение, поскольку использование объектов авторского права происходит уже на этапе сбора и хранения данных, до изменения параметров модели. Полагаем, что легальное определение обучения любой системы искусственного интеллекта может быть охарактеризовано в том числе посредством процесса сбора и хранения состава данных, последующий анализ которых позволяет осуществить изменение параметров модели и параметров процесса обучения.

С учетом вышесказанного, для нивелирования потенциальных проблем, связанных с правовым регулированием процесса обучения систем искусственного интеллекта, не являющихся большой фундаментальной моделью искусственного интеллекта, законодателю следует оценить перспективы введения определения термина «обучение искусственного интеллекта» в рассматриваемый Федеральный закон. Понятие может быть охарактеризовано процессом сбора, хранения и последующего анализа состава данных, посредством которого осуществляется подбор числовых значений и параметров процесса обучения для достижения искусственным интеллектом определенного результата.

Поскольку обучение искусственного интеллекта проводится посредством анализа внушительного массива информации, представляется очевидным, что среди предоставляемых нейросети данных определенно оказываются результаты интеллектуальной деятельности, принадлежащие третьим лицам. Одним из наиболее острых вопросов на текущий момент является допустимость использования произведений в указанных целях без согласия правообладателя. Следует обратиться к отечественному правовому регулированию и опыту зарубежных стран в целях определения границ допустимости подобного использования.

В первую очередь, рассмотрим законодательство РФ. До принятия Федерального закона № 243-ФЗ представлялось возможным обратиться исключительно к статье 1274 Гражданского кодекса РФ, которая содержит закрытый перечень случаев, когда произведение может быть использовано без согласия правообладателя в определенных целях. Следует отметить, что рассматриваемая норма не предусматривает напрямую возможность свободного использования результатов интеллектуальной деятельности в целях обучения искусственного интеллекта. Более того, подобное использование не соответствует ни одному из указанных в ст. 1274 ГК РФ исключений, в связи с чем применение рассматриваемой нормы к процессу обучения нейросетевых систем не представляется возможным. Вместе с тем, Федеральным законом № 243-ФЗ данный вопрос получил специальное регулирование.

В частности, статья 10 рассматриваемого Федерального закона, вступающая в силу с 1 марта 2027 года, устанавливает, по сути, новый случай свободного использования при следующих условиях: «обращение к информации, содержащейся в объектах авторского и (или) смежного права, в целях практического применения положений, составляющих содержание объектов авторского и (или) смежного права, включающее в том числе в рамках компьютерной обработки извлечение, сравнение, классификацию и анализ закономерностей, тенденций и корреляций, содержащихся в этих объектах авторского и (или) смежного права, а также воспроизведение посредством краткосрочной записи в память электронных вычислительных машин исключительно для обучения суверенной и (или) национальной больших фундаментальных моделей искусственного интеллекта» [1]. При этом закон связывает применение указанного положения с правомерностью получения экземпляра произведения либо с его доступностью для анализа без технических ограничений.

Отметим, что законодатель впервые закрепляет в законе случай свободного использования объектов авторского и смежных прав путем извлечения информации из них в целях обучения определённых моделей искусственного интеллекта. При этом положения Федерального закона № 243-ФЗ не устанавливают общего разрешения на использование произведений для обучения любых систем искусственного интеллекта. Предусмотренное исключение относится к специально определенным действиям и применяется исключительно в целях обучения суверенных и (или) национальных больших фундаментальных моделей искусственного интеллекта. За пределами прямо предусмотренного исключения остаются случаи обучения иных моделей искусственного интеллекта, в том числе моделей, которые не отвечают установленным законом признакам большой фундаментальной модели. В связи с этим, невозможно говорить о формировании универсального режима свободного использования произведений для целей обучения искусственного интеллекта. Законодатель, скорее, установил специальный правовой режим для отдельной категории моделей, сохранив неопределенность в отношении иных случаев.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Отсутствие в законе допустимости свободного использования произведений в целях обучения искусственного интеллекта (за исключением ч. 2 ст. 10 Федерального закона № 243-ФЗ), с одной стороны, встает на сторону авторов оригинальных произведений, защищая их от несанкционированных воспроизведения и переработки. Такую позицию разделяют некоторые научные деятели – И.О. Кузьмин полагает, что такое охранительное регулирование является социально справедливым и, более того, стимулирует появление легальных инструментов (например, лицензионные договоры) на рынке искусственного интеллекта [6, с. 210].

С другой стороны, учитывая, что обучение нейросетевых систем строится не на одной, а на тысячах единиц данных, представляется очевидным, что заключение лицензионных соглашений с каждым правообладателем, чье произведение используется для машинного анализа, повлечет несоразмерные финансовые и временные затраты, что не отвечает соблюдению баланса интересов сторон, к которому стремится авторское право в целом.

В научной среде также предлагается компромиссное решение. М.В. Самарцева полагает, что свободное использование произведений может распространяться на случаи предоставления пользователям безвозмездного доступа к модели, в то время как для обучения систем искусственного интеллекта, распространяемых в коммерческих целях, необходимо заключать лицензионные договоры с правообладателями соответствующих произведений, на которых обучается указанная система [8, с. 136]. Полагаем, такое решение также не разрешает проблему необходимости заключения лицензионных соглашений со всеми правообладателями, чьи произведения используются для обучения, что может значительно снизить развитие коммерческих моделей искусственного интеллекта.

Для определения возможностей нивелирования поставленной проблемы, следует обратиться, в том числе, к опыту зарубежных стран по регулированию исследуемого вида использования произведений.

В США вопрос допустимости использования произведений в целях обучения нейросетевых моделей разрешается посредством доктрины fair use (добросовестного использования). Доктрина определяет добросовестность использования произведения без согласия правообладателя на основе четырехфакторного теста. В 2025 году окружной суд США по Северному округу Калифорнии в деле Bartz v. Anthropic PBC [10] признал использование купленных и отсканированных компанией Anthropic книг добросовестным в силу того, что копирование книг в полном объеме было разумно необходимым для тренировки нейросетевой модели Claude, а также потому, что результаты генерации, выдаваемые указанным искусственным интеллектом, не нарушали авторские права оригинального произведения, и не снижали спрос на использованное творчество третьих лиц. При этом, как отмечает А.Н. Артемова, указанное дело демонстрирует, что доктрина добросовестного использования может быть применена только в случае, если экземпляры контента, используемого для обучения искусственного интеллекта, не были получены пользователем незаконным путем [2, с. 142]. Действительно, справедлив вывод о том, что обучение нейросетей на копиях произведений, которые были получены с нарушением исключительного права, не попадает под указанную доктрину, поскольку хранение и распространение нелицензионных экземпляров не имеет добросовестный характер, а также потенциально наносит ущерб положению правообладателя произведения на рынке по причине снижения потребительской потребности в приобретении лицензионных копий.

Примечателен также подход, предусмотренный Директивой об авторском праве на Едином цифровом рынке, принятой на территории Европейского Союза в 2019 году. Согласно акту, использование произведений в целях анализа текста и данных, в том числе коммерческого, при условии, что правообладатель не выразил прямого запрета на совершение таких действий (за исключением использования специально обозначенными субъектами в научных целях – в таком случае использование разрешено независимо от отказа) [7, с. 92]. По мнению автора, такой подход приближен к соблюдению баланса интересов сторон, поскольку он дает возможность правообладателям защитить свое произведение, не блокируя, при этом, доступ разработчикам систем искусственного интеллекта к использованию произведений, правообладатели которых подобный запрет не устанавливали.

Нетривиальное решение продемонстрировало японское законодательство. Согласно Закону об авторском праве Японии (ст. 30-4), произведение может быть использовано любым способом и без согласия правообладателя «если оно эксплуатируется в ходе компьютерной обработки данных или эксплуатируется таким образом, что форма произведения не воспринимается человеческими чувствами» [5, с. 15]. Полагаем, что изложенный метод регулирования проблемы представляется дискуссионным в силу отсутствия пояснения, что именно должно относится к ситуациям, когда форма произведения не воспринимается человеческими чувствами. К примеру, процедура компьютерного копирования произведения также является результатом определенных команд, что, при дословном толковании, также не включает в себя восприятие формы произ-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

ведения человеческими чувствами. При этом представляется очевидным, что такое использование является воспроизведением и требует согласия правообладателя, если иное не предусмотрено законом.

По мнению автора настоящей статьи, наиболее сбалансированным представляется подход, допускающий свободное использование произведений в целях обучения искусственного интеллекта, при котором правообладателю предоставляется возможность установить запрет на использование произведения в целях подобного обучения. При этом, полагаем, обязательным условием применения такого режима должно являться правомерное обнародование используемых произведений и законное получение разработчиком экземпляров соответствующих произведений, поскольку использование незаконно полученного контента не может рассматриваться как добросовестное.

Выводы

Необходимо отметить, что в отечественном законодательстве впервые появилось специальное регулирование использования произведений в целях обучения искусственного интеллекта. Вместе с тем, предусмотренный Федеральным законом № 243-ФЗ режим не носит универсального характера и распространяется исключительно на большие фундаментальные модели искусственного интеллекта. Следовательно, за пределами установленного законом исключения сохраняется неопределенность в отношении обучения иных систем и моделей искусственного интеллекта.

Вместе с тем, введение норм, посвященных регулированию поставленной проблемы, представляется необходимым и своевременным. Отметим, что обучение искусственного интеллекта должно быть отнесено к случаям свободного использования в силу общественной значимости развития нейросетевых технологий, использующихся не только в развлекательных целях, но также и в других сферах жизни. По мнению автора, дальнейшая модернизация отечественного гражданского законодательства может быть выражена прежде всего в установлении легальной дефиниции термина «обучение искусственного интеллекта», охватывающей не только изменение числовых значений и параметров процесса обучения, но также сбор, хранение и последующий анализ состава данных. Кроме того, представляется целесообразным дополнить Федеральный закон № 243-ФЗ или предусмотренные ст. 1274 ГК РФ условия свободного использования специальным случаем анализа произведений для обучения систем искусственного интеллекта. При этом такой режим, по мнению автора, должен учитывать интересы правообладателей и предусматривать возможность установить запрет на использование охраняемого результата интеллектуальной деятельности в указанных целях. Полагаем, что изложенное решение позволит соблюсти необходимый баланс между защитой исключительных прав и обеспечением возможности дальнейшего развития технологий искусственного интеллекта и может поспособствовать развитию отечественных технологий искусственного интеллекта, снизив правовую неопределенность в отношении процесса обучения.

Список источников

1. Федеральный закон от 26.07.2026 N 243-ФЗ "О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации" [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_540336/ (дата обращения: 02.08.2026)

2. Артемова А.Н. Использование произведений, охраняемых авторским правом, для обучения искусственного интеллекта: новый этап развития доктрины добросовестного использования // Respublica Literaria. 2025. Т. 6. № 3. С. 136 – 143. DOI: 10.47850/RL.2025.6.3.136-143

3. Бузова Н.В., Лукьянов Р.Л. Квалификация процесса обучения системы искусственного интеллекта с помощью охраняемых авторским правом произведений // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2026. Т. 57. № 2. С. 115 – 123. DOI: 10.17323/tis.2026.36350

4. Васильева А.С. Использование объектов авторских прав для обучения искусственного интеллекта // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2024. № 4 (46). С. 80 – 84. DOI: 10.58741/23134852_2024_4_8

5. Ворожевич А.С. Границы авторского права в эпоху искусственного интеллекта: переосмысление концепции свободного использования // Вопросы права в цифровую эпоху. 2026. Т. 7. № 1. С. 4 – 31. DOI:10.17323/2713-2749.2026.1.4.31

6. Кузьмин И.О. Проблема правовой охраны данных, используемых для обучения систем искусственного интеллекта // Вопросы российского и международного права. 2025. Т. 15. № 10А. С. 204 – 212. DOI: 10.34670/AR.2025.19.93.024

7. Никифоров А.А. Копировать нельзя обучать: проблема обучения искусственного интеллекта с позиций авторского права // Цифровое право. 2025. № 6 (1). С. 74 – 128. DOI: 10.38044/2686-9136-2025-6-6

8. Самарцева М.В. Использование охраняемых произведений при машинном обучении генеративного искусственного интеллекта // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2025. Т. 53. № 2. С. 127 – 138. DOI: 10.17323/tis.2025.27374

9. Принят закон о развитии технологий искусственного интеллекта в России [Электронный ресурс]. URL: http://duma.gov.ru/news/63849/ (дата обращения: 28.06.2026)

10. Bartz v. Anthropic PBC (3:24-cv-05417) [Электронный ресурс]. URL: https://www.courtlistener.com/docket/69058235/bartz-v-anthropic-pbc/?filed_after=&filed_before=&entry_gte=&entry_lte=&order_by=desc (дата обращения: 08.05.2026)

References

1. Federal Law of July 26, 2026 N 243-FZ "On Supporting the Development of Artificial Intelligence Technologies in the Russian Federation" [Electronic resource]. SPS "ConsultantPlus". URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_540336/ (date of access: 02.08.2026)

2. Artemova A.N. Use of Copyrighted Works for Training Artificial Intelligence: A New Stage in the Development of the Fair Use Doctrine. Respublica Literaria. 2025. Vol. 6. No. 3. P. 136 – 143. DOI: 10.47850/RL.2025.6.3.136-143

3. Buzova N.V., Lukyanov R.L. Qualification of the Process of Training an Artificial Intelligence System Using Copyrighted Works. Works on Intellectual Property. 2026. Vol. 57. No. 2. P. 115 – 123. DOI: 10.17323/tis.2026.36350

4. Vasilyeva A.S. Using Copyrighted Objects to Train Artificial Intelligence. Journal of the Intellectual Property Court. 2024. No. 4 (46). P. 80 – 84. DOI: 10.58741/23134852_2024_4_8

5. Vorozhevich A.S. The Boundaries of Copyright in the Age of Artificial Intelligence: Rethinking the Concept of Free Use. Issues of Law in the Digital Age. 2026. Vol. 7. No. 1. P. 4 – 31. DOI:10.17323/2713-2749.2026.1.4.31

6. Kuzmin I.O. The Problem of Legal Protection of Data Used for Training Artificial Intelligence Systems. Issues of Russian and International Law. 2025. Vol. 15. No. 10A. Pp. 204–212. DOI: 10.34670/AR.2025.19.93.024

7. Nikiforov A.A. Copying is Impossible: The Problem of Training Artificial Intelligence from the Standpoint of Copyright. Digital Law. 2025. No. 6 (1). P. 74 – 128. DOI: 10.38044/2686-9136-2025-6-6

8. Samartseva M.V. Use of Protected Works in Machine Learning of Generative Artificial Intelligence. Works on Intellectual Property. 2025. Vol. 53. No. 2. P. 127 – 138. DOI: 10.17323/tis.2025.27374

9. Law on the Development of Artificial Intelligence Technologies in Russia Adopted [Electronic Resource]. URL: http://duma.gov.ru/news/63849/ (date of access: 28.06.2026)

10. Bartz v. Anthropic PBC (3:24-cv-05417) [Electronic Resource]. URL: https://www.courtlistener.com/docket/69058235/bartz-v-anthropic-pbc/?filed_after=&filed_before=&entry_gte=&entry_lte=&order_by=desc (date of access: 08.05.2026)

Информация об авторе

Хмелевский Д.Д., аспирант, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, danya.hmelevsky@gmail.com

© Хмелевский Д.Д., 2026

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)
УДК 347.73:340.5
DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-6-153-165

Цифровой дар в архитектуре неприкосновенного капитала: цифровые финансовые инструменты в системе эндаументов (сравнительно-правовое исследование)

[1] Азизова Э.Ш.,
[1] Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации

Аннотация: *статья посвящена определению правовой траектории цифрового дара в системе формирования и сохранения целевого капитала некоммерческих организаций. Актуальность исследования обусловлена расширением практики передачи экономической ценности посредством цифровой валюты и цифровых финансовых активов при сохранении существенных различий между правовыми режимами таких объектов и традиционной моделью эндаумента. Цель работы состоит в выявлении условий, при которых цифровые формы пожертвования могут быть интегрированы в деятельность эндаументов без ослабления принципов сохранности, целевого назначения и долгосрочного управления капиталом. В работе использованы формально-юридический, системный, функциональный и сравнительно-правовой методы.*

Ключевые слова: *целевой капитал, цифровой дар, цифровая валюта, цифровые финансовые активы, эндаумент, фидуциарные обязанности, благотворительные организации*

Для цитирования: Азизова Э.Ш. Цифровой дар в архитектуре неприкосновенного капитала: цифровые финансовые инструменты в системе эндаументов (сравнительно-правовое исследование) // International Law Journal. 2026. Том 9. № 6. С. 153 – 165. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-6-153-165

Поступила в редакцию: 16 августа 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 13 сентября 2026 г.; Принята к публикации: 2 октября 2026 г.

Digital gifts within the legal architecture of permanent endowments: digital currencies and digital financial assets in comparative perspective

[1] Azizova E.Sh.,
[1] Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Abstract: *the article is devoted to defining the legal trajectory of a digital gift within the system of forming and preserving the endowment capital of non‑profit organizations. The relevance of the study is due to the growing practice of transferring economic value through digital currency and digital financial assets, while maintaining significant differences between the legal regimes of such objects and the traditional endowment model. The aim of the work is to identify the conditions under which digital forms of donation can be integrated into the activities of endowments without weakening the principles of preservation, purpose, and long‑term management of capital. The work uses formal‑legal, systemic, functional, and comparative‑legal methods.*

Keywords: *digital gift, endowment capital, endowment, digital currency, digital financial assets, comparative law, philanthropy, fiduciary duties, nonprofit organizations*

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

For citation: Azizova E.Sh. Digital gifts within the legal architecture of permanent endowments: digital currencies and digital financial assets in comparative perspective. International Law Journal. 2026. 9 (6). P. 153 – 165. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-6-153-165

The article was submitted: August 16, 2026; Approved after reviewing: September 13, 2026; Accepted for publication: October 2, 2026.

Введение

Эндаумент по своей природе ориентирован не на достижение краткосрочного финансового результата, а на долгосрочное обеспечение общественно значимых целей. В отечественной литературе целевой капитал связывают с институционализацией благотворительности: он объединяет университет, выпускников и деловое сообщество, а разовое пожертвование превращает в источник длительной поддержки [1, 2].

Применительно к цифровой валюте это обстоятельство имеет принципиальное значение. Обсуждение не следует начинать с вопроса о доходности нового актива. Сначала необходимо установить, каким образом цифровой дар может пройти путь от жертвователя к имуществу, составляющему целевой капитал, и не утратить установленного назначения. Цифровой оборот рассчитан на быстрые операции и допускает резкие ценовые колебания; режим целевого капитала, напротив, рассчитан на длительное сохранение имущества и предсказуемость управления. Именно несогласованность этих режимов, а не сама новизна технологии, образует предмет правового анализа.

По данным Исследовательской группы ЦИРКОН, на конец 2024 г. в структурную выборку входили 320 организаций. Из них 286 являлись специализированными фондами управления целевым капиталом, созданными как самостоятельные юридические лица, а 34 некоммерческие организации сформировали целевые капиталы в рамках собственной структуры [3]. При этом по данным Национальной ассоциации эндаументов, основанным на отчётности управляющих компаний, на 30 июня 2025 г. в доверительном управлении находились 424 целевых капитала совокупным объёмом 179,8 млрд руб. К 31 декабря 2025 г. их количество увеличилось до 454, а совокупный объём – до 204,8 млрд руб. [4].

Различие приведённых показателей закономерно: одна некоммерческая организация может сформировать несколько целевых капиталов, а один специализированный фонд – управлять капиталами, созданными в интересах нескольких организаций-благополучателей. Более того, в исследовательской базе на конец 2024 г. 86 организаций были квалифицированы как «юридические оболочки», у которых фактически отсутствовал сформированный капитал [5]. Таким образом, государственная регистрация фонда ещё не свидетельствует о наличии действующего целевого капитала, а увеличение числа целевых капиталов не всегда означает пропорциональный рост числа участников рынка.

Отсутствие единого статистического контура, позволяющего одновременно учитывать юридическое лицо, организацию-благополучателя, сформированные ею целевые капиталы и управляющие компании, само по себе характеризует степень институциональной фрагментации рынка. В исследовании ЦИРКОН специально отмечается, что показатель клиентов управляющих компаний нельзя отождествлять с числом уникальных юридических лиц, поскольку одна организация может учитываться в отчётности нескольких управляющих компаний [6].

Образование и наука сохраняют положение институционального ядра российского рынка: на эти сферы приходится 62 % его отраслевой структуры, а на профильной странице Минобрнауки России отдельно указывается на 125 фондов целевого капитала, созданных и работающих в интересах образовательных организаций высшего образования [7]. Динамика рынка, его отраслевая и региональная структура, а также ренкинги крупнейших эндаументов были систематизированы М.А. Петровой в исследовании «Обзор состояния рынка эндаументов на конец 2025 года», подготовленном в рамках проекта Национальной ассоциации эндаументов при организационной поддержке Минэкономразвития России [8].

Международные данные позволяют оценить масштаб института в иной правовой и финансовой среде. В США 657 образовательных организаций и связанных с ними фондов, участвовавших в исследовании NACUBO-Commonfund, располагали в 2025 финансовом году эндаументными активами на сумму 944,3 млрд долл. США. За год из средств эндаументов ими было направлено на реализацию уставных целей 33,4 млрд долл., причём в среднем 47,4 % соответствующих расходов приходилось на финансовую помощь студентам. [9] Одновременно только на счета донорских фондов Fidelity Charitable в 2025 г. была передана криптовалюта стоимостью 362 млн долл. США[10]; в 2024 г. объём таких поступлений достигал 786 млн долл. Эти данные свидетельствуют не только о значимости данного канала благотворительности, но и о существенной межгодовой изменчивости объёма поступлений.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Российский рынок цифровых финансовых активов также перестал быть пространством единичных экспериментальных выпусков. В 2025 г. совокупный объём размещённых ЦФА достиг 1,65 трлн руб.; около 98 % объёма размещений в 2023-2025 гг. приходилось на долговые ЦФА, предоставляющие их обладателям денежные требования и в этом отношении сопоставимые с облигациями [11]. Основную часть таких инструментов эмитенты размещают на срок до одного года, а лидерами по объёму выпусков остаются крупные банки [12]. Следовательно, российский финансовый рынок уже располагает регулируемой цифровой инфраструктурой, тогда как законодательство о целевом капитале пока почти не интегрирует её в собственный регуляторный контур.

Проблема исследования состоит в несогласованности двух нормативных архитектур. По состоянию на дату завершения исследования Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ разграничивал цифровые финансовые активы как цифровые права и цифровую валюту как объект со специальным режимом обращения [13] Федеральный закон от 30 декабря 2006 г. № 275-ФЗ исчерпывающе определяет имущество, за счёт которого допускаются формирование и пополнение целевого капитала, а также направления инвестирования переданных в доверительное управление средств [14].

Имущественная природа объекта и возможность включить его в целевой капитал: разные юридические вопросы. Цифровая валюта может подпадать под категорию «иного имущества» статьи 128 ГК РФ и пользоваться судебной защитой, однако это не устраняет ограничений, установленных специальным Законом № 275-ФЗ. Такой подход соответствует правовой позиции Конституционного Суда РФ, изложенной в Постановлении от 20 января 2026 г. № 2-П [15].

Цель исследования состоит в определении правовой траектории цифрового дара в системе целевого капитала и выявлении на основе сравнительно-правового анализа условий, при которых цифровая валюта и цифровые финансовые активы могут использоваться в деятельности эндаументов без ослабления принципов сохранности, целевого назначения и долгосрочного управления капиталом.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи:**

- разграничить юридически самостоятельные этапы движения цифрового дара: принятие пожертвования, правовую квалификацию и оценку переданного объекта, его включение в целевой капитал и последующее инвестиционное управление; определить место цифровой валюты и цифровых финансовых активов в системе объектов гражданских прав и установить юридическое значение их имущественного признания для отношений пожертвования;

- выявить нормативный разрыв между российским законодательством о цифровых активах и специальным правовым режимом формирования, пополнения и использования целевого капитала некоммерческих организаций; сопоставить российский подход с законодательством и правоприменительной практикой США, Англии и Уэльса, Франции, Германии, Испании и Европейского союза; систематизировать практику зарубежных университетов и благотворительных организаций, выделив модели немедленной конвертации, непосредственного удержания и институционализированного приёма цифровых пожертвований; определить пределы и условия функциональной адаптации отдельных элементов зарубежных моделей к российской системе целевого капитала. **Гипотеза исследования** заключается в том, что основной нормативный разрыв возникает не на уровне признания цифровой валюты и цифровых финансовых активов объектами имущественного оборота, а на стыке правовых режимов цифрового пожертвования и целевого капитала.

Материалы и методы исследований

Материалы исследованы по состоянию на 21 августа 2026 г. В работе учтены Федеральный закон от 4 августа 2026 г. № 282-ФЗ «О цифровых валютах и цифровых правах», основные положения которого применяются с 1 сентября 2026 г., и Федеральный закон от 4 августа 2026 г. № 283-ФЗ, предусматривающий сопутствующие изменения и переходные положения. Нормы, для которых установлены более поздние сроки вступления в силу, анализируются как элементы уже принятой, но поэтапно вводимой в действие модели регулирования.

Российская нормативная база исследования включает положения Гражданского кодекса Российской Федерации об объектах гражданских прав, дарении и пожертвовании; Федерального закона от 30 декабря 2006 г. № 275-ФЗ «О порядке формирования и использования целевого капитала некоммерческих организаций»; Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», а также материалы текущего законотворческого процесса, относящиеся к формированию регулируемой инфраструктуры обращения цифровых валют. Действующие нормы анализировались отдельно от законопроектных положений и авторских предложений de lege ferenda.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Для сравнительно-правового анализа использовались законодательство и правоприменительные материалы США, Англии и Уэльса, Франции, Германии, Испании и Европейского союза. Зарубежную часть источниковой базы составили нормы о принятии неденежных пожертвований, сохранении основного имущества фонда, оценке и отчуждении цифровых активов, а также о стандартах поведения лиц, принимающих инвестиционные решения. Отдельно – документы университетов и благотворительных организаций. Сообщения об отдельных пожертвованиях не рассматривались как основание для количественных выводов о распространённости такой практики.

Правопорядки отбирались с учётом различий в используемых ими юридических конструкциях. Американский материал позволяет сопоставить открытый состав имущества институционального фонда с требованиями осмотрительного управления. В праве Англии и Уэльса исследован permanent endowment, в рамках которого основное имущество отделяется от дохода, доступного для расходования. Французское, германское и испанское законодательство представляет различные способы закрепления имущественной основы фонда и оценки неденежных вкладов. Регулирование Европейского союза привлекалось не как самостоятельная модель благотворительного фонда, а для определения статуса посредников, обслуживающих операции с криптоактивами.

Результаты и обсуждения

1. От цифровой транзакции к имуществу целевого капитала

Квалификации переданного объекта для определения режима цифрового пожертвования недостаточно. Признание цифровой валюты или цифрового финансового актива имуществом означает, что соответствующий объект способен участвовать в гражданском обороте. Из этого, однако, не следует право некоммерческой организации принять его для любой цели, включить в целевой капитал или передать в доверительное управление. Каждое из названных действий подчиняется самостоятельным требованиям.

Движение цифрового дара включает несколько юридически значимых стадий. Первоначально решается вопрос о допустимости самого пожертвования. После поступления актива устанавливаются его вид, стоимость и принадлежность, а совершённая транзакция получает документальное подтверждение. Затем определяется возможность направить полученную стоимость на формирование или пополнение целевого капитала. Только после этого возникает вопрос о составе имущества, которое может быть передано управляющей компании.

При денежном пожертвовании перечисленные действия обычно совершаются практически одновременно. Цифровая форма передачи создаёт между получением актива и пополнением целевого капитала дополнительный временной и юридический интервал.

На стадии принятия необходимо определить правовую природу актива, соотнести назначение пожертвования с уставными целями организации и установить содержание воли жертвователя. Совершение транзакции само по себе эту процедуру не завершает. Организации необходимо идентифицировать жертвователя, исследовать происхождение актива, зафиксировать операцию и момент получения контроля над цифровым объектом. Одновременно устанавливаются дата и источник его первоначальной оценки. После завершения этих действий может быть принято решение о продаже, погашении либо сохранении актива.

На данном этапе особенно важно не уравнивать объекты только на основании цифровой формы их учёта. Цифровая валюта не предоставляет её владельцу требования к определённому обязанному лицу, а её цена формируется под воздействием спроса, ликвидности и устойчивости соответствующей информационной среды. Содержание цифрового финансового актива устанавливается решением о выпуске. Если ЦФА удостоверяет денежное требование, его оценка связана с кредитоспособностью обязанного лица, сроком исполнения обязательства и условиями выпуска. Следовательно, технологическая форма учёта не устраняет различий между объектами.

Используемое в названии статьи выражение «цифровые финансовые инструменты» имеет собирательный характер. Оно очерчивает предмет исследования, но не заменяет установленную законом квалификацию. Цифровая валюта, долговой ЦФА, цифровая акция и другие цифровые права не образуют единой категории с общим правовым режимом.

Различать необходимо и стоимостные показатели. Оценка актива в момент получения, его стоимость для бухгалтерского или налогового учёта, цена продажи и сумма, поступившая на счёт организации, могут не совпадать. Для модели обязательной конвертации решающее значение имеет рублёвая сумма, фактически зачисленная после отчуждения цифровой валюты, а не котировка, зафиксированная на промежуточную дату.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Правовой режим переданной стоимости меняется по мере движения дара. Сначала цифровой актив является предметом пожертвования; затем он подлежит проверке, оценке и обособленному учёту. После продажи или погашения полученное имущество может быть направлено в целевой капитал, если оно соответствует требованиям Закона № 275-ФЗ. Лишь с этого момента оно становится частью имущества, переданного в доверительное управление.

Такой подход позволяет отказаться от условной конструкции «криптоэндаумента» и разделить две самостоятельные задачи: расширение технологических способов совершения пожертвований и определение допустимого состава неприкосновенного капитала.

2. Российский нормативный разрыв

Исследование российского законодательства подтвердило, что основной нормативный разрыв возникает не на уровне имущественного признания цифрового дара, а при его переходе в специальный правовой режим целевого капитала.

Федеральный закон от 30 декабря 2006 г. № 275-ФЗ «О порядке формирования и использования целевого капитала некоммерческих организаций» устанавливает закрытый перечень имущества, предназначенного для целевого капитала. Его формирование осуществляется за счёт денежных средств в российской или иностранной валюте. Пополнение уже сформированного целевого капитала наряду с денежными средствами допускается отвечающими требованиям закона ценными бумагами и недвижимым имуществом. Цифровая валюта и цифровые финансовые активы в данный перечень непосредственно не включены.

Закрытый перечень действует и на стадии инвестиционного управления. Статья 15 Федерального закона № 275-ФЗ предусматривает виды активов и операций, в которые может инвестироваться имущество, составляющее целевой капитал. Цифровая валюта и ЦФА среди них не названы. Поэтому общая гражданско-правовая оборотоспособность цифрового объекта не означает его допустимости в составе целевого капитала.

Существенное значение для формирования имущественного подхода имело Постановление Конституционного Суда РФ от 20 января 2026 г. № 2-П. Конституционный Суд указал, что гражданское законодательство принципиально не препятствует рассмотрению цифровой валюты в качестве иного имущества по смыслу статьи 128 ГК РФ. Вместе с тем Суд не рассматривал вопрос о пожертвовании цифровой валюты в целевой капитал и не признал её деньгами, ценной бумагой либо иным активом, допустимым для формирования или пополнения целевого капитала. Постановление создало гражданско-правовую предпосылку для развития законодательства, но не устранило ограничений Федерального закона № 275-ФЗ.

Новый этап регулирования связан с принятием Федерального закона от 4 августа 2026 г. № 282-ФЗ «О цифровых валютах и цифровых правах», для основной части положений которого установлено вступление в силу с 1 сентября 2026 г. Закон прямо определяет цифровую валюту как имущество, закрепляет понятия цифровых финансовых активов, долговых ЦФА, цифровых акций и иных цифровых прав, а также формирует профессиональную инфраструктуру их учёта и обращения.

В данной системе участвуют брокеры, доверительные управляющие, цифровые депозитарии, организации, осуществляющие обмен цифровых валют, операторы информационных систем и организаторы торговли. Тем самым в российском праве созданы нормативные основы хранения, учёта, обмена и профессионального посредничества в сфере цифровых активов.

Однако Федеральный закон № 282-ФЗ не устанавливает специального режима цифровых пожертвований. По буквальному толкованию закреплённого в нём понятия обращения безвозмездная передача цифровой валюты, не предусматривающая встречного предоставления и совершаемая без участия субъекта национальной платёжной системы, может находиться за пределами обращения в специальном значении данного закона. Это позволяет обсуждать применение общих правил о дарении и пожертвовании, но не определяет порядок совершения соответствующей операции некоммерческой организацией.

Кроме того, в части 5 статьи 31 Федерального закона № 282-ФЗ среди оснований зачисления цифровой валюты на цифровой счёт депонента-резидента непосредственно не названо её получение по договору пожертвования. Банк России вправе устанавливать иные случаи такого зачисления, однако подзаконное разрешение операции не может самостоятельно создать специальный режим пожертвования в целевой капитал. Оно не обеспечивает сохранения установленного жертвователем назначения и не регулирует переход от цифровой валюты к имуществу, допустимому для формирования или пополнения целевого капитала.

Принятие Федерального закона № 282-ФЗ не сопровождалось внесением соответствующих изменений в Федеральный закон № 275-ФЗ. Поэтому цифровой актив, законно полученный некоммерческой организацией и учтённый в рамках новой инфраструктуры, не становится на этом основании частью целевого капитала.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Сохраняется и проблема правового транзита. Если некоммерческая организация принимает цифровую валюту как обычное пожертвование, а затем отчуждает её, полученный рублёвый эквивалент может быть квалифицирован как собственное имущество организации. Между тем часть 2 статьи 4 Федерального закона № 275-ФЗ по общему правилу препятствует передаче собственного имущества НКО на формирование или пополнение целевого капитала. Следовательно, фактическая конвертация цифрового дара сама по себе не гарантирует сохранения установленного жертвователем назначения.

Публичный сбор пожертвований также остаётся ориентированным на банковский платёж. Законодательство не определяет порядок использования для этой цели цифрового счёта или адреса-идентификатора, подтверждения безвозмездного характера транзакции, первоначальной оценки актива, его обособленного учёта, конвертации и возврата при невозможности завершить необходимые проверки.

В результате российский нормативный разрыв имеет три взаимосвязанных измерения. Объектный разрыв выражается в отсутствии цифровой валюты и ЦФА в перечнях имущества, допустимого для формирования, пополнения и инвестирования целевого капитала. Процедурный разрыв состоит в отсутствии правил приёма, оценки, документирования, обособленного учёта и конвертации цифрового пожертвования. Функциональный разрыв связан с отсутствием установленного распределения обязанностей между некоммерческой организацией и профессиональными участниками цифрового рынка.

Таким образом, после принятия Федерального закона № 282-ФЗ нормативный разрыв изменил своё содержание. Российское право уже признаёт цифровую валюту имуществом и создаёт регулируемую инфраструктуру её обращения, но пока не устанавливает правового механизма, связывающего цифровое пожертвование с формированием и пополнением целевого капитала.

3. Зарубежные модели регулирования

Сравнительно-правовой анализ показал, что зарубежные правопорядки не предлагают единой универсальной модели цифрового эндаумента. Их общий признак заключается в разграничении возможности принять цифровой актив и допустимости его последующего удержания. Широкая имущественная правоспособность организации, как правило, дополняется обязанностями органов управления, требованиями к оценке, диверсификации, документированию решений и использованию регулируемой инфраструктуры.

В Соединённых Штатах Америки законодательство штатов, основанное на Uniform Prudent Management of Institutional Funds Act, не устанавливает единого федерального закрытого перечня имущества, которое может входить в институциональный фонд. Однако после получения неденежного актива организация должна решить вопрос о его сохранении или отчуждении с учётом целей фонда, общей инвестиционной стратегии, ликвидности, предполагаемой доходности и необходимости диверсификации.

В США возможность институционального фонда принять неденежный актив не означает, что полученное имущество следует удерживать. Это два разных управленческих решения. Второе оценивается с учётом целей конкретного фонда, структуры всего портфеля, ликвидности и допустимого уровня риска. Поэтому цифровой актив может быть принят как пожертвование, но впоследствии продан, если его длительное сохранение не отвечает интересам фонда.

В праве Англии и Уэльса permanent endowment обозначает имущество, которое не может расходоваться как обычный доход благотворительной организации. В зависимости от условий учреждения фонда сохранению подлежит стоимость основного капитала либо сам объект должен использоваться для заранее установленной цели. При выборе инвестиций попечители обязаны учитывать их пригодность, необходимость диверсификации и последствия принимаемого риска.

Рекомендации Charity Commission исходят не из категорического запрета криптоактивов, а из повышенных требований к обоснованию решения. Попечители должны учитывать ценовую волатильность, возможность утраты закрытых ключей или хищения актива, сложности установления личности жертвователя и репутационные последствия. Практическим следствием становится необходимость внутреннего документа, определяющего условия принятия цифровых пожертвований, способы их хранения, основания для отказа и порядок конвертации.

Имущественную основу испанского фонда – dotación – могут составлять различные вещи и права при условии надлежащей оценки неденежного вклада. Если пожертвование совершается в криптоактиве, услуги по его хранению, обмену или переводу могут быть переданы авторизованному в соответствии с правом Европейского союза поставщику. Само получение такого пожертвования не превращает фонд в профессионального участника рынка криптоактивов.

Французский fonds de dotation также вправе безвозмездно приобретать имущество и права различного характера. Для цифрового пожертвования практический интерес представляет схема с внешней конвертацией: специализированный посредник принимает и продаёт цифровой актив, а организации перечисляется

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

его стоимость в евро. В имущество фонда в этом случае поступает денежный результат операции. Цифровая валюта выполняет функцию передачи дара, но не становится частью долгосрочного инвестиционного портфеля.

В германском праве ключевой является обязанность сохранять grundstockvermögen – основное имущество фонда. Из этого не следует, что каждый первоначально внесённый объект должен оставаться неизменным.

Оценке подлежит сохранность имущественной основы в целом и её способность обеспечивать цели фонда. Поэтому отсутствие прямого запрета на получение криптоактива не освобождает органы фонда от оценки волатильности, ликвидности, способа хранения, диверсификации и воли учредителя.

Решение Суда Европейского союза по делу C-264/14 Skatteverket v David Hedqvist относится к налогообложению операций с Bitcoin, а не к деятельности фондов. Для настоящего исследования оно важно как пример функциональной квалификации: Суд определял значение Bitcoin применительно к конкретной операции по обмену, не формулируя единого статуса цифрового объекта для всех отраслей права. Тот же подход применим и здесь. Получение цифрового актива в дар, его временное хранение, продажа, включение в имущество фонда и оказание посреднической услуги представляют собой разные отношения и требуют разных правовых оснований.

То есть широкий перечень принимаемого имущества обычно компенсируется требованиями к решению о его дальнейшем использовании. Отсутствие закрытого перечня позволяет фонду принять цифровой актив, но не освобождает его органы от обязанности обосновать сохранение такого актива с учётом целей фонда и интересов благополучателей.

4. Университетская практика: способы обращения с цифровым даром

Публикации университетов и благотворительных организаций неоднородны. Одни из них описывают уже совершённое пожертвование, другие – только общую процедуру, которой может воспользоваться потенциальный жертвователь. С учётом дальнейшей судьбы актива можно выделить три модели: продажу цифровой валюты после её получения, сохранение актива в инвестиционном портфеле и создание постоянно действующего канала цифровых пожертвований. Наличие такого канала ещё не свидетельствует о том, что принятые активы удерживаются организацией.

Поэтому сообщение об учреждении именного фонда за счёт цифрового дара не даёт достаточных оснований для правовой квалификации операции. Необходимо выяснить, кто непосредственно получил актив, каким образом и на какую дату была определена его стоимость, состоялась ли продажа и в состав какого имущества поступил её результат.

Florida International University Foundation применяет модель конвертации: поступившая цифровая валюта продаётся, после чего денежные средства перечисляются в указанный жертвователем университетский фонд. Здесь предмет пожертвования и актив, фактически включённый в инвестиционный портфель, не совпадают. Университет получает стоимость дара, не принимая на долгий срок рыночные и операционные риски исходного актива.

Для России этот вариант наиболее близок действующей конструкции целевого капитала. Однако для его применения необходимо прямо сохранить назначение пожертвования на всём пути от поступления цифровой валюты до зачисления рублей на отдельный банковский счёт. Без такого правила конвертация разрывает юридическую связь между первоначальным даром и пополнением целевого капитала.

Иной подход был использован San Diego State University. The Campanile Foundation сохранила основную часть пожертвования в Bitcoin в составе Montezuma & Satoshi Cryptocurrency Endowment. При этом университет отнёс созданный фонд к quasi-endowment, то есть к модели, при которой орган управления обладает более широкими полномочиями в отношении основного имущества. Этот случай подтверждает, что цифровой актив технически может удерживаться, но не позволяет распространить такую практику на любой неприкосновенный капитал. Значение имеют правовая природа фонда, воля жертвователя, ликвидность актива, условия его хранения и допустимый уровень концентрации риска.

Решение должно оцениваться с учётом правовой природы фонда, воли жертвователя, волатильности, ликвидности, концентрации рисков и условий хранения актива.

Создание постоянного организационного канала выражается во включении цифровых пожертвований в общую систему привлечения средств. University of Southern California использовал внешнего посредника при получении цифрового дара, за счёт которого был учреждён именной фонд. Massachusetts Institute of Technology, Harvard University и UC San Diego Foundation также включили цифровые активы в свои процедуры работы с пожертвованиями, предусмотрев предварительное согласование, специальные формы передачи или ограничения по принимаемым активам.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Такие практики показывают, что институциональное принятие цифрового дара предполагает наличие внутренней политики, идентификацию жертвователя, проверку актива, фиксацию его целевого назначения и распределение ответственности между университетом и профессиональным посредником. Оно не предполагает обязательного сохранения цифрового актива в составе долгосрочно управляемого имущества.

Учреждение именного фонда за счёт цифрового дара ещё не доказывает, что цифровой актив был сохранён в его инвестиционном портфеле. Пробел в российском законодательстве возникает при переходе от общего режима цифрового имущества к специальному режиму целевого капитала. Экономическая ценность цифровой валюты позволяет рассматривать её как предмет имущественного оборота, но Закон № 275-ФЗ не определяет, каким образом назначение пожертвования сохраняется после продажи актива и зачисления денежных средств. Федеральный закон № 282-ФЗ, основные положения которого вступают в силу 1 сентября 2026 г., снимает часть прежней неопределённости. Он устанавливает правила профессионального обращения цифровой валюты и определяет функции регулируемых участников. Вместе с тем закон не вводит специального режима цифрового пожертвования для формирования или пополнения целевого капитала, а Закон № 275-ФЗ не согласован с системой цифровых счетов, адресов-идентификаторов и цифровых депозитариев. Поэтому после обновления законодательства об обращении цифровой валюты проблема не исчезает, а приобретает межотраслевой характер.

В зарубежном праве не обнаружено решения, которое можно было бы перенести в российскую систему без адаптации. Однако прослеживается общая логика: правомочие принять цифровой актив не равнозначно решению сохранить его в составе долгосрочно управляемого имущества.

Орган управления должен оценить риск конкретного актива, сопоставить его сохранение с целями фонда и установленной жертвователем волей, а затем зафиксировать принятое решение в пределах своих полномочий.

Для российского законодательства это различие имеет непосредственное значение. Приём пожертвования и допуск имущества к доверительному управлению относятся к разным стадиям и не должны регулироваться одним правилом. На первой стадии цифровая валюта может поступить через регулируемую инфраструктуру, пройти проверку и обособленный учёт, после чего быть конвертирована. Возможность её сохранения в составе имущества, передаваемого управляющей компании, требует отдельного ответа в Законе № 275-ФЗ и правилах инвестирования. По той же причине децентрализованную цифровую валюту нельзя объединять с долговыми ЦФА: за внешне сходной формой учёта стоят объекты с различным содержанием и набором рисков.

Переход цифрового дара в целевой капитал представляет собой не одну операцию, а несколько последовательных юридических преобразований. Квалификация объекта определяет возможность его принятия. Специальное переходное правило должно сохранить волю жертвователя при конвертации актива. Затем Закон № 275-ФЗ устанавливает, может ли полученная стоимость быть включена в целевой капитал, а нормы о доверительном управлении определяют пределы её дальнейшего инвестирования. При таком построении цифровая валюта остаётся способом совершения пожертвования, но не получает автоматически статуса портфельного актива.

Выводы

Цифровой дар не образует самостоятельного вида эндаумента. Это способ передачи имущества жертвователем, использование которого не изменяет правовой природы целевого капитала. Поэтому цифровая форма пожертвования сама по себе ничего не говорит о составе имущества, которое впоследствии будет передано в доверительное управление.

Правовой режим цифрового актива зависит от той функции, которую он выполняет на конкретной стадии. Сначала актив выступает предметом пожертвования, затем может временно находиться на обособленном учёте и стать объектом продажи. Инвестиционной позицией он становится только при наличии отдельного правового основания и надлежащего решения компетентного органа. Вопрос следует ставить не о разрешении либо запрете цифровых активов для некоммерческих организаций вообще, а о допустимости каждой совершаемой с ними операции.

Принятие Закона № 282-ФЗ иёзменяет исходную точку правовой дискуссии. Центральным становится уже не доказательство имущественной природы цифровой валюты, а согласование общего режима её обращения со специальной правоспособностью собственника целевого капитала. Приемлемая модель находится между двумя крайностями: полным отказом от цифровых пожертвований и автоматическим допуском любого цифрового актива в состав имущества, переданного в доверительное управление.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Неприкосновенность капитала не требует неизменности первоначально переданного объекта. Продажа цифровой валюты не нарушает воли жертвователя, если полученные средства сохраняют установленное назначение и поступают в целевой капитал в предусмотренном законом порядке. Напротив, сохранение исходного актива может противоречить интересам фонда, когда оно связано с чрезмерной волатильностью, концентрацией риска или ненадёжным хранением. Цифровая валюта и цифровые финансовые активы по этой причине не должны регулироваться как единая категория. Цифровой дар может быть быстрым; капитал, который он создаёт, должен оставаться долгим.

Список источников

1. Петрова М.А. Формирование и пополнение эндаумента – это высшая ступень благотворительности // Ректор вуза. 2025. № 1 (240). С. 41 – 43.

2. Посухова О.В. Эндаумент как мост между университетом, выпускниками и бизнесом: зрелая модель развития // Формирование и развитие фондов целевых капиталов в образовательных и научных организациях: теория и практика: сборник трудов Всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 2-3 октября 2025 г. СПб.: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2025. С. 50 – 58.

3. Состояние рынка эндаумент-фондов и перспективы его развития / Исследовательская группа ЦИРКОН; Благотворительный фонд Владимира Потанина. М.: ДПК Пресс, 2026. 88 с. ISBN 978-5-91976-305-5.

4. Петрова М.А. Обзор состояния рынка эндаументов на конец 2025 года: исследование, представленное в рамках пленарной дискуссии «Время целевых капиталов: ожидания и перспективы» Ассамблеи Национальной ассоциации эндаументов «Вечные вклады», Санкт-Петербург, 19 мая 2026 г. // Эндаумент МГИМО. 28 мая 2026 г. URL: https://fund.mgimo.ru/news/endowments_expo2026 (дата обращения: 10.07.2026)

5. Вечные ценности // Ведомости. Специальное приложение «Эндаументы: перспективы развития». 2026. С. 6. URL: https://cdn5.vedomosti.ru/application/2026/2v/57go/original-6q.pdf (дата обращения: 10.07.2026)

6. Фонды целевого капитала образовательных организаций высшего образования // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. URL: https://www.minobrnauki.gov.ru/about/deps/dep/funds/(дата обращения: 10.07.2026)

7. U.S. Higher Education Endowments Report Stable Returns, Increase Spending to $33.4 Billion in FY25 // National Association of College and University Business Officers. 12 February 2026. URL: https://www.nacubo.org/Press-Releases/2026/US-Higher-Education-Endowments-Report-Stable-Returns-Increase-Spending-to-33-4-Billion-in-FY25 (дата обращения: 10.07.2026)

8. Fidelity Charitable. 2026 Giving Report. 2026. URL: https://www.fidelitycharitable.org/content/dam/fc-public/docs/insights/2026-giving-report.pdf (дата обращения: 10.07.2026)

9. Fidelity Charitable. 2025 Giving Report. 2025. URL: https://www.fidelitycharitable.org/insights/2025-giving-report.html (дата обращения: 10.07.2026)

10. Обзор финансовых инструментов за 2025 год / Банк России. М., 2026. С. 25 – 26. URL: https://cbr.ru/collection/collection/file/59743/fi_review_2025.pdf (дата обращения: 10.07.2026)

11. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025), ст. 128 // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 10.07.2026)

12. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ, ст. 582 // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 5. Ст. 410. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/ (дата обращения: 10.07.2026)

13. Федеральный закон от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтёрстве)» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 33. Ст. 3340. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7495/ (дата обращения: 10.07.2026)

14. Федеральный закон от 30 декабря 2006 г. № 275-ФЗ «О порядке формирования и использования целевого капитала некоммерческих организаций» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 1 (ч. I). Ст. 38. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64939/ (дата обращения: 10.07.2026)

15. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: https://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007310056 (дата обращения: 10.07.2026)

16. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 января 2026 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности части 6 статьи 14 Федерального закона “О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации” в связи с жалобой гражданина Тимченко Дмитрия Игоревича» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202601210002 (дата обращения: 10.07.2026)

17. Федеральный закон от 4 августа 2026 г. № 282-ФЗ «О цифровых валютах и цифровых правах» // Официальный интернет-портал правовой информации. 4 августа 2026 г. URL: https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202608040007 (дата обращения: 15.08.2026)

18. Федеральный закон от 4 августа 2026 г. № 283-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу законодательных актов (отдельных положений законодательных актов) Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. 4 августа 2026 г. URL: https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202608040008 (дата обращения: 10.07.2026)

19. Uniform Prudent Management of Institutional Funds Act. Uniform Law Commission, 2006. URL: https://www.uniformlaws.org/committees/community-home?CommunityKey=043b9067-bc2c-46b7-8436-07c9054064a3 (дата обращения: 10.07.2026)

20. Charities Act 2011. UK Public General Act 2011. P. 25. URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2011/25/contents (дата обращения: 10.07.2026)

21. Charities Act 2022. UK Public General Act 2022, c. 6. URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2022/6 (дата обращения: 10.07.2026)

22. Investing Charity Money: A Guide for Trustees (CC14) // Charity Commission for England and Wales. URL: https://www.gov.uk/government/publications/charities-and-investment-matters-a-guide-for-trustees-cc14/charities-and-investment-matters-a-guide-for-trustees (дата обращения: 10.07.2026)

23. Internal Financial Controls for Charities (CC8) // Charity Commission for England and Wales. URL: https://www.gov.uk/government/publications/internal-financial-controls-for-charities-cc8/internal-financial-controls-for-charities (дата обращения: 10.07.2026)

24. Ley 50/2002, de 26 de diciembre, de Fundaciones // Boletín Oficial del Estado. 27 December 2002. No. 310. URL: https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-2002-25180 (дата обращения: 10.07.2026)

25. Regulation (EU) 2023/1114 of the European Parliament and of the Council of 31 May 2023 on Markets in Crypto-assets and Amending Regulations (EU) No. 1093/2010 and (EU) No. 1095/2010 and Directives 2013/36/EU and (EU) 2019/1937 // Official Journal of the European Union. 2023. L 150. P. 400 – 205. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2023/1114/oj/eng (дата обращения: 10.07.2026)

26. Loi n° 2008-776 du 4 août 2008 de modernisation de l’économie, art. 140 // Journal officiel de la République française. 5 août 2008. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/loda/article_lc/LEGIARTI000038610543 (дата обращения: 10.07.2026)

27. Faire un don en cryptomonnaie // CredoFunding. URL: https://www.credofunding.fr/fr/menu_item_pages/faire-un-don-bitcoin (дата обращения: 10.07.2026)

28. Bürgerliches Gesetzbuch, §§ 83b–84a // Bundesministerium der Justiz; Bundesamt für Justiz. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/BJNR001950896.html (дата обращения: 10.07.2026)

29. Judgment of the Court of Justice of the European Union of 22 October 2015, Skatteverket v David Hedqvist, Case C-264/14, ECLI:EU:C:2015:718. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:62014CJ0264 (дата обращения: 10.07.2026)

30. Crypto Donations // Florida International University Foundation. URL: https://give.fiu.edu/ways-to-give/crypto/(дата обращения: 10.07.2026)

31. Crypto Accepted at San Diego State University // San Diego State University. 13 January 2022. URL: https://www.sdsu.edu/news/2022/01/crypto-accepted-san-diego-state-university (дата обращения: 10.07.2026)

32. USC Receives Historic Cryptocurrency Gift // Keck School of Medicine of the University of Southern California. 24 May 2022. URL: https://keck.usc.edu/news/usc-receives-historic-cryptocurrency-gift/ (дата обращения: 10.07.2026)

33. Bitcoin and Cryptocurrency // Giving to MIT. URL: https://giving.mit.edu/bitcoin-and-cryptocurrency (дата обращения: 10.07.2026)

34. Making the Most of Your Assets // Harvard Alumni Association. 2026. URL: https://alumni.harvard.edu/community/stories/making-most-of-your-assets (дата обращения: 10.07.2026)

35. Gifts of Cryptocurrency // UC San Diego Foundation. URL: https://foundation.ucsd.edu/endowment-financials/instructions/instructions-for-crypto.html (дата обращения: 10.07.2026)

References

1. Petrova M.A. Formation and replenishment of endowment is the highest level of philanthropy. Rector of the University. 2025. No. 1 (240). P. 41 – 43.

2. Posukhova O.V. Endowment as a bridge between the university, graduates and business: a mature development model. Formation and development of target capital funds in educational and scientific organizations: theory and practice: collected papers of the All-Russian scientific and practical conference, St. Petersburg, October 2-3, 2025. St. Petersburg: POLYTECH-PRESS, 2025. P. 50 – 58.

3. The state of the endowment fund market and prospects for its development. ZIRCON Research Group; Vladimir Potanin Charitable Foundation. Moscow: DPK Press, 2026. 88 p. ISBN 978-5-91976-305-5.

4. Petrova M.A. Review of the endowment market at the end of 2025: research presented at the plenary discussion "The Time of Endowments: Expectations and Prospects" of the Assembly of the National Endowment Association "Eternal Deposits", St. Petersburg, May 19, 2026. Endowment MGIMO. May 28, 2026. URL: https://fund.mgimo.ru/news/endowments_expo2026 (date of access: 10.07.2026)

5. Eternal Values. Vedomosti. Special supplement "Endowments: Development Prospects". 2026. P. 6. URL: https://cdn5.vedomosti.ru/application/2026/2v/57go/original-6q.pdf (date of access: 10.07.2026)

6. Endowment funds for higher education institutions. Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. URL: https://www.minobrnauki.gov.ru/about/deps/dep/funds/ (date of access: 10.07.2026)

7. U.S. Higher Education Endowments Report Stable Returns, Increase Spending to $33.4 Billion in FY25. National Association of College and University Business Officers. February 12, 2026. URL: https://www.nacubo.org/Press-Releases/2026/US-Higher-Education-Endowments-Report-Stable-Returns-Increase-Spending-to-33-4-Billion-in-FY25 (date of access: 10.07.2026)

8. Fidelity Charitable. 2026 Giving Report. 2026. URL: https://www.fidelitycharitable.org/content/dam/fc-public/docs/insights/2026-giving-report.pdf (date of access: 10.07.2026)

9. Fidelity Charitable. 2025 Giving Report. 2025. URL: https://www.fidelitycharitable.org/insights/2025-giving-report.html (date of access: 10.07.2026)

10. Review of financial instruments for 2025. Bank of Russia. Moscow, 2026. P. 25 – 26. URL: https://cbr.ru/collection/collection/file/59743/fi_review_2025.pdf (date of access: 10.07.2026)

11. Civil Code of the Russian Federation (Part One) of November 30, 1994 No. 51-FZ (as amended on July 31, 2025), Art. 128. Collected Legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32. Art. 3301. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (date of access: 10.07.2026)

12. Civil Code of the Russian Federation (Part Two) of January 26, 1996 No. 14-FZ, Art. 582. Collected Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 5. Art. 410. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/ (date of access: 10.07.2026)

13. Federal Law of August 11, 1995 No. 135-FZ "On Charitable Activities and Volunteering". Collected Legislation of the Russian Federation. 1995. No. 33. Art. 3340. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7495/ (date of access: 10.07.2026)

14. Federal Law of December 30, 2006 No. 275-FZ "On the Procedure for the Formation and Use of Endowment Capital of Non-Commercial Organizations". Collected Legislation of the Russian Federation. 2007. No. 1 (Part I). Art. 38. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64939/ (date of access: 10.07.2026)

15. Federal Law of July 31, 2020 No. 259-FZ "On Digital Financial Assets, Digital Currency, and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation". Official Internet Portal of Legal Information. URL: https://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007310056 (date of access: 10.07.2026)

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

16. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of January 20, 2026 No. 2-P "On the case of verifying the constitutionality of Part 6 of Article 14 of the Federal Law "On Digital Financial Assets, Digital Currency and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" in connection with the complaint of citizen Dmitry Igorevich Timchenko". Official Internet Portal of Legal Information. URL: https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202601210002 (date of access: 10.07.2026)

17. Federal Law of August 4, 2026 No. 282-FZ "On Digital Currencies and Digital Rights". Official Internet Portal of Legal Information. August 4, 2026. URL: https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202608040007 (date of access: 10.07.2026)

18. Federal Law of August 4, 2026 No. 283-FZ "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation and the Invalidation of Legislative Acts (Certain Provisions of Legislative Acts) of the Russian Federation". Official Internet Portal of Legal Information. August 4, 2026. URL: https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202608040008 (date of access: 10.07.2026)

19. Uniform Prudent Management of Institutional Funds Act. Uniform Law Commission, 2006. URL: https://www.uniformlaws.org/committees/community-home?CommunityKey=043b9067-bc2c-46b7-8436-07c9054064a3 (date of access: 10.07.2026)

20. Charities Act 2011. UK Public General Act 2011. P. 25. URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2011/25/contents (date of access: 10.07.2026)

21. Charities Act 2022. UK Public General Act 2022, c. 6. URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2022/6 (date of access: 10.07.2026)

22. Investing Charity Money: A Guide for Trustees (CC14). Charity Commission for England and Wales. URL: https://www.gov.uk/government/publications/charities-and-investment-matters-a-guide-for-trustees-cc14/charities-and-investment-matters-a-guide-for-trustees (date of access: 10.07.2026)

23. Internal Financial Controls for Charities (CC8). Charity Commission for England and Wales. URL: https://www.gov.uk/government/publications/internal-financial-controls-for-charities-cc8/internal-financial-controls-for-charities (date of access: 10.07.2026)

24. Ley 50/2002, de 26 de diciembre, de Fundaciones. Boletín Oficial del Estado. 27 December 2002. No. 310. URL: https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-2002-25180 (date of access: 10.07.2026)

25. Regulation (EU) 2023/1114 of the European Parliament and of the Council of 31 May 2023 on Markets in Crypto-assets and Amending Regulations (EU) No. 1093/2010 and (EU) No. 1095/2010 and Directives 2013/36/EU and (EU) 2019/1937. Official Journal of the European Union. 2023. L 150. P. 40 – 205. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2023/1114/oj/eng (date of access: 10.07.2026)

26. Loi n° 2008-776 du 4 août 2008 de modernization de l'économie, art. 140. Journal officiel de la République française. 5 August 2008. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/loda/article_lc/LEGIARTI000038610543 (date of access: 10.07.2026)

27. Faire un don en cryptomonnaie. CredoFunding. URL: https://www.credofunding.fr/fr/menu_item_pages/faire-un-don-bitcoin (date of access: 10.07.2026)

28. Bürgerliches Gesetzbuch, §§ 83b–84a. Bundesministerium der Justiz; Bundesamt für Justiz. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/BJNR001950896.html (date of access: 10.07.2026)

29. Judgment of the Court of Justice of the European Union of 22 October 2015, Skatteverket v David Hedqvist, Case C-264/14, ECLI:EU:C:2015:718. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:62014CJ0264 (date of access: 10.07.2026)

30. Crypto Donations. Florida International University Foundation. URL: https://give.fiu.edu/ways-to-give/crypto/ (date of access: 10.07.2026)

31. Crypto Accepted at San Diego State University. San Diego State University. January 13, 2022. URL: https://www.sdsu.edu/news/2022/01/crypto-accepted-san-diego-state-university (date of access: 10.07.2026)

32. USC Receives Historic Cryptocurrency Gift. Keck School of Medicine of the University of Southern California. May 24, 2022. URL: https://keck.usc.edu/news/usc-receives-historic-cryptocurrency-gift/ (date of access: 10.07.2026)

33. Bitcoin and Cryptocurrency. Giving to MIT. URL: https://giving.mit.edu/bitcoin-and-cryptocurrency (date of access: 10.07.2026)

34. Making the Most of Your Assets. Harvard Alumni Association. 2026. URL: https://alumni.harvard.edu/community/stories/making-most-of-your-assets (date of access: 10.07.2026)

35. Gifts of Cryptocurrency. UC San Diego Foundation. URL: https://foundation.ucsd.edu/endowment-financials/instructions/instructions-for-crypto.html (date of access: 10.07.2026)

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Информация об авторе

Азиова Э.Ш., менеджер проектов Специализированного фонда управления целевым капиталом для развития МГИМО (Фонд развития МГИМО), Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации; член реестра юридического и аудиторско-консалтингового рынка в области маркетинга, развития, рекламы и PR «Точка опоры», ORCID ID: https://orcid.org/0009-0005-1121-0219, e.azizova@inno.mgimo.ru

© Азизова Э.Ш., 2026

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)
УДК 347.5:004.8
DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-6-166-174

Юридическая ответственность разработчиков и операторов ИИ-систем

[1] Воробьева Н.В.,
[1] Омский государственный университет путей сообщения

Аннотация: *в статье рассматривается институт юридической ответственности применительно к разработчикам и операторам ИИ-систем. Раскрывается правовая природа ИИ-систем как объектов правового регулирования; проанализированы дискуссии о правовом статусе искусственного интеллекта; выявлены особенности деликтной ответственности разработчиков (создателей) ИИ; охарактеризована специфика ответственности операторов (пользователей) ИИ-систем; изучены модели распределения ответственности между участниками при причинении вреда; проанализирована судебная практика и определены проблемы правового регулирования. Особое внимание уделено деликтной ответственности разработчиков ИИ: исследованы основания их привлечения по ст. 1095 ГК РФ за дефекты алгоритмов и некорректные обучающие выборки, выявлены проблемы доказывания причинно-следственной связи в условиях эффекта «черного ящика», а также обоснована необходимость распространения ответственности разработчика не только на этап создания системы, но и на весь период её эксплуатации. Рассмотрена специфика ответственности операторов ИИ-систем, которая в действующем правопорядке строится по модели владельца источника повышенной опасности (ст. 1079 ГК РФ); автор приходит к выводу, что такая конструкция становится фиктивной в условиях автономного ИИ, поскольку оператор объективно не может контролировать логику принятия решений алгоритмом в реальном времени.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект, ИИ-системы, юридическая ответственность, деликтная ответственность, разработчик ИИ, оператор ИИ, источник повышенной опасности, правосубъектность, распределение ответственности, судебная практика*

Для цитирования: Воробьева Н.В. Юридическая ответственность разработчиков и операторов ИИ-систем // International Law Journal. 2026. Том 9. № 6. С. 166 – 174. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-6-166-174

Поступила в редакцию: 16 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 14 августа 2026 г.; Принята к публикации: 2 октября 2026 г.

Legal liability of developers and operators of AI systems

[1] Vorob'eva N.V.,
[1] Omsk State Transport University

Abstract: *the article investigates the institution of legal liability as applied to developers and operators of AI systems. The study elucidates the legal nature of AI systems as objects of legal regulation; examines doctrinal debates concerning the legal status of artificial intelligence; identifies specific features of tort liability borne by AI developers (creators); characterizes the particularities of liability incumbent upon AI system operators (users); explores models for allocating responsibility among stakeholders in cases of harm; and analyzes judicial practice while pinpointing the deficiencies of current legal regulation. Special emphasis is placed on the tort liability of AI developers: the author scrutinizes the grounds for invoking Article 1095 of the Civil Code of the Russian Federation in cases of algorithmic defects and flawed training datasets, reveals the evidentiary challenges in establishing*

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

causation under the "black box" phenomenon, and justifies the extension of the developer's liability beyond the system's development phase to encompass its entire operational lifecycle. The specific nature of AI system operators' liability is examined, which under the prevailing legal framework is constructed upon the model of the keeper of a dangerous thing (Article 1079 of the Civil Code of the Russian Federation). The author arrives at the conclusion that this legal construction becomes nominal in the context of autonomous AI, given that the operator is objectively incapable of exercising real-time control over the algorithm's decision-making processes.

Keywords: *artificial intelligence, AI systems, legal liability, tort liability, AI developer, AI operator, source of increased danger, legal personality, distribution of responsibility, judicial practice*

For citation: Vorob'eva N.V. Legal liability of developers and operators of AI systems. International Law Journal. 2026. 9 (6). P. 166 – 174. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-6-166-174

The article was submitted: July 16, 2026; Approved after reviewing: August 14, 2026; Accepted for publication: October 2, 2026.

Введение

Современное общество переживает этап активной цифровой трансформации, где особое место занимает искусственный интеллект. Технологии ИИ проникают в экономику, промышленность, медицину и государственное управление. Благодаря их внедрению удается серьезно повысить эффективность работы, быстрее принимать решения и экономить ресурсы. Однако наряду с плюсами возникает много правовых вопросов, которые требуют осмысления и четкого регулирования.

Одной из самых сложных и острых проблем является определение ответственности за поступки ИИ-систем. В отличие от обычной техники, искусственный интеллект способен действовать самостоятельно и принимать решения без прямого участия человека. Из-за этого становится очень трудно понять, кто именно должен отвечать, если такой системой был причинен вред.

Чтобы правильно определить ответственность разработчиков и операторов, важно точно понимать, что представляет собой ИИ-система как объект правового воздействия. Легальное определение понятия «искусственный интеллект» пока только формируется – и в России, и за рубежом.

В Российской Федерации базовое определение закреплено в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года (Указ Президента РФ №490). Согласно этому документу, искусственный интеллект – это комплекс технологических решений, который позволяет имитировать когнитивные функции человека (в том числе поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или даже превосходящее их. В этот комплекс входят информационно-коммуникационная инфраструктура, программное обеспечение (включая то, где используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений [4].

Как отмечают исследователи, в правовой доктрине выделяют ключевые признаки ИИ-систем, важные для юридической квалификации: автономность, непрозрачность, адаптивность, виртуальность и физическую эфемерность [9]. Указанные признаки выражаются в том, что ИИ способен принимать решения без жестко заданного алгоритма в условиях неопределенности. Очень сложно или даже невозможно полностью объяснить, каким образом нейросеть пришла к конкретному решению. Система может самообучаться в процессе эксплуатации, то есть ее поведение меняется после передачи оператору. ИИ существует в виде кода (программного обеспечения), что затрудняет применение вещно-правовых конструкций [11].

Сегодня искусственный интеллект рассматривается как объект гражданских правоотношений. У него нет сознания, воли и способности отвечать за свои действия – это исключает возможность признавать его субъектом права.

Материалы и методы исследований

Эмпирическую базу исследования составили материалы судебной практики, акты арбитражных судов и судов общей юрисдикции Российской Федерации за 2023-2026 гг. («Банк решений арбитражных судов» и «ГАС Правосудие», а также в справочно-правовых системах «КонсультантПлюс» и «Гарант»). Дополнительно привлечены обзоры судебной практики, опубликованные в специализированных юридических изданиях (sudact.ru). Также были использованы информационно-аналитические ресурсы, материалы деловой и профессиональной прессы, отражающие актуальную практику применения ИИ-технологий и возникающие в связи с этим правовые коллизии.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Методологическая основа исследования обусловлена комплексным характером рассматриваемой проблематики, находящейся на стыке гражданского права, информационного права, теории правосубъектности и цифровой экономики. Для достижения поставленной цели и решения исследовательских задач в работе использован широкий спектр общенаучных и специально-юридических методов познания: формально-юридический, сравнительно-правовой, метод правового моделирования, контент анализ.

Исследование имеет ряд объективных ограничений. Во-первых, судебная практика по делам о причинении вреда автономными ИИ-системами в России на сегодняшний день крайне незначительна и не сформировала устоявшихся подходов у Верховного Суда РФ, что затрудняет прогнозирование правоприменительной практики. Во-вторых, законопроект об ИИ находится в стадии разработки, в связи с чем анализ строится на проектах и экспертных оценках, которые могут претерпеть изменения. В-третьих, технологическая динамика опережает законодательное регулирование, что делает отдельные выводы подверженными корректировке по мере появления новых прецедентов и нормативных актов.

Данное исследование выполнено с соблюдением принципов объективности, всесторонности и научной обоснованности, что обеспечивает достоверность полученных результатов и рекомендаций.

Результаты и обсуждения

С правовой точки зрения, ИИ-система – это сложный объект, который объединяет признаки результата интеллектуальной деятельности (программный код) и источника повышенной опасности (когда ИИ встроен в физические объекты: роботов, дроны, автомобили). Именно эта двойственность и создает главную сложность при определении того, кто должен отвечать за причиненный вред.

В действующем законодательстве Российской Федерации до сих пор нет специального правового регулирования искусственного интеллекта.

Вопрос о том, можно ли наделить ИИ правосубъектностью, вызывает много споров в современной юриспруденции. Можно выделить три основных подхода к определению правового статуса ИИ [11].

Первый подход – объектный (классический).

Его сторонники настаивают, что ИИ остается объектом права, разновидностью программного обеспечения. Как писал В.А. Лаптев, наделять ИИ правами субъекта – значит противоречить самой сути правоотношений, ведь носителем воли может быть только человек [9]. В рамках этого подхода вс ответственность ложится на того, кто использует ИИ как инструмент. В российском правопорядке на сегодняшний день преобладает именно этот подход. Однако возложение на оператора как на владельца источника повышенной опасности (ст. 1079 ГК РФ) в случае с автономным ИИ становится фикцией, так как оператор не может контролировать „опасность“, исходящую от алгоритма, в отличие от водителя, управляющего автомобилем.

Второй подход – субъектный (электронное лицо).

Наиболее ярко он выражен в Резолюции Европейского парламента от 16 февраля 2017 года с рекомендациями Комиссии по гражданско-правовым нормам о робототехнике. Европейские парламентарии предложили создать новый правовой статус – «электронное лицо» (electronic person) – и наделить им самых сложных автономных роботов, примерно, как юридическое лицо. Это позволило бы возлагать ответственность на самого робота. Однако позже от этой идеи отказались, посчитав ее преждевременной и опасаясь размывания классической субъектности.

Третий подход – промежуточный.

Он предполагает введение особого правового режима для ИИ-систем как объектов, требующих повышенного надзора, и создание специальных фондов ответственности. ИИ рассматривается не как субъект, а как источник повышенной опасности, который функционирует на основе алгоритмов, меняющихся во времени.

На сегодня ни одна юрисдикция в мире не наделила ИИ полноценной правосубъектностью. Но дискуссии о признании за ИИ «электронной правосубъектности» в ограниченных пределах (например, для целей страхования ответственности) продолжаются. Для решения этого вопроса о распределении ответственности между разработчиком и оператором понимание статуса ИИ очень важно: если ИИ – это просто инструмент, отвечает оператор; если же ИИ – сложный с элементами самообучения, возникает ситуация, когда вред причинен действиями системы, которые не предвидели ни разработчик, ни оператор. На практике же чаще всего применяется подход, при котором ответственность возлагается на человека.

Разработчик искусственного интеллекта – ключевой участник процесса создания системы. Именно он определяет архитектуру алгоритмов, принципы обработки данных и логику работы системы. В связи с этим на разработчика возлагается значительная часть ответственности.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

В российском праве эта ответственность носит в основном гражданско-правовой характер и опирается на нормы об ответственности за недостатки товаров, работ или услуг, закрепленные в Гражданском кодексе РФ [1].

Классический случай, попадающий под действие ст. 1095 ГК РФ [1, ст. 1095], – дефект кода, заложенный в систему до ее передачи оператору. Если доказано, что вред наступил из-за ошибки в архитектуре нейросети или некорректного набора обучающих данных, ответственность полностью ложится на разработчика. При этом, в отличие от обычных товаров, где недостаток виден сразу, дефект алгоритма может быть скрытым и проявиться только в процессе долгой эксплуатации.

В отличие от обычного программного обеспечения, ИИ-системы с функцией самообучения требуют постоянного мониторинга и обновлений. Возникает вопрос: обязан ли разработчик отвечать за вред, причиненный системой после того, как оператор обучил ее на своих данных, которые разработчику недоступны? В российской доктрине обсуждается концепция «контролера риска»: разработчик должен обеспечивать безопасность системы на протяжении всего срока эксплуатации, если только договором не предусмотрено иное.

Поскольку ИИ обучается на массивах данных (датасетах), разработчик отвечает за предвзятость алгоритмов. Если изначальная обучающая выборка содержала дискриминационные признаки (например, отказ в кредите по критериям, не предусмотренным законом), то ответственность за ущерб от таких решений должен нести разработчик. Это может привлечь как гражданско-правовую, так и административную ответственность – в случае нарушения требований законодательства о защите персональных данных (ФЗ «О персональных данных») [5].

Привлечь разработчика к ответственности сложно из-за доказывания причинно-следственной связи. В условиях автономности ИИ потерпевший часто не может доказать, что вред произошел именно из-за изначальной ошибки разработчика, а не из-за особенностей эксплуатации или последующего самообучения системы. Российский арбитражный процесс требует от истца убедительных доказательств, а в сфере высоких технологий это далеко не всегда возможно.

Оператор ИИ-системы – это лицо, которое непосредственно использует ее в своей деятельности. Его задача – правильно эксплуатировать систему, контролировать ее работу и оценивать полученные результаты.

В российском правопорядке оператор рассматривается как владелец источника повышенной опасности. Согласно ст. 1079 ГК РФ [1, ст. 1079], ответственность за вред, причиненный таким источником, возлагается на того, кто владеет им на праве собственности или ином законном основании. Если ИИ встроен в беспилотный автомобиль, промышленного робота или дрон, оператор будет отвечать за причиненный ими вред даже при отсутствии своей вины (ответственность независимо от вины).

В доктрине выделяются следующие позиции: в классическом понимании источник повышенной опасности – это объект, подчиняющийся воле человека. Автономный ИИ, принимающий решения в реальном времени, лишь частично подчиняется оператору. У оператора может не быть технической возможности предотвратить вред, если алгоритм принял неверное решение. Тем не менее, по действующему ГК РФ именно оператор является для потерпевшего самой доступной стороной и отвечает перед ним в полном объеме.

Вопрос привлечения оператора к уголовной ответственности за действия ИИ стоит особенно остро. Уголовное право РФ базируется на принципы вины. Если вред причинен автономной системой, возникает вопрос: чья же вина? Тут могут возникнуть две ситуации.

Первая, если оператор халатно относился к своим обязанностям по контролю (например, игнорировал предупреждения системы о неисправности), возможна квалификация по статьям о неосторожных преступлениях – в частности, по ст. 264 УК РФ (нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств) для ДТП с беспилотником, если оператор должен был вмешаться [3, ст. 264].

Вторая, если оператор использовал ИИ как инструмент для умышленного преступления (например, настроил дрон для атаки на объект), он отвечает как исполнитель преступления.

Проблема возникает в ситуациях, когда ни оператор, ни разработчик не хотели причинения вреда, но система действовала автономно в рамках легального задания. В таких случаях уголовное право не дает четких механизмов квалификации – это явный пробел.

Административное законодательство (КоАП РФ [2]) тоже исходит из принципа ответственности владельца транспортного средства или оборудования. Например, при фиксации нарушений правила дорожного движения автоматическими камерами (которые, по сути, тоже элемент ИИ) ответственность несет собственник транспортного средства.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Поскольку ИИ-система – это результат совместных усилий разработчика и оператора, главная практическая проблема состоит в том, чтобы справедливо распределить между ними ответственность.

В России выделяют несколько основных моделей распределения [10]:

Оператор рассматривается как наиболее доступная для потерпевшего сторона. Согласно ст. 1081 ГК РФ [1, ст. 1081], оператор, возместивший вред от источника повышенной опасности, имеет право регресса к лицу, виновному в причинении вреда. То есть оператор сначала компенсирует ущерб потерпевшему, а потом предъявляет иск разработчику, если докажет, что вред возник из-за конструктивных или алгоритмических недостатков. Эта модель удобна для потерпевших, но создает риски для операторов – они могут оказаться «заложниками» скрытых дефектов алгоритмов, которые не в состоянии вовремя обнаружить.

Разработчик и оператор несут солидарную ответственность перед потерпевшим [1, ст. 1080]. Потерпевший вправе требовать возмещения вреда как от обоих, так и от любого из них в полном объеме. Эта модель обоснована тем, что часто невозможно определить, чьи именно действия (ошибка разработчика или неправильное использование оператором) привели к вреду. Однако с точки зрения справедливости она может быть слишком обременительной для разработчика, если вред произошел по вине оператора. Поэтому применять ее нужно осторожно.

Ряд исследователей предлагают принять специальное регулирование, которое устанавливало бы разный объем ответственности в зависимости от степени риска ИИ-системы и возможностей контроля со стороны оператора. Для высокорисковых систем (беспилотный транспорт, медицинская диагностика) предлагается возлагать повышенную ответственность на разработчика – ведь именно он определяет алгоритмы, а оператор имеет ограниченные возможности для вмешательства.

Существенное значение для понимания механизма ответственности разработчиков и операторов ИИ-систем имеет анализ судебной практики. Несмотря на то, что количество дел, напрямую связанных с искусственным интеллектом, пока остается ограниченным, уже имеются судебные акты, в которых рассматриваются споры, связанные с использованием сложных программных продуктов и автоматизированных систем.

Рассмотрим примеры из судебной практики, в мае 2026 г. Арбитражный суд Западно-Сибирского округа оштрафовал ООО «ЦСС» на 50 тысяч рублей за использование при составлении кассационной жалобы нейросети (дело № А27-7831/2025 [7]). Юристы компании привели ссылки на несуществующие судебные акты с прямыми цитатами из них. Суд указал, что ответственность за достоверность сгенерированного текста несет лицо, использовавшее технологию.

Также есть громкие случаи, связанные с использованием ИИ-систем, за рубежом [6]. В 2019 г. в Ки-Ларго (Флорида) Tesla Model S с включенным автопилотом сбила 22-летнюю Нэйбел Бенавидес Леон, которая вместе с парнем Диллоном Ангуло наблюдала за звездами. Девушка погибла, молодой человек получил серьезные травмы. Автомобиль двигался на скорости около 100 км/ч, проигнорировав знак «стоп» и красный свет светофора. В 2025 г. суд присяжных обязал Tesla выплатить $243 млн: $200 млн штрафов, $19,5 млн семье погибшей и $23,1млн пострадавшему. Присяжные признали компанию частично виновной в аварии из-за несовершенства системы автопилота. По мнению истцов, Tesla преувеличила возможности своей системы, не обновила ее после предыдущих аварий и разрешила использовать на дорогах, для которых она не предназначена. Также утверждалось, что компания сознательно не ограничивала использование автопилота вне автомагистралей, хотя система была разработана только для них.

Tesla заявила, что водитель в момент ДТП был отвлечен (он тянулся за упавшим телефоном), а система не получила предупреждений от автопилота. Компания назвала вердикт «неверным» и заявила о намерении обжаловать его, утверждая, что решение тормозит развитие технологий безопасности. Водитель Джордж Макги ранее рассчитался с истцами (семьей погибшей Найбел Бенавидес Леон и пострадавшим Диллоном Ангуло) в рамках отдельного соглашения. Это произошло до вынесения вердикта присяжных в августе 2025 г., который обязал Tesla выплатить компенсацию в размере $243 млн.

Правовой вывод: производитель системы ИИ (в данном случае Tesla) может быть привлечен к ответственности за недостатки своей технологии, если они привели к аварии и причинению вреда. Суд признал компанию частично виновной (33% ответственности) в смертельном ДТП из-за несовершенства системы автопилота. Это стало первым федеральным делом в США, где компанию признали ответственной за аварию с участием ее системы автопилота.

Таким образом, суд присудил штрафы, которые в разы превышают компенсацию ущерба: суд наказал не столько за сам вред, сколько за поведение компании (преувеличение характеристик, непредоставление обновлений). Ответственность наступает не за ошибку ИИ, а за недобросовестность разработчика.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Российская судебная практика по ответственности за ИИ активно формируется с 2024-2026 годов и в основном касается авторских прав, дипфейков, потребительских споров и использования ИИ как инструмента. Суды последовательно возлагают ответственность на операторов и владельцев, подчеркивая, что ИИ – лишь инструмент, а не субъект права.

Ключевой прецедент – дело ООО «Рефейс технолоджис» против ООО «Бизнес-аналитика» (Арбитражный суд Москвы, решение от 30.11.2023, подтверждено Девятым ААС 08.04.2024 № 09АП-642/24 и Судом по интеллектуальным правам). Компания «Бизнес-аналитика» использовала в рекламе дипфейк-видео с Киану Ривзом без согласия правообладателя. Ответчик утверждал, что ролик создан нейросетью и не является объектом авторского права. Суд отклонил доводы: технология дипфейк – это «дополнительный инструмент обработки и технического монтажа», а не способ создания. Первичный творческий вклад (сценарий, съемка, звук) принадлежит людям. Компанию обязали выплатить 500 тыс. руб. компенсации. Это первое в России решение, признавшее дипфейк объектом авторского права и возложившее ответственность на оператора, использовавшего ИИ.

Аналогичный подход в деле № А56-52652/2024 (постановление 13ААС от 27.01.2025). Продавец на маркетплейсе использовал изображение, сгенерированное нейросетью, которое нарушало исключительные права на оригинальную фотографию. Ответчик ссылался на то, что картинка «существенно отличается» и создана ИИ. Суд постановил, что использование нейросети не освобождает от гражданско-правовой ответственности за нарушение интеллектуальных прав. Вина лежит на операторе, применившем ИИ.

В сфере потребительских отношений яркий пример – дело о роботе-коллекторе (банковские звонки должникам). Банк использовал ИИ для автоматических звонков, не раскрывая, что общается не человек. Суд квалифицировал это как нарушение прав потребителей и привлек банк к административной ответственности. Для взаимодействия с ИИ, когда гражданин не подозревает об автоматизации, требуется отдельное письменное согласие. Ответственность полностью возложена на оператора (банк), а не на разработчика модели.

Еще один кейс 2025 года – дело № А60-8560/2025 (Арбитражный суд Свердловской области). Правообладатель взыскивал компенсацию за использование фото на сайте. Ответчик утверждал, что изображение сгенерировано ИИ или взято «из интернета». Суд указал, что голословная ссылка на использование ИИ без подтверждения происхождения изображения не освобождает от ответственности.

В деле о клевете 2025-2026 гг. владелец компаний Олег Иванов обнаружил на портале Torzhok.Pro оскорбительную статью, сгенерированную ИИ (сравнение с Гитлером и Зеленским). Редакция ссылалась на то, что материал создан нейросетью, содержал оговорку об ИИ и не указывал имени. Суды возложили всю ответственность на редакцию как оператора. ИИ не освобождает от ответственности за распространение порочащих сведений.

Суды также отказываются использовать ИИ для анализа доказательств, практика 2026 года. Оценка – компетенция судьи, а не алгоритма. В одном арбитражном деле истец сам отозвал ИИ-генерированные изображения после предупреждения о возможной фальсификации.

Пока прямых дел о «галлюцинациях» моделей или ошибках разработчиков мало, но практика показывает, что ответственность чаще всего ложится на оператора конечного сервиса. Законопроект 2026 года закроет пробелы и усилит требования к разработчикам.

Правовой вывод: использование ИИ для подготовки юридических документов не освобождает от ответственности за достоверность информации. Лицо, подписавшее документ, несет ответственность за его содержание. Таким образом возникает новый вид вреда: информационный, который не укладывается в классический имущественный вред, что требует отдельного правового осмысления.

К 2027 году ожидается ужесточения, такие как обязательное раскрытие данных обучения, усиление контроля за риски ошибок ИИ и интеграция с ГК РФ.

Перспективы развития регулирования ответственности разработчиков и операторов ИИ-систем в России тесно связаны с принятием и реализацией законопроекта 2026 г. Минцифры и другие ведомства подготовят пакет подзаконных актов: методики оценки рисков, стандарты маркировки контента, требования к аудиту моделей и порядок досудебного оспаривания решений ИИ. К 2028-2030 гг. прогнозируется полная интеграция норм закона с ГК РФ в части интеллектуальной собственности и ответственности за вред, ФЗ о персональных данных и новыми ГОСТами по информационной безопасности ИИ-систем. Особое внимание будет уделено развитию национальных моделей ИИ. Государство планирует предоставлять гранты, налоговые льготы и доступ к государственным дата-центрам компаниям, которые локализуют разработку на 100 %.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

В долгосрочной перспективе на 2027-2030 гг. ожидается ужесточение контроля за высокорисковыми системами (медицина, финансы, госуправление, образование). Появятся обязательные отраслевые стандарты Responsible AI, включая ежегодные независимые аудиты и публичные реестры ИИ-сервисов. Судебная практика, опираясь на новый закон, станет более предсказуемой: суды будут чаще взыскивать компенсации с операторов за отсутствие маркировки или недостаточный мониторинг, а с разработчиков – за поставку моделей с известными уязвимостями. Одновременно государство продолжит стимулировать инновации созданием специальных регуляторных «песочниц» для тестирования новых ИИ-решений без жестких ограничений, развитием отечественных фреймворков explainable AI и интеграцию с национальной программой «Цифровая экономика».

Выводы

Ответственность разработчиков и операторов ИИ-систем в России – это не абстрактная этика, а конкретная правовая обязанность, подтверждаемая судебной практикой. Дела о дипфейках, авторских правах, роботах-коллекторах и клевете четко показывают, что ИИ остается инструментом, а вся вина ложится на человека или компанию, его применившую. Граждане получают реальные механизмы защиты – от компенсации вреда до отказа от ИИ-обслуживания. Баланс инноваций и безопасности возможен только при строгом соблюдении закона. В 2026-2027 гг. российские компании, игнорирующие эти требования, рискуют не только штрафами и исками, но и потерей доверия общества. Ответственный подход к ИИ позволит технологиям служить развитию страны, а не создавать новые угрозы.

Правовая природа ИИ не позволяет однозначно отнести его ни к объектам права, ни тем более наделить его субъектностью. Представляется обоснованным для российского правопорядка выглядит подход к ИИ как к сложному объекту, особому виду программного обеспечения, который при интеграции в физические устройства становится источником повышенной опасности. Это автоматически влечет необходимость сочетать режимы ответственности производителя и владельца, что на практике далеко не всегда просто реализовать.

Что касается ответственности разработчиков, то она, по общему правилу, должна распространяться не только на этап создания системы, но и на ее последующее сопровождение. Особенно это важно с учетом способности современных ИИ-систем к самообучению. Однако на практике доказать это крайне сложно из-за эффекта «черного ящика» и отсутствия у потерпевшего доступа к исходному коду. Возникает интересная коллизия: как можно привлечь к ответственности за алгоритм, который никто не может понять (включая самого разработчика)? Это ключевой юридический вызов, который роднит право с философией науки.

Ответственность операторов на сегодняшний день остается основной формой защиты прав потерпевших, поскольку оператор – это наиболее доступная для взыскания сторона. В долгосрочной перспективе сохранение принципа строгой ответственности оператора без учета реальной степени автономности ИИ является чрезмерно обременительным для оператора. Оператор, не имеющий возможности влиять на алгоритм, фактически становится заложником чужих ошибок.

Перспективным направлением видится внедрение солидарной ответственности с последующим правом регресса, а также создание специальных компенсационных фондов и введение обязательного страхования, которое покрывало бы риски, связанные с автономным принятием решений искусственным интеллектом.

Анализ судебной практики, которая пока находится на самом начальном этапе, показывает, что суды в отсутствие специального законодательного регулирования вынуждены применять общие нормы законодательства. Это неизбежно приводит к правовой неопределенности, затягиванию процессов и вынесению не всегда предсказуемых решений. Как российские, так и зарубежные кейсы демонстрируют, что судьи пытаются подогнать старые нормы под новые реалии, но сделать это без пробелов и противоречий практически невозможно.

Список источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 12.07.2026)

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 12.07.2026)

3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. Федерального закона от 17 ноября 2025 г. № 420-ФЗ) // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 12.07.2026)

4. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // Собрание законодательства РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

5. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 12.07.2026)

6. Кильдюшкин Р. Tesla обязали выплатить американцу сотни миллионов долларов за страшное ДТП // газета.ru: [сайт]. URL: https://www.gazeta.ru/tech/news/2025/08/03/26410310.shtml (дата обращения: 12.07.2026)

7. Некрасова Е. Арбитражный суд оштрафовал компанию за использование ИИ при составлении жалобы // Гарант.ру: [сайт]. URL: https://www.garant.ru/news/2091320/ (дата обращения: 12.07.2026)

8. Решение от 10 апреля 2024 г. по делу № А40-88118/2023 // СудАкт: [сайт]. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/kLEVh9Z5F8QX/?ysclid=mpcfz12rr1363954944 (дата обращения: 12.07.2026)

9. Лаптев В.А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 2. С. 79 – 102.

10. Селиванова Е.С., Саркисян В.В. Правовые модели ответственности за вред, причиненный системами ИИ: основания, механизмы и критерии формирования // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2025. № 3. С. 68 – 77.

11. Правосубъектность искусственного интеллекта // alrf.ru: [сайт]. URL: https://alrf.ru/articles/pravosubektnost-iskusstvennogo-intellekta/ (дата обращения: 12.07.2026)

12. В законопроекте об ИИ усилили обязанности и ответственность. 07.04.2026. URL: https://www.cnews.ru/news/top/2026-04-07_v_zakonoproekt_ob_ii_vnesli (дата обращения: 12.07.2026)

13. Consultant.ru. Ответственность при работе с искусственным интеллектом. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_529215/ (дата обращения: 12.07.2026)

14. Delprof.ru. Судебная практика по вопросам искусственного интеллекта. 12.01.2026. URL: https://delprof.ru/press-center/experts-pubs/sudebnaya-praktika-po-voprosam-iskusstvennogo-intellekta-2025/ (дата обращения: 12.07.2026)

15. Garant.ru. Минцифры разработало проект закона об ИИ. URL: https://www.garant.ru/news/2024115/ (дата обращения: 12.07.2026)

16. Law.ru. Как изменились подходы судов в 2026 году. URL: https://www.law.ru/article/28801-sudebnaya-praktika-primeneniya-ii-v-kachestve-dokazatelstv (дата обращения: 12.07.2026)

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part Two) of January 26, 1996, No. 14-FZ. ConsultantPlus: [website]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (date of access: 12.07.2026)

2. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of December 30, 2001, No. 195-FZ. Consultant-Plus: [website]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (date of access: 12.07.2026)

3. Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 No. 63-FZ (as amended by Federal Law of November 17, 2025 No. 420-FZ). ConsultantPlus: [website]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (date of access: 12.07.2026)

4. Decree of the President of the Russian Federation of 10.10.2019 No. 490 (as amended on 15.02.2024) "On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation" (together with the "National Strategy for the Development of Artificial Intelligence for the Period up to 2030"). Collected Legislation of the Russian Federation. 2019. No. 41. Article 5700.

5. Federal Law of July 27, 2006 No. 152-FZ "On Personal Data". Consultant-Plus: [website]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (date of access: 12.07.2026)

6. Kildyushkin R. Tesla ordered to pay American hundreds of millions of dollars for terrible accident. gazeta.ru: [website]. URL: https://www.gazeta.ru/tech/news/2025/08/03/26410310.shtml (date of access: 12.07.2026)

7. Nekrasova E. Arbitration court fined company for using AI in filing complaint. Garant.ru: [website]. URL: https://www.garant.ru/news/2091320/ (date of access: 12.07.2026)

8. Decision of 10 April 2024 in case No. A40-88118/2023. SudAkt: [website]. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/kLEVh9Z5F8QX/?ysclid=mpcfz12rr1363954944 (date of access: 12.07.2026)

9. Laptev V.A. Concept of Artificial Intelligence and Legal Liability for Its Operation. Journal of the Higher School of Economics. 2019. No. 2. P. 79 – 102.

10. Selivanova E.S., Sargsyan V.V. Legal Models of Liability for Harm Caused by AI Systems: Grounds, Mechanisms, and Formation Criteria. Bulletin of the Law Faculty of the Southern Federal University. 2025. No. 3. P. 68 – 77.

11. Legal Personality of Artificial Intelligence. alrf.ru: [website]. URL: https://alrf.ru/articles/pravosubektnost-iskusstvennogo-intellekta/ (date of access: 12.07.2026)

12. The AI Bill Strengthens Duties and Responsibilities. 07.04.2026. URL: https://www.cnews.ru/news/top/2026-04-07_v_zakonoproekt_ob_ii_vnesli (date of access: 12.07.2026)

13. Consultant.ru. Liability When Working with Artificial Intelligence. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_529215/ (date of access: 12.07.2026)

14. Delprof.ru. Judicial practice on artificial intelligence issues. 12.01.2026. URL: https://delprof.ru/press-center/experts-pubs/sudebnaya-praktika-po-voprosam-iskusstvennogo-intellekta-2025/ (date of access: 12.07.2026)

15. Garant.ru. The Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media has developed a draft law on AI. URL: https://www.garant.ru/news/2024115/ (date of access: 12.07.2026)

16. Law.ru. How the approaches of the courts have changed in 2026. URL: https://www.law.ru/article/28801-sudebnaya-praktika-primeneniya-ii-v-kachestve-dokazatelstv (date of access: 12.07.2026)

Информация об авторе

Воробьева Н.В., доктор исторических наук, профессор, Омский государственный университет путей сообщения, nat.vorobiova@gmail.com

© Воробьева Н.В., 2026

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)
УДК 342.7
DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-6-175-181

Конституционно-правовые пределы реализации презумпции согласия на посмертное донорство

[1] Казанцева О.Л., [1] Еремейкина Л.Л.,
[1] Алтайский государственный университет

Аннотация: *в статье анализируется двойственная природа презумпции согласия на посмертное донорство. С одной стороны, она признается допустимым инструментом государственной политики в области здравоохранения, направленным на спасение жизней, а с другой – потенциальной угрозой нарушения фундаментальных конституционных прав человека. Институционализация посмертного донорства в современной медицине базируется на его восприятии как социально одобряемой формы проявления гуманизма. Функционирование системы донорства органов коррелирует с положительной динамикой демографических показателей и ростом качества жизни в социуме. В клинической практике трансплантация нередко является безальтернативным терапевтическим решением для пациентов с терминальными патологиями. Однако развитие технологий трансплантации сталкивается с тремя основными барьерами. Во-первых, это опасения по поводу злоупотреблений при диагностике смерти мозга и возможной криминализации сферы донорства. Во-вторых, религиозные и этические нормы, настаивающие на сохранении целостности организма. И, наконец, естественный страх смерти и изъятия органов. Авторами отмечается важность поиска баланса между презумпцией согласия и правом на неприкосновенность тела, обосновывается, что презумпция согласия конституционна лишь при условии информированности граждан. Государство обязано разъяснять право на отказ. В свою очередь согласие на посмертное донорство должно выражаться в явной форме, а не быть «по умолчанию». В противном случае «молчаливое согласие» будет являться следствием юридической неграмотности, неосведомленности, а не осознанным актом волеизъявления. В статье даются практические рекомендации по законодательному и организационно-правовому совершенствованию данного института.*

Ключевые слова*: презумпция согласия, посмертное донорство, органы и ткани человека, телесная неприкосновенность, достоинство личности, конституционное право на жизнь*

Для цитирования: Казанцева О.Л., Еремейкина Л.Л. Конституционно-правовые пределы реализации презумпции согласия на посмертное донорство // International Law Journal. 2026. Том 9. № 6. С. 175 – 181. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-6-175-181

Поступила в редакцию: 16 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 14 августа 2026 г.; Принята к публикации: 2 октября 2026 г.

The constitutional and legal limits of implementing the presumption of consent to posthumous donation

[1] Kazantseva O.L., [1] Eremeikina L.L.,
[1] Altai State University

Abstract: *the article analyzes the dual nature of the presumption of consent to post-mortem donation. On the one hand, it is recognized as an acceptable instrument of public health policy aimed at saving lives, and, on the other, as a potential threat of violation of fundamental constitutional human rights. The institutionalization of posthumous donation in modern medicine is based on its perception as a socially acceptable form of humanism. The functioning of the organ donation system correlates with the positive dynamics of demographic indicators and an*

increase in the quality of life in society. In clinical practice, transplantation is often an alternative therapeutic solution for patients with terminal pathologies. However, the development of transplantation technologies faces three main barriers. First, there are concerns about abuse in the diagnosis of brain death and the possible criminalization of donation. Secondly, religious and ethical norms that insist on preserving the integrity of the body. And finally, the natural fear of death and organ harvesting. The authors note the importance of finding a balance between the presumption of consent and the right to inviolability of the body, substantiating that the presumption of consent is constitutional only if citizens are informed. The State is obliged to explain the right of refusal. In turn, consent to posthumous donation should be expressed explicitly, and not be "by default." Otherwise, "tacit consent" will be the result of legal illiteracy, ignorance, and not a conscious act of will. The article provides practical recommendations on legislative and organizational and legal improvement of this institution.

Keywords: *presumption of consent, posthumous donation, human organs and tissues, bodily integrity, personal dignity, constitutional right to life*

For citation: Kazantseva O.L., Eremeykina L.L.The constitutional and legal limits of implementing the presumption of consent to posthumous donation. International Law Journal. 2026. 9 (6). P. 175 – 181. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-6-175-181

The article was submitted: July 16, 2026; Approved after reviewing: August 14, 2026; Accepted for publication: October 2, 2026.

Введение

Институционализация посмертного донорства органов и тканей в современной России представляет собой одну из самых актуальных проблем инновационной российской медицины и права [1-5].

В 2025 г. в России выполнено более 3800 трансплантаций органов, из них 320 операций проведены детям, что свидетельствует о востребованности данной процедуры [6]. Однако отношение в обществе к посмертному донорству складывается неоднозначное, и на это есть ряд объективных причин [7].

Как справедливо отмечается в юридической доктрине, данный институт имеет двойственную природу: с одной стороны, он выступает безальтернативным терапевтическим инструментом для пациентов с терминальными патологиями и признается допустимым средством реализации демографической функции государства, а с другой – несет в себе потенциальную угрозу нарушения фундаментальных прав человека, таких как право на жизнь, достоинство, здоровье и физическую неприкосновенность, признаваемыми традиционными российскими духовно-нравственными ценностями и находящимися под защитой государства [8]. Понятием «физическая неприкосновенность» охватывается «не только прижизненный период существования человеческого организма, но и создаются необходимые предпосылки для правовой охраны тела умершего человека» [9]. Уважение к телесной целостности личности не должно прекращаться в момент ее физической кончины. Особого внимания требует защита прав тех умерших лиц, которые при жизни не оставили явного нотариально удостоверенного отказа от изъятия органов, чей отказ не был зафиксирован или не был найден медицинскими работниками в критический ситуации. Игнорирование их воли создает опасный вакуум, заполняемый административным усмотрением.

Действующее правовое регулирование, базирующееся на презумпции согласия на посмертное донорство, требует доработки, поскольку порождает юридические сложности. В связи с отсутствием четкого механизма фиксации волеизъявлений граждан по вопросу посмертного донорства невозможно оперативно провести проверку воли умершего врачами в условиях жесткого дефицита времени. Порядок учета мнения супруга или близких не устанавливает процедуру информирования семьи, сроков предоставления возражений. Это порождает конфликты в ситуациях, когда родственники узнают об изъятии органов и (или) тканей постфактум, негативно воспринимая действия врачей.

Большинство граждан просто не знают о существовании презумпции согласия. Отсутствие масштабных кампаний по просвещению граждан, информационная закрытость системы здравоохранения, возможность злоупотреблений со стороны медицинского персонала, обладающим специальными медицинскими познаниями, усиливают общественные страхи перед криминализацией сферы донорства.

В этих условиях так называемое «молчаливое согласие» перестает быть осознанным актом автономии воли дееспособного субъекта. Презумпция согласия может считаться конституционной лишь тогда, когда она опирается на гарантированное государством информированное согласие, то есть добровольный выбор гражданина. Согласие на посмертное донорство должно выражаться в явной форме, а процедура проверки отсутствия отказа должна быть строго регламентирована.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Цель исследования – анализ конституционно-правовых пределов реализации презумпции согласия в российском законодательстве. Авторы ставят задачу выйти за рамки традиционного противопоставления частных и публичных интересов, предложив механизмы совершенствования законодательства, которые обеспечат баланс между необходимостью развития национальной трансплантологии и безусловным соблюдением прав не только живых граждан, но и умерших лиц, чья последняя воля оказалась недоступна для установления. Особое внимание в работе уделяется разработке защищенных цифровых реестров волеизъявлений, уточнению статуса участников отношений и выстраиванию прозрачной системы коммуникации медицинских организаций с родственниками умершего.

Задачи – провести исследование правового закрепления презумпции согласия на посмертное донорство, раскрыть юридическую природу данного института, выявить проблемы, возникающие при реализации действующего законодательства, исследовать правовые позиции Конституционного Суда РФ и сформулировать предложения о необходимости продолжения совершенствования правового регулирования, направленного на устранение правовой неопределенности, создание единого федерального цифрового реестра волеизъявлений граждан.

Гипотеза – введение официального реестра лиц, отказавшихся от посмертного донорства, массовое информирование граждан о праве на отказ, урегулирование порядка информирования родственников умершего и предоставления им права на выражение своей воли относительно изъятия органов и тканей создаст условия к переходу от «презумпции согласия» к модели «испрошенного согласия», что минимизирует риски нарушения конституционных прав граждан и повысит доверие граждан к медицинской деятельности.

Материалы и методы исследований

Исследование базируется на формально-юридическом, сравнительно-правовом и синергетическом методах, используемых при анализе положений Конституции РФ (ст. 2, 21), Федеральных законов № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011, № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека» от 22.12.1992, № 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле» от 12.01.1996, а также применяются методы правовой герменевтики для интерпретации правовых позиций Конституционного Суда РФ в исследуемой сфере.

Результаты и обсуждения

Конституция РФ провозглашает человека, его права и свободы высшей ценностью (ст. 2), а также охраняет достоинство человека (ст. 21) [10]. Именно достоинство человека как разумного и духовного существа подвергается нивелированию и деформации в эпоху трансгуманизма, когда организм перестает быть целостным из-за внедрения в него технических средств, а значимость ограничения медицинских вмешательств практически отрицается [11].

Безусловно, сохранение донорских органов и тканей имеет важное значение для спасения пациентов, находящихся в терминальном состоянии. Тем не менее, этот вопрос сопряжен с серьезной этической дилеммой. С одной стороны, трансплантация – это гуманный способ продления жизни, с другой – существует риск злоупотреблений. Несовершенство законодательства, отсутствие независимого контроля и наличие специфических медицинских знаний создают почву для деятельности «черных трансплантологов», которые могут использовать ложную констатацию смерти в преступных целях, что ведет к криминализации данной сферы.

В соответствии с ч. 6-9 ст. 47 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [12] любой совершеннолетний дееспособный гражданин вправе официально заявить об отказе от посмертного донорства. Это можно сделать письменно (с нотариальным заверением или подписью руководителя медицинской организации) либо устно в присутствии свидетелей. Сведения об этом отказе фиксируются в медицинской карте. Если при жизни человек не успел выразить свою волю, право на отказ переходит к его супругу или близким родственникам.

Часть 10 той же статьи закрепляет, что изъятие органов и тканей у трупа не допускается, если медорганизация на момент изъятия была поставлена в известность в установленном законом порядке, о том, что умерший или родственники умершего выразили несогласие на донорство.

Позитивным, на наш взгляд, моментом является учет явно выраженного согласия одного из родителей на посмертное донорство у детей, а также запрет на донорство, если ребенок – сирота или находится под опекой даже при согласии опекуна.

Презумпция согласия на изъятие органов для дальнейшей трансплантации прямо предусмотрена в ст. 8 Закона РФ от 22.12.1992 № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека» (далее – ФЗ №

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

4180-1) [13]. Названной нормой установлено, что посмертное изъятие органов не допускается, если учреждение здравоохранения на момент изъятия поставлено в известность о том, что при жизни данное совершеннолетнее лицо либо его близкие родственники или законный представитель заявили о своем несогласии на изъятие органов после смерти для трансплантации реципиенту.

Отсутствие в действующем законодательстве четко установленных сроков для уведомления родственников о смерти и начале процедуры изъятия органов создает правовой вакуум. В условиях внезапной гибели человека, когда его собственное волеизъявление зачастую не зафиксировано, решение фактически ложится на плечи родственников. Однако закон не только не обязывает медицинских работников оперативно информировать семью о смерти и потенциальных намерениях по трансплантации, но и юридически закрепляет правомерность изъятия органов без их ведома (на основании презумпции согласия). В результате решение принципиального вопроса об использовании тела умершего отдается на произвольное усмотрение конкретных лечебных учреждений, поскольку родственники не имеют реальной возможности выразить свою волю за умершего. Это порождает социальную напряженность, недоверие к системе здравоохранения.

В соответствии с п. 1 ст. 5 Федерального закона от 12.01.1996 № 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле» закреплено, что «волеизъявление лица о достойном отношении к его телу после смерти – это пожелание, выраженное в устной форме в присутствии свидетелей или в письменной форме, в частности о согласии или несогласии на изъятие органов и (или) тканей из его тела» [14]. Согласно п. 3 указанной статьи в случае отсутствия волеизъявления умершего право на разрешение указанных действий имеют супруг, близкие родственники (дети, родители, усыновленные, усыновители, родные братья и родные сестры, внуки, дедушка, бабушка), иные родственники либо законный представитель умершего. Следовательно, согласие или несогласие должно быть явно выражено и не презюмируется по умолчанию, что противоречит смыслу двух вышеперечисленных законов.

Конституционный Суд РФ (далее – КС РФ) в Определении от 04.12.2003 № 459-О провел проверку конституционности ст. 8 ФЗ № 4180-1 [9]. В КС РФ обратилась судебная коллегия по гражданским делам Саратовского областного суда. Поводом послужило дело гражданки Л.В. Житинской, чей сын скончался в больнице. После смерти у него были изъяты обе почки для трансплантации, а чем она не была поставлена в известность. Женщина пыталась взыскать с больницы компенсацию морального вреда, однако районный суд ей отказал, сославшись на ФЗ № 4180-1.

В обоснование своей позиции заявитель в КС РФ указывал на недостатки правового регулирования ст. 8 Закона РФ № 4180-1. По мнению автора жалобы, данная норма не содержит императивного требования к медицинским организациям по установлению волеизъявления умершего или его близких. Кроме того, заявитель отмечает отсутствие законодательно закрепленного порядка ведения реестра лиц, выразивших отказ от донорства, а также процедуры уведомления родственников о факте смерти, что фактически лишает последних возможности реализовать право на несогласие до момента проведения эксплантации органов.

По итогу рассмотрения КС РФ обосновал легитимность «презумпции согласия». Отсутствие зафиксированного отказа трактуется как наличие согласия, что не противоречит Конституции РФ. Суд указал, что законодатель сознательно выбрал именно ее. Это сделано потому, что задавать родственникам вопрос об изъятии органов практически одновременно с сообщением о смерти негуманно, а выяснить волю покойного после констатации смерти необходимо в считанные часы ради сохранения жизнеспособности органов.

Трансплантация рассматривается КС РФ как средство спасения жизни. Право на личную неприкосновенность и достойное отношение к телу после смерти охраняется законом: изъятие запрещено, если медицинское учреждение уже поставлено в известность о несогласии самого гражданина или его близких.

В то же время КС РФ признал, что существующая правовая база требует доработки. Вопросы реализации права на отказ, механизмы информирования граждан о действующем регулировании и создание систем фиксации волеизъявлений нуждаются в более детальной регламентации.

Таким образом, базовый принцип российского законодательства остался прежним: если определенно и точно не заявлено об обратном, врачи имеют право изъять органы или ткани, что может повлечь нарушение соматических прав [15].

Для объективной оценки осознанности граждан в вопросе посмертного донорства необходимо наличие верифицируемых данных о том, что отсутствие оформленного отказа является следствием их информированного выбора, а не неосведомленности о своих правах.

Важно сохранить авторитет и доверие к медицинской деятельности, которая исторически базировалась на принципе гуманизма и заботе о здоровье человека. Однако презумпция согласия вызывает ряд вопросов, одним из которых является справедливый вопрос: «Какова мотивация врачей в продолжении борьбы за жизнь пациента до последнего, если он заведомо определен ими в потенциальные доноры?» [16, с. 501]

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Выводы

Институт посмертного донорства в современной России находится в состоянии системной правовой неопределенности. Презумпция согласия (opt-out) формально не противоречит Конституции РФ, однако ее легитимность производна от реальности права на отказ. В условиях фактической информационной закрытости системы здравоохранения, отсутствия масштабного государственного просвещения «молчаливое согласие» перестает быть актом прямого и осознанного волеизъявления и превращается в правовую фикцию, основанную на юридической неграмотности граждан.

Действующее законодательство смещает баланс в пользу публичного интереса (спасение жизней реципиентов, развитие трансплантологии), оставляя родственников умершего в статусе бесправных наблюдателей. Отсутствие четкого процессуального статуса, сроков для подачи ими возражений и прозрачного механизма коммуникации с медицинскими организациями порождает социальную напряженность и способствует криминализации сферы донорства в общественном сознании.

Презумпция согласия может оставаться лишь при одновременном выполнении трех условий: создании обязательного общедоступного защищенного цифрового государственного реестра отказов (врачи смогут оперативно проверить волеизъявление); закреплении обязательной активной формы подтверждения согласия (позитивная модель) при получении государственных услуг; и нормативном утверждении прозрачности процесса общения медиков с семьей умершего (установление порядка информирования родственников о смерти пациента и даче им возможности определиться с выражением согласия (несогласия) на изъятие у него органов или тканей). Без внедрения этих механизмов любая попытка развития национальной трансплантологии будет наталкиваться на непреодолимый барьер общественного недоверия.

Список источников

1. Нестерова Е.М. Особенности правового регулирования посмертного донорства в Российской Федерации // Актуальные проблемы государства и права. 2019. Т. 3. № 9. С. 16 – 24.

2. Нафикова Г.А., Смирнова О.М. Правовые проблемы донорства // Образование и право. 2019. № 4. С. 55 – 58.

3. Пак А.В. Правовые проблемы регулирования посмертного донорства и трансплантации тканей человека // Медицинское право: теория и практика. 2021. Т. 7. № 2 (14). С. 73 – 80.

4. Залесская М.В. О проблеме презумпции согласия на посмертное изъятие органов в целях донорства // Гражданин и право. Новая правовая культура. 2003. № 6. С. 3 – 14.

5. Евдокимов В.Б., Тухватуллин Т.А. Право на отказ от посмертной трансплантации органов и тканей человека в России (конституционно-правовые проблемы). Известия Национальной академии наук Беларуси. Серия гуманитарных наук. 2016. № 1. С. 105 – 109.

6. Минздрав: в 2025 году выполнено более 3800 трансплантаций органов. URL: https://www.vedomosti.ru/society/news/2026/01/20/1170558-minzdrav-v-2025 (дата обращения: 05.07.2026)

7. Решетников А.В., Романов С.В., Абаева О.П., Присяжная Н.В., Смирнова Г.Ю. Отношение россиян к посмертному донорству (на примере региона) // Социологические исследования. 2019. № 4. С. 70 – 76.

8. Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 46. Ст. 7977.

9. Определение Конституционного Суда РФ от 04.12.2003 № 459-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Саратовского областного суда о проверке конституционности статьи 8 Закона Российской Федерации «О трансплантации органов и (или) тканей человека» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2004. № 3.

10. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020), М., 2020. 63 с.

11. Еремейкина Л.Л. Трансгуманизм в правосознании молодежи в эпоху цифровизации: меры противодействия // Клейновские чтения – 2025: Сборник научных статей XIV всероссийских Клейновских чтений молодых ученых (студентов, магистрантов, аспирантов), Самара, 05 декабря 2025 года. Самара: Самарский государственный экономический университет, 2025. С. 115 – 118.

12. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 48. Ст. 6724

13. Закон РФ от 22.12.1992 № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека» // Российская газета. 1993. 9 января.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

14. Федеральный закон от 12.01.1996 № 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 3. Ст. 146.

15. Гончаров В.В., Безуглов С.В., Василевич Д.Г., Малиновский О.Н. Право человека на распоряжение своим телом после своей смерти как разновидность соматических прав // Вестник Марийского государственного университета. Серия: «Исторические науки. Юридические науки». 2025. Т. 11. № 3. С. 159 – 167.

16. Исаева А.Д. Презумпция согласия на посмертное донорство органов и тканей человека // Научно-исследовательская деятельность в классическом университете: традиции и инновации: Материалы Международного научно-практического фестиваля, Иваново, 15-29 апреля 2020 года. г. Иваново, ул. Ермака, 39: Ивановский государственный университет, 2020. С. 498 – 501.

References

1. Nesterova E.M. Features of legal regulation of posthumous donation in the Russian Federation. Current issues of state and law. 2019. Vol. 3. No. 9. P. 16 – 24.

2. Nafikova G.A., Smirnova O.M. Legal issues of donation. Education and law. 2019. No. 4. P. 55 – 58.

3. Pak A.V. Legal issues of regulating posthumous donation and transplantation of human tissue. Medical law: theory and practice. 2021. Vol. 7. No. 2 (14). P. 73 – 80.

4. Zaleskaya M.V. On the problem of the presumption of consent to posthumous organ removal for the purposes of donation. Citizen and Law. New Legal Culture. 2003. No. 6. P. 3 – 14.

5. Evdokimov V.B., Tukhvatullin T.A. The Right to Refuse Posthumous Transplantation of Human Organs and Tissues in Russia (Constitutional and Legal Issues). Bulletin of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Sciences Series. 2016. No. 1. P. 105 – 109.

6. Ministry of Health: Over 3,800 Organ Transplants Will Be Performed in 2025. Available at: https://www.vedomosti.ru/society/news/2026/01/20/1170558-minzdrav-v-2025 (date of access: 05.07.2026)

7. Reshetnikov A.V., Romanov S.V., Abaeva O.P., Prisyazhnaya N.V., Smirnova G.Yu. Russians' Attitudes Toward Posthumous Blood Donation (Based on a Regional Case Study). Sociological Research. 2019. No. 4. P. 70 – 76.

8. Decree of the President of the Russian Federation of November 9, 2022 No. 809 "On Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values". Collected Legislation of the Russian Federation. 2022. No. 46. Article 7977.

9. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 4, 2003 No. 459-O "On Refusal to Accept for Consideration the Request of the Saratov Regional Court to Verify the Constitutionality of Article 8 of the Law of the Russian Federation "On the Transplantation of Human Organs and (or) Tissues". Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. 2004. No. 3.

10. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020), Moscow, 2020. 63 p.

11. Eremeykina L.L. Transhumanism in the legal consciousness of young people in the era of digitalization: countermeasures. Klein Readings – 2025: Collection of scientific articles of the XIV All-Russian Klein Readings of young scientists (students, master's students, graduate students), Samara, December 5, 2025. Samara: Samara State University of Economics, 2025. P. 115 – 118.

12. Federal Law of November 21, 2011 No. 323-FZ “On the Fundamentals of Protecting Citizens’ Health in the Russian Federation”. Collected Legislation of the Russian Federation. 2011. No. 48. Art. 6724

13. Law of the Russian Federation of December 22, 1992 No. 4180-1 “On the Transplantation of Human Organs and (or) Tissues”. Rossiyskaya Gazeta. January 9, 1993.

14. Federal Law of January 12, 1996 No. 8-FZ “On Burial and Funeral Services”. Collected Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 3. Art. 146.

15. Goncharov V.V., Bezuglov S.V., Vasilevich D.G., Malinovsky O.N. A person’s right to dispose of one’s own body after death as a type of somatic rights. Bulletin of the Mari State University. Series: “Historical Sciences. Legal Sciences”. 2025. Vol. 11. No. 3. P. 159 – 167.

16. Isaeva A.D. Presumption of consent to posthumous donation of human organs and tissues. Research activity at a classical university: traditions and innovations: Proceedings of the International scientific and practical festival, Ivanovo, April 15-29, 2020. Ivanovo, Ermak St., 39: Ivanovo State University, 2020. P. 498 – 501.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Информация об авторах

Казанцева О.Л., кандидат юридических наук, доцент, Алтайский государственный университет, verwaltung@mail.ru

Еремейкина Л.Л., Юридический институт, Алтайский государственный университет, lada.rayskaya2107@mail.ru

© Казанцева О.Л., Еремейкина Л.Л., 2026

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)
УДК 343.98
DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-6-182-187

Особенности первоначального этапа расследования присвоения и растраты имущества военной организации, совершенных военнослужащими с использованием своего служебного положения

[1] Козина О.А.,
[1] Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева

Аннотация: *в современных условиях обеспечение сохранности имущества воинских частей представляет собой одну из приоритетных задач военной организации, поскольку эффективность боевой подготовки и поддержание мобилизационной готовности напрямую зависят от состояния материально-технической базы. Присвоение и растрата вещевого, технического и специального имущества, вверенного должностным лицам, наносят существенный ущерб обороноспособности и требуют от следователя глубокого понимания специфики войскового хозяйства, нормативного регулирования вещевого обеспечения, а также методик расследования присвоения и растраты. В связи с этим особую актуальность приобретает комплексный анализ типичных следственных ситуаций, способов совершения и сокрытия данных преступлений, а также процессуальных и тактических приемов, применяемых на первоначальном этапе проверки сообщений о хищениях и в ходе предварительного расследования.*
Ключевые слова: *присвоение и растрата, расследования, проверочные действия, хищение*

Для цитирования: Козина О.А. Особенности первоначального этапа расследования присвоения и растраты имущества военной организации, совершенных военнослужащими с использованием своего служебного положения // International Law Journal. 2026. Том 9. № 6. С. 182 – 187. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-6-182-187

Поступила в редакцию: 16 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 14 августа 2026 г.; Принята к публикации: 2 октября 2026 г.

Features of the initial stage of the investigation of embezzlement and embezzlement of property of a military organization committed by military personnel using their official position

[1] Kozina O.A.,
[1] North Caucasus Branch Lebedev Russian State University of Justice

Abstract: *in modern conditions, ensuring the safety of the property of military units is one of the priorities of the military organization, since the effectiveness of combat training and maintaining mobilization readiness directly depend on the state of the material and technical base. The misappropriation and embezzlement of material, technical, and special property entrusted to officials cause significant damage to the country's defence capability and require the investigator to have a deep understanding of the specifics of military logistics, the regulatory framework for material support, and the methods for investigating misappropriation and embezzlement. In this regard, a comprehensive analysis of typical investigative situations, the methods used to commit and conceal these crimes, as well as the procedural and tactical techniques employed at the initial stage of verifying reports of theft and during the preliminary investigation, becomes particularly relevant.*
Keywords: *misappropriation and embezzlement, investigations, investigative actions, theft*

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

For citation: Kozina O.A. Features of the initial stage of the investigation of embezzlement and embezzlement of property of a military organization committed by military personnel using their official position. International Law Journal. 2026. 9 (6). P. 182 – 187. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-6-182-187

The article was submitted: July 16, 2026; Approved after reviewing: August 14, 2026; Accepted for publication: October 2, 2026.

Введение

В последние годы хищения вещевого, технического, специального и продовольственного имущества, вверенного должностным лицам, остаются значимой составляющей преступности в сфере военной службы. Вместе с тем в научной литературе вопросы методики расследования хищений имущества именно военной организации освещены фрагментарно. В связи с этим актуальным представляется исследование, направленное на уточнение криминалистической характеристики хищений имущества военной организации и совершенствование методики их расследования на первоначальном и последующем этапах.

Цель исследования – рассмотрение первоначального этапа расследования присвоения и растраты имущества военной организации.

Задачи исследования – исследовать особенности проверки сообщений о преступлениях, изучить планирование расследования, проведение неотложных следственных действий, а также по организации взаимодействия с контрольно-ревизионными подразделениями и органами дознания.

Гипотеза исследования. Эффективность расследования хищений имущества военной организации может быть повышена, если будет усилено процессуальное и организационное взаимодействие следователя с ревизионными и контрольными органами на стадии проверки сообщения о преступлении и в ходе предварительного расследования.

Материалы и методы исследований

В исследовании использованы общенаучные методы: анализ и синтез, индукция и дедукция, сравнительно-правовой метод, системный подход, моделирование следственных ситуаций.

Эмпирическую базу исследования составили: нормативные правовые акты, научная и учебная литература по криминалистике.

Результаты и обсуждения

Имуществом военной организации является материально-техническая база, которая включает в себя запасы материальных средств, объекты хозяйственного, технического и медицинского назначения, учебно-материальные объекты, которые предназначены для проведения боевой подготовки и обеспечения деятельности военной организации. Содержание войскового хозяйства определяется перечнем задач военной организации: обеспечением боевой и мобилизационной готовности. Ведение военного хозяйства основано на принципе единства, который выражается в организационной системе хозяйственных отношений, сочетании централизованного и децентрализованного снабжения. Это предусматривает планирование и организацию работы служб, подразделений и объектов технического обеспечения, медицинского назначения. Кроме того, речь идет об обеспечении непрерывности управления и контроля, правильной и индивидуальной эксплуатации, ведении делопроизводства, составлении отчетности по всем видам материальных средств [1].

Хищение имущества военной организации, вверенного должностным лицам в связи с наделением их соответствующими обязанностями, является присвоением или растратой. Полномочия по распоряжению имуществом военной организации могут быть переданы посредством распоряжения, приказа. Форма передачи полномочий основана на результатах организационно-штатных мероприятий. В результате совершенного преступления вверенное имущество обращается в собственность подозреваемого или обвиняемого, который наделяется в отношении данного имущества правомочиями по распоряжению, управлению, доставке и хранению. Имущество военной организации может быть незаконно израсходовано, отчуждено.

Основанием для проведения следователем проверочных действий выступают сведения из заявлений и сообщений должностных лиц, осуществляющих контроль за расходованием, обеспечением имуществом военных организаций. Проверочные действия позволят установить связи между хищением и конкретным лицом. Целью проверочных действий является поиск и фиксация фактов недостачи, служебного подлога. Поскольку неизвестно лицо, совершившее хищение, то требуется выявить причинно-следственную связь между похищенным имуществом и лицом, которое совершило хищение [13]. В данной связи по письменному поручению следователя могут быть проведены оперативно-розыскные мероприятия. Поручение сле-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

дователя должно содержать информацию о необходимости установления документов, указывающих на недостачу, взаимосвязь с лицом, ответственным за сохранность и расходование. После обнаружения недостачи следует истребовать документацию, получить объяснения от лиц, осуществляющих подготовку документов, изучить положения законодательства, в котором устанавливается порядок расходования. Необходимо принимать во внимание сведения об источнике информации, возможность предоставления искаженных сведений, ложной информации[2].

Рамки предварительной проверки сообщения о хищении имущества военной организации определяются обстоятельствами, которые подлежат установлению:

1) причастность конкретного материально ответственного лица;
2) период времени, когда было совершено хищение;
3) время совершения каждого преступления в отдельности;
4) способы реализации неучтенного имущества;
5) наименование и вид похищенного имущества, его принадлежность;
6) факт хищения имущества военной организации.

Прежде всего, необходимо установить, относится ли обнаруженное имущество к имуществу военной организации. В случае положительного ответа выяснению подлежит вопрос о том, имело ли место противоправное завладение имуществом военной организации, с намерением обратить похищенное имущество в свою пользу, распорядиться данным имуществом по своему усмотрению [14].

Следователь на первоначальном этапе направляет запросы и письменные поручения, проводит обыск, выемку и осмотр документов, а также допрашивает должностных лиц и свидетелей. По месту нахождения военной организации изымаются учетные документы, книги прихода и расхода, кадровые приказы, персональные компьютеры. В ходе обыска у должностных лиц военной организации изъятию подлежат персональные компьютеры, документы, личный телефон [12].

Допрос свидетелей, который позволяет получить ориентирующую информацию для выдвижения версий, планирования расследования, а также сведения о совершенном преступлении. В качестве свидетелей при расследовании присвоения и растраты имущества военной организации принимают участие иные военнослужащие, которые могли осуществлять полномочия по контролю за расходованием материальных ценностей до назначения на должность подозреваемого, либо принять от него дела и должность. В качестве свидетелей могут быть допрошены лица, которым имущество военной организации было сбыто, военнослужащие, которые не были осведомлены о преступной деятельности, выполняли приказ по перевозке материальных ценностей, а также должностные лица, проводившие ревизию [3].

Проводя допрос сослуживцев и подчиненных, следует принимать во внимание их возможную вовлеченность. Это необходимо учесть при планировании допроса. При появлении разногласий, необходимо провести очную ставку. Выбор тактических приемов, используемых при проведении допроса, связан с характером следственной ситуации, которая может быть конфликтной и бесконфликтной.

Проведение очных ставок связано с потребностью выявить в показаниях обвиняемого или свидетеля существенные противоречия относительно их объяснений по одним и тем же обстоятельствам. Проводя очную ставку между военнослужащими, следует принимать во внимание их служебных статус. Проверка показаний на месте позволяет оперативно обнаружить данные предметы, сделать вывод о том, что допрашиваемые могут быть осведомлены и об иных обстоятельствах и эпизодах совершения хищений. Проверка показаний на месте проводится тогда, когда в показаниях допрошенного содержатся сведения об обстановке места преступления, и, когда проверка позволяет восстановить обстановку, проверить осведомленность допрошенного относительно события преступления.

Проводя анализ сложившейся обстановки, следователю требуется установить способ (в том числе сокрытия), умысел и мотивы, время совершения преступления, время и иные важные обстоятельства. Случаи, когда способ совершения хищения изначально неясен, встречаются не часто. Как правило, по делам данной категории применяются способы совершения и сокрытия преступлений, которые могут быть известны и доступны небольшому кругу лиц, связанных с похищенным имуществом [11].

Материальными следами присвоения и растраты имущества военной организации являются следы, которые отражают принадлежность имущества воинской организации (метки или маркировки). Различают следы преступления, позволяющие установить нахождение имущества в месте хранения, следы, позволяющие установить факт проникновения в место хранения. Установление частиц и волокна, а также потожировых следов позволяет установить факт нахождения подозреваемого на месте совершения преступления. В месте хранения имущества могут быть изъяты упаковки, бирки, которые позволяют установления наличие имущества военной организации в месте сокрытия [4].

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

По итогам проверки могут быть установлены не только признаки хищения, но и превышения, либо злоупотребления должностными полномочиями. В каждом случае обнаружения признаков преступления применяются меры для установления события преступления, изобличения лица или группы лиц, виновных в совершении преступления. Процессуальными действиями в данной ситуации являются проведение допроса работников военных организаций, ответственных за выдачу имущества, а также, при наличии достаточных оснований, у материально ответственного должностного лица проводится обыск [5].

Для проверки версии о наличии счетной ошибки необходимо установить и допросить лиц, которые имеют доступ на склад, провести выемку документов о движении имущества, провести допрос лиц, которым, согласно документации, выдавалось имущество, провести осмотр места происшествия. Осматривая документы, следователь должен установить, выполнен ли он на надлежащем бланке, имеются ли на нем оттиски и печати, не содержит ли он признаков подделки, а также следы, позволяющие установить повторное использование. При обнаружении недостачи имущества, в отсутствие подлога, факта утраты документов, ошибок в учете, противоречий в объяснениях материально ответственных лиц, типичной версий будет присвоение имущества лицом, в ведении которого находилось имущество [10].

В случае, когда недостача сопровождается скрытыми подлогами в приходных и расходных документах или нарушениями правил оформления финансовых операций, расследование сосредотачивается на проверке операций, замаскированных подложными документами. При обнаружении подлогов в расходных документах, которые не подтверждаются первичными документами, следователь выдвигает версию о хищении учтенного имущества. Если подлог выявлен в документах, которыми оформлено полученное имущество, выдвигается версия о хищении путем полного или частичного неоприходования имущества.

Присвоение и растрата имущества военной организации могут быть связаны с подлогами в документах, составленных несколькими должностными лицами. В таких случаях следователь может предположить групповое хищение. Основаниями для этого служат наличие нескольких эпизодов хищения, разнообразные операции, а также то, что внесенные подлоги не могли остаться незамеченными другими лицами, однако об их наличии никто не сообщил. На совершение присвоения и растраты имущества военной организации группой лиц также указывает длительная совместная служба подозреваемых, их приятельские или дружеские взаимоотношения, наличие большого опыта и продолжительный срок службы в Вооруженных Силах РФ [6].

Обнаружении крупной недостачи, причины которой не установлены, предполагает запутанность документов бухгалтерского учета, отсутствие первичных оправдательных документов. Это не позволяет провести ревизию и установить причины недостачи. Чтобы выдвинуть версии о недостаче и ее причинах, необходимо установить характер операций. Если данные сведения не представлены в акте проверке, то перед ревизором ставятся дополнительные задачи. После того, как ревизор установит, посредством каких операций произошло хищение, выдвигаются версии о способе совершения преступления.

Присвоение и растрата имущества на крупную сумму могут совершаться путем бездокументарного списания, под видом выдачи. Неучтенное имущество похищается сразу при получении. При обнаружении признаков хищения в крупном размере, необходимо проверить версию о наличии резервов имущества для необоснованного увеличения, подачи дополнительной заявки. Дополнительное снабжение говорит о том, что сотрудники резерва причастны к совершению хищения. Объяснения должностных лиц, ответственных за сохранность имущества, подлежат проверке, поскольку иногда обстоятельства, послужившие причиной недостачи, не являются следствием преступной деятельности [7].

В ходе проведения документальной проверки осуществляется криминалистический анализ исходных данных, материалов проверки финансово-хозяйственной деятельности военной организации или проверки внутренней комиссией при проведении контрольных мероприятий. Это позволяет следователю установить законность и компетентность проведенных проверочных действий, установить, были ли соблюдены все правила проверок, являлось ли правомерным применение тех или иных методов контроля.

При изучении материалов проверки следователь анализирует выводы, устанавливает их обоснованность. Проверка законности и достоверности учетных операций на основании приходно-расходных документов и записей сопровождается изучением данных бухгалтерского учета. Оно должно охватывать все стороны финансовой деятельности, связанные с получением и расходованием денежных средств. Проведение проверки финансовых операций осуществляется путем сверки документов воинской части и организаций, производящих расчеты. Установленные в ходе проверки нарушения и злоупотребления отражаются в акте ревизии. Если ревизия была назначена в рамках расследования, следователь должен проследить качественное составление акта ревизии, подготовить необходимые документы для приложения [8].

Проверка хозяйственной деятельности военной организации позволяет гарантировать достоверность ак-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

тов, составленных в ходе ревизии, обеспечить результативность проверки сообщения о преступлении. Изучение выводов, отраженных в результатах проведения внутренней проверки, должно осуществляться с учетом возможной заинтересованности лиц, составивших документы. Оценка материалов ревизии связана с установлением недостачи и нарушения порядка оформления имущественных операций. Такие факты говорят чаще о хищении, а не о нарушении правил проведения операций с материальными ценностями. Несмотря на то, что сведения, связанные с недостачей имущества военной организации, могут быть достоверными, указывать на наличие хищения имущества, это не говорит о том, что предстоящее расследованием будет простым [9].

Большое значение имеет розыск документов, которые могли быть изъяты и сокрыты до начала ревизии, обеспечение сохранности документов сторонних организаций. Установление связи должностных лиц имущественной службы, взаимоотношений между ними и руководством военной организации. При отсутствии доказательств и при отрицании причастности к совершению преступления, задача расследования связана с розыском имущества.

Выводы

Таким образом, расследование присвоения и растраты имущества военной организации требует от следователя не только безупречного владения нормами уголовного и уголовно-процессуального права, но и специализированных познаний в области организации войскового хозяйства, бухгалтерского учета и документооборота воинских частей. Успешность раскрытия преступлений данной категории обусловлена своевременным проведением неотложных следственных действий, грамотным планированием, последовательным установлением причинно-следственных связей между недостачей имущества и конкретными лицами, а также умением выдвигать и проверять обоснованные следственные версии с учетом типичных способов присвоения и растраты вверенных материальных ценностей. Только системный подход к анализу материалов ревизий, документальных проверок и оперативно-розыскных данных позволяет обеспечить полноту доказательственной базы и достичь целей уголовного судопроизводства.

Список источников

1. О порядке предоставления гражданам, уволенным после прохождения военной службы по призыву и принятым на прежнее место работы, материальной помощи на первоначальное обзаведение хозяйством: Постановление Правительства РФ от 25.11.1998 № 1394 (ред. от 21.12.2000) // Собрание законодательства РФ, 30.11.1998, № 48, ст. 5945.

2. Устав внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации // Собрание законодательства РФ, 19.11.2007, № 47 (1 ч.), ст. 5749.

3. Бертовский Л.В., Самелюк М.А. Методика расследования преступлений как научно-квалификационная работа // Публичное и частное право. 2018. № 3 (39). С. 160 – 184.

4. Мартыненко С.Б. К вопросу об эволюции уголовно-процессуального регулирования предварительной проверки сообщений о преступлении // Lexrussica. 2018. № 7. С. 98 – 113.

5. Козицин Я.М. Расследование и рассмотрение дел о хищениях, совершаемых с использованием служебного положения. Свердловск: Свердл. юрид ин-т, 2000. С. 182.

6. Шадрин О.Ю. Факторы, влияющие на формирование конфликтной ситуации при допросе лиц, подозреваемых в совершении преступлений в сфере экономики, и приемы их нейтрализации // Безопасность бизнеса. 2017. № 5. С. 59 – 62.

7. Хлус А.М. Проблемные аспекты понимания информационной модели преступлений против собственности // Сибирское юридическое обозрение. 2020. № 3. С. 76.

8. Калюжный А.Н. Предварительная проверка сообщений о преступлениях: понятие и этапы производства // Юридическая наука. 2013. № 1. С. 198.

9. Хайдаров А.А. О некоторых правоприменительных проблемах участия следователя-криминалиста в производстве отдельных следственных действий без принятия уголовного дела к своему производству // Российский следователь. 2019. № 9. С. 7 – 11.

10. Дамаскин О.В. Правовое обеспечение безопасности хозяйствующих субъектов // Современное право. 2019. № 5. С. 20 – 29.

11. Саньков В.И. Качество проверки сообщения о преступлении: актуальные вопросы следственной практики, ведомственного контроля и прокурорского надзора // Российский следователь. 2018. № 1. С. 31 – 34.

12. Селиванов С.В. Производство первоначальных следственных действий при расследовании коррупционных преступлений в сфере распределения и расходования бюджетных средств // Международное уголовное право и международная юстиция. 2020. № 1. С. 30 – 32.

13. Клещенко Ю.Г. К вопросу о криминалистической характеристике преступлений, посягающих на общественные отношения, связанные с использованием и хищением финансовых (бюджетных) средств // Российский следователь. 2021. № 7. С. 7 – 11.

14. Ревизии и проверки государственных (муниципальных) учреждений – 2021 / под общ. ред. д.э.н. Ю.А. Васильева. М.: БиТуБи, 2021. С. 89.

References

1. On the procedure for providing citizens discharged after completing military service by conscription and accepted to their previous place of work with financial assistance for the initial establishment of a household: Resolution of the Government of the Russian Federation of November 25, 1998 No. 1394 (as amended on December 21, 2000). Collected Legislation of the Russian Federation, November 30, 1998, No. 48, Article 5945.

2. Charter of the Internal Service of the Armed Forces of the Russian Federation. Collected Legislation of the Russian Federation, November 19, 2007, No. 47 (part 1), Article 5749.

3. Bertovsky L.V., Samelyuk M.A. Methodology of Crime Investigation as a Scientific and Qualification Work. Public and Private Law. 2018. No. 3 (39). P. 160 – 184.

4. Martynenko S.B. On the Evolution of Criminal Procedure Regulation of Preliminary Verification of Crime Reports. Lexrussica. 2018. No. 7. P. 98 – 113.

5. Kozitsin Ya.M. Investigation and Consideration of Cases of Theft Committed with the Abuse of Official Position. Sverdlovsk: Sverdlovsk Legal Institute, 2000. P. 182.

6. Shadrin O.Yu. Factors Influencing the Formation of a Conflict Situation During the Interrogation of Persons Suspected of Committing Economic Crimes, and Techniques for Neutralizing Them. Business Security. 2017. No. 5. P. 59 – 62.

7. Khlus A.M. Problematic Aspects of Understanding the Information Model of Crimes against Property. Siberian Legal Review. 2020. No. 3. P. 76.

8. Kalyuzhny A.N. Preliminary Verification of Crime Reports: Concept and Stages of Proceedings. Legal Science. 2013. No. 1. P. 198.

9. Khaidarov A.A. On Some Law Enforcement Issues of a Criminal Investigator's Participation in Certain Investigative Actions Without Accepting a Criminal Case for Proceedings. Russian Investigator. 2019. No. 9. P. 7 – 11.

10. Damaskin O.V. Legal Support for the Security of Economic Entities. Modern Law. 2019. No. 5. P. 20 – 29.

11. Sankov V.I. Quality of Crime Report Verification: Current Issues of Investigative Practice, Departmental Control, and Prosecutor's Supervision. Russian Investigator. 2018. No. 1. P. 31 – 34.

12. Selivanov S.V. Production of initial investigative actions in the investigation of corruption crimes in the sphere of distribution and expenditure of budgetary funds. International criminal law and international justice. 2020. No. 1. P. 30 – 32.

13. Kleshchenko Yu.G. On the issue of forensic characteristics of crimes encroaching on public relations associated with the use and embezzlement of financial (budgetary) funds. Russian investigator. 2021. No. 7. P. 7 – 11.

14. Audits and inspections of state (municipal) institutions – 2021. edited by Doctor of Economics Yu.A. Vasiliev. Moscow: BiTuBi, 2021. P. 89.

Информация об авторе

Козина О.А., Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева

© Козина О.А., 2026

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)
УДК 343.242
DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-6-188-194

Иерархия объектов уголовно-правовой охраны в Соборном уложении 1649 года: системный анализ классификации преступных деяний

[1] Середа С.П.,
[1] Вологодский институт права и экономики ФСИН России

Аннотация: *в представленной научной статье рассматривается система преступных деяний, закреплённая в Соборном уложении 1649 года, которая явилась важнейшим этапом в развитии отечественного уголовного законодательства. Автор анализирует эволюцию подходов к классификации преступлений, сложившихся в юридической науке, и предлагает собственную интерпретацию структуры Соборного уложения 1649 года, основанную на иерархии объектов уголовно-правовой охраны. Исследование показывает, что составители Соборного уложения 1649 года выстроили систему преступлений по степени убывания ценности охраняемых объектов, поместив на первое место преступления против веры, затем – против государства и порядка управления, далее – против личности и имущества, и, наконец, – против нравственности. Особое внимание уделяется анализу дискуссионных вопросов, связанных с отнесением тех или иных деяний к соответствующим группам, а также выявлению новых составов преступлений, впервые появившихся в Соборном уложении 1649 года. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в учебных курсах по истории отечественного государства и права, а также для более глубокого понимания генезиса российской уголовно-правовой традиции и законодательства.*

Ключевые слова: *Соборное уложение 1649 года, классификация преступлений, преступления против веры, государственные преступления, преступления против личности, имущественные преступления, преступления против нравственности*

Для цитирования: Середа С.П. Иерархия объектов уголовно-правовой охраны в Соборном уложении 1649 года: системный анализ классификации преступных деяний // International Law Journal. 2026. Том 9. № 6. С. 188 – 194. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-6-188-194

Поступила в редакцию: 16 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 14 августа 2026 г.; Принята к публикации: 2 октября 2026 г.

Hierarchy of objects of criminal law protection in the Cathedral Code of 1649: a systematic analysis of the classification of criminal acts

[1] Sereda S.P.,
[1] Vologda Institute of Law and Economics of the FPS of Russia

Abstract: *the presented scientific article examines the system of criminal acts fixed in the Cathedral Code of 1649, which was the most important stage in the development of domestic criminal legislation. The author analyzes the evolution of approaches to the classification of crimes that have developed in legal science, and offers his own interpretation of the structure of the Cathedral Code of 1649, based on the hierarchy of objects of criminal law protection. The study shows that the drafters of the Cathedral Code of 1649 built a system of crimes according to the degree of decreasing value of protected objects, placing crimes against faith in the first place, then against the state and the order of government, then against personality and property, and finally against morality. Special at-*

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

tention is paid to the analysis of controversial issues related to the attribution of certain acts to the appropriate groups, as well as the identification of new types of crimes that first appeared in the Cathedral Code of 1649. The practical significance of the research lies in the possibility of using its results in educational courses on the history of the Russian state and law, as well as for a deeper understanding of the genesis of the Russian criminal law tradition and legislation.

Keywords: *The Cathedral Code of 1649, classification of crimes, crimes against faith, state crimes, crimes against the person, property crimes, crimes against morality*

For citation: Sereda S.P. Hierarchy of objects of criminal law protection in the Cathedral Code of 1649: a systematic analysis of the classification of criminal acts. International Law Journal. 2026. 9 (6). P. 188 – 194. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-6-188-194

The article was submitted: July 16, 2026; Approved after reviewing: August 14, 2026; Accepted for publication: October 2, 2026.

Введение

Соборное уложение 1649 года (далее – Уложение) является уникальным правовым памятником, отразившим становление абсолютизма в Московском государстве. По мнению Н.С. Таганцева, оно стало выражением исторического процесса, выдвинувшего на первый план государство и верховную власть [15, с. 131]. Принятый в условиях обострения социальных противоречий, вызванных Соляным бунтом 1648 года, этот нормативный акт систематизировал законодательство и утверждал принципы, отвечавшие интересам самодержавия и служилого сословия.

Ключевой новацией Уложения стало расширение круга преступных деяний и формирование системы их классификации. Если Судебники 1497 и 1550 годов содержали казуистический перечень преступлений без чёткой систематизации, то Уложение 1649 года предприняло попытку их группировки, что свидетельствовало о прогрессе юридической техники [13, с. 138-139]. Как подчёркивает В.А. Томсинов, Уложение подвело итог эволюции русской юриспруденции и стало отправной точкой для её дальнейшего развития [11, с. 169].

Целью исследования является комплексный анализ системы классификации преступных деяний по Уложению, выявление её структурных особенностей и иерархии охраняемых объектов. Задачи работы включают характеристику подхода законодателя к определению преступления, выделение основных групп преступлений по объекту посягательства, анализ новых составов и сопоставление точек зрения исследователей.

Актуальность темы обусловлена необходимостью переосмысления роли Уложения в формировании отечественной правовой традиции. Как отмечает В.Д. Ярыш, современные представления о системе права позволяют по-новому взглянуть на структуру Соборного уложения 1649 г. [13, с. 137], что требует критического пересмотра устоявшихся подходов к классификации преступлений.

Материалы и методы исследований

Источниковую базу исследования составляет текст Соборного уложения 1649 года, а также труды отечественных историков и правоведов XIX-XXI веков: В.О. Ключевского [3], М.Ф. Владимирского-Буданова [8], Н.С. Таганцева [15], А.Г. Манькова, В.А. Томсинова, И.В. Упорова и других [1, 2].

Методологическая основа включает комплекс общенаучных и специально-исторических методов. Системный метод позволяет рассматривать Уложение как целостный документ с определённой логикой. Историко-правовой метод даёт возможность проследить эволюцию подходов к систематизации преступлений. Сравнительно-правовой метод применяется для сопоставления с Судебниками и Литовским статутом 1588 года [11, с. 162-188]. Метод юридической герменевтики используется для толкования содержания статей. Ключевым является метод классификации, позволяющий структурировать преступные деяния по объекту посягательства.

Результаты и обсуждения

Соборное уложение не содержало легального определения понятия «преступление», однако из содержания его статей можно реконструировать подход законодателя. Как отмечает И.В. Упоров, под преступлением понималось всякое противление царской воле и нарушение установленного правопорядка [6]. Это свидетельствует о формировании формального взгляда на преступление.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

В.А. Томсинов связывает утверждение формального подхода с влиянием византийских правовых концепций, однако считает эту роль скорее стимулирующей, нежели решающей [11, с. 172]. Действительно, формальный подход отражал объективные процессы укрепления государственной власти. Вместе с тем в Уложении сохранялись элементы материального понимания преступления, особенно в главах об имущественных преступлениях, где размер ущерба влиял на квалификацию. Таким образом, законодатель сочетал формальный и материальный критерии.

Классификация преступлений строилась на принципе иерархии охраняемых объектов, причём на первое место была поставлена православная вера. Как подчёркивает И.В. Упоров, Уложение заметно ужесточает наказания за общественно-опасные деяния, что отражало процесс укрепления абсолютистского режима [1, с. 2]. Однако это ужесточение касалось как преступлений против государства, так и против церкви.

Анализ структуры показывает, что первые пять глав посвящены уголовно-правовым постановлениям, причём глава I «О богохулниках и о церковных мятежниках» открывает кодекс. Это отражало огромную роль церкви и стремление власти использовать религиозный фактор для укрепления авторитета. Как отмечает А.В. Шеслер, преступление рассматривалось как антирелигиозное деяние и оценивалось как грех [4, с. 412].

За преступлениями против веры следовали государственные (главы II-V), что свидетельствует о приоритете защиты религиозных устоев. Как замечает Н.П. Карпиченко, Соборное уложение впервые в истории русского права уделило огромное внимание вопросу государственной власти [3, с. 153], но это было сделано в дополнение к защите веры.

Далее следовали преступления против порядка управления (главы VI-IX), правосудия (глава X), личности (глава XXII) и имущества (глава XXI). Замыкали систему преступления против нравственности. Таким образом, иерархия объектов выглядела следующим образом: вера, государство, порядок управления, правосудие, личность, имущество, нравственность.

Появление целой главы о преступлениях против веры стало значительным новшеством. М.Ф. Владимирский-Буданов указывает, что ни Русская Правда, ни Судебники не предусматривали наказаний за преступления против религии вплоть до Уложения царя Алексея Михайловича [8, 7]. В главе I были предусмотрены богохульство, церковный мятеж, а также убийство и оскорбление в церкви во время богослужения [1, с. 2]. За богохульство полагалась смертная казнь через сожжение. Примечательно, что во всех последующих уголовных законах Российской империи преступления против церкви будут неизменно включаться в первую главу [1, с. 38]. А.В. Шеслер указывает на влияние Священного Писания на формирование этих норм. Тексты Ветхого Завета сформировали основы возмездной модели наказания, где юридическая и религиозная оценка преступления совпадали [4, с. 410-412].

Государственным преступлениям посвящены главы II-V. Как отмечает И.В. Упоров, в главе II деяния делятся на посягательства на здоровье государя, измену, а также скоп и заговоры [1, с. 33]. Практически за все преступления, предусмотренные в 22 статьях этой главы, назначалась смертная казнь. Особенностью было то, что ответственность могла распространяться на членов семьи изменника, если они знали о преступлении [1, с. 33]. В.А. Томсинов отмечает, что Уложение освобождало от ответственности родственников, не знавших об измене, однако принцип индивидуальной ответственности проводился не слишком настойчиво [11, с. 178]. Сравнивая с Литовским статутом, он приходит к выводу, что Уложение относилось к государственной измене более сурово [11, с. 179].

Главы VI-IX содержат нормы о преступлениях против порядка управления: нарушение правил выезда за границу, уклонение от военной службы, нарушения в сборе средств и пошлин [1, с. 34].

Особое место занимала глава X «О суде», которая содержала составы преступлений против правосудия: неправосудные приговоры, ложное обвинение, взяточничество [1, с. 3]. Основным наказанием за них было битьё кнутом, отстранение от должности, тюремное заключение или штраф [1, с. 34]. А.Г. Маньков подчёркивал, что мотив посула (взятки) является доминирующим в Уложении, свидетельствуя о процветании коррупции среди феодальной администрации [9, с. 109]. Законодатель пытался бороться с этим явлением, однако эффективность мер оставалась низкой.

Преступлениям против личности посвящена глава XXII. Как отмечает А.Н. Федорова, к ним относились убийство (простое и квалифицированное), нанесение увечья, побои и оскорбление чести [14, с. 103]. Законодатель выделял квалифицированные виды убийства: убийство женой мужа, родителей, сестер и незаконнорожденных детей, а также отравление [14, с. 103]. Особо опасным считалось убийство слугой господина, где даже голый умысел наказывался отсечением руки [14, с. 104]. Интересно, что убийство родителями детей наказывалось гораздо мягче, чем убийство детьми родителей: за первое полагалось тюремное заключение на год, тогда как за второе – смертная казнь [1, с. 35].

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Соборное уложение также впервые ввело понятие необходимой обороны. Допускалось убийство в порядке самообороны, защиты имущества, соседа и хозяина, при этом закон не требовал соразмерности средств обороны и нападения [14, с. 104].

Имущественным преступлениям посвящена глава XXI. Как отмечает И.В. Упоров, здесь сформулированы составы деяний против личности и имущества, при этом различался разбой (насильственное завладение) и татьба (кража) [1, с. 34]. Система наказаний строилась по принципу нарастания строгости в зависимости от рецидива. За первую кражу полагалось битьё кнутом, отрезание уха и тюрьма; за третью – смертная казнь [1, с. 34]. За первый разбой следовало комплексное наказание, за второй – смертная казнь [1, с. 34-35]. К.Д. Николаев и Е.В. Косьяненко отмечают, что в Уложении позиция законодателя в отношении конфискации имущества четко определена, и она применялась как дополнительный вид наказания [9, с. 110].

Преступления против нравственности не были выделены в отдельную главу. Как отмечает А.Н. Федорова, к ним относились сводничество, блуд жены, непочтение родителей [14, с. 103]. В главе XXII предусматривалась ответственность за сводничество для блуда, а также за убийство матерью внебрачных детей, которое каралось смертной казнью [1, с. 35].

Включение этих составов свидетельствовало о стремлении государства контролировать частную жизнь подданных, что было характерно для абсолютизма. Как замечает И.В. Упоров, в Уложении впервые в российском праве предусматривается наказание в виде ссылки [1, с. 36].

В историко-правовой литературе существуют различные подходы к классификации. Традиционная систематизация М.Ф. Владимирского-Буданова предполагает деление глав на пять частей, включая «государственное право» (главы I-IX) [8] [13, с. 139].

Однако, как указывает В.Д. Ярыш, сегодня нельзя назвать первые девять глав «государственным правом», поскольку они представляют собой главным образом уголовный закон, построенный по степени уменьшения ценности объектов охраны [13, с. 139 140]. Такой подход представляется более адекватным.

Другой дискуссионный вопрос связан с отнесением преступлений против нравственности. Некоторые исследователи (например, С.В. Юшков) включают их в состав преступлений против личности [12]. Однако, учитывая специфику объекта посягательства (общественная нравственность), более обоснованным представляется их выделение в самостоятельную группу.

Также вызывает дискуссию вопрос о наличии норм общей части уголовного права. Как отмечает И.В. Упоров, специальных норм Общей части Уложение не содержало, однако из ряда статей усматривается выделение таких институтов, как вменяемость, формы вины, соучастие, смягчающие и отягчающие обстоятельства [1, с. 37].

Сравнение с предшествующими актами позволяет выявить ключевые тенденции. Во-первых, произошло значительное расширение круга преступных деяний: появились воинские преступления, преступления против семьи, чести и достоинства [1, с. 1]. Во-вторых, изменилось само понимание преступления: на первый план вышел формальный критерий – нарушение царской воли, что, по мнению В.А. Томсинова, утвердилось в юриспруденции еще до издания Уложения [11, с. 174].

В-третьих, система наказаний стала более дифференцированной и жестокой. Смертная казнь предусматривалась в 52 статьях, причём как простая, так и квалифицированная (сожжение, залитие горла металлом, закапывание живьём) [16, с. 345]. Членовредительские наказания выполняли сигнальную функцию, выделяя преступника из массы людей [1, с. 37].

В-четвёртых, появились нормы уголовно-исполнительного характера, в частности, о ссылке и принудительных работах. Ссылка стала характерной чертой уголовной политики России на несколько веков вперёд, и уже с середины XVII века начинают проглядываться фискальные цели эксплуатации труда заключённых [1, с. 36-37].

Выводы

Проведённый анализ позволяет сделать следующие выводы. Соборное уложение 1649 года представляет собой первый в истории России систематизированный уголовный закон, в котором была предпринята попытка классификации преступных деяний по объекту посягательства. Эта классификация строилась на принципе иерархии охраняемых объектов, причём на первое место была поставлена православная вера, затем – государство, порядок управления, правосудие, личность, имущество и, наконец, нравственность. В то же время данная иерархия и деление носила достаточно условный храктер, поскольку существовала тесная взаимосвязь между различными группами преступлений. В Уложении получил развитие формальный подход к пониманию преступления как нарушения царской воли и установленного правопорядка, что отражало процессы укрепления абсолютизма и бюрократизации управления. Вместе с тем сохранялись и элементы

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

материального подхода, особенно в имущественных преступлениях. Значительным новшеством стало появление целого блока преступлений против веры, что было обусловлено усилением роли православной церкви как исторически сложившейся нравственной и идеологической опоры. Преступления против государства также получили более детальную регламентацию, причём ответственность за них могла распространяться на членов семьи изменника.

Система преступлений против личности включала убийство, нанесение увечий, побои, оскорбление чести. Законодатель впервые ввёл понятие необходимой обороны и дифференцировал ответственность в зависимости от умысла.

Имущественные преступления (разбой, татьба, мошенничество) карались по принципу нарастания строгости в зависимости от рецидива, при этом конфискация имущества стала применяться как дополнительное наказание.

Преступления против нравственности, хотя и не были выделены в отдельную главу, получили достаточно подробную регламентацию, что свидетельствовало о стремлении государства контролировать частную жизнь подданных.

Дискуссионные вопросы, связанные с классификацией преступлений по Уложению, требуют дальнейшего исследования. В частности, более обоснованным представляется подход, согласно которому первые девять глав Уложения следует рассматривать не как «государственное право», а как уголовный закон, построенный по степени убывания ценности объектов охраны.

Соборное уложение 1649 года заложило основы российской уголовно-правовой традиции на последующие два столетия. Многие его нормы, хотя и в изменённом виде, сохраняли силу вплоть до Свода законов Российской империи 1832 года, а отдельные положения – даже до 1917 года [7, 10]. Изучение его системы классификации преступлений позволяет глубже понять генезис отечественного уголовного права и эволюцию правосознания в Московском государстве XVII века.

Список источников

1. Упоров И.В. Соборное уложение 1649 года: особенности регулирования уголовно-правовых отношений // Социосфера. 2025. № 2. С. 32 – 38.

2. Ельчанинова О.Ю. «Буква закона» и «дух права»: к вопросу об особенностях толкования Соборного уложения 1649 года // Образование и право. 2026. № 2. С. 252 – 260.

3. Карпиченко Н.П. Соборное уложение 1649 года // Право и образование. 2019. № 8. С. 152 – 158.

4. Шеслер А.В. Влияние Священного Писания на Соборное уложение 1649 года // Уголовно-исполнительная система Российской Федерации: вопросы исполнения уголовных наказаний, реализации мер пробации, взаимодействия с публичной властью и институтами гражданского общества. сборник тезисов выступлений и докладов участников Международной научно-практической конференции, приуроченной к 90-летию со дня образования Академии ФСИН России. Рязань, 2024. С. 410 – 414.

5. Упоров И.В. Соборное уложение 1649 г. как правовая основа легальной деятельности Московского государства по противодействию преступности // Евразийское научное объединение. 2015. Т. 2. № 11 (11). С. 144 – 147.

6. Упоров И.В. Соборное уложение 1649 г. и его значение в правовом развитии института наказания в виде лишения свободы // Развитие современной науки: теоретические и прикладные аспекты. сборник статей студентов, магистрантов, аспирантов, молодых ученых и преподавателей (29 марта, 2016 г.). Пермь, 2016. С. 202 – 205.

7. Мишина Е.В. Соборное уложение – первый единый свод законов Российского государства и его влияние на дальнейшее развитие отечественного законодательства (к 370-летию Соборного уложения 1649 года) // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2019. № 4 (45). С. 15 – 20.

8. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Москва: Издательство Юрайт, 2025. 653 с. (Антология мысли). ISBN 978-5-534-09818-1 // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. URL: https://urait.ru/bcode/565614 (дата обращения: 06.07.2026)

9. Николаев К.Д., Косьяненко Е.В. Регламентация конфискации имущества в уголовном законодательстве России: Соборное уложение 1649 г. и Артикул воинский 1715 г. с кратким толкованием // Алтайский юридический вестник. 2016. № 3 (15). С. 108 – 111.

10. Федорова А.Н. Соборное уложение 1649 г. в системе источников права // Вестник Самарского юридического института. 2014. № 3 (14). С. 56 – 60.

11. Томсинов В.А. Соборное уложение 1649 г. как памятник русской юриспруденции // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2007. № 1 (270). С. 162 – 188.

12. Суханов М.С. Соборное уложение 1649 года: практикум. Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2019. 200 с.

13. Ярыш В.Д. Современная оценка Соборного уложения 1649 г. как источника права // Общество и право. 2021. № 1 (75). С. 137 – 141.

14. Федорова А.Н. Система преступлений против личности по Соборному уложению 1649 г. // Право и государство: теория и практика. 2012. № 7 (91). С. 103 – 106.

15. Епифанова Е.В. Действие норм Соборного уложения 1649 г. и Воинского артикула 1715 г. о преступлении на примере материалов, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов // Психология. Экономика. Право. 2013. № 1. С. 128 – 134.

16. Чирков П.А. К вопросу о системе наказаний по Соборному уложению 1649 г. // Интеллектуальный потенциал образовательной организации и социально-экономическое развитие региона: Сборник материалов X Международной научно-практической конференции Академии МУБиНТ. Ярославль, 2024. С. 344 – 349.

References

1. Uporov I.V. The Council Code of 1649: Specifics of the Regulation of Criminal Law Relations. Sociosphere. 2025. No. 2. P. 32 – 38.

2. Yelchaninova O.Yu. The "Letter of the Law" and the "Spirit of the Law": On the Specifics of Interpreting the Council Code of 1649. Education and Law. 2026. No. 2. P. 252 – 260.

3. Karpichenko N.P. The Council Code of 1649. Law and Education. 2019. No. 8. P. 152 – 158.

4. Shesler A.V. The Influence of Holy Scripture on the Council Code of 1649. The Penal System of the Russian Federation: Issues of Criminal Sentence Execution, Implementation of Probation Measures, and Interaction with Public Authorities and Civil Society Institutions. Collection of abstracts and papers from the International Scientific and Practical Conference marking the 90th anniversary of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia. Ryazan, 2024. P. 410 – 414.

5. Uporov I.V. The Council Code of 1649 as the Legal Basis for the Muscovite State's Lawful Activities in Combating Crime. Eurasian Scientific Association. 2015. Vol. 2. No. 11 (11). P. 144 – 147.

6. Uporov I.V. The Council Code of 1649 and Its Significance for the Legal Development of the Institution of Punishment in the Form of Deprivation of Liberty. Development of Modern Science: Theoretical and Applied Aspects. ...collection of articles by students, master's students, doctoral candidates, young scientists, and faculty members (March 29, 2016). Perm, 2016. P. 202 – 205.

7. Mishina E.V. The Sobornoye Ulozheniye (Council Code)—the first unified code of laws of the Russian state and its influence on the subsequent development of domestic legislation (marking the 370th anniversary of the Sobornoye Ulozheniye of 1649). Bulletin of the St. Petersburg Law Academy. 2019. No. 4 (45). P. 15 – 20.

8. Vladimirsky-Budanov M.F. Overview of the History of Russian Law. Moscow: Yurayt Publishing House, 2025. 653 p. (Anthology of Thought). ISBN 978-5-534-09818-1. Yurayt Educational Platform [website]. URL: https://urait.ru/bcode/565614 (accessed: July 6, 2026).

9. Nikolaev K.D., Kosyanenko E.V. Regulation of property confiscation in Russian criminal legislation: The Sobornoye Ulozheniye of 1649 and the Artikul Voinsky (Military Articles) of 1715 with brief commentary. Altai Legal Bulletin. 2016. No. 3 (15). P. 108 – 111.

10. Fedorova A.N. The Sobornoye Ulozheniye of 1649 within the system of sources of law. Bulletin of the Samara Law Institute. 2014. No. 3 (14). P. 56 – 60.

11. Tomsinov V.A. The Sobornoye Ulozheniye of 1649 as a monument of Russian jurisprudence. Proceedings of Higher Educational Institutions. Jurisprudence. 2007, No. 1 (270). P. 162 – 188.

12. Sukhanov M.S. The Council Code of 1649: A Practical Course. Arzamas: Arzamas Branch of UNN, 2019. 200 p.

13. Yarysh V.D. Modern Assessment of the Council Code of 1649 as a Source of Law. Society and Law. 2021, No. 1 (75). P. 137 – 141.

14. Fedorova A.N. The System of Crimes Against the Person Under the Council Code of 1649. Law and State: Theory and Practice. 2012, No. 7 (91). P. 103 – 106.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

15. Epifanova E.V. Application of the Provisions on Crimes in the Council Code of 1649 and the Military Articles of 1715: A Case Study Based on Materials Held in the Russian State Archive of Ancient Acts. Psychology. Economics. Law. 2013. No. 1. P. 128 – 134.

16. Chirkov P.A. On the System of Punishments Under the Council Code of 1649. Intellectual Potential of an Educational Organization and Socio-Economic Development of the Region: Proceedings of the 10th International Scientific and Practical Conference of the MUBiNT Academy. Yaroslavl, 2024. P. 344 – 349.

Информация об авторе

Середа С.П., доцент, Вологодский институт права и экономики ФСИН России, sta-sereda2006@yandex.ru

© Середа С.П., 2026

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)
УДК 347.44
DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-6-195-203

Стандарты доказывания и оценка доказательств в делах о несостоятельности (банкротстве): некоторые проблемы практики

[1] Цокур Е.Ф., [1] Поромбрика А.С.,
[1] Юго-Западный государственный университет

Аннотация: *в статье рассмотрены проблемы, возникающие в практике судов при рассмотрении дел о несостоятельности (банкротстве), выявлены основные трудности с которыми стакиваются специалисты, проанализированы основные стандарты доказывания применяемые в судебной практике. Основная цель исследования – рассмотреть стандарты доказывания и оценки доказательств в делах о несостоятельности (банкротстве), выявить проблемные моменты и предложить пути решения. Задачи исследования – определить что понимается под определение «стандарт доказывания», выделить виды стандартов доказывания, применяемые в практике судов в делах о банкротстве, проанализировать проблемы практики, предложить пути решения. По итогам проведенной работы сделан вывод, что стандарт доказывания – это объективный ориентир, объективность его выражается в том, что он задаёт порог, при котором совокупность доказательств становится достаточной для вывода и вынесения решения судом. Предложено в судебных спорах о банкротстве необходимо применять симметричный стандарт доказывания – баланс вероятностей, при котором предоставлении кредиторами первичных доказательств сомнительности сделки бремя доказывания обратного переходит на аффилированных лиц должника. При рассмотрении споров о несостоятельности (банкротстве) суды могут использовать технологии искусственного интеллекта, который может проанализировать относительный размер указанной сделки по отношению к общей задолженности кредиторов по заранее установленным параметрам (чем ближе размер сделки к размеру задолженности, тем выше требования доказывания по отношению к ответчику), степень аффилированности (при прямом родстве и косвенном стандарт будет отличаться) и т.д., в последствии перемножив все коэффициенты, искусственный интеллект поможет оценить каждое доказательство и степень его ценности, а также априорную вероятность обстоятельств, на которые ссылаются стороны спора.*

Ключевые слова: *стандарт доказывания, оценка доказательств, дела о несостоятельности, правоотношение, технологии искусственного интеллекта, ответчик, истец, должник*

Для цитирования: Цокур Е.Ф., Поромбрика А.С. Стандарты доказывания и оценка доказательств в делах о несостоятельности (банкротстве): некоторые проблемы практики // International Law Journal. 2026. Том 9. № 6. С. 195 – 203. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-6-195-203

Поступила в редакцию: 17 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 15 августа 2026 г.; Принята к публикации: 2 октября 2026 г.

Standards of proof and assessment of evidence in insolvency (bankruptcy) cases: some practical issues

[1] Tsokur E.F., [1] Porombrika A.S.,
[1] Southwest State University

Abstract: *the article examines the problems that arise in court practice when considering insolvency (bankruptcy) cases, identifies the main difficulties that specialists face, and analyzes the key standards of proof used in judicial practice. The main goal of the study is to examine the standards of proof and the assessment of evidence in insolvency (bankruptcy) cases, to identify problematic issues, and to propose solutions. The objectives of the study are to define what is meant by the term "standard of proof," to identify the types of standards of proof used in court practice in bankruptcy cases, to analyze the problems encountered in practice, and to propose solutions. Based on the results of the work carried out, it has been concluded that the standard of proof is an objective benchmark; its objectivity lies in the fact that it sets the threshold at which the совокупности of evidence becomes sufficient to draw a conclusion and issue a decision by the court. It is proposed that in bankruptcy litigation, a symmetrical standard of proof should be applied – the balance of probabilities, under which, if creditors provide primary evidence of the dubious nature of a transaction, the burden of proving the opposite shifts to the debtor's affiliated persons. When considering disputes related to insolvency (bankruptcy), courts may use artificial intelligence technologies that can analyze the relative size of the specified transaction in relation to the total debt owed by creditors according to predetermined parameters (the closer the transaction size is to the debt amount, the higher the evidentiary requirements imposed on the defendant), the degree of affiliation (the standard will differ for direct and indirect relationships), and so on. Subsequently, by multiplying all the coefficients, artificial intelligence will help assess each piece of evidence and its value, as well as the prior probability of the circumstances cited by the parties to the dispute.*

Keywords: *standard of proof, assessment of evidence, insolvency cases, legal relationship, artificial intelligence technologies, defendant, plaintiff, debtor*

For citation: Tsokur E.F., Porombrika A.S. Standards of proof and assessment of evidence in insolvency (bankruptcy) cases: some practical issues. International Law Journal. 2026. 9 (6). P. 195 – 203. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-6-195-203

The article was submitted: July 17, 2026; Approved after reviewing: August 15, 2026; Accepted for publication: October 2, 2026.

Введение

Стандарт доказывания и оценки доказательств в делах о несостоятельности (банкротстве) в последнее время вызывают массу дискуссий среди специалистов, возникает справедливый вопрос, почему данной теме уделяют столько внимания в юридической практике и науке. Одной из причин является специфика банкротных споров. В таких делах на кону распределение ограниченного имущества должника между кредиторами. Если суд ошибочно включит в реестр мнимое требование, реальные кредиторы недополучат причитающееся. Поэтому критически важно, чтобы суд тщательно проверял факты: реальность долга, отсутствие пороков в сделках, добросовестность участников. Именно здесь и возникает потребность в гибких стандартах доказывания: иногда нужен более строгий подход, чтобы пресечь злоупотребления, а в других случаях – более гибкий, чтобы выровнять процессуальные возможности сторон.

Данная тема актуальна еще и ввиду информационной асимметрии, которая присуща участникам споров. Так, на практике, часто один из участников (например, независимый кредитор), который не был непосредственным участником сделки между должником и другим кредитором и у него объективно меньше возможностей собрать доказательства, но при этом он может иметь веские сомнения в реальности требований. В таких ситуациях практика идёт по пути пониженного стандарта для заявляющего сомнения: ему достаточно выдвинуть существенные доводы, а бремя их опровержения ложится на оппонента. Это помогает защитить интересы всех кредиторов.

Существует также проблема аффилированности, особую остроту данная тема приобретает, когда в споре участвуют лица, связанные между собой (формально или фактически). Общность интересов повышает риск, что внешне безупречные документы прикрывают фиктивную сделку – например, с целью вывести активы или искусственно завысить долг. Верховный Суд РФ неоднократно указывал: в таких случаях суд

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

должен применять наиболее высокий стандарт доказывания («за пределами разумных сомнений») и не ограничиваться формальной проверкой документов, а искать косвенные свидетельства.

Следует заметить, что правоприменение развивается быстрее, чем меняются нормы закона. Появляются новые схемы (например, сложные цепочки сделок), и судам приходится вырабатывать подходы к оценке доказательств в нестандартных ситуациях. Кроме того, свежие разъяснения высших судов (например, постановления Пленума ВС РФ № 41 и № 42 от декабря 2025 года, которые затронули стандарты доказывания при привлечении к субсидиарной ответственности) снова актуализируют дискуссию: как именно применять те или иные подходы на практике.

Кроме того в доктрине до сих пор нет единого, общепризнанного понимания самого термина «стандарт доказывания», чётких критериев, когда какой стандарт применять, и границ их использования. Это порождает разночтения в судебной практике, споры между юристами и потребность в дальнейших исследованиях.

Таким образом, тема актуальна потому, что от правильного выбора стандарта и качества оценки доказательств напрямую зависит справедливость распределения конкурсной массы, защита прав всех участников процесса и в целом эффективность института банкротства.

Основная цель исследования – рассмотреть стандарты доказывания и оценки доказательств в делах о несостоятельности (банкротстве), выявить проблемные моменты и предложить пути решения.

Материалы и методы исследований

В данном исследовании использовался метод кабинетного обзора работ, которые написаны за последние пять лет по теме применение стандартов доказывания в судебной практике в делах о несостоятельности (банкротстве). Анализ работ осуществлялся по следующим критериям:

- работа должна быть написана в период 2019-2026 гг, по направлению юриспруденция, частно-правовые (цивилистические науки);
- в работе должна фигурировать тема «стандарты доказывания», «оценка доказательств в делах о несостоятельности (банкротстве)»;
- у автора основная масса исследований должна касаться выделенной тематики и смежным темам по направлению правоприменение.

Кроме метода кабинетного обзора применялся метод сравнительного анализа, сравнивались исследования и делались выводы на примере судебных дел разного периода. В частности, было проанализировано более 15 судебных дел в сфере (несостоятельности) банкротства, из-за ограничения объема работы не представляется возможным представить все проанализированные судебные дела, но выводы, которые сделаны, отображены в исследовании.

Также применялся метод толкования права, для этого даже использовались описания стандартов доказывания в странах Западной Европы, а кроме этого применялся весь набор необходимых методов от синтеза до дедукции и индукции.

Использованные методики позволили сделать теоретические выводы и практические рекомендации, которые выражаются в необходимости применять симметричный стандарт доказывания и использовать в практике судов при сборе и анализе доказательств технологии искусственного интеллекта.

Результаты и обсуждения

В России, как и в большинстве континентально-европейских правовых систем, термин «стандарт доказывания» не закреплён в законе. Процессуальные кодексы исходят из принципа свободной оценки доказательств: судья устанавливает факты, руководствуясь внутренним убеждением. Этот подход восходит к традициям французского уголовно-процессуального права эпохи Наполеона [14, с. 221].

Применение стандартов доказывания и оценки доказательств в спорах о несостоятельности (банкротстве) интересовало многих исследователей и специалистов, кто-то анализировал общие подходы, а кто-то разбирал узкие практические вопросы. А.Г. Карапетов и А.С. Косарев написали один из самых цитируемых вкладов: в работе «Стандарты доказывания: аналитическое и эмпирическое исследование» (2019) [5, с. 10-13] они определили стандарт доказывания как «минимальную степень субъективной уверенности судьи» в истинности факта, при которой бремя доказывания считается выполненным. Эта дефиниция часто становится отправной точкой в дискуссиях.

Н. В. Платонова в статье «К вопросу о стандартах доказывания в практике Верховного Суда РФ по делам о банкротстве» (2024) [10, с. 132-141] разбирала, как на практике решаются вопросы установления размера требований кредиторов. Важный вывод: разъяснение Пленума ВАС РФ № 35 не вводило новых по-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

вышенных стандартов, а лишь конкретизировало универсальный тезис – достоверность доказательства оценивается в том числе по его источнику.

С.Л. Сергеева в статье «Стандарты доказывания в делах о несостоятельности (банкротстве)» (2023) [12, с. 26-30] раскрыла понятие и виды стандартов, проиллюстрировав каждый конкретными примерами из судебной практики. Отдельно затрагивала вопрос баланса между принципом состязательности и активной ролью суда в таких делах. Н.О. Столповских защитил кандидатскую диссертацию (2026) [13, с.12] на тему «Стандарт доказывания в делах о несостоятельности (банкротстве) и делах искового производства с участием должника» – это показывает, что тема сейчас в фокусе академической науки.

В. Е. Михалев в своей статье «Применение повышенного стандарта доказывания в общеисковых спорах и делах о несостоятельности (банкротстве)» (2024) [8, с. 144-147] анализировал, в каких именно спорах в рамках банкротства суд склонен применять более строгий стандарт и с чем это связано.

Учёные не сходятся в едином мнении. Например, пока одни обосновывают необходимость повышенных стандартов в отдельных категориях споров (особенно когда есть аффилированность сторон – это повышает риск фиктивности), другие указывают на риски чрезмерного усложнения доказывания для участников. Активно обсуждается, где проходит грань между «балансом вероятностей» и «повышенным стандартом», а также как распределять бремя доказывания, когда у одной из сторон объективно больше возможностей собрать доказательства.

При этом внутреннее убеждение – категория субъективная: у разных судей оно формируется по-разному, из-за чего остро стоит вопрос о единообразии в оценке доказательств. На практике в российском гражданском и арбитражном процессе фактически утвердился довольно строгий стандарт: истцу приходится представлять объёмную и убедительную доказательственную базу, чтобы практически полностью исключить у судьи любые сомнения в обоснованности требований. По степени требовательности такой подход нередко приближается к стандартам, характерным для уголовного судопроизводства.

В делах о банкротстве подход суда к доказательствам гибче, чем в обычном гражданском процессе, при этом стандарт доказывания – это не жёсткое правило, а скорее ориентир. Он помогает судье понять, насколько убедительны доказательства, чтобы установить факт и принять решение. А оценка доказательств – это уже сам процесс: суд смотрит на каждое доказательство, проверяет его достоверность, а потом решает, достаточно ли их в совокупности. И вот в банкротстве эти два понятия тесно переплетены: стандарт задаёт планку, а оценка – как суд до неё добирается.

В делах о несостоятельности (банкротстве) суды, как правило, не применяют один универсальный стандарт. Они выбирают подходящий под ситуацию, чтобы сбалансировать справедливость и реальность возможностей сторон. Принято выделять следующие варианты стандартов:

- обычный (баланс вероятностей, разумная степень достоверности). Применяется, когда у сторон примерно равные возможности собрать доказательства. Достаточно, чтобы доказательства не были опровергнуты оппонентом;

- пониженный – используется, когда у стороны объективно мало возможностей собрать доказательства (большая часть находится у оппонента). Например, когда один кредитор оспаривает требование другого: ему достаточно выдвинуть «существенные сомнения», а бремя опровержения ложится на того, кто заявляет требование;

- повышенный – нужен, когда есть риск фиктивности. Например, при рассмотрении заявления о включении требования в реестр суд проверяет не только формальные документы (договор, платёжки), но и ищет косвенные признаки порока: экономическую необоснованность сделки, цепочки операций, указывающие на мнимость;

- наиболее высокий («за пределами разумных сомнений»). Применяется в особых случаях, например, когда требование заявляет «аффилированное с должником лицо». Из-за общности экономических интересов выше риск, что внешне безупречные документы прикрывают фиктивную сделку. Суд требует от такого кредитора не просто «минимальный комплект», а исчерпывающе раскрыть все существенные обстоятельства сделки, показать её реальную хозяйственную цель.

Важный нюанс сам по себе факт банкротства не запускает автоматически повышенный стандарт. Для этого должны быть дополнительные триггеры: возражения других кредиторов, признаки аффилированности, доводы о пороках сделки. Рассмотрим детально, как суд оценивает доказательства в делах о банкротстве:

- анализирует каждое доказательство, проверяет, насколько оно достоверно, не вызывает ли сомнений (например, не подделано ли, не противоречит ли другим материалам дела);

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

- смотрит на совокупность фактов, часто ни одно доказательство в отдельности не даёт полной картины. Суд оценивает, как разные доказательства (прямые и косвенные) подкрепляют друг друга или, наоборот, противоречат;

- ищет «красные флаги», то есть обстоятельства, которые вызывают наибольшее количество вопросов, так как в делах о банкротстве это особенно актуально. Суд может обратить внимание на то, что финансовое положение кредитора не позволяло передать такую сумму, или что должник не отразил поступление средств в учёте, или что документы изготовлены в странные сроки. При сомнениях суд вправе назначить экспертизу (например, для проверки давности документа);

- учитывает презумпции, так например, существуют опровержимые презумпции (о причинении вреда при безвозмездной сделке или об осведомлённости контрагента о неплатёжеспособности должника). Если заявитель доказал условия презумпции, бремя её опровержения переходит на другую сторону.

Основной подход заключается в том, чтобы не допустить включения в реестр фиктивных требований и защитить реальных кредиторов. Поэтому в банкротстве суд настроен более пристально проверять доказательства, особенно когда есть признаки конфликта интересов или риска злоупотребления.

Рассмотрим детально, какие могут возникать вопросы на практике. Например, в деле о банкротстве, при рассмотрении заявления арбитражного управляющего, кредитора или иных лиц о признании сделки должника с третьим лицом недействительной на основании п. 2 ст. 61.2 Федерального закона № 127 о несостоятельности (банкротстве) (Далее по тексту – Закон о банкротстве), суду, как правило, необходимо установить факт наличия или отсутствия признаков неплатежеспособности у должника в период совершения оспариваемой сделки.

Расшифровка термина неплатежеспособности описана в ст. 2 Закона о банкротстве. В соответствии со ст. 2 Закона о банкротстве неплатежеспособность – это прекращение исполнения должником части денежных обязательств или обязанностей по уплате обязательных платежей, вызванное недостаточностью денежных средств. При этом недостаточность денежных средств предполагается, если не доказано иное. Таким образом, факт наличия просроченной задолженности фактически презюмирует наличие у должника признаков неплатежеспособности. Однако, при определенных обстоятельствах суды могут установить отсутствие признаков неплатежеспособности у должника даже при наличии просроченной задолженности, например в случае, когда такая задолженность будет являться незначительной для должника.

Ярким примером выступает Постановление Десятого Арбитражного апелляционного суда от 11 марта 2026 года по делу № А41-73130/23. Из судебного акта следует: «Финансовый управляющий указал, что задолженность у должника перед первым кредитором возникла ещё в 2020 году. Данным кредитором является АО «СОГАЗ», которое подало заявление о включении в реестр требований кредиторов задолженности в размере 12 878,74 руб. 11 А41-73130/23 (Определение Арбитражного суда Московской области от 15 июля 2024 года по делу №А41-73130/2023). Однако указанная задолженность является недостаточной, чтобы повлечь неплатежеспособность должника по смыслу Закона о банкротстве.

В указанном случае размер задолженности повлиял на оценку доказательства о неплатежеспособности должника, представленного финансовым управляющим. При этом остается неизвестным пороговое значение, при котором размер задолженности будет являться недостаточным для установления наличия признаков неплатежеспособности по смыслу Закона о банкротстве. К примеру, если бы размер задолженности составлял не 12 878,74 руб., а 13 878,74 руб., неизвестно, пришёл бы суд к тем же выводам или нет. Не известно в данном случае, в какой момент размер задолженности превысит пороговое значение и станет достаточным для установления судом у должника признаков неплатежеспособности.

Вместе с тем, в данном случае, вероятно, на выводы суда повлиял и личность должника. Как следует из судебного акта, должник выступал поручителем по долгам крупных юридических лиц, что косвенно свидетельствует о его высоком материальном достатке и объективной финансовой возможности погасить требование в размере 12 878,74 руб. Тогда как, при рассмотрении дела о банкротстве гражданина, проживающего за чертой бедности, при наличии просроченной задолженности в размере 12 878,74 руб., образовавшейся в следствии невыплаты «микрозайма», суд, вероятно, пришёл бы к выводам о наличии у должника признаков неплатежеспособности на основании указанной задолженности. Таким образом, суды, при оценке доказательств, их весомости и достаточности, исходят из исчисляемого размера доказательства и индивидуальных признаков сторон спора.

На практике часто возникает ситуация, когда сумма долга формально есть, но по совокупности обстоятельств она не свидетельствует о реальной неплатёжеспособности. Некоторые исследователи предлагают решать данную проблему с помощью установления определенного порога суммы в процентном соотношении, при этом, следует закрепить законодательно фиксированный процент при превышении которого

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

должника можно будет считать неплатежеспособным – например, «долг свыше 30% от активов – признак неплатёжеспособности» [9, с. 84-91]. Однако на практике установление таких норм может создать лазейки для злоупотреблений. Стороны начнут искусственно «подгонять» показатели, чтобы обойти норму, или, наоборот, окажутся в ситуации, когда формальное соблюдение процента не отражает реальной картины. Закон уже содержит некоторые количественные ориентиры (например, минимальный размер требований для возбуждения дела – 2 млн. рублей для юридических лиц), но они служат фильтром на входе, а не окончательным критерием неплатёжеспособности.

Решить проблему можно с помощью гибкого подхода с опорой на оценку всех обстоятельств дела. Суды должны делать ставку на комплексный, оценочный анализ. Суть в том, чтобы посмотреть не только на цифры, но и на контекст, при этом необходимо учитывать:

- характер задолженности – является ли она устойчивой или это разовый кассовый разрыв? Есть ли планируемые поступления, которые позволят погасить долг и т.д.;
- ликвидность активов, при этом важно не просто сопоставлять балансовую стоимость, а смотреть на реальную (рыночную) стоимость имущества. Иногда в балансе активы «раздуты», а по факту быстро превратить их в деньги для расчётов с кредиторами нельзя;
- динамику финансового состояния – растёт ли диспропорция между обязательствами и активами со временем? Были ли признаки ухудшения до появления конкретного долга;
- поведение должника – предпринимал ли он шаги для урегулирования ситуации? Есть ли признаки сокрытия активов?
- специфику бизнеса, для некоторых отраслей характерны высокие уровни закредитованности, и то, что для другой сферы было бы тревожным сигналом, здесь – норма.

Верховный Суд РФ в своих разъяснениях последовательно подчёркивает: нельзя ограничиваться формальной цифрой. Суд вправе отказать во введении процедуры банкротства, если должник докажет, что временные трудности носят преодолимый характер.

В делах о несостоятельности (банкротстве) часто применяется повышенный стандарт, для вынесения решения требуются ясные и убедительные доказательства. Потому что в банкротстве есть риск фиктивных долгов: стороны могут сфальсифицировать документы, чтобы вывести деньги из конкурсной массы в пользу «дружественного» кредитора. Поэтому суд не ограничивается формальной проверкой бумаг, он проверяет финансовое положение кредитора (мог ли он реально дать такую сумму?), смотрит, как должник потратил деньги, есть ли следы в учёте, нет ли признаков мнимости или притворности сделки. Стандарт здесь задаёт более высокий порог достоверности – судья должен быть убеждён сильнее, прежде чем включить требование в реестр [7, с. 45-52].

Стандарт подталкивает суд не принимать доказательство на веру. Например, если кредитор подтверждает передачу наличных только распиской, суд при повышенном стандарте задаст вопросы: а позволяло ли финансовое положение кредитора выдать такую сумму? Есть ли косвенные подтверждения (выписки, отчёты)? Не противоречит ли расписка другим материалам дела? Стандарт не даёт суду просто констатировать: «Документ есть – значит, факт доказан». Он требует анализа: насколько доказательство внутренне непротиворечиво, согласуется ли с другими фактами.

При этом одно косвенное доказательство само по себе может быть слабым. Но если несколько таких доказательств (показания, документы, поведенческие признаки) складываются в непротиворечивую картину – при соответствующем стандарте суд может счесть совокупность достаточной. Стандарт помогает понять: где граница, когда разрозненные факты превращаются в убедительную систему [11, с. 49-54].

Целесообразно поэтому в судебных спорах о банкротстве применять симметричный стандарт доказывания – баланс вероятностей, при котором предоставлении кредиторами первичных доказательств сомнительности сделки бремя доказывания обратного переходит на аффилированных лиц должника. Его суть в следующем: суд признаёт факт доказанным, если на основе представленных доказательств можно сделать вывод, что это обстоятельство «скорее имело место, чем не имело». Иными словами, судья взвешивает версии обеих сторон и принимает решение в пользу той, которая выглядит более убедительной.

Ключевая идея симметрии в том, что «стандарт одинаков для обеих сторон спора». Если у сторон равные возможности собрать доказательства (никто не находится в заведомо более слабом положении), суд оценивает их аргументы на этой общей платформе. Допустим, в деле о банкротстве один кредитор включает своё требование в реестр, а другой оспаривает это, заявляя, что сделка фиктивная [6, с. 123]. При симметричном стандарте оба должны представить доказательства в поддержку своей позиции. Если кредитор, оспаривающий требование, представит косвенные улики (например, странности в движении денег), суд не

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

автоматически перекладывает бремя на другого. Он просто оценивает: какая из версий – реальная сделка или фиктивная – при такой совокупности доказательств выглядит более вероятной.

Важный нюанс: даже при «балансе вероятностей» возможна ситуация, когда бремя опровержения фактически смещается. Если одна сторона представила убедительные первичные доказательства (например, показала цепочку платежей, ставящую под сомнение реальность долга), а вторая не представила контраргументов, суд может счесть, что оппонент не опроверг доводы, и принять решение в пользу первой стороны [15, с. 28-34].

Таким образом, стандарт доказывания – это объективный ориентир. Он нужен, чтобы оценивать достоверность и достаточность доказательств. Такой подход делает результаты судебного познания верифицируемыми и помогает снизить субъективизм в усмотрении судьи.

Как показывает практика, при сборе доказательств в делах о несостоятельности (банкротстве) полезно использовать современные технологии, например искусственный интеллект (далее ИИ), который способен оптимизировать работу юристов, управляющих и кредиторов. Наиболее значимые плюсы использования ИИ, которые способны оптимизировать деятельность юристов можно свести к следующим факторам:

- скорость обработки больших объёмов данных, в делах о банкротстве часто скапливаются тысячи страниц: банковские выписки, договоры, протоколы собраний, переписка. ИИ (в частности, NLP-модели) анализирует их гораздо быстрее человека, сразу выделяя ключевые факты: суммы, даты, реквизиты, имена контрагентов;

- структурирование информации, нейросети группируют документы по участникам, эпизодам или типам операций. На их основе можно быстро составить предварительную хронологию событий – это сильно упрощает понимание общей картины дела;

- выявление скрытых связей и аномалий, одна из самых сложных задач – найти аффилированность лиц или подозрительные сделки. ИИ строит «графы связей»: сопоставляет платежи, договоры, даты и показывает цепочки, которые человек мог не заметить. Он также ловит «красные флаги»: повторяющиеся шаблоны операций, расхождения в датах, отсутствие документов, на которые ссылается сторона, аномальные переводы перед подачей на банкротство;

- помощь в розыске активов, существуют сервисы, которые в автоматическом режиме собирают сведения из разных реестров (недвижимость, транспорт, счета, блокчейн-активы) и с помощью ИИ выявляют незадекларированное имущество должника;

- поддержка в формировании гипотез, ИИ не даёт готовых юридических выводов, но может подсветить потенциальные противоречия или необычные обстоятельства, которые стоит проверить. Это помогает юристу сфокусировать поиск доказательств на самых перспективных направлениях;

- снижение риска пропуска важных деталей, когда алгоритм проверяет 100% сделок или выписок, вероятность, что какая-то транзакция ускользнёт от внимания, заметно снижается;

- экономия ресурсов, автоматизация рутинных задач (составление черновиков запросов, ходатайств, подготовка справочных материалов) высвобождает время команды для стратегической работы: анализа правовой позиции, подготовки к заседаниям, переговоров;

- возможность моделирования сценариев. ИИ помогает просчитывать разные варианты развития событий (например, «что, если» та или иная сделка будет оспорена) и прогнозировать, как это повлияет на распределение выплат между кредиторами.

При всех плюсах критически важно помнить: ИИ – это инструмент поддержки, а не замена юристу. Результат его работы (гипотезы, выявленные связи) нужно обязательно проверять вручную: сверять с первоисточниками, оценивать юридическую значимость найденных фактов, исключать «галлюцинации» модели. Суды тоже подходят к таким данным осторожно: сами по себе сгенерированные ИИ выводы обычно не принимаются как самостоятельное доказательство – требуется, чтобы специалист подтвердил их достоверность и показал источник.

Выводы

В исследовании сделан вывод, что стандарт доказывания – это объективный ориентир, объективность его выражается в том, что он задаёт порог, при котором совокупность доказательств становится достаточной для вывода и вынесения решения судом.

В судебных спорах о банкротстве необходимо применять симметричный стандарт доказывания – баланс вероятностей, при котором предоставлении кредиторами первичных доказательств сомнительности сделки бремя доказывания обратного переходит на аффилированных лиц должника.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Кроме того, так как зачастую все существенные факторы, определяющие стандарт доказывания и численные показатели каждого из них установить невозможно или чрезвычайно затруднительно из-за чрезмерно большого объёма данных, обработка таких данных может быть возложена на искусственный интеллект. Так у судей может быть искусственный помощник с заранее установленными параметрами, позволяющие наиболее объективно установить стандарт доказывания для сторон спора.

При рассмотрении спора о признании сделки недействительной, искусственный интеллект может проанализировать относительный размер указанной сделки по отношению к общей задолженности кредиторов по заранее установленным параметрам (чем ближе размер сделки к размеру задолженности, тем выше требования доказывания по отношению к ответчику), степень аффилированности (при прямом родстве и косвенном стандарт будет отличаться) и т.д., в последствии перемножив все коэффициенты, искусственный интеллект поможет оценить каждое доказательство и степень его ценности, а также априорную вероятность обстоятельств, на которые ссылаются стороны спора.

Список источников

1. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

2. Постановление Пленума ВАС РФ от 22.06.2012 № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве» (с изменениями и дополнениями) // СПС «КонсультантПлюс».

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 42 от декабря 2025 года «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2020) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10.06.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

5. Карапетов А.Г., Косарев А.С. Стандарты доказывания: аналитическое и эмпирическое исследование // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. Приложение к ежемесячному журналу. 2019. № 5 (63). С. 10 – 13.

6. Карелина С.А. Правовые проблемы несостоятельности (банкротства): учебник для вузов. М.: Юрайт, 2023. 412 с.

7. Киселев М.О. Проблемы установления периода подозрительности при оспаривании сделок в деле о банкротстве несостоятельного должника // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2025. № 10. С. 45 – 52.

8. Михалев В.Е. Применение повышенного стандарта доказывания в общеисковых спорах и делах о несостоятельности (банкротстве) // Образование и право. 2024. № 2. С. 144 – 147.

9. Никонорова Е.С. Особенности оценки относимости доказательств в делах о несостоятельности (банкротстве) // Современное право. 2025. № 9. С. 84 – 91.

10. Платонова Н.В. К вопросу о стандартах доказывания в практике Верховного Суда РФ по делам о банкротстве // Правоприменение. 2024. Т. 8. № 3. С. 132 – 141.

11. Росиков А. Наиболее высокий стандарт доказывания в делах о банкротстве // Юридический справочник руководителя. 2024. № 7.

12. Сергеева С.Л. Стандарты доказывания в делах о несостоятельности (банкротстве) // Арбитражный и гражданский процесс. 2023. № 2. С. 26 – 30.

13. Столповских Н.О. Стандарт доказывания в делах о несостоятельности (банкротстве) и делах искового производства с участием должника: дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2026.

14. Треушников М.К. Судебные доказательства. М.: Городец, 2021. 576 с.

15. Ярошенко Т.В. Проблема стандартов доказывания в гражданском и арбитражном процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2025. № 12. С. 28 – 34.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

References

1. Federal Law No. 127-FZ of October 26, 2002, "On Insolvency (Bankruptcy)". Collected Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 43. Art. 4190.

2. Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation No. 35 of June 22, 2012, "On Certain Procedural Issues Related to the Hearing of Bankruptcy Cases" (as amended and supplemented). ConsultantPlus Legal Reference System.

3. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 42 of December 2025, "On Certain Issues Related to Holding Persons Controlling the Debtor Liable for Subsidiary Obligations". ConsultantPlus Legal Reference System.

4. Review of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 (2020) (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on June 10, 2020). ConsultantPlus Legal Reference System.

5. Karapetov A.G., Kosarev A.S. Standards of Proof: An Analytical and Empirical Study. Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. Supplement to the monthly journal. 2019. No. 5 (63). P. 10 – 13.

6. Karelina S.A. Legal Issues of Insolvency (Bankruptcy): Textbook for Higher Education Institutions. Moscow: Yurayt, 2023. 412 p.

7. Kiselev M.O. Problems of Establishing the Suspicious Period When Challenging Transactions in the Bankruptcy Case of an Insolvent Debtor. Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2025. No. 10. P. 45 – 52.

8. Mikhalev V.E. Application of an elevated standard of proof in general civil disputes and insolvency (bankruptcy) cases. Education and Law. 2024. No. 2. P. 144 – 147.

9. Nikonorova E.S. Specifics of assessing the relevance of evidence in insolvency (bankruptcy) cases. Modern Law. 2025. No. 9. P. 84 – 91.

10. Platonova N.V. On the issue of standards of proof in the practice of the Supreme Court of the Russian Federation regarding bankruptcy cases. Law Enforcement. 2024. Vol. 8. No. 3. P. 132 – 141.

11. Rosikov A. The highest standard of proof in bankruptcy cases. Legal Handbook for Executives. 2024. No. 7.

12. Sergeeva S.L. Standards of proof in insolvency (bankruptcy) cases. Arbitration and Civil Procedure. 2023. No. 2. P. 26 – 30.

13. Stolpovskikh N.O. The standard of proof in insolvency (bankruptcy) cases and civil action proceedings involving a debtor: Diss. ... Cand. Sc. (Law). Saratov, 2026.

14. Treushnikov M.K. Judicial Evidence. Moscow: Gorodets, 2021. 576 p.

15. Yaroshenko T.V. The problem of standards of proof in civil and arbitration proceedings. Arbitration and Civil Procedure. 2025. No. 12. P. 28 – 34.

Информация об авторах

Цокур Е.Ф., кандидат исторических наук, доцент, Юго-Западный государственный университет, tsokuref@mail.ru

Поромбрика А.С., аспирант, Юго-Западный государственный университет, porombrika5@mail.ru

© Цокур Е.Ф., Поромбрика А.С., 2026

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)
УДК 325.1 + 342.7
DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-6-204-210

Особенности миграционной политики и ее влияние на национальную безопасность России

[1] Наумова Н.В., [1] Евтюхова А.В.,
[1] Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы

Аннотация: *в статье рассматриваются особенности миграционной политики Российской Федерации в условиях реформирования. Анализируемая тема приобретает новый правовой вектор, так как в последнее десятилетие число иностранных граждан, прибывших в Российскую Федерацию в результате международной миграции, значительно увеличилось. В настоящее время новым направлением стало предупреждение нелегальной миграции и внедрение цифровизации в миграционные процессы. В связи с этим авторы, проанализировав актуальное законодательство исследуемой проблемы, взгляды научного сообщества, мнения экспертов-практиков, раскрыли некоторые дискуссионные положения. Отдельное внимание было уделено изучению передовых международных практик и обращению к статистическим данным, представленным Федеральной службой государственной статистики РФ.*

На основе анализа действующего законодательства Российской Федерации: Федерального закона №115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» от 31.07.2025 (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025), Трудового кодекса Российской Федерации, Концепции государственной миграционной политики РФ на 2026-2030 годы, Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2036 года, ряда соглашений России с зарубежными государствами, авторы предложили дополнить существующие положения перечнем изменений, связанных с гарантиями трудовых мигрантов, ответственностью работодателей и направляющей стороны. Такого рода корректировки позволят создать обновленный правовой портрет трудящегося-мигранта.

Полагаем, что представленные выводы будут способствовать защите основ конституционного строя Российской Федерации, обеспечению национальной безопасности России, межнациональному миру и согласию, модернизации государственного управления в целом, и тема миграционной политики не будет являться «раздражающим фактором» для россиян.

Ключевые слова: *миграционная политика, миграционные потоки, законодательство, патент, иностранный гражданин, гарантии*

Для цитирования: Наумова Н.В., Евтюхова А.В. Особенности миграционной политики и ее влияние на национальную безопасность России // International Law Journal. 2026. Том 9. № 6. С. 204 – 210. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-6-204-210

Поступила в редакцию: 18 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 15 августа 2026 г.; Принята к публикации: 2 октября 2026 г.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Features of migration policy and its impact on Russia's national security

[1] Naumova N.V., [1] Evtyukhova A.V.,
[1] Vladimir branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration

Abstract: *the article examines the features of the migration policy of the Russian Federation in the context of reform. The topic under analysis is taking on a new legal dimension, as in the last decade the number of foreign citizens who have arrived in the Russian Federation as a result of international migration has increased significantly. Currently, a new focus has emerged: preventing illegal migration and introducing digitalization into migration processes. In this regard, the authors, having analysed the current legislation on the issue under study, the views of the academic community, and the opinions of expert practitioners, have identified some controversial points. Special attention was paid to studying advanced international practices and referring to the statistical data provided by the Federal State Statistics Service of the Russian Federation.*

Based on an analysis of the current legislation of the Russian Federation: Federal Law No. 115-FZ "On the Legal Status of Foreign Citizens in the Russian Federation" dated July 31, 2025 (with amendments and additions, effective from effective September 01, 2025), the Labor Code of the Russian Federation, the Concept of the State Migration Policy of the Russian Federation for 2026-2030, the National Security Strategy of the Russian Federation until 2036, a number of agreements between Russia and foreign countries, the authors proposed to supplement the existing provisions with a list of changes related to the guarantees of migrant workers, the responsibility of employers and the sending party. Such adjustments will make it possible to create an updated legal portrait of a migrant worker.

We believe that the presented conclusions will contribute to protecting the foundations of the constitutional order of the Russian Federation, ensuring Russia's national security, promoting interethnic peace and harmony, modernizing public administration in general, and ensuring that the topic of migration policy does not become an "irritant" for the Russian people.

Keywords: *migration policy, migration flows, legislation, patent, foreign citizen, guarantees*

For citation: Naumova N.V., Evtyukhova A.V. Features of migration policy and its impact on Russia's national security. International Law Journal. 2026. 9 (6). P. 204 – 210. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-6-204-210

The article was submitted: July 18, 2026; Approved after reviewing: August 15, 2026; Accepted for publication: October 2, 2026.

Введение

Для устойчивого развития России необходимо выстраивание новой модели миграционной политики, которая обеспечит защиту ее национальных приоритетов, таких как основы конституционного строя, государственного суверенитета, сохранение традиционных ценностей. Все это будет находить отражение как во внешней, так и во внутренней политике государства [1].

В настоящий момент действующим документом, регулирующим отношения в сфере миграционных процессов, является Концепция государственной миграционной политики России на 2026-2030 годы, основной акцент которой сделан на усилении борьбы с нелегальной миграцией. Кроме того, в документе отражен механизм отказа от бумажной миграционной карты и внедрение электронного учета иностранных граждан. Предложенные новации должны подготовить правовую платформу для устранения нелегальной миграции и модернизировать государственное управление [2].

Материалы и методы исследований

В исследовании применены как общенаучные, так и частнонаучные методы: логический, системный, сравнительно-правовой, дедукции.

Эмпирическая база включает в себя как нормативные правовые акты Российской Федерации (Указ Президента РФ «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [1]; Указ Президента РФ «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026-2030 годы [2]; Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [3] в актуальной редакции), так и международные правовые документы (межправительственные соглашения РФ с Республикой Таджикистан [4] и РФ с Республикой Узбекистан [5]). Кроме того, были использованы публикации

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

экспертов в области рассматриваемого вопроса: Варшавера Е.А. и др. [6], Воробьевой О.Д. [7], Якимова А.Н. [8].

Результаты и обсуждения

Вопрос регулирования миграционных процессов актуален не только для России, но и для большинства стран мира. Миграционные потоки в основном связаны с экономической сферой, многие иностранные граждане меняют место жительства в поисках заработка. Согласно статистике 2023 года, к странам-лидерам по количеству трудовых мигрантов относятся: США (50,6 млн), Германия (15,8 млн), Саудовская Аравия (13,5 млн), Россия (11,6 млн), Великобритания (9,4 млн), ОАЭ (8,7 млн), Франция (8,5 млн), Канада (8 млн), Австралия (7,7 млн), Испания (6,8 млн). Россия расположена на 4 месте в списке, процент мигрантов от общего числа населения Российской Федерации составляет около 7,9% [9].

Тем, кто прибывает в Россию из других государств для осуществления трудовой деятельности согласно федеральному закону №115-ФЗ (ст. 13.3), необходимо получить патент. Исключение – это страны-участники ЕАЭС, для граждан которых не требуется получение патента [3].

Статистика МВД РФ показывает, что в 2024 году в нашей стране было выдано 2 млн патентов. Это на 4,5% больше, чем годом ранее. Но стоит отметить, что некоторые прибывшие иностранные граждане осуществляют трудовую деятельность незаконно: по данным на 2023 год их число составило 630 тысяч человек [10].

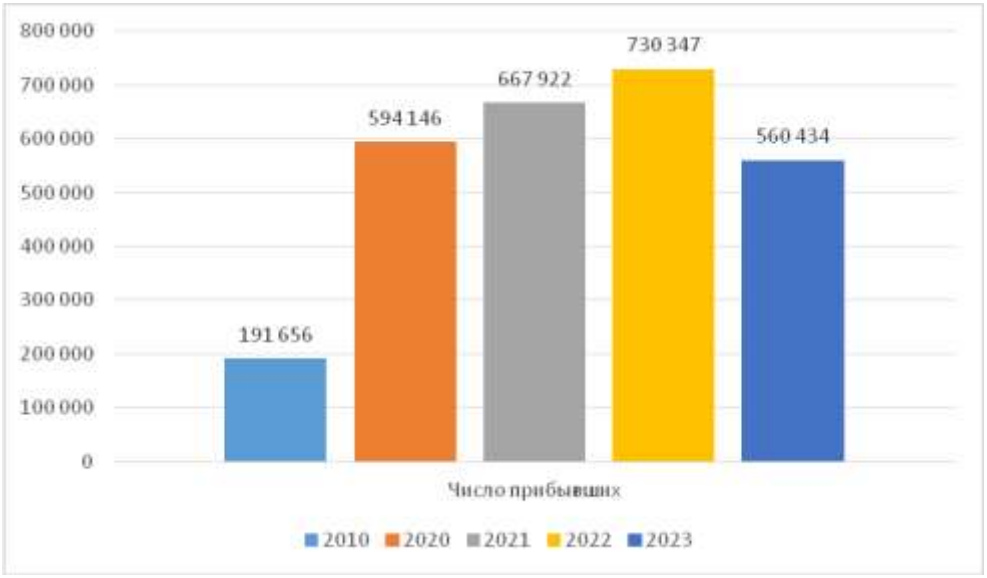

Рис. 1. Число прибывших в РФ в результате международной миграции по годам. *Источник: собрано и составлено авторами по данным Федеральной службы государственной статистики РФ [11].*
Fig. 1. Number of international migrants arriving in the Russian Federation by year. *Source: Compiled by the authors based on data from the Federal State Statistics Service of the Russian Federation [11].*

Анализ динамики миграционных потоков показывает, что число иностранных граждан, прибывших на работу в Россию, начиная с 2010 года, увеличилось. Такая тенденция связана не только с глобализацией, но и с изменением социально-экономического контура как в России, так и в тех государствах, из которых прибывают иностранные граждане для осуществления трудовой деятельности.

Для регулирования миграционных потоков в рамках законной миграции и для защиты прав мигрантов, осуществляющих трудовую деятельность, важны двусторонние межведомственные соглашения между отправляющими странами и РФ, содержащие гарантии правовой поддержки мигрантов. Пример такого документа – Соглашение от 05.04.2017 года между Правительством РФ и Правительством Республики Узбекистан об организованном наборе и привлечении граждан Республики Узбекистан для осуществления временной трудовой деятельности на территории РФ, которое определяет приоритет именно централизованного набора трудовых мигрантов [4]. В соответствии с правовой матрицей выстраивается механизм информирования иностранных граждан об имеющихся в России вакансиях, обеспечивается взаимодействие работодателя и мигранта при посредстве агентств занятости населения и министерств труда и занятости стран,

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

оговаривается обязанность работодателя предоставлять иностранному работнику место проживания в соответствии с необходимыми санитарно-гигиеническими и иными нормами, безопасные условия труда и охраны труда, гарантируется оплата труда не ниже минимального уровня, установленного законодательством РФ.

Этот документ послужил фундаментальным каркасом для Соглашения между Правительством РФ и Правительством Республики Таджикистан об организованном наборе граждан Республики Таджикистан для осуществления временной трудовой деятельности на территории РФ от 17.04.2019 г., отразившим порядок и условия организованного набора граждан Таджикистана, который не ограничивает временное трудоустройство таджикских граждан в России [5, 8].

Изучая правовые матрицы Соглашений, было выявлено, что они содержат такую дефиницию как «трудовой мигрант», а №115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (далее – 115-ФЗ) - нет. В 115-ФЗ содержится ряд норм, отражающих гарантии для высококвалифицированных специалистов (ст.13.2), а для низкоквалифицированных работников такого перечня нет. Это не предусмотрено и в Трудовом кодексе РФ [3, 12]. Для высококвалифицированных специалистов предусмотрены ряд условий, такие, как: отсутствие необходимости оформления патента, высокая заработная плата работника, наличие профессиональных навыков [3]. Но больший акцент хотелось бы сделать на той категории работников, которые не относятся к категории «высококвалифицированные специалисты».

Так, говоря о низкоквалифицированных работниках, стоит отметить, что им для работы в России необходимо получить патент – документ, который подтверждает право иностранца на работу в регионе России (ст.2 115-ФЗ) [3]. Его оформляют лица, прибывшие в страну в безвизовом порядке. Патент действует сроком до 12 месяцев только в том регионе, для которого он оформлен, но патент не привязан к конкретному работодателю. К примеру, если патент получен в Москве, работать трудовой мигрант сможет только в Москве [3].

Но трудовому мигранту, пребывающему на территорию Российской Федерации, необходимо адаптироваться к условиям региона. Адаптация проходит через сочетание законодательных мер, поддержки в трудоустройстве, обеспечения жильём и мер в социальной сфере. Этот процесс тесно связан с получением мигрантом официального статуса и легализацией его пребывания. Переходный процесс может затянуться и вызвать проблемы между коренным населением и мигрантами. Разногласия возникают, прежде всего, потому что иностранцы не хотят адаптироваться к культуре России, прибывая в нашу страну с собственными традициями.

Председатель Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству А.А. Клишас в своем выступлении на сессии Петербургского международного юридического форума (2025 г.) подчеркнул, что для мигрантов в РФ не может существовать отдельного законодательства, они обязаны жить по российским законам. Кроме того, член Совета по правам человека при Президенте РФ К. Кабанов привел статистику исследования Федерального агентства по делам национальностей, согласно которой больше 40% мигрантов не признают российские законы, а 26% являются носителями радикальной идеологии. Эти показатели говорят о наличии серьезной угрозы со стороны мигрантов, которых, к тому же, коренное население считает этническими мигрантами – то есть культурными чужаками в принимающем обществе [6].

Проблема адаптации мигрантов влияет и на возникновение анклавов в районах их проживания. Следует отметить, что в России основная часть мигрантов – временные трудовые мигранты, в первую очередь для них нужна политика адаптации, а не интеграции. Защиту прав мигрантов должна осуществлять не только страна их нахождения, но и страна их гражданской принадлежности.

Здесь интересен опыт других государств, который показывает, что трудовые мигранты могут проживать в районах на окраинах городов. Система с закрытыми трудовыми городками работает в Саудовской Аравии, на таких территориях, например, проживают граждане Узбекистана, которые приезжают как трудовые мигранты. В Сингапуре общежития для такой категории лиц расположены в старых районах на окраине города. Одна из разновидностей этих общежитий – коммерческие, построенные специально для мигрантов. Они представляют собой здания разной степени капитальности, где селятся работники различных компаний. Управлением общежитий занимаются строительные или другие специальные организации, получившие соответствующую лицензию [6].

С учетом лучших иностранных практик предлагаем российскому бизнес-сообществу, пользующемуся услугами трудовых мигрантов, строить или предоставлять специализированные общежития, и, если это возможно, располагать их в непосредственной близости от рабочих мест. Нельзя делать территорию их

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

проживания «закрытой». Без наличия инфраструктуры недопустимо принимать мигрантов, необходимо усилить ответственность для приглашающей стороны за отсутствие жилья.

Кроме того, с начала 2025 года Федеральное агентство по делам национальностей инициировало пилотный проект в пяти регионах России (Республика Саха (Якутия), Республика Татарстан, Хабаровский край, Кемеровская и Челябинская области) по созданию центров адаптации трудовых мигрантов, относящихся к категории низкоквалифицированных специалистов. Такое разделение на категории высококвалифицированных и низкоквалифицированных специалистов характерно не только для России, но и для других стран.

Так, в Японии ключевым уточнением законодательного аспекта стало разделение иностранных работников на такие же категории - в соответствии с их трудовыми навыками и квалификацией. Высококвалифицированные специалисты могут находиться в Японии до пяти лет с последующим продлением рабочей визы, с приглашением в страну своих близких родственников и членов семьи. Для низкоквалифицированных иностранных работников установлено требование единоличного проживания в Японии. Полагаем, что такая мера приемлема и в Российской Федерации [7].

Большое количество трудовых мигрантов в России обусловлено не только потребностью экономики нашей страны в рабочей силе, но и достаточно простым режимом въезда в РФ граждан из Средней Азии. Как считает С. Пушкарев, член Общественной палаты Приморского края, существует проблема в связи с поправкой в №115-ФЗ о патентах для безвизово прибывших в нашу страну. Любой мигрант из Средней Азии может приехать в Россию даже как турист и купить за небольшие деньги патент, после чего он отправится искать работу в РФ.

Именно поэтому считаем, что нужно законодательно уточнить в этой части режим въезда для трудовых мигрантов. В Беларуси, например, нет патентной системы, для привлечения мигрантов работодатель обязан доказать востребованность рабочей силы из-за рубежа.

Трудовые мигранты могут работать в различных отраслях экономики РФ. Однако у субъекта России имеется право ограничивать экономическую деятельность и привлечение иностранцев в той или иной сфере. В 2023 году таких субъектов было 15, в 2024 – 40, в 2025 году уже 51 субъект [13]. Основными видами экономической деятельности, попавшими под запрет, стали: перевозка грузов и пассажиров, производство пищевых продуктов, розничная и оптовая торговля, деятельность в сфере образования и здравоохранения, строительство.

В связи с этим предлагаем уменьшить число патентов или предоставлять их по сферам, в которых нуждается государство или конкретный регион (выдача целевых патентов). При размещении производств на территории субъектов Российской Федерации, в первую очередь, необходимо учитывать демографическую ситуацию. Привлечение потоков трудовых мигрантов не должно составлять конкуренцию трудовой силе, которую может предложить местное население.

Считаем, что необходимо увеличить стоимость патента для трудовых мигрантов. Внесением корректировок Российская Федерация укрепляет свой суверенитет. Сейчас стоимость патента для каждого региона России закреплена в соответствующем законе субъекта. Предлагаем зафиксировать региональные коэффициенты стоимости патентов по каждому субъекту в новом Постановлении Правительства РФ.

В настоящей работе авторы не раз обращались к термину «мигрант», который не имеет законодательного закрепления в федеральном законе. Как справедливо указывает О.В. Кудин, необходимо закрепить на нормативно-правовом уровне дефиницию, определяющую правовой статус трудового мигранта. Данное положение можно включить в статью 2 «Основные понятия» № 115-ФЗ. Тем самым произойдет отход от «собирательного образа» понятия «мигрант», используемого научным сообществом, придав определению юридический смысл и закрепив его в соответствующем нормативном документе, определяющем правовой статус иностранного гражданина. Это позволит сформулировать дефиницию «миграционная политика», утвердив ее на законодательном уровне и устранив существующую лакуну в правовом поле России [14].

Выводы

Подводя итог, отметим, что для защиты государственного суверенитета, сохранения традиционных ценностей необходимо четко сформулировать правовые конструкции и методические рекомендации (приемы, способы, и т.д.), что позволит быстро реализовать Концепцию миграционной политики на 2026-2030 годы, Стратегию национальной безопасности до 2036 года и Стратегию государственной национальной политики на период до 2036 года. С учетом новых вызовов следует доработать систему гарантий для трудовых мигрантов, ужесточить ответственность работодателей и направляющей стороны. Полагаем, что предложенные меры помогут укреплению национальной безопасности Российской Федерации.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Президент России В.В. Путин в своих выступлениях неоднократно поднимал вопрос модернизации существующей миграционной политики и отмечал, что необходимо «сделать так, чтобы тема мигрантов не раздражала россиян», что будет способствовать решению задач по развитию территорий в России, повышению качества жизни населения нашей страны и поддержанию межнационального мира и согласия.

Список источников

1. Указ Президента РФ от 02.07.2021 N 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 05.07.2021, N 27 (часть II), ст. 5351.

2. Указ Президента Российской Федерации от 15.10.2025 г. № 738 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026-2030 годы // Собрание законодательства РФ, 20.10.2025, N 42, ст. 6143.

3. Федеральный закон от 25.07.2002 N 115-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Собрание законодательства РФ, 29.07.2002, N 30, ст. 3032.

4. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Узбекистан об организованном наборе и привлечении граждан Республики Узбекистан для осуществления временной трудовой деятельности на территории Российской Федерации от 5 апреля 2017 года. [Электронный ресурс]. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201712270024 (дата обращения: 22.05.2026)

5. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Таджикистан об организованном наборе граждан Республики Таджикистан для осуществления временной трудовой деятельности на территории Российской Федерации от 17 апреля 2019 г. [Электронный ресурс]. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202002260045 (дата обращения: 25.05.2026)

6. Варшавер Е.А., Рочева А.Л., Иванова Н.С., Андреева А.С. Мигранты в российских городах: расселение, концентрация, интеграция. Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2021 226 с.

7. Воробьева О. Д. Миграционная политика России: учебное пособие для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2021. 182 с. // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. URL: https://urait.ru/bcode/473540 (дата обращения: 21.05.2026)

8. Якимов А.Н. Регулирование миграционных процессов в СНГ, ЕАЭС и Российской Федерации: [Электронный ресурс]. URL: https://mircoalition.org/wp-content/uploads/2021/11/migratsionnye_protsessy_v_eaes_i_sng.pdf (дата обращения: 20.05.2026)

9. Бирюков Е.С. Аравийские монархии как центр трудовой миграции и их миграционная политика (ВАК) // Экономика труда. 2024. Т. 11. № 11. С. 1775 – 1790. URL: https://1economic.ru/lib/122105 (дата обращения: 20.05.2026)

10. МВД оценило количество нелегальных мигрантов в России [Электронный ресурс]. URL: https://www.rbc.ru/society/29/08/2024/66cfe66d9a79477fe6a66e14 (дата обращения: 29.05.2026)

11. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283 (дата обращения: 21.05.2026)

12. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 25.05.2026) // Собрание законодательства РФ, 07.01.2002, N 1 (ч. 1), ст. 3.

13. Кряжев А.В МВД рассказали о запрете на отдельные виды деятельности для мигрантов [Электронный ресурс]. URL: https://ria.ru/20250619/mvd-2024046896.html?ysclid=mg2flczlit156374856 (дата обращения: 01.06.2026)

14. Кудин О.В. К определению понятия «мигрант» в российском законодательстве (ВАК) // Вестник экономической безопасности. 2022. [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-opredeleniyu-ponyatiya-migrant-v-rossiyskom-zakonodatelstve/viewer (дата обращения: 20.05.2026)

References

1. Decree of the President of the Russian Federation No. 400 dated July 2, 2021, "On the National Security Strategy of the Russian Federation". Collection of Legislation of the Russian Federation, July 5, 2021, No. 27 (Part II), Art. 5351.

2. Decree of the President of the Russian Federation No. 738 dated October 15, 2025, "On the Concept of the State Migration Policy of the Russian Federation for 2026-2030". Collection of Legislation of the Russian Federation, October 20, 2025, No. 42, Art. 6143.

3. Federal Law No. 115-FZ dated July 25, 2002 (as amended on July 31, 2025), "On the Legal Status of Foreign Citizens in the Russian Federation" (with amendments and additions entering into force on September 1, 2025). Collection of Legislation of the Russian Federation, July 29, 2002, No. 30, Art. 3032.

4. Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the Republic of Uzbekistan on the organized recruitment and engagement of citizens of the Republic of Uzbekistan for temporary employment within the territory of the Russian Federation, dated April 5, 2017. [Electronic resource]. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201712270024 (date of access: 22.05.2026)

5. Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the Republic of Tajikistan on the organized recruitment of citizens of the Republic of Tajikistan for temporary employment within the territory of the Russian Federation, dated April 17, 2019 [Electronic resource]. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202002260045 (date of access: 25.05.2026)

6. Varshaver E.A., Rocheva A.L., Ivanova N.S., Andreeva A.S. Migrants in Russian Cities: Settlement, Concentration, Integration. Moscow: Delo Publishing House (RANEPA), 2021. 226 p.

7. Vorobyeva O.D. Russia's Migration Policy: A Textbook for Higher Education Institutions. 2nd ed., revised and expanded. Moscow: Yurayt Publishing House, 2021. 182 p. Yurayt Educational Platform [website]. URL: https://urait.ru/bcode/473540 (date of access: 21.05.2026)

8. Yakimov A.N. Regulation of Migration Processes in the CIS, the EAEU, and the Russian Federation: [Electronic resource]. URL: https://mircoalition.org/wp-content/uploads/2021/11/migratsionnye_protsessy_v_eaes_i_sng.pdf (date of access: 20.05.2026)

9. Biryukov E.S. Arabian monarchies as a center of labor migration and their migration policy (VAK). Labor Economics. 2024. Vol. 11. No. 11. P. 1775–1790. URL: https://1economic.ru/lib/122105 (date of access: 20.05.2026)

10. Ministry of Internal Affairs estimated the number of illegal migrants in Russia [Electronic resource]. URL: https://www.rbc.ru/society/29/08/2024/66cfe66d9a79477fe6a66e14 (date of access: 29.05.2026)

11. Federal State Statistics Service [Electronic resource]. URL: https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283 (date of access: 21.05.2026)

12. Labor Code of the Russian Federation No. 197-FZ dated December 30, 2001 (as amended on May 25, 2026). Collection of Legislation of the Russian Federation, January 7, 2002, No. 1 (Part 1), Art. 3.

13. Kryazhev A.V. Ministry of Internal Affairs reported on the ban on certain types of activities for migrants [Electronic resource]. URL: https://ria.ru/20250619/mvd-2024046896.html?ysclid=mg2flczlit156374856 (date of access: 01.06.2026)

14. Kudin O.V. On Defining the Concept of "Migrant" in Russian Legislation (VAK). Bulletin of Economic Security. 2022. [Electronic resource]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-opredeleniyu-ponyatiya-migrant-v-rossiyskom-zakonodatelstve/viewer (date of access: 20.05.2026)

Информация об авторах

Наумова Н.В., кандидат педагогических наук, доцент, Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы, natalya.naumova.69@list.ru

Евтюхова А.В., Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы, anyuta60@yandex.ru

© Наумова Н.В., Евтюхова А.В., 2026

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)
УДК 340:81'42
DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-6-211-218

Законодательный текст как объект междисциплинарного исследования: лингвоправовой аспект

[1] Резникова А.В., [1] Чунахова Л.В., [1] Кравцова Е.В.,
[1] Донской государственный технический университет

Аннотация: *законодательный текст одновременно является формой выражения правовой нормы и особым типом институциональной коммуникации, поэтому его качество нельзя оценивать исключительно средствами юридической техники или только лингвистического анализа. Актуальность исследования усиливается тем, что с 1 января 2025 г. Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» прямо предусматривает проведение лингвистической экспертизы и (или) редактирования проектов нормативных правовых актов.*

Авторы предприняли попытку определить многоуровневую модель лингвоправовой оценки законодательного текста, включающую в себя нормативно-логический, терминологический, синтаксический, структурно-отсылочный, прагматический и межъязыковой уровни.

В статье обосновывается гипотеза, что понятность закона не тождественна бытовому упрощению, в связи с чем оптимальный законодательный текст должен сохранять юридическую точность, системность и прогностичность, одновременно минимизируя устранимую лексическую, синтаксическую и отсылочную сложность. Соответственно, междисциплинарная экспертиза должна рассматриваться как самостоятельный элемент контроля качества нормотворчества.

Ключевые слова: *законодательный текст, язык закона, юридическая лингвистика, юридическая техника, правовая определенность, понятность закона, лингвистическая экспертиза, нормативный правовой акт*

Для цитирования: Резникова А.В., Чунахова Л.В., Кравцова Е.В. Законодательный текст как объект междисциплинарного исследования: лингвоправовой аспект // International Law Journal. 2026. Том 9. № 6. С. 211 – 218. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-6-211-218

Поступила в редакцию: 19 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 16 августа 2026 г.; Принята к публикации: 2 октября 2026 г.

Legislative text as an object of interdisciplinary research: a legal-linguistic perspective

[1] Reznikova A.V., [1] Chunakhova L.V., [1] Kravtsova E.V.,
[1] Don State Technical University

Abstract: *a legislative text is both a form of expressing a legal norm and a specific type of institutional communication; therefore, its quality cannot be assessed solely through legislative drafting techniques or linguistic analysis. The relevance of the issue has increased because, since 1 January 2025, the Federal Law "On the State Language of the Russian Federation" expressly provides for linguistic examination and/or editing of draft regulatory legal acts.*

A multi-level model for legal-linguistic assessment of legislative texts is proposed, covering normative-logical, terminological, syntactic, structural-referential, pragmatic and interlingual levels. A practical algorithm for preliminary legal-linguistic audit of a bill is formulated.

Comprehensibility of legislation is not equivalent to everyday simplification. An optimal legislative text should preserve legal precision, systemic coherence and predictability while minimizing avoidable lexical, syntactic and

referential complexity. Interdisciplinary examination should be regarded as an independent component of legislative quality control.

Keywords: *legislative text, language of law, legal linguistics, legislative drafting, legal certainty, comprehensibility of law, linguistic examination, regulatory legal act*

For citation: Reznikova A.V., Chunakhova L.V., Kravtsova E.V. Legislative text as an object of interdisciplinary research: a legal-linguistic perspective. International Law Journal. 2026. 9 (6). P. 211 – 218. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-6-211-218

The article was submitted: July 19, 2026; Approved after reviewing: August 16, 2026; Accepted for publication: October 2, 2026.

Введение

Законодательный текст традиционно воспринимается прежде всего как внешняя форма нормативного предписания, однако такое определение, будучи юридически корректным, не исчерпывает природы исследуемого объекта. В частности, закон существует для адресата не в виде абстрактной модели правоотношения, а в виде последовательности языковых знаков: терминов, синтаксических конструкций, отсылок, дефиниций, модальных формул и композиционных связей. Следовательно, ошибка в языковом оформлении способна трансформироваться в ошибку толкования, а затем – в расхождение правоприменительной практики, именно поэтому законодательный текст находится на пересечении общей теории права, юридической техники, лингвистики текста, терминоведения, прагматики, психолингвистики и, в определенной части, переводоведения.

В российском праве языковая сторона нормотворчества получила дополнительное нормативное значение, поскольку Федеральный закон от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» закрепляет обязанность соблюдать нормы современного русского литературного языка в установленных законом сферах, а пункт 3.1 статьи 4, действующий с 1 января 2025 г., предусматривает проведение с привлечением специалистов, при необходимости с использованием информационных технологий, лингвистической экспертизы и (или) редактирования подготавливаемых проектов нормативных правовых актов, тем самым лингвистическая оценка текста перестает быть факультативной редакторской процедурой и получает выраженную публично-правовую функцию.

Одновременно требование языковой корректности не может подменять собственно юридические критерии качества закона, в связи с чем Конституционный Суд Российской Федерации последовательно связывает формальную определенность, ясность и недвусмысленность нормы с принципами юридического равенства и верховенства закона. Следует отметить, что в новейшей практике эта позиция получила развитие применительно к бланкетным и отсылочным предписаниям, например, в Постановлении от 29 апреля 2026 г. № 29-П Суд подчеркнул, что оценка определенности осуществляется не только по изолированной формулировке, но и с учетом места нормы в системе правового регулирования и смежных предписаний. Из этого следует, что краткость сама по себе не является достаточным критерием качества, так же как сложность не всегда свидетельствует о дефекте, поэтому научная задача состоит в выявлении той сложности, которая функционально оправдана, и той, которая создается языковой или юридико-технической избыточностью.

В зарубежной юридической лингвистике сходная проблематика рассматривается через категории «special-purpose language», «precision», «accessibility and foreseeability». Так, П. Тирсма показывает, что сложность «legalese» обусловлена не только профессиональной необходимостью, но и исторически закрепившимися языковыми практиками [11, с. 104], тогда как Х. Маттила рассматривает юридический язык как специализированный язык, неотделимый от соответствующей правовой культуры и системы понятий [9, с. 54]. Дж. Гиббонс, в свою очередь, подчеркивает институциональную связь языка и права, так как доступ к правовому содержанию в значительной степени опосредован языком [8, с. 95]. Представляется, что эти подходы позволяют рассматривать понятность не как косметическое свойство текста, а как элемент функционирования права.

Цель настоящего исследования состоит в формировании практикоориентированной лингвоправовой модели исследования законодательного текста. Научная новизна представляется не в механическом соединении лингвистики и права, а в построении единой процедуры, в которой каждое языковое решение оценивается через его возможное юридическое последствие.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Материалы и методы исследований

Материал исследования образуют нормативные и правоприменительные источники, позволяющие сопоставить требования к законодательной форме с их языковой реализацией: Конституция Российской Федерации, Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации»,рекомендации по юридико-техническому оформлению законопроектов в редакции 2021 г., Закон Российской Федерации «О трансплантации органов и (или) тканей человека» постановления Конституционного Суда Российской Федерации. В сравнительном аспекте рассмотрено решение Европейского суда по правам человека по делу «The Sunday Times v. the United Kingdom», сформулировавшее классическую связку доступности, достаточной точности и предвидимости правовых последствий [12].

Научно-теоретическую базу исследования составили работы А.В. Резниковой, А.Р. Мельникова, В.В. Посиделовой, Л.В. Чунаховой и их коллег, посвященные понятности «языка законов», адаптации юридического языка и особенностям юридического дискурса, исследование Г.Р. Искандаровой о границах понимания и языковой оптимизации юридического текста, монография Н.А. Власенко «Язык права», а также труды П. Тирсмы, Х. Маттилы и Дж. Гиббонса. Важно, что отечественные исследования рассматривают адаптацию не как примитивизацию, а как поиск баланса между точностью, экономией и доступностью [6, с. 57].

Формально-юридический метод применялся для установления нормативной функции анализируемых конструкций. Сравнительно-правовой – для сопоставления стандартов определенности и предвидимости. Лингвостилистический и семантико-синтаксический анализ позволили выявлять терминологическую вариативность, номинализацию, пассивные и причастные конструкции, глубину синтаксического вложения. Функционально-прагматический метод использовался для моделирования восприятия текста адресатом: гражданином, должностным лицом, судом, переводчиком. Дополнительно применен точечный количественный подсчет слов в двух редакциях одной нормативной формулы, что позволяет объективировать конкретный эффект редакционного решения.

Результаты и обсуждения

Междисциплинарный статус законодательного текста проявляется прежде всего в несовпадении профессиональных критериев его оценки. Так, для юриста ключевыми являются компетенция нормотворческого органа, системность регулирования, непротиворечивость, определенность прав и обязанностей, корректность отсылок и возможность правоприменения. Для лингвиста, в свою очередь, в фокусе находятся семантическая однозначность, сочетаемость терминов, синтаксическая прозрачность, референциальная определенность, композиционная связность и соответствие нормам литературного языка. Психолингвистический ракурс добавляет вопрос о когнитивной нагрузке: способен ли адресат удержать в рабочей памяти условия, исключения и последствия, распределенные внутри одного длинного предложения.

Значимым ориентиром выступает категория правовой определенности. Так, в Постановлении от 15 июля 1999 г. № 11-П Конституционный Суд Российской Федерации связал неопределенность содержания нормы с возможностью неоднозначного понимания и произвольного применения, и эта позиция, как видится, особенно важна для юрислингвистики, поскольку неоднозначность становится юридически значимой не тогда, когда лингвист фиксирует теоретически возможную полисемию, а тогда, когда она способна породить разные модели поведения или правоприменения.

В этой связи, лингвоправовое качество законодательного текста целесообразно оценивать на шести взаимосвязанных уровнях [2, с. 201]. Первый уровень – нормативно-логический, который позволяет установить, ясно ли определены субъект, условие, действие, запрет, дозволение или последствие, нет ли логически несовместимых исключений. Второй уровень – терминологический, в рамках которого определяется используется ли один термин для одного нормативного понятия, определены ли специальные значения, исключена ли неоправданная синонимия. Третий уровень – синтаксический, позволяющий установить, можно ли без повторного чтения текста закона установить связи между условием и следствием, определением и определяемым словом. Четвертый уровень – структурно-отсылочный, определяющий сколько внешних и внутренних переходов требуется адресату для восстановления полного правила. Пятый уровень – прагматический, реализация которого позволяет установить, способен ли типичный адресат определить, что он должен, вправе или не вправе сделать. Шестой уровень – межъязыковой, определяющий то, сохраняется ли юридическая функция языковой единицы при официальном или профессиональном переводе.

Вместе с тем, именно терминологический уровень особенно наглядно демонстрирует границы упрощения. Так, юридический термин экономит текст, поскольку концентрирует в короткой форме объемное нормативное содержание, в результате чего Н.А. Власенко обоснованно рассматривает нормативно-правовой текст, его лексику, синтагматику и структуру предложения как взаимосвязанные элементы языка права [1,

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

с. 76], а требование «заменить все специальные слова простыми» считает методологически ошибочным. Представляется, что более продуктивно различать неизбежную терминологическую сложность и устранимую канцелярскую избыточность, так как в первом случае необходима дефиниция или стабильное употребление, а во втором случае – редакционная оптимизация.

Показателен вопрос и о номинации органов публичной власти, в рамках которого А.Р. Мельников сопоставил прямую, номинативную адресацию и функциональное обозначение федерального органа исполнительной власти, связав вторую модель с усложнением «языка законов» [6, с.61]. Аналогичная проблема рассматривается в статье А.В. Резниковой, Е.С. Косаревой и О.В. Дышековой [10, с. 1], анализ которых также позволяет говорить о том, что решение проблемы лингвоюридической определенности текста законов нельзя свести к формуле «короче – лучше». Например, в первоначальной редакции абзаца второго статьи 9 Закона Российской Федерации от 22 декабря 1992 г. № 4180-I процедура установления смерти мозга связывалась с актом, утвержденным Министерством здравоохранения Российской Федерации [6, с.62], тогда как в действующей редакции закона используется формула об утверждении процедуры «федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере здравоохранения», то есть прямое наименование органа заменено его функциональным описанием.

Как видится, количественный эффект легко фиксируется, поскольку если считать слова с учетом составного компонента «нормативно-правовому» как одной единицы, исходная конструкция насчитывает 24 слова, а действующая – 38 слов, то есть объем предложения увеличился приблизительно на 58%, одновременно с этим появилась и дополнительная причастная конструкция, внутри которой перечислены функции органа. Вместе с тем, важно отметить, что для профессионального юриста идентификация адресата, как правило, не представляет проблемы, однако для гражданина требуется знание системы федеральных органов исполнительной власти или дополнительный поиск, иными словами, нормативная устойчивость была частично приобретена ценой когнитивной доступности.

Несмотря на это, из этого не следует, что возврат к наименованию «Министерство здравоохранения Российской Федерации» всегда оптимален, так как номинативная формула уязвима к переименованию, разделению компетенции и перераспределению полномочий, а функциональная формула, напротив, сохраняет действие нормы при институциональных изменениях, если функция продолжает существовать, следовательно, лингвоправовая экспертиза должна выявить компромисс [4, с.36]. Например, в ряде случаев более экономной может быть модель «уполномоченный федеральный орган исполнительной власти» с однозначным механизмом определения такого органа на подзаконном уровне, при этом это не универсальная замена, а редакционная гипотеза, которую необходимо проверять на предмет допустимости делегирования и полноты регулирования в конкретной отрасли.

Не менее существенен структурно-отсылочный уровень, поскольку методические рекомендации по юридико-техническому оформлению законопроектов специально регулируют употребление ссылок и, в частности, предусматривают недопустимость ссылок на отсылочные нормы других законодательных актов. С лингвистической точки зрения цепочка «норма – ссылка – новая ссылка» увеличивает расстояние между знаком и регулируемым действием, с юридической точки зрения – еще и повышает риск утраты связи после последующих поправок. Новейшая практика Конституционного Суда подтверждает, что бланкетность сама по себе не порочна, но ясность таких норм должна оцениваться в системном контексте, следовательно, предметом экспертизы является не число отсылок как таковое, а возможность восстановления полного правила для адресата и стабильность такой конструкции во времени.

Для предварительного аудита законопроекта предлагается использовать рабочие индикаторы риска, которые не являются нормативами русского языка и не должны применяться механически. Тем не менее, предложение длиной более 40 слов, более двух уровней вложенных придаточных или обособленных оборотов, последовательная отсылка через два и более внешних акта, вариативное наименование одного субъекта, неопределенное местоименное соотнесение («указанный», «соответствующий», «такой») без ближайшего однозначного референта – основания для обязательного повторного анализа, так как задача индикатора состоит не в автоматическом признании формулировки плохой, а в ее направлении на содержательную проверку.

В дополнение к этому, прагматический уровень предполагает постановку простого, но методологически строгого вопроса: может ли адресат после чтения нормы ответить, какое поведение от него ожидается и какие последствия связаны с выбором. В этой связи, представляется, что в данном случае полезен прием контролируемого парафраза, в рамках которого эксперт формулирует содержание нормы обычным профессионально нейтральным языком, а затем сравнивает парафраз с оригиналом, и, если для пересказа неиз-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

бежно приходится добавлять отсутствующего субъекта, выбирать один из нескольких возможных референтов либо домысливать условие, проблема уже не стилистическая, а потенциально нормативная. Напротив, если парафраз проще лишь за счет раскрытия известного термина, исходная сложность может быть оправданной.

Как видится, именно в этом смысле идея «разумной адаптации языка законов», сформулированная А.В. Резниковой и А.Р. Мельниковым, представляется методологически продуктивной, так как авторы подчеркивают, что адаптация не должна сводиться к механическому упрощению и сокращению, поскольку это может создавать пробелы и переносить основную нагрузку на судебные разъяснения [6, с. 59-60]. Соответственно, ориентиром выступает не минимальное число слов, а минимальная сложность, достаточная для точного выражения полной нормативной модели.

Межъязыковой уровень особенно важен для законодательства, международных договоров, официальных переводов и сравнительного правоведения, в частности, исследование В.В. Посиделовой и Л.В. Чунаховой показывает на материале Европейской конвенции по правам человека и Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности, что фразовые глаголы в англоязычном юридическом дискурсе требуют контекстно обусловленного выбора переводческой трансформации, и в анализируемом материале были выявлены 35 случаев их употребления [5, с. 150-153], что для законодательного текста это означает, что формальная словарная эквивалентность недостаточна: переводчик должен соотнести единицу с юридической функцией в принимающей правовой системе.

С учетом изложенного предлагается практическая матрица лингвоправовой экспертизы, которая предназначена для первичной проверки проекта до его окончательной юридико-технической редакции. Основной принцип матрицы – связывать обнаруженный языковой признак не с эстетической оценкой, а с конкретным правовым риском (табл. 1).

Таблица 1

Матрица первичного лингвоправового аудита законодательного текста.

Table 1

Matrix for the initial linguo-legal audit of a legislative text.

Уровень	Проверяемый признак	Правовой риск	Практическое действие
Нормативно-логический	Субъект, условие, право/обязанность, последствие	Разные модели применения нормы	Восстановить нормативную схему; устранить пропущенные или конкурирующие элементы
Терминологический	Единообразие терминов и дефиниций	Подмена понятия, расширительное / ограничительное толкование	Закрепить один термин; дать дефиницию либо отсылку к базовому понятию
Синтаксический	Длина, вложенность, связь определений	Ошибка соотнесения условий и исключений	Разделить конструкцию, если это не меняет логический объем нормы
Структурно-отсылочный	Цепочки внутренних и внешних ссылок	Неполное восстановление правила, коллизии после поправок	Сократить каскад ссылок; проверить актуальность всех узлов цепочки
Прагматический	Понятность требуемого поведения адресату	Непредсказуемость правовых последствий	Провести контролируемый парафраз и тест на однозначность референтов
Межъязыковой	Эквивалентность юридической функции	Смысловой сдвиг в переводе	Сопоставить не слова, а правовые функции и терминологические системы

Практическое применение матрицы целесообразно организовать в два этапа: на первом этапе юрист-норморайтер устанавливает полноту и место нормы в системе регулирования, а на втором этапе лингвист или редактор анализирует формулировку, не меняя нормативную модель, после чего спорные законодательные формулировки рассматриваются совместно [7, с. 359]. Представляется, что именно такая последовательность принципиальна, поскольку если лингвист редактирует текст до фиксации юридической модели, существует риск непреднамеренного изменения объема прав или обязанностей, если же языковая экспертиза проводится только после завершения всех согласований, исправление выявленного дефекта становится организационно дорогим и потому чаще откладывается.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

В этой связи, закрепленная Федеральным законом № 53-ФЗ возможность привлекать специалистов к лингвистической экспертизе проектов нормативных правовых актов должна развиваться не только как проверка орфографии, пунктуации и нормативности словоупотребления. Практическая ценность нормы раскрывается при расширительном понимании экспертной процедуры, включающем в себя терминологическую согласованность, синтаксическую прозрачность, референциальную определенность и проверку коммуникативной достаточности, которые являются такими же значимыми объектами профессионального анализа, хотя окончательное решение о редакции остается в компетенции нормотворческого органа.

Кроме того, при помощи цифровых инструментов анализа можно автоматически выявлять длину предложений, повторяемость терминов, местоименные цепочки, число отсылок, совпадение наименований органов и наличие потенциально громоздких конструкций, однако алгоритм не способен самостоятельно решить, допустима ли юридическая абстракция, соответствует ли термин отраслевой доктрине и не изменит ли сокращение фразы объем регулирования. Соответственно, информационная технология должна выполнять роль системы сигналов, а не автономного редактора закона, что, в свою очередь, прямо соответствует формуле статьи 4 Федерального закона № 53-ФЗ, допускающей использование информационных технологий наряду с привлечением специалистов.

Необходимо подчеркнуть, что предлагаемый алгоритм особенно полезен для нормативно-правового регулирования социально чувствительных сфер общественных отношений, где адресатом непосредственно выступает гражданин: социальное обеспечение, здравоохранение, образование, административные процедуры, потребительские права. Представляется, что в указанных областях нормативно-правового регулирования языковой аспект увеличивает транзакционные издержки реализации права, так как гражданин вынужден обращаться к дополнительным разъяснениям, ведомственным памяткам или профессиональной юридической помощи. В свою очередь, Г. Р. Искандарова справедливо связывает проблему юридического текста с границами понимания и возможностями языковой оптимизации [3, с. 145], и в этом смысле понятность становится фактором фактической доступности права.

Вместе с тем, существует опасность чрезмерной ориентации на «среднего читателя», тогда как закон адресован неоднородной аудитории, а отдельные нормы объективно требуют специальной подготовки. В частности, налоговое, бюджетное, техническое, медицинское регулирование невозможно полностью освободить от профессиональной терминологии, поэтому лингвоправовая экспертиза должна исходить из принципа адресатной достаточности, в рамках которой уровень сложности считается оправданным, если он необходим для точного регулирования и компенсирован дефинициями, структурой, ясными отсылками или официально доступными разъясняющими материалами. При этом требование понятности не означает, что любой гражданин обязан без подготовки интерпретировать все отраслевые нормы на уровне специалиста, и в этом, как видится, проявляется отличие законодательного текста от информационной памятки о законе. Так, памятка может использовать примеры, вопросы и ответы, визуальные схемы, упрощенную лексику, законодательный текст же обязан сохранять нормативную полноту, универсальность и возможность многократного применения к неопределенному числу ситуаций, поэтому концепция «простого языка» применительно к закону должна быть адаптирована, так как речь идет не о разговорном стиле, а об устранении ненужной сложности при сохранении юридической мощности текста. Сходный вывод вытекает и из работ П. Тирсмы, анализирующего причины трудности понимания юридического языка и движение «Plain English» [11, с. 28], а также из сравнительно-юридической лингвистики Х. Маттилы [9, с. 106].

В результате междисциплинарное исследование законодательного текста позволяет иначе поставить вопрос о качестве закона, так как традиционная формула «точность – ясность – краткость» нуждается в функциональном уточнении. В частности, точность относится к нормативному содержанию; ясность – к возможности однозначно восстановить это содержание из текста; а краткость – к отсутствию избыточных средств выражения, поэтому эксперт должен выбирать не максимальное значение каждого параметра по отдельности, а их оптимальное сочетание, что и составляет лингвоправовой критерий качества.

Выводы

Проведенное исследование подтверждает, что законодательный текст представляет собой самостоятельный междисциплинарный объект, при этом правовая норма не существует для адресата вне языковой формы, а языковая форма приобретает юридическое значение постольку, поскольку влияет на установление прав, обязанностей, запретов, компетенции и последствий, вследствие чего полноценная оценка закона требует взаимодействия юридической техники, лингвистики текста, терминоведения, прагматики, психолингвистики и, в необходимых случаях, переводоведения.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Во-первых, критерием лингвоправового дефекта следует признавать не формальную сложность как таковую, а риск функциональной неопределенности, то есть возможность нескольких разумных моделей понимания, различного определения адресата, условия или последствия. Во-вторых, разумная адаптация языка закона предполагает сокращение только устранимой сложности, тогда как профессиональные термины, правовые абстракции и бланкетные конструкции могут быть оправданы системными задачами регулирования. В-третьих, кейс статьи 9 Закона о трансплантации показывает необходимость оценивать редакционное решение одновременно по параметрам устойчивости и понятности, когда функциональная номинация органа власти защищает норму от части институциональных изменений, но повышает когнитивную стоимость ее чтения. В-четвертых, нормативное закрепление лингвистической экспертизы проектов нормативных правовых актов в Федеральном законе «О государственном языке Российской Федерации» создает правовую основу для более содержательной междисциплинарной процедуры, однако ее предмет целесообразно понимать шире орфографической и стилистической вычитки: экспертный контроль должен включать в себя терминологию, синтаксис, референцию, отсылочную структуру и адресатную понятность. Соответственно, предложенная шестиступенчатая процедура может применяться как рабочий протокол на стадии подготовки и редактирования законопроекта.

Таким образом, качество законодательного текста определяется не количеством специальных слов и не средней длиной предложения, а тем, насколько точно, системно и предсказуемо языковая форма передает нормативную модель. Междисциплинарный лингвоправовой подход позволяет выявлять дефекты до того, как они трансформируются в проблемы толкования и правоприменения, и потому имеет не только научное, но и непосредственное нормотворческое значение.

Список источников

1. Власенко Н.А. Язык права: монография. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2024. 176 с.
2. Голев Н.Д., Мельникова В.С., Напреенко Г.В. Русский юридический текст в парадигме «новой вариантологии» // Сибирский филологический журнал. 2025. № 4. С. 201 – 215.
3. Искандарова Г.Р. Юридический текст: границы понимания и языковая оптимизация // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 2 (100). С. 144 – 150.
4. Напалкова И.Г. Лингво-юридические аспекты современного законотворчества // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. 2020. Т. 7. № 2. С. 36 – 40.
5. Посиделова В.В., Резникова А.В., Чунахова Л.В. Фразовые глаголы в англоязычном юридическом дискурсе и способы их передачи на русский язык // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2025. № 3 (109). С. 148 – 154.
6. Резникова А.В., Мельников А.Р. Разумная адаптация «языка законов» как направление юрислингвистики // Язык и культура как национальное достояние в поликультурной среде: сборник докладов Международной научно-практической конференции. Владикавказ: Северо-Кавказский горно-металлургический институт (государственный технологический университет). 2021. С. 56 – 62.
7. Романовская Л.Р. Юридический дискурс и его роль в изменении законодательства // Юридическая техника. 2023. № 17. С. 359 – 361.
8. Gibbons J. Forensic Linguistics: An Introduction to Language in the Justice System. Malden, MA: Blackwell Publishing, 2003. 337 p.
9. Mattila H.E.S. Comparative Legal Linguistics: Language of Law, Latin and Modern Lingua Francas. 2nd ed. Farnham; Burlington: Ashgate, 2013. 504 p.
10. Reznikova A., Kosareva E., Dyshekova O. Legal linguistics challenges: legal language adaptation in the framework of the Russian Federation language policy // E3S Web of Conferences. 2021. Vol. 273. Art. 11034.
11. Tiersma P.M. Legal Language. Chicago: University of Chicago Press, 1999. 328 p.

References

1. Vlasenko N.A. The Language of Law: A Monograph. Moscow: Norma: INFRA-M, 2024. 176 p.
2. Golev N.D., Melnikova V.S., Napreenko G.V. Russian Legal Text within the Paradigm of "New Variantology". Siberian Philological Journal. 2025. No. 4. P. 201 – 215.
3. Iskandarova G.R. Legal Text: Boundaries of Understanding and Linguistic Optimization. Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 2 (100). P. 144 – 150.
4. Napalkova I.G. Linguistic-Legal Aspects of Modern Law-Making. Bulletin of the Law Faculty of Southern Federal University. 2020. Vol. 7. No. 2. P. 36 – 40.

5. Posidelova V.V., Reznikova A.V., Chunakhova L.V. Phrasal Verbs in English-Language Legal Discourse and Methods of Their Translation into Russian. Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 3 (109). P. 148 – 154.

6. Reznikova A.V., Melnikov A.R. Reasonable Adaptation of the "Language of Laws" as a Direction of Legal Linguistics. Language and Culture as National Heritage in a Multicultural Environment: Collection of Papers from the International Scientific and Practical Conference. Vladikavkaz: North Caucasus Mining and Metallurgical Institute (State Technological University). 2021. P. 56 – 62.

7. Romanovskaya L.R. Legal discourse and its role in changing legislation. Legal technology. 2023. No. 17. P. 359 – 361.

8. Gibbons J. Forensic Linguistics: An Introduction to Language in the Justice System. Malden, MA: Blackwell Publishing, 2003. 337 p.

9. Mattila H.E.S. Comparative Legal Linguistics: Language of Law, Latin and Modern Lingua Francas. 2nd ed. Farnham; Burlington: Ashgate, 2013. 504 p.

10. Reznikova A., Kosareva E., Dyshekova O. Legal linguistics challenges: legal language adaptation in the framework of the Russian Federation language policy. E3S Web of Conferences. 2021. Vol. 273. Art. 11034.

11. Tiersma P.M. Legal Language. Chicago: University of Chicago Press, 1999. 328 p.

Информация об авторах

Резникова А.В., кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой «Иностранный язык в сфере социогуманитарных наук»; Донской государственный технический университет, annreznikova@yandex.ru

Чунахова Л.В., кандидат филологических наук, доцент, Донской государственный технический университет

Кравцова Е.В., Донской государственный технический университет

© Резникова А.В., Чунахова Л.В., Кравцова Е.В., 2026

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)
УДК 349.41
DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-6-219-227

Правовая природа установления публичного сервитута для целей размещения линейных объектов

[1] Рубан Е.П.,
[1] Государственный университет по землеустройству

Аннотация: *в статье исследуется правовая природа публичного сервитута, устанавливаемого для целей размещения линейных объектов, – института, введенного в российское законодательство в 2018 году для упрощения и ускорения процедур оформления земельных отношений под строительство, реконструкцию и эксплуатацию линейных объектов.*

Автор последовательно рассматривает концепции правовой природы публичного сервитута и его развитие, от расширения перечня целей установления публичного сервитута до продления «линейной амнистии». По результатам данного исследования ключевой проблемой автор определяет баланс частных и публичных интересов. Автор обосновывает вывод о том, что групповые (частно-публичные) интересы субъектов естественных монополий и сетевых компаний, прикрывающихся публичным интересом, фактически подменяют подлинно публичные нужды, что приводит к умалению прав частных собственников земельных участков. Выявляется недостаточность процессуальных гарантий: исключение публичных слушаний, неадресное информирование собственников, переложение бремени судебного оспаривания на собственника, возможность фактического лишения владения участком, превышение прав сервитуария над правами собственника земельного участка.

По итогам исследования автор предлагает комплекс законодательных мер, направленных на совершенствование механизма публичного сервитута и защиты прав физических лиц.

Ключевые слова: *публичный сервитут, линейные объекты, земельный участок, право собственности, баланс частных и публичных интересов*

Для цитирования: Рубан Е.П. Правовая природа установления публичного сервитута для целей размещения линейных объектов // International Law Journal. 2026. Том 9. № 6. С. 219 – 227. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-6-219-227

Поступила в редакцию: 20 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 17 августа 2026 г.; Принята к публикации: 2 октября 2026 г.

The legal nature of establishing a public easement for the purposes of locating linear facilities

[1] Ruban E.P.,
[1] State University of Land Use Planning

Abstract: *the article examines the legal nature of a public easement established for the purpose of accommodating linear facilities – an institution introduced into Russian legislation in 2018 to simplify and accelerate the procedures for formalizing land relations for the construction, reconstruction, and operation of linear facilities.*

The author systematically examines the concepts of the legal nature of a public easement and its development, from the expansion of the list of purposes for establishing a public easement to the extension of the "linear amnesty". Based on the results of this study, the author identifies the key problem as the balance between private and public interests. The author substantiates the conclusion that the group (private-public) interests of entities operating as natural monopolies and network companies, which are disguised as serving the public interest, effectively

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

replace genuinely public needs, leading to a diminution of the rights of private landowners. The analysis reveals a lack of procedural guarantees: the exclusion of public hearings, non-targeted notification of owners, shifting the burden of legal challenge onto the owner, the possibility of effectively depriving the owner of possession of the plot, and the exceeding of the servient owner's rights over the rights of the landowner.

Based on the results of the study, the author proposes a set of legislative measures aimed at improving the mechanism of public easement and protecting the rights of individuals.

Keywords: *public easement, linear facilities, land plot, property right, balance of private and public interests*

For citation: Ruban E.P. The legal nature of establishing a public easement for the purposes of locating linear facilities. International Law Journal. 2026. 9 (6). P. 219 – 227. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-6-219-227

The article was submitted: July 20, 2026; Approved after reviewing: August 17, 2026; Accepted for publication: October 2, 2026.

Введение

Появление в 2018 году механизма оформления земельных отношений посредством установления публичного сервитута для линейных объектов является одним из наиболее дискуссионных вопросов в современной российской юридической науке. Законодатель ввел данную новеллу с целью существенного упрощения и ускорения процедур оформления прав на землю для целей строительства, реконструкции и (или) эксплуатации линейных объектов. Однако такое упрощение, исключившее ряд традиционных процедур (обязательное проведение кадастровых работ, изменение категории земельных участков и видов разрешенного использования), породило серьезные теоретические коллизии на стыке гражданского и земельного права.

Изначально сервитут (от лат. servitus – рабство, подчиненность) – право ограниченного пользования чужим земельным участком, впервые возник в Древнем Риме и был обусловлен экономическими и географическими факторами в связи с появлением земельных участков с неудачной экспозицией. Участок мог быть отрезан от водных источников; горный прерывистый рельеф затруднял занятие скотоводством и земледелием, обрывал возможность проезда на общественные дороги. Для решения вопроса о неравноценности земельных участков нужно было ограничить правомочия собственников с выгодным земельным наделом в пользу их соседей [18]. С точки зрения римского права, сервитут может быть установлен только на чужой земельный участок, тем самым обеспечивается право ограниченного пользования чужим земельным участком.

Актуальностью исследования заключается в комплексном теоретико-правовом переосмыслении института публичного сервитута для целей размещения линейных объектов. Обоснование категория групповых (частно-публичных) интересов как самостоятельного типа, проведение системного анализа процессуальных гарантий правообладателей обременяемых участков и определение проблемы баланса частных и публичных интересов как ключевой проблемы установления публичного сервитута.

Цель исследования – изучение и обозначение предложений по совершенствованию механизма оформления земельных отношений посредством установления публичного сервитута.

Задачи – рассмотреть концепции, изучить историю развития механизма публичного сервитута, обозначить проблему баланса частных и публичных интересов, а также предложить законодательные меры по преодолению данной проблемы.

Гипотеза – создается выраженный дисбаланс прав в пользу сетевых и инфраструктурных организаций в ущерб гарантиям прав частных собственников земли.

Материалы и методы исследований

Нормативно-правовая базу составили статьи Конституции РФ как ценностного ориентир защиты прав частной собственности и установления пределов ее ограничения, ГК РФ в части общих положений о праве собственности, ограниченных вещных правах и сервитутах, положения статьи 23 и главы V.7 ЗК РФ, регламентирующие особенности установления публичного сервитута, а также новеллы федерального законодательства. Теоретическую основу составили научные труды ведущих отечественных ученых-юристов, исследовавших проблемы ограничения права собственности, дуализма частноправовых и публично-правовых отношений.

Методологическую основу исследования составил комплекс общенаучных и частно-научных методов познания. Диалектический метод позволил рассмотреть правовую природу публичного сервитута в разви-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

тии и противоречии составляющих его элементов. Системно-структурный метод применялся при анализе норм главы V.7 ЗК РФ во взаимосвязи с институтами гражданского права и нормами административного права. Историко-правовой метод использовался для прослеживания эволюции механизма публичного сервитута с момента его введения в 2018 году до настоящего времени. Сравнительно-правовой метод применялся при последовательном рассмотрении и сопоставлении четырех концепций правовой природы публичного сервитута. Формально-юридический метод использовался при анализе действующих норм ЗК РФ и ГК РФ, выявлении пробелов и коллизий в правовом регулировании процедурных гарантий правообладателей обременяемых участков. Метод правового моделирования применялся при разработке и обосновании комплекса законодательных предложений.

Результаты и обсуждения

Рассмотрим следующие концепции правовой природы публичного сервитута, такие как концепция ограниченного вещного права (субъективного гражданского права), концепция публично-правового ограничения (предела) права собственности, концепция суррогата права застройки (суперфиция), а также концепцию особого (гибридного) права пользования.

Ряд исследователей, в частности Власенко В.Н. аргументируют, что публичный сервитут для целей размещения линейных объектов обладает некоторыми признаками субъективного вещного права на землю [9]. В пользу этой позиции свидетельствуют следующие присущие ему характеристики:

- наличие конкретного управомоченного субъекта. В отличие от классического «бессубъектного» публичного сервитута, установленного в пользу неограниченного круга лиц на основании п. 2 ст. 23 ЗК РФ, данный сервитут имеет конкретного обладателя (сетевую организацию, оператора связи и т. д.), сведения о котором указываются в решении уполномоченного органа об его установлении. Именно на обладателе публичного сервитута лежит обязанность по его оплате и возмещению убытков. С обладателем публичного сервитута подлежит заключению соглашение о его осуществлении [14].

- право следования. Согласно п. 6 ст. 23 ЗК РФ и п. 10 ст. 39.50 ЗК РФ, обременение сохраняется при переходе прав на земельный участок к другому лицу, а также переходит право пользования чужим земельным участком к новому собственнику линейного сооружения на основании публичного сервитута. Как отмечает Романова О.А., данное обстоятельства является одним из нескольких исключений из принципа единства судьбы, когда отчуждение здания, сооружения, принадлежащего одному лицу, может осуществляться без земельного участка [17].

- абсолютный характер защиты. Согласно п. 5 ст. 39.50 ЗК РФ обладатель публичного сервитута вправе требовать не только от правообладателя земельного участка, но и от иных лиц соблюдения ограничений, установленных публичным сервитутом.

Тем не менее, классической вещно-правовой квалификации препятствует то, что п. 3 ст. 23 ЗК РФ исключает применение к публичным сервитутам норм ГК РФ, предусмотренных гражданским законодательством о сервитутах. Дополняется это тем, что публичный сервитут не регистрируется как ограничение права на земельный участок, а информация о его границах подлежит внесению в Реестр границ Единого государственного реестра недвижимости.

Большинство представителей гражданско-правовой науки категорически отрицают вещно-правовую природу данной конструкции. Они рассматривают этот институт как публично-правовое ограничение (предел) права собственности. Выражается это, во-первых, отсутствием господствующего земельного участка для установления обременения и как отмечает Краснова Т.С., негативное отношение к определению публичного сервитута в качестве сервитутного права обосновывается тем, что такое ограничение регламентируется нормами публичного права, не требует господствующей и служащей недвижимости, не предполагает конкретных сервитуариев [3].

Во-вторых, административным порядком установления, поскольку публичный сервитут возникает на основании решения органа публичной власти по ходатайству заявителя, при этом согласие собственника служащего земельного участка фактически игнорируется, поскольку несмотря на отсутствие заключенного соглашение об осуществлении публичного сервитута с собственником земельного участка, плата за него будет производиться, за тем исключение, что в таком случае она начисляется в депозит нотариуса по месту нахождения земельного участка в соответствии с п. 11 ст. 39.47 ЗК.

И в-третьих, принудительный характер установления в целях обеспечения публичного интереса, хоть он и устанавливается в интересах конкретного лица. В такой ситуации Болтанова Е.С. отмечает, что такой сервитут является единственным правом на земельный участок, которое может быть установлено принудительно [7].

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Серьезным аргументом против традиционной сервитутной природы является концепция суррогата права застройки (суперфиция), поскольку обладатель публичного сервитута наделяется правом осуществлять строительство, реконструкцию и эксплуатацию линейных сооружений на чужом земельном участке с приобретением права собственности на возводимые объекты движимого и недвижимого имущества. Ограничения такого характера – это уже фактическое лишение права собственности, что должно регулироваться иными механизмами и осуществляться через иные правовые институты. Таким институтом может выступать механизм изъятия земельного участка для государственных или муниципальных нужд [1], в результате которого происходит прекращение права собственности, аренды и других прав у физических или юридических лиц на основании решения органа публичной власти.

Заключительным видом является концепция особого (гибридного) права пользования, которая выражается в интеграционном подходе определяет данный правовой институт как особое право пользования чужими земельными участками. Оно имеет комплексную междисциплинарную природу, сочетая в себе публично-правовой (административный) метод установления уполномоченным органом и частноправовые средства реализации (заключение соглашения об осуществлении сервитута, проведение рыночной оценки размера платы, компенсация убытков собственнику).

В такой ситуации будущий обладатель публичного сервитута должен проработать соглашение и внести в него все необходимые сведения, а также предоставить отчет о рыночной стоимости соразмерности платы за такой сервитут и сведения об утвержденных границах публичного сервитута правообладателю. Очень важно обозначить, с какого момента соглашение считается полученным правообладателем, в соответствии с законом это происходит со дня вручения заказного письма собственнику земельного участка [5]. В счет платы не засчитываются и возмещаются независимо от нее убытки, причиненные невозможностью исполнения правообладателем земельного участка обязательств перед третьими лицами, а также иные убытки, причиненные правообладателю земельного участка в результате деятельности, осуществляемой обладателем публичного сервитута на земельном участке, включая убытки, причинные повреждением имущества [16].

Публичный сервитут для целей размещения линейных объектов, подобно живому организму, с момента возникновения и по настоящее время претерпевает различного рода изменения, дополняя или уточняя ранее утвержденные положения. Одним из первых значимых нововведений является принятие в 2020 году федерального закона, регулирующего отдельные отношения приоритетных инфраструктурных проектов, что позволило расширить перечень целей установления публичного сервитута [2]. С этого момента наряду со случаями, предусмотренными статьей 39.37 ЗК РФ, публичный сервитут может устанавливаться для строительства, реконструкции линейных объектов инфраструктуры или для обеспечения таких мероприятий. Несмотря на высокую государственную значимость инфраструктурных проектов, ранее установленные статьей 39.37 ЗК РФ ограничения на установления публичного сервитута сохраняются и дополняются пунктов о недопущении установлении такого сервитута в границах земель и земельных участков, расположенных в границах особо охраняемых природных территорий федерального значения.

Однако законодатель, заведомо понимая неоднородное и значительное распространение земель особо охраняемых природных территорий по всей территории государства, а это на сегодня более 50 млн. га [11], допустил возможность установления публичного сервитута на землях особо охраняемых природных территорий регионального или местного значения при условии выполнения мероприятий по охране окружающей среды.

В целях защиты граждан от злоупотреблений со стороны крупных сетевых компаний законом также предусмотрен запрет на установление публичных сервитутов на частных земельных участках [10], предоставленных или принадлежащих гражданам и предназначенных для индивидуального жилищного строительства, садоводства, огородничества для собственных нужд, ведения личного подсобного хозяйства согласно п. 5 ст. 39.39 ЗК РФ. Поэтому для усиления данного пункта в 2022 году произошло уточнение положений, не допускающих установление публичного сервитута на вышеперечисленных земельных участках, а также был расширен перечень исключений для обозначенных земельных участков.

В рамках совершенствования механизма публичного сервитута и решения вопроса касаемо собственности в отношении более 700 тыс. км линейных объектов для хозяйственной деятельности уже в следующем году впервые, а затем еще не раз будет продлена, на текущий момент до 1 января 2027, года срок действия «линейной амнистия», в течении которого заинтересованные юридические лица вправе ходатайствовать об установлении публичного сервитута, если объект выл размещен до введения в действие ГК РФ. Такое право распространяется на операторов сотовой связи и организаций, в ведении которых находятся линейные объекты инженерной инфраструктуры, обеспечивающая удовлетворение потребностей населения [15], действует особый механизм, так называемый «линейная амнистия», позволяющая обеспечить установление

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

публичного сервитута, приложив к ходатайству лишь технический план на сооружение и декларацию об объекте недвижимости. Стоит отметить, что данная норма распространяется не только на земельные участки непосредственно под линейными объектами, но и на земельные участки, необходимые для доступа к такому объекту с целью его эксплуатации и надлежащего содержания. Соответственно плата за установления публичного сервитута в таком случае не определяется [19].

Изучив концепции установления публичного сервитута для размещения линейных объектов и историю его развития, становится возможным сформулировать наиболее актуальную проблему, связанную с оформлением земельных отношений посредством данного механизма. Выражается она в проблеме баланса частных и публичных интересов. Учитывая тот факт, что ЗК РФ четко регламентирует круг лиц и организаций, которые вправе ходатайствовать об установления публичного сервитута, а также перечень оснований, по которым такой сервитут может быть установлен, это в определенной степени позволяет достичь баланса между правами владельцев земельных участков и потребностью государства [13]. Однако, если государство имеет обоснованный интерес в использовании конкретной части своей территории определенным образом, частный интерес вынужден будет уступить, даже если это интерес собственника» [4].

Основной задачей правового регулирования земельных отношений является соблюдение конституционного принципа сочетания интересов общества и законных интересов граждан согласно пп. 11 п. 1 ст. 1 ЗК РФ. Руководствуясь ст. 9 и ст. 36 Конституции РФ, земля и другие природные ресурсы используются и охраняются как основа жизни и деятельности народов, а владение, пользование и распоряжение ими осуществляются их собственниками свободно, если это не наносит ущерба окружающей среде и не нарушает прав и законных интересов других лиц, однако появлением публичного сервитута, направленного на ускорение и упрощение процедур строительства, реконструкции и эксплуатации линейных объектов, привело к формированию выраженного дисбаланса правовых средств в пользу сетевых и инфраструктурных организаций в ущерб гарантиям частных собственников земли.

В теории права конфликт вокруг сервитутного обременения традиционно рассматривается через дихотомию частного и публичного интереса. Однако развитие земельного законодательства показало недостаточность такого подхода. Возникновение категории групповых (частно-публичных) интересов, которыми выступают большинство обладателей сервитутов – субъекты естественных монополий, сетевые компании, недропользователи, операторы связи, являются юридическими лицами [12]. Их потребности выражаются не «классическим» публичным интересом, направленные на жизнеобеспечение всего населения муниципалитета или субъекта государства, а групповым (частно-публичным) интересом отдельной структуры, нацеленный на извлечение прибыли и снижение собственных издержек. Прикрываясь публичным интересом населения в получении коммунальных услуг, сетевые компании переводят свои предпринимательские и операционные риски на собственников обременяемых земельных участков. В тоже время осуществление социально значимой деятельности не должно давать застройщикам частных линейных объектов преимущественных прав по принудительному умалению прав частных собственников.

Процедура установления публичного сервитута лишена необходимых компенсаторных процессуальных гарантий для правообладателей обременяемой недвижимости. В отличие от классического публичного сервитута из процедуры гл. V.7 ЗК РФ были полностью исключены общественные (публичные) слушания. Соответствующие решения принимаются административным органом кулуарно, без обсуждения с населением и собственниками, что прямым образом нарушает принцип участия граждан и общественных организаций в решении вопросов, касающихся их прав на землю. Информирование собственником земельных участков о планируемом публичном сервитуте допускаете через публикации в местных печатных изданиях, размещение информации на официальном сайте администрации или информационных щитах в границах населенного пункта. На практике такие способы не обеспечивают адресного доведения информации, из-за чего собственники узнают об обременении постфактум и пропускают установленный 30-дневный срок. Если собственник земельного участка в течение 30 дней со дня получения проекта соглашения не подписывает его и при этом не успевает обратиться в суд с иском об оспаривании самого решения администрации, сервитуарий вправе перечислить плату в депозит нотариуса и беспрепятственно зайти на частный земельный участок [20]. В отличие от процедуры изъятия земельного участка для публичных нужд, где уполномоченный орган обязан сам обратиться в суд с иском при недостижении согласия, при публичном сервитуте бремя инициирования судебного процесса полностью переложено на собственника, более того, предъявление собственником иска о понуждении к изменению условий соглашения не приостанавливает осуществление публичного сервитута и ведение строительных работ на его земле.

С точки зрения материального права институциональные нормы гл. V.7 ЗК РФ создают существенные риски девальвации права частной собственности. Фактическое лишение владения земельным участком до-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

пускается на срок проведение строительных и реконструктивных работ. В течение этого времени собственник полностью лишается правомочий владения и пользования, сохраняя лишь номинальное право собственности. Дополнительно стоит отметить, соглашение об установлении публичного сервитута заключается только с его собственником, права арендаторов, землепользователей и обладателей ранее установленных частных сервитутов, фактически использующих участок и несущих прямые убытки от строительных работ, законодателем игнорируются [14].

В силу п. 11 ст. 23 ЗК РФ деятельность обладателя сервитута разрешается производить независимо от целевого назначения и разрешенного использования обремененного земельного участка. Это наделяет сервитуария правами, превышающими объем прав самого собственника, который обязан строго соблюдать целевое назначение земель под угрозой санкций и изъятия.

Законодательно закрепленный расчет платы за сервитут на публичных землях в виде фиксированного процента от кадастровой стоимости и методика оценки рыночной стоимости обременения на частных землях часто не покрывают реальных убытков собственника. Кроме того, норма п. 13 ст. 23 ЗК РФ связывает право на получение соразмерной платы с наличием «существенных затруднений» в использовании участка. Понятие «существенности» носит оценочный характер, что позволяет судам отказывать собственникам во взыскании платы, если земельный участок может хотя бы минимально использоваться.

Учитывая данный обстоятельна, автор для преодоления сложившегося правового дисбаланса и обеспечения надлежащих гарантий прав частной собственности исследователи предлагает следующие законодательные меры:

1. Переход к диспозитивно-императивной (судебной) модели. Запретить осуществление технической и строительной деятельности на частных землях до подписания добровольного соглашения либо до вступления в законную силу судебного решения. Бремя инициирования судебного процесса о принудительном установлении сервитута должно лежать на застройщике линейного объекта.

2. Обязательность адресного извещения. Закрепить в ЗК РФ обязанность органов власти направлять правообладателям земельных участков по месту их нахождения персональные адресные уведомления по почте или через Единый портал госуслуг с момента поступления ходатайства о сервитуте.

3. Восстановление механизмов публичности. Вернуть обязательность проведения общественных обсуждений или публичных слушаний при принятии решений об установлении публичных сервитутов под строительство линейных объектов.

4. Концептуальное разделение публичных и частно-публичных сервитутов. Ограничить применение публичного сервитута исключительно случаями обеспечения «классических» публичных нужд (государственные инженерные сети, обеспечение социальной инфраструктурой) [6]. В отношении коммерческих линейных объектов субъектов естественных монополий установить требование о заключении частных сервитутов или введении в ГК РФ специального вещного права застройки.

5. Модель основного и вспомогательного сервитутов [8]. Внедрить двухфазную модель установления сервитута: временный сервитут – на период строительно-монтажных работ (на более широкую полосу земли), и основной сервитут – на период эксплуатации (строго в границах охранной зоны или объекта), что позволит оптимизировать размер платы и минимизировать вред земельному участку.

Выводы

Институт публичного сервитута для размещения линейных объектов создает выраженный дисбаланс правовых средств в пользу сетевых и инфраструктурных организаций и в ущерб гарантиям частных собственников земли. Заявленная цель упрощения и ускорения оформления земельных отношений достигнута ценой существенного умаления прав собственников.

Категория групповых (частно-публичных) интересов должна быть выделена как самостоятельный тип интересов. Сетевые компании и субъекты естественных монополий, прикрываясь публичным интересом населения в получении коммунальных услуг, фактически преследуют коммерческие цели – снижение собственных издержек и извлечение прибыли, – перенося предпринимательские риски на собственников обременяемых участков.

Процедура установления сервитута лишена необходимых процессуальных гарантий. Исключение публичных слушаний, неадресное информирование собственников (через публикации в прессе и на сайтах, не обеспечивающие реального уведомления) и переложение бремени судебного оспаривания на собственника приводят к тому, что последний узнаёт об обременении постфактум и не успевает защитить свои права в установленный 30-дневный срок. При этом предъявление иска собственником не приостанавливает строительные работы на его земле.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

С материально-правовой стороны нормы создают риски девальвации права частной собственности. Допускается фактическое лишение владения на срок строительных работ без судебного решения; права арендаторов и иных правообладателей игнорируются; обладатель сервитута получает права, превышающие объём прав самого собственника (включая возможность деятельности независимо от целевого назначения участка).

Существующий механизм компенсации недостаточен. Оценочный характер понятия «существенные затруднения» и применяемые методики расчета платы часто не покрывают реальных убытков собственника, что позволяет судам отказывать во взыскании соразмерной платы при любой минимальной возможности использования участка.

Список источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 10.06.2026) // Российская газета, № 238–239 от 8 декабря 1994 г.

2. Федеральный закон Российской Федерации от 31.07.2020 N 254-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «Об особенностях регулирования отдельных отношений в целях реализации приоритетных проектов по модернизации и расширению инфраструктуры и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета, № 8225 от 5 августа 2020 г.

3. Автономия воли и ее ограничение в сервитутном праве: монография. Москва: Статут, 2019. 253, [1] с.

4. Бажайкин А.Л., Воронина Н.П., Воронцова А.А. и др. Актуальные вопросы земельного права: учебник / под общ. ред. А.Н. Горбачева. Москва: Директ-Медиа, 2026. 236 с.

5. Алексеенко Н.А. Особенности правового регулирования установления публичного сервитута на земельный участок в Российской Федерации // Современные проблемы в развитии земельного законодательства: Сборник материалов научной конференции (посвящен 75-летию со дня рождения д.э.н., заведующего кафедрой землепользования и кадастров А.А. Варламова), Москва, 18-22 апреля 2022 года. Москва: Государственный университет по землеустройству, 2022. С. 25 – 34.

6. Анисимов А.П., Болтанова Е.С. Ограничение права частной собственности путем установления публичных земельных сервитутов: поиск баланса интересов // Журнал российского права. 2020. № 4. С. 141 – 152.

7. Болтанова Е.С. Публичный сервитут в целях строительства сооружений: вопросы конституционных прав граждан и обеспечения баланса интересов // Закон. 2019. № 2. С. 45 – 55.

8. Буслаева В.С., Галочкина И.С., Корнилова А.Д.Единая модель публичного сервитута в отдельных целях: на период строительства / реконструкции и эксплуатации // Инновационное развитие землеустройства : сборник научных трудов Всероссийской (национальной) научно-практической конференции, Кинель, 29 марта 2024 года. Кинель: ИБЦ Самарского ГАУ, 2024. С. 9 – 15.

9. Власенко В.Н. К вопросу о правовой природе публичного сервитута в отдельных целях // Цивилистика: право и процесс. 2021. № 1 (13). С. 69 – 74.

10. Горелова Е.Ю. Особенности размещения линейных объектов на основании публичного сервитута // Экологическое право. 2021. № 4. С. 20 – 22.

11. Государственный (национальный) доклад о состоянии и использовании земель в Российской Федерации в 2025 году // Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии [сайт]. URL: https://rosreestr.gov.ru/upload/Doc/informatsiya/Doc_Nation_report-2025(d).pdf / (дата обращения: 10.07.2026)

12. Боголюбов С.А., Галиновская Е.А., Кичигин Н.В. и др. Земельное право: учебник / отв. ред. Е.А. Галиновская, Е.Л. Минина, С.А. Боголюбов. Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2025. 448 с.

13. Ибрагимов А.В. Право на публичный сервитут // Вестник Международного института рынка. 2025. № 2. С. 23 – 29.

14. Митулинская Я.А. Проблемные вопросы установления публичного сервитута на земельные участки для размещения линейных объектов // Правовой энергетический форум. 2023. № 4. С. 28 – 35.

15. Одобрена «линейная амнистия» // Информационно-правовой портал Гарант.ру. URL: https://www.garant.ru/news/1640402 / (дата обращения: 10.07.2026)

16. Баринов Н.П., Гавриленко И.В., Усольцева Г.В., Сергеева И.В. Определение убытков, причиненных занятием сельскохозяйственных угодий при установлении публичного сервитута для строительства линейного объекта // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2024. № 9 (276). С. 9 – 23.

17. Правовое регулирование земельно-имущественных отношений: учебное пособие / под. ред. О.А. Романова Москва: Проспект, 2025. 200 с.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

18. Голубкина К.В., Абрамян С.К. Римское частное право: хрестоматия / Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Государственный морской университет имени Ф.Ф. Ушакова». 3-е изд., испр. Новороссийск : ГМУ им. адм. Ф.Ф. Ушакова, 2025. 56, [1] с.

19. Рубан Е.П., Гордиенко И.Г. Установление публичного сервитута для эксплуатации существующих линейных объектов, «линейная амнистия» // Современные проблемы и перспективы развития земельно-имущественных отношений: Сборник статей по материалам I Международной научно практической конференции, посвященной 179-й годовщине образования Землеустроительной службы Кубани и 30-летию кафедры землеустройства и земельного кадастра Кубанского ГАУ, Краснодар, 22 апреля 2026 года. Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина, 2025. С. 515 – 519.

20. Степанова Т.А. Размещение линейных объектов на условиях публичного сервитута // Актуальные проблемы публичного и частного права в контексте современных процессов реформирования законодательства: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Чебоксары, 23 ноября 2019 года. Чебоксары: Чебоксарский кооперативный институт (филиал) автономной некоммерческой образовательной организации высшего образования Центросоюза Российской Федерации «Российский университет кооперации», 2021. С. 114 – 117.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part One) No. 51-FZ dated November 30, 1994 (as amended on June 10, 2026). Rossiyskaya Gazeta, No. 238–239 dated December 8, 1994.

2. Federal Law of the Russian Federation No. 254-FZ dated July 31, 2020 (as amended on December 28, 2025) "On Specifics of Regulating Certain Relations for the Purpose of Implementing Priority Projects for Infrastructure Modernization and Expansion and on Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation". Rossiyskaya Gazeta, No. 8225 dated August 5, 2020.

3. Party Autonomy and Its Limitations in Easement Law: A Monograph. Moscow: Statut, 2019. 253, [1] p.

4. Bazhaykin A.L., Voronina N.P., Vorontsova A.A., et al. Topical Issues of Land Law: A Textbook. Ed. by A.N. Gorbachev. Moscow: Direct-Media, 2026. 236 p.

5. Alekseenko N.A. Specifics of the Legal Regulation of Establishing a Public Easement on a Land Plot in the Russian Federation. Modern Problems in the Development of Land Legislation: Collection of Materials from the Scientific Conference (Dedicated to the 75th Anniversary of A.A. Varlamov, Doctor of Economic Sciences and Head of the Department of Land Use and Cadastres), Moscow, April 18-22, 2022. Moscow: State University of Land Use Planning, 2022. P. 25 – 34.

6. Anisimov A.P., Boltanova E.S. Restriction of private property rights through the establishment of public land easements: seeking a balance of interests. Journal of Russian Law. 2020. No. 4. P. 141 – 152.

7. Boltanova E.S. Public easement for the purpose of facility construction: issues of citizens' constitutional rights and ensuring a balance of interests. Zakon. 2019. No. 2. P. 45 – 55.

8. Buslaeva V.S., Galochkina I.S., Kornilova A.D. A unified model of public easement for specific purposes: for the period of construction/reconstruction and operation. Innovative Development of Land Use Planning: Collection of Scientific Papers of the All-Russian (National) Scientific and Practical Conference, Kinel, March 29, 2024. Kinel: Information and Library Center of Samara State Agrarian University, 2024. P. 9 – 15.

9. Vlasenko V.N. On the legal nature of public easement for specific purposes. Civilistics: Law and Process. 2021. No. 1 (13). P. 69 – 74.

10. Gorelova E.Yu. Specifics of siting linear objects based on a public easement. Environmental Law. 2021. No. 4. P. 20 – 22.

11. State (National) Report on the Condition and Use of Lands in the Russian Federation in 2025. Federal Service for State Registration, Cadastre and Cartography [website]. URL: https://rosreestr.gov.ru/upload/Doc/informatsiya/Doc_Nation_report-2025(d).pdf / (date of access: 10.07.2026)

12. Bogolyubov S.A., Galinovskaya E.A., Kichigin N.V., et al. Land Law: Textbook. Eds. E.A. Galinovskaya, E.L. Minina, S.A. Bogolyubov. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation: INFRA-M, 2025. 448 p.

13. Ibragimov A.V. The Right to a Public Easement. Bulletin of the International Market Institute. 2025. No. 2. P. 23 – 29.

14. Mitulinskaya Ya.A. Problematic Issues Regarding the Establishment of Public Easements on Land Plots for the Placement of Linear Objects. Energy Law Forum. 2023. No. 4. P. 28 – 35.

15. "Linear Amnesty" Approved. Garant.ru Legal Information Portal. URL: https://www.garant.ru/news/1640402 / (date of access: 10.07.2026)

16. Barinov N.P., Gavrilenko I.V., Usoltseva G.V., Sergeeva I.V. Determination of Losses Caused by the Occupation of Agricultural Land During the Establishment of a Public Easement for the Construction of a Linear Object. Property Relations in the Russian Federation. 2024. No. 9 (276). P. 9 – 23.

17. Legal Regulation of Land and Property Relations: A Study Guide. Ed. by O.A. Romanov. Moscow: Prospekt, 2025. 200 p.

18. Golubkina K.V., Abramyan S.K. Roman Private Law: A Reader. Admiral F.F. Ushakov State Maritime University. 3rd ed., rev. Novorossiysk: Admiral F.F. Ushakov State Maritime University, 2025. 56, [1] p.

19. Ruban E.P., Gordienko I.G. Establishment of a Public Easement for the Operation of Existing Linear Objects: "Linear Amnesty". Modern Problems and Prospects for the Development of Land and Property Relations: Collection of Articles Based on Materials from the 1st International Scientific and Practical Conference Dedicated to the 179th Anniversary of the Kuban Land Management Service and the 30th Anniversary of the Department of Land Management and Land Cadastre at Kuban State Agrarian University, Krasnodar, April 22, 2026. Krasnodar: I.T. Trubilin Kuban State Agrarian University, 2025. P. 515 – 519.

20. Stepanova T.A. Placement of Linear Objects Under Public Easement Terms. Current Issues of Public and Private Law in the Context of Modern Legislative Reform Processes: Collection of Materials from the All-Russian Scientific and Practical Conference, Cheboksary, November 23, 2019. Cheboksary: Cheboksary Cooperative Institute (Branch) of the Autonomous Non-Commercial Educational Organization of Higher Education "Centrosoyuz"

Информация об авторе

Рубан Е.П., аспирант, Государственный университет по землеустройству, evgeniy.ruban.2018@mail.ru

© Рубан Е.П., 2026

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)
УДК 34:004
DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-6-228-232

Legal tech – что автоматизируется в работе юриста, а что пока нет

[1] Хачатурова С.С.,
[1] Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова

Аннотация: *статья посвящена LegalTech – цифровым решениям, которые всё активнее входят в юридическую практику. Очевидно – от юриста требуются все новые, технологические компетенции. Цель работы – разобраться, какие задачи правовой деятельности сегодня действительно поддаются автоматизации, а где технология остаётся лишь вспомогательным инструментом, не заменяющим профессиональное суждение.*

Для достижения цели последовательно решались следующие задачи: проследить влияние цифровизации на юриспруденцию, выделить и описать основные функциональные группы современных LegalTech – сервисов, а также оценить, как автоматизация меняет распределение ответственности между разработчиком, оператором сервиса и юристом-пользователем.

Сделан вывод, что технологизация в юридической сфере – это необратимый процесс, который автоматизирует рутину и формирует новые модели оказания услуг, ориентированные на клиента и доступность. Происходит переосмысление природы юридических услуг. LegalTech не пытается вытеснить юриста целиком – он забирает у него рутину. Материал адресован практикующим юристам, руководителям юридических подразделений и отделов, разработчикам правовых продуктов, студентам юридических направлений и исследователям, занимающимся вопросами цифрового права. Работа опирается на анализ нормативных источников, обзоров рынка и описаний уже действующих сервисов.

Ключевые слова: *LegalTech, искусственный интеллект, юрист, правовая деятельность, юридическая практика, юридическая деятельность*

Для цитирования: Хачатурова С.С. Legal tech – что автоматизируется в работе юриста, а что пока нет // International Law Journal. 2026. Том 9. № 6. С. 228 – 232. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-6-228-232

Поступила в редакцию: 21 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 18 августа 2026 г.; Принята к публикации: 2 октября 2026 г.

Legal tech – what is being automated in a lawyer's work and what isn't yet

[1] Khachaturova S.S.,
[1] Plekhanov Russian University of Economics

Abstract: *this article focuses on LegalTech—digital solutions that are increasingly becoming part of legal practice. It is evident that lawyers are now required to possess new, technology-related competencies. The aim of this study is to determine which legal tasks can truly be automated today and where technology remains merely a supporting tool that does not replace professional judgment.*

To achieve this aim, the following objectives were addressed: tracing the impact of digitalization on the legal profession; identifying and describing the main functional categories of modern LegalTech services; and assessing how automation alters the distribution of responsibility among the developer, the service operator, and the lawyer using the tool.

The study concludes that the adoption of technology in the legal sector is an irreversible process that automates routine tasks and shapes new, client-oriented, and accessible service delivery models. The very nature of legal services is being redefined. LegalTech does not seek to entirely displace the lawyer; rather, it relieves them of routine work. This article is addressed to practicing lawyers, heads of legal departments, legal product developers, law students, and researchers specializing in digital law. The study is based on an analysis of regulatory sources, market overviews, and descriptions of existing services.

***Keywords**: LegalTech, artificial intelligence, lawyer, legal activity, legal practice*

For citation: Khachaturova S.S. Legal tech – what is being automated in a lawyer's work and what isn't yet. International Law Journal. 2026. 9 (6). P. 228 – 232. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-6-228-232

The article was submitted: July 21, 2026; Approved after reviewing: August 18, 2026; Accepted for publication: October 2, 2026.

Введение

В условиях, когда повсеместная цифровизация ставит правовые системы перед необходимостью фундаментальной перестройки, исследование технологических сдвигов в юриспруденции приобретает особую актуальность [5].

В наше время очень актуальны вопросы о влиянии цифровизации на юриспруденцию. Сможет ли робот заменить юриста? А судью? Неужели человеческую судьбу будет решать искусственный интеллект? Звучат прогнозы разной степени радикальности – от осторожных – *машина возьмёт на себя рутину* до апокалиптических – *профессия исчезнет через десять лет*. Разговоры о том, заменит ли искусственный интеллект юриста, ведутся уже не первый год. Над этими и другими аналогичными вопросами и идеями рассуждают сегодня многие ученые и профессионалы юристы [9].

Для эффективной организации рабочего процесса и автоматизации рутинной работы, существует огромное количество программ, которые постоянно совершенствуются и преумножают свои функции [9].

LegalTech – это отрасль бизнеса, специализирующаяся на информационно-технологическом обслуживании профессиональной юридической деятельности [7, 8].

LegalTech включает разнообразные платформы, программы и инструменты, специально разработанные для упрощения и оптимизации процессов, составляющих профессиональную деятельность юристов, и может применяться практически во всех видах деятельности, которые необходимы для оказания юридических услуг, и охватывает использование технологий [8]: в управлении делами в юридической деятельности, в обосновании юридических процессов, в области искусственного интеллекта [10].

Другое дело, что граница между рутиной и профессиональным суждением не всегда очевидна, а внедрение цифровых технологий не только значительно упрощает и повышает эффективность работы юристов, но также обуславливает появление ряда проблем [12].

Попробуем обозначить контекст. Объём нормативного материала и судебной практики растёт быстрее, чем способность человека обрабатывать его вручную. Юридическая фирма сегодня физически не может отследить все изменения законодательства, значимые для её клиентов, если делает это без цифровых инструментов. Государственные сервисы, в свою очередь, всё активнее переходят в электронный формат: электронная подпись, электронное правосудие, электронные реестры. Появились онлайн-сервисы юридических консультаций, платформы для подачи документов в суд, системы электронного документооборота между контрагентами. Это создаёт инфраструктуру, на которую могут опираться *LegalTech* – решения.

Материалы и методы исследований

Современные исследования по обсуждаемой теме охватывают разнообразные аспекты. Данная работа была проделана в несколько этапов.

Нормативные источники – это *первый этап – чтение законов.* ФЗ-63 «Об электронной подписи», ФЗ-152 «О персональных данных», др. Результат предсказуемый: процедуры прописаны детально, а ответственность за ошибку алгоритма – нет. На круглом столе в Совете Федерации в 2025 году сенатор Артем Шейкин задал ровно тот же вопрос: «Кто несет ответственность за итоговое решение?» Значит, проблема реальна, а не выдумана. Ответа до сих пор нет – ни в законе, ни в практике.

Второй этап – сравнение. Европа пошла через AI Act (Закон ЕС об искусственном интеллекте): правовые технологии отнесены к категории высокого риска, отсюда требования к прозрачности и аудиту. США –

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

через прецеденты. Тут ничего не запретили, но обозначили границу: обещать больше, чем делаешь. Какая модель ближе России – не берусь судить. Слишком разные традиции.

Третий этап – систематизация. Без неё анализ превратился бы в список сервисов. Четыре группы – документы, аналитика, коммуникация, инфраструктура – рабочая рамка, не жёсткая схема. Это нормально, так как рынок *подвижный*.

Четвёртый этап – сбор конкретики. Обзоры рынка, публикации сообществ, описания сервисов. Из наиболее показательного: PwC Legal (Международная юридическая фирма) – автоматизация учёта договоров через «1С: Документооборот».

Результаты и обсуждения

В правовой сфере информация прежде всего является непосредственным объектом при решении различных юридических задач. Современные цифровые технологии играют значительную роль во всех областях юридической деятельности: правотворчестве, правоприменении, оказании юридических услуг, в образовании и науке [2].

Деятельность в области *LegalTech* направлена на автоматизацию работы юристов, которые оптимизируют процесс предоставления услуг физическим и юридическим лицам путем использования технологических возможностей [3].

Первая группа – это Legal Tech - решения для работы с документами.

К одному из наиболее зрелых и широко распространенных направлений технологизации относится автоматизация рутинных задач, традиционно отнимающих у юристов значительную часть рабочего времени [6]. Это конструкторы договоров, шаблонизаторы, системы согласования и контроля, сервисы электронной подписи. Самый зрелый сегмент рынка, и причина очевидна: такие инструменты оперируют заранее выработанными формулировками и не претендуют на самостоятельную правовую оценку. Юрист задаёт логику, машина её воспроизводит. Риск здесь минимален, поскольку итоговый документ всё равно проходит проверку человеком.

Вторая группа – аналитика. Цифровые технологии позволяют юристами оптимизировать работу, а также снизить количество формальных часов работы при анализе различных вариантов обстоятельств дела [1]. «Яндекс» и «Сбер» выпустили «Нейроюриста» – сервис по подписке для анализа контрактов и практики. Точность своей нейросети создатели оценивают в 86%. Звучит солидно. Но доверять стратегию защиты алгоритму, который ошибается в каждом седьмом случае, рискованно. Разработчики, похоже, это понимают: они сами подчёркивают, что использовать такие сервисы без юридических знаний нельзя.

Третья группа: коммуникация. Здесь больше всего сомнений. С одной стороны, чат-боты и платформы для первичных консультаций решают проблему доступности правовой помощи. С другой – грань между информированием и консультированием настолько размыта, что не всегда понятно, где она проходит. Показательный пример – DoNotPay. Начинался как «робот-юрист» для оспаривания штрафов, а в 2024 году заплатил 193 тысячи долларов, урегулировав претензии FTC (Федеральная торговая комиссия США): обещал больше, чем делал. Проблема не в технологии, а в восприятии. Человек получает от бота связный ответ и думает, что это рекомендация. Хотя это скрипт. В России логика другая. Портал «Онлайн-инспекция.РФ» запустил чат-бота «Онлайн-инспектор» по трудовому праву. С начала работы он предоставил свыше 200 тысяч консультаций. Ключевой момент: если бот не может найти ответ, пользователя автоматически перенаправляют в сервис «Дежурный инспектор», где живые юристы Роструда отвечают в течение 1-3 рабочих дней. Грамотный подход: бот разгружает, но не подменяет человека.

Инфраструктура – четвертая группа. Для управления внутренними процессами юридических фирм есть Jeffit – ИТ-решения для юристов. Это – ERP-платформа с делами, нагрузкой, биллингом. А международная юридическая фирма – PwC Legal, оказывающая спектр юридических услуг, автоматизировала учёт договоров через «1С: Документооборот» (Современная система управления корпоративным контентом на платформе 1С: Предприятие) сократила время на актуализацию шаблонов на 80%, а количество ошибок – до 1%.

Выводы

Улучшение и структурирование процесса управления информационными ресурсами и технологиями в юридической профессии могут улучшить качества предоставляемых услуги и повысить уровень защищенности общества в условиях нового времени [11].

Девять из десяти российских юристов уже пользуются искусственный интеллект в работе. При этом полную автоматизацию профессии в ближайшие 10-15 лет допускают лишь 3%. Эти данные – из совмест-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

ного исследования «Авито» и Право.ru, и они, на мой взгляд, точнее любых прогнозов описывают ситуацию.

Юристы не боятся технологий. Юристы не ждут, что технологии заменят профессиональное юридическое суждение.

Что действительно автоматизируется? Всё, что можно разложить на *шаги*. Документы, поиск, проверка контрагентов, мониторинг законодательства. Кейс PwC Legal – 80% экономии времени на актуализацию шаблонов, ошибки снизились до 1% – хорошая иллюстрация. Но как только задача требует чутья, машина отходит на второй план. Не потому, что она плохая, а потому что ответственность нельзя переложить на алгоритм.

Таким образом, использование *LegalTech* в правовом регулировании способствует улучшению процессов регистрации предприятий, повышению эффективности государственного контроля и стимулированию правомерного поведения участников экономики. Это важное направление развития правовой сферы, нацеленное на обеспечение прозрачности и соблюдения законов в экономике [4].

И последнее, что хочется сказать. *LegalTech* меняет не столько инструменты, сколько требования к юристу. Умение работать с цифровыми сервисами – уже часть профессии [10]. Пример PwC Legal показывает: выигрывают те, кто умеет выстроить работу с сервисом, а не просто нажимает кнопку. Юридическое образование пока не полностью учитывает это. Главное изменение не в том, что машина научилась что-то делать за юриста, а в том, что юристу приходится учиться работать иначе. Подводя итог, можно смело сказать: влияние технологического прогресса на юридическую сферу неизбежно. Будет заменяться искусственным интеллектом тот труд, который не требует особого вмешательства человека. Однако это не коснется важных задач, контроль над которыми должен осуществлять только человек.

Список источников

1. Акимова В.А. Информационные технологии в юридической деятельности // Наука XXI века: актуальные направления развития. 2023. № 1-2. С. 202 – 205. DOI 10.46554/Science-2023.02–1.2-pp.202

2. Вайпан В.А. Информационные технологии в юридической деятельности: правовая информатика в цифровую эпоху // Право и экономика. 2023. № 9 (427). С. 5 – 20.

3. Виноградова Е.В. Информационные инструменты в праве Legaltech, lawtech и regtech // Правовая политика и правовая жизнь. 2023. № 1. С. 14 – 20. DOI 10.24412/1608-8794-2023-1-14-20

4. Минбалеев А.В., Полякова Т., Добробаба М.Б. и др. Информационно-технологическое обеспечение юридической деятельности (LegalTech): учебник. Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Проспект", 2022. 368 с. ISBN 978-5-392-36143-4

5. Норкин М.А. Основные направления технологизации юридической деятельности // Закон и власть. 2025. № 11. С. 42 – 45..

6. Норкин М.А. Современные тенденции и факторы технологизации юридической деятельности // Юридическая наука. 2025. № 11. С. 28 – 32.

7. Пальянова Н.В. Использование искусственного интеллекта в сфере Legal Tech: современные возможности и перспективы // Социально-экономическое развитие и качество правовой среды: Труды VIII Моск. юрид. форума, XIX Междунар. науч.-прак. конф. Ч. 2 (8-10 апреля 2021 г.) / МГЮА. М.: МГЮА, 2021. С. 260 – 267

8. Пальянова Н.В. Развитие отрасли legal tech в России // Правовая информатика. 2022. № 4. С. 27 – 38. DOI 10.21681/1994-1404-2022-4-27-38

9. Сокк А.Д. Влияние Legal Tech на будущее юридической профессии // Парадигма права на современном этапе развития общества: от теории к практике: Сборник материалов VIII Студенческого юридического форума: в 4-х т., Москва, 21-23 октября 2021 года / Под общей ред. А.В. Сладковой. Т. 4. Москва: Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2022. С. 134 – 135.

10. Танимов О.В. Особенности юридической техники в эпоху цифровой трансформации // Юридическое образование и наука. 2021. № 6. С. 18 – 22. DOI 10.18572/1813-1190-2021-6-18-22

11. Чудесенко А.В. Перспективы и проблематика модернизации юридической деятельности в условиях цифровой трансформации // Правовая информатика. 2025. № 1. С. 63 – 69. DOI 10.24412/1994-1404-2025-1-63-69

12. Шматко К.А. Роль информационных технологий в юридической деятельности // Современные исследования: теория, практика, результаты: Сборник материалов VI Международной научно-практической конференции, Москва, 15 апреля 2024 года. Москва: Центр развития образования и науки, 2024. С. 49 – 52.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

References

1. Akimova V.A. Information Technologies in Legal Practice. Science of the 21st Century: Current Trends in Development. 2023. No. 1-2. P. 202 – 205. DOI 10.46554/Science-2023.02–1.2-pp.202

2. Vaipan V.A. Information Technologies in Legal Practice: Legal Informatics in the Digital Age. Law and Economics. 2023. No. 9 (427). P. 5 – 20.

3. Vinogradova E.V. Information Tools in Law: LegalTech, LawTech, and RegTech. Legal Policy and Legal Life. 2023. No. 1. P. 14 – 20. DOI 10.24412/1608-8794-2023-1-14-20

4. Minbaleev A.V., Polyakova T., Dobrobaba M.B., et al. Information Technology Support for Legal Practice (LegalTech): Textbook. Moscow: Prospekt LLC, 2022. 368 p. ISBN 978-5-392-36143-4

5. Norkin M.A. Key Directions in the Technologization of Legal Practice. Law and Power. 2025. No. 11. P. 42 – 45.

6. Norkin M.A. Modern Trends and Factors in the Technologization of Legal Practice. Legal Science. 2025. No. 11. P. 28 – 32.

7. Palyanova N.V. The Use of Artificial Intelligence in Legal Tech: Current Capabilities and Prospects. Socio-Economic Development and the Quality of the Legal Environment: Proceedings of the VIII Moscow Legal Forum and XIX International Scientific and Practical Conference, Part 2 (April 8-10, 2021). Kutafin Moscow State Law University (MSAL). Moscow: MSAL, 2021. P. 260 – 267.

8. Pal'yanova N.V. Development of the Legal Tech Sector in Russia. Legal Informatics. 2022. No. 4. P. 27 – 38. DOI 10.21681/1994-1404-2022-4-27-38.

9. Sokk A.D. The Impact of Legal Tech on the Future of the Legal Profession. The Legal Paradigm at the Current Stage of Societal Development: From Theory to Practice: Collection of Materials from the VIII Student Legal Forum (in 4 volumes), Moscow, October 21-23, 2021. Ed. by A.V. Sladkova. Vol. 4. Moscow: Kutafin Moscow State Law University (MSAL), 2022. P. 134 – 135.

10. Tanimov O.V. Specifics of Legal Technique in the Era of Digital Transformation. Legal Education and Science. 2021. No. 6. Pp. 18–22. DOI 10.18572/1813-1190-2021-6-18-22.

11. Chudesenko A.V. Prospects and Challenges of Modernizing Legal Practice Amidst Digital Transformation. Legal Informatics. 2025. No. 1. P. 63 – 69. DOI 10.24412/1994-1404-2025-1-63-69

12. Shmatko K.A. The Role of Information Technologies in Legal Practice. Modern Research: Theory, Practice, Results: Proceedings of the VI International Scientific and Practical Conference, Moscow, April 15, 2024. Moscow: Center for the Development of Education and Science, 2024. P. 49 – 52.

Информация об авторе

Хачатурова С.С., кандидат экономических наук, доцент, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова

© Хачатурова С.С., 2026

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)
УДК 347.73
DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-6-233-239

Финансово-правовое регулирование безналичных расчетов в Китайской Народной Республике

[1] Хромченко М.Д.,
[1] Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Аннотация: *статья посвящена вопросам финансово-правового регулирования безналичных расчетов в Китайской Народной Республике. Проводится анализ действующего законодательства как в части осуществления безналичных расчетов внутри страны, так и при осуществлении трансграничных переводов денежных средств. Делается вывод о том, что политика Народного банка Китая сводится к суверенитизации безналичных расчетов, где доминирующая роль отводится национальной валюте страны – юаню. Проводится анализ национальных систем передачи финансовых сообщений CIPS и CNAPS, определяя их роль в обеспечение бесперебойности осуществления платежей. Также анализируются мобильные платежи, которые играют доминирующую роль на платежном рынке Китайской Народной Республики. Отдельные аспекты статьи посвящены вопросам трансграничного перевода денежных средств в услових мер экономического воздействия и геополитической нестабильности. Определяются риски, связанные с использованием системы SWIFT, в результате чего делается вывод о необходимости в разработке незасимых систем передачи финансовых сообщений. Приводится пример взаимодействия национальной платежной системы Российской Федерации с платежной инфраструктурой Китайской Народной Республики. Особенную актуальность статья приобретает с учетом того, что вопросы финансового-правового регулирования платежных систем Китайской Народной Республики недостаточно освещаны в отечественной правовой науке.*

Ключевые слова*: Китайская Народная Республика, денежное обращение, платежные системы, безналичные расчеты, Народный банк Китая, трансграниные расчеты, CIPS, санкции*

Для цитирования: Хромченко М.Д. Финансово-правовое регулирование безналичных расчетов в Китайской Народной Республике // International Law Journal. 2026. Том 9. № 6. С. 233 – 239. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-6-233-239

Поступила в редакцию: 23 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 21 августа 2026 г.; Принята к публикации: 2 октября 2026 г.

Financial and legal regulation of non-cash payments in the People Republic of China

[1] Khromchenko M.D.,
[1] Kutafin Moscow State Law University

Abstract: *this article examines the financial and legal regulation of cashless settlements in the People's Republic of China. It analyzes current legislation governing both domestic cashless settlements and cross-border fund transfers. The author concludes that the policy of the People's Bank of China aims to ensure the sovereignty of cashless settlements, with the national currency—the yuan—playing a dominant role. The article analyzes the national financial messaging systems CIPS and CNAPS, assessing their role in ensuring uninterrupted payment processing. It also examines mobile payments, which dominate the payment market in the People's Republic of China. Specific sections address cross-border fund transfers amidst economic sanctions and geopolitical instability. The*

article identifies risks associated with the use of the SWIFT system, leading to the conclusion that independent financial messaging systems must be developed. An example is provided regarding the interaction between the Russian Federation's national payment system and the payment infrastructure of the People's Republic of China. The article is particularly relevant given the limited coverage of the financial and legal regulation of payment systems in the People's Republic of China within domestic legal scholarship.

Keywords: *the People's Republic of China, monetary circulation, payment systems, non-cash payments, the People's Bank of China, cross-border payments, CIPS, sanctions*

For citation: Khromchenko M.D. Financial and legal regulation of non-cash payments in the People Republic of China. International Law Journal. 2026. 9 (6). P. 233 – 239. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-6-233-239

The article was submitted: July 23, 2026; Approved after reviewing: August 21, 2026; Accepted for publication: October 2, 2026.

Введение

Порядок организации денежного обращения в стране является составной частью суверенитета государства. Влияние цифровизации, мер экономического воздействия со стороны третьих стран, геополитическая нестабильность порождают необходимость создания новых правовых механизмов, обеспечивающих бесперебойность осуществления национальных и международных расчетов. По мнению Н.М. Артемова, деньги являются одновременно ценным и ограниченным ресурсом развития любого государства, что обусловливает необходимость наличия исправно функционирующего механизма правового регулирования денежного обращения [1]. Как указывает А.А. Ситник, неизменным остается стремление государства, с одной стороны, обеспечить стабильность денежной системы страны, а с другой – сделать процесс организации денежного обращения более дешевым, а расчеты удобнее для населения [2]. В этом ключе Китайская Народная Республика (далее – КНР) демонстрирует своё стремительное развитие, вводя новые механизмы правового регулирования порядка осуществления расчетов, обеспечивая стабильнсоть денежной системы, что вызывает определенный интерес для российской правовой действительности в условиях мер экономического воздействия со стороны недружественных стран.

Материалы и методы исследований

В исследовании использовались различные методы познания: сравнительно-правовой, диалектический, формально-юридический, логический и исторический.

Результаты и обсуждения

Несколько слов следует сказать об истории становления современных платежных систем КНР, где в первые дни образования республики в 1949 году новое правительство столкнулось с низким уровнем экономического развития, отсталостью промышленности и сельскохозяйственной базы [3]. В сочетании со спекуляциями частных предпринимателей проблема снабжения продовольствия была особенно ощутима. Для целей обеспечения минимальных потребностей народа, китайское правительство в 1955 году вводит талоны на питание, которые были разделены на четыре вида: талоны на поставку продуктов питания для городских жителей, талоны на поставку продуктов питания для промышленных и коммерческих предприятий, талоны на поставку кормов для горордких жителей и талоны на передачу продуктов питания для городских жителей [3]. Лишь в 1993 году государство прекратило обращение талонов, отметив, что их введение выполнило свою миссию [3].

В то же время параллельно с системой талонов развивалось наличное и безналичное денежное обращение. Первая банковская карта в КНР была выпущена Чжухайским отделением Банка Китая в 1985 году под названием «Bank of China Card», а в 1986 году Bank of China выпустил первую отечественную кредитную карту «Great Wall Card» [4]. В последтсвии государственные банки стали присоединяться к международным организациям MasterCard и VISA International с целью дальнейшего развития карточной системы оплат.

В 1996 году Bank of China взял на себя инициативу по созданию онлайн-банкинга [5]. К 1999 году число китайских интернет-пользователей увеличилось до 4 миллионов. С ростом цифровизации населения банковский сектор в том же году запустил первый китайский онлай-банкинг «One Netcom» [5]. В октябре 2003 года интернет-сообщество получило возможность пользоваться Alipay, что сделало онлайн платежи более удобными и приемлимыми для широкого круга лица, а индустрия электронной коммерции начала быстро

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

развиваться [5]. В период с 2011 по 2012 год Alipay запустила платеж по штрих-коду, который положил начало мобильным платежам [6].

9 августа 2013 года был официально запущен WeChat, который стал прямым конкурентом Alipay. Преимуществом системы оплат WeChat стал тот факт, что мобильные платежи не требовали привязки к банковской карте. Покупатели смогли совершать операции с денежными средствами напрямую с мобильных телефонов [6]. Как следствие, к 2019 году мобильные платежи стали основным способом оплаты в КНР. Подобная тендеция сохраняется и в 2026 году. Согласно отчету Industrial and Commercial Times агентство по регулированию рынка Ai Rui Digital Intelligence оценивает, что общий объем платежей среди физических лиц к концу 2026 госда составит 375,2 трл. юаней [7], при этом большая часть транзакций проходит через WeChat, Alipay, Douyin и цифровой юань.

Безусловно, подобное активное развитие платежных услуг было бы невозможным без надлежащего правового регулирования и надзора.

На день публикации настоящей работы нормативная система платежного рынка состоит из множества актов различного содержания. Обозначим основные.

В первую очередь следует упомянуть Закон о «Народном банке Китая», принятый 18 марта 1995 года [8], где в статье 16 закреплено, что законным платежным средством КНР является юань. Для оплаты всех государственных и частных долгов на территории КНР используется только юань, ни одно подразделение или частное лицо не может отказаться от их принятия. В силу статьи 31 Народный банк Китая осуществляет мониторинг функционирования финансовых рынков, осуществляет макрорегулирование и контроль финансовых рынков и содействует их скоординированному развитию.

10 мая 1995 года на тринадцатом заседании Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей был принят Закон «О коммерческих банках Китайской Народной Республики» [9], разработанный в целях защиты законных прав и интересов коммерческих банков, вкладчиков и других клиентов, поддержания финансового порядка и др. Согласно статье 3 названного закона коммерческие банки вправе в том числе осуществлять свою деятельность, связанную с ведением внутренних и зарубежных счетов, банковскими картами, иными видами деятельности, одобренные агентством по банковскому регулирвоанию Государственного совета. Закон детально регламентирует порядок предоставления различных банковских услуг, устанавливает общие условия создания коммерческого банка, определяет границы контроля и надзора со стороны государства. Глава VIII нормативно-правового акта устанавливает юридическую ответственность за совершенные правонарушения.

9 декабря 2023 года Государственным Советом Китайской Народной Республики было одобрено Положение № 768 «О надзоре и управлении небанковскими платежными учреждениями» [10] (далее – Положение № 768), где статья 1 закрепляет, что правила разработаны в целях стандартизаии поведения небанковских платежных учреждений, защиты законных прав и интересов заинтересованных сторон, предотвращения и устранения рисков, а также содействия здоровому развитию индустрии небанковских платежей. В силу статьи 15 Положения № 768 небанковские платежные операции делятся на два типа: операции со счетом с сохраненной стоимостью; обработка платежных транзакций с предоплаченными средствами. Всю информацию о своем бизнесе небанковские платежные учреждения должны предоставлять Народному банку Китая. К такой информации в том числе относятся проверенные финансовые и бухгалтерские отчеты, отчеты об операционных данных, статистические данные и другие материалы, относящиеся к корпоративному управлению (статья 37 Положения № 768). В свою очередь, Народный банк Китая вправе проводить как дистанционные, так и инспекционные проверки небанковских платежных учреждений.

Анализ приведенных основополагающих актов позволяет сделать вывод, что действующее законодательство КНР не апеллирует понятиями «платежная система» или «национальная платежная система». Напротив, безналичные расчеты определены через призму перечисления различных услуг, которые могут предоставлять банки и небанковские платежные организации. Особую роль играют мобильные платежи по типу WeChat, Alipay, Douyin, доля которых составляет абсолютное большинство среди розничных платежей КНР. В то же время некоторые зарубежные авторы выделяют риски, связанные с введением мобильных платежей.

Во-первых, кража личных данных, компрометация паролей и несанкционированные транзакции в традиционных розничных банках, в сфере мобильных платежей, незаконная утечка данных [11]. Однако законодательством построен обширный механизм купирования подобных рисков. В силу статьи 41 Положения № 768 небанковские платежные учреждения, у которых есть вопросы, влияющие на стабильность, непрерывность и безопасность платежных операций, а также вопросы, связанные с законными правами и интересами пользователей, должны незамедлительно обратиться к Народному банку Китая. В том случае, если

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

небанковское платежное учреждение сталкивается с рисковым событием, которое влияет на его нормальную работу и наносит ущерб законным правам и интересам пользователей, Народный банк Китая может принять решение устранить выявленные обстоятельства и ввести ряд ограничительных мер в отношении платежного учреждения, к числу которых относится в том числе приказ директору, высшему управленческому персоналу скорректировать свои действия или ограничить их права.

Во-вторых, ряд авторов подчеркивают, что некоторые нормативные акты и правовые документы, касающиеся защиты прав потребителей финансовых услуг, не имеют механизмов защиты пользователей сервисов мобильных платежей [12]. Подчеркивается, что законодательная база, нормативно-правовая система и механизмы разрешения споров в сфере мобильных платежей в КНР недостаточны для эффективной защиты потребителей, использующих мобильные платежные сервисы.

Существуют и иные риски, связанные с бесперебойностью работы систем расчетов, влияющие на стабильность денежного обращения. К ним относятся хакерские атаки, схемы выводы денежных средств, полученных пресутпным путем и др. В то же время политика Народного банка Китая направлена на противодействие наступления подобных рисков, что должно обеспечивать безопасность и стабильность переводов денежных средств как в рамках внутренних расчетов, так и в части трансграничных переводов денежных средств. Обеспечение бесперебойности осуществления расчетов, во многом, возложено на системы передачи финансовых сообщений.

Международная система SWIFT внедрена в действующую платежную инфраструктуру КНР совместно с национальными и межгосударственными разработками. Однако существуют различные точки зрения относительно безосности использования системы SWIFT. Так, ряд авторов отмечают, что SWIFT является единственной коммуникационной платформой для расчетов в евро, а также валовой платфомой для расчетов в долларах США. В ходе анализа возможностей SWIFT делается вывод о том, что практически все расчеты в долларах США и евро не могут осущетсвляться в обход данной системы. Большинство мировых банков пользуются такой системой, что создает угрозу прямой зависимости своего бизнеса от воли одной организации [13].

Некоторые ученые полагают, что посредством использования системы SWIFT некоторые страны получают возможность манипулировать финансовыми рынками других государств – участников системы. С момента отключения финансовой организации от SWIFT государство, фактически, разрывает свои связи с внешним миром.

Воспринимая указанные риски, Народный банк Китая проводит свою политику в двух основных направления: поддержка международных расчетов в национальной валюте Китая – юанях; развитие собственных систем передачи финансовых сообщений по типу SWIFT.

Первые шаги по суверенитизации системы передачи финансовых сообщений были предприняты при введении CIPS (Cross-Border Interbank Payment System) в 2015 году, где основополагающим документом, закрепляющим правила пользования, явились «Бизнес-правила для трансграничных платежных систем в юанях» (далее – Правила, Бизнес правила), актуализированные Народным банком Китая 19 декабря 2025 года [14]. Согласно статье 1 правила созданы с целью стандартизации делового поведения системы трансграничных платежей в юанях, предотвращения платежных рисков, защиты законных прав и интересов операторов и участников CIPS, а также уточнения ответственности всех сторон.

Платформа CIPS предоставляет клиринговые и расчетные услуги для прямых и косвенных участников. Под прямыми участниками понимаются отечественные и зарубежные учреждения, которые открыли счета и имеют корреспондентский номер в CIPS и напрямую ведут бизнес через него. Под косвенными участниками понимаются отечественные и иностранные учреждения, которые не открывали счета в CIPS, но имеют на платформе банковский номер и поручают прямым участникам вести бизнес через CIPS.

Правила CIPS указывают, что в системе действует два вида очередей бизнес-обработки: ускоренная и обычная. В ускоренной очереди должны быть установлены разные приоритеты для разных типов бизнеса. Обслуживание в очереди с одинаковым приоритетом осуществляется по принципу «первый вход – первый выход». При этом обслуживание в ускоренной очереди может быть отменено.

Согласно статье 22 Бизнес правил организация, ответственная за бесперебойность работы CIPS, должна установить структуру управления рисками, посроить соответствующую систему управления рисками, сформулировать вспомогательные системы и принять меры по предотвращению и контролю за потенциальными рисками.

На день опубликования настоящей работы ответственным за бесперебойность работы CIPS является компания CIPS Co., Ltd. [15], находящаяся под надзором, управлением и руководством Народного банка

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Китая. Компания также выполняет задачи по разработке информационных технологий для своих пользователей, а также другие платежные, клиринговые и расчетные системы.

Согласно официальным данным сайта cips.com общее количество прямых участников составляет 210 (Азия, Европа, Африка, Северная и Южная Америки, Океания), к числу которых относятся в том числе Bank of China (Russia), China Construction Bank (Russia) и Agricultural Bank of China (Moscow). Общее количество косвенных участников составляет 1619.

Обращаясь к статистическим данным официального сайта CIPS в августе 2026 года система обработала в общей сложности 791 000 транзакций по платежам в юанях на общую сумму 19,4 трл. юаней, а с января по август 2026 года система CIPS обработала порядка 6,023 милл. Транзакций с платежами в юанях на общую сумму 139,7 трл. юаней.

Таким образом следует констатировать, что общее количество транзакций, обрабатываемых системой CIPS имеет валовый характер. По своей природе такая система схожа с системой передачи финансовых сообщений Банка России, обеспечивающая информационный обмен участников финансового рынка Российской Федерации. Однако система CIPS обеспечивает не только передачу финансовых сообщений, но и предлагает расчетные услуги посредством использования соответствующих счетов.

Вопрос интеграции российской системы передачи финансовых сообщений и CIPS неоднократно поднимался Банком России. Однако до сих пор имеются определенные трудности. Как отмечают зарубежные авторы, архитектурные и протокольные препятствия существуют на техническом уровне, что осложняет полную интеграцию двух систем [16]. Помимо всего прочего, различные правовые и регуляторные ограничения препятствуют быстрому осуществлению переводов денежных средств. Например, китайское законодательство не содержит легального определения национальной платежной системы. В то же время акты упомянуют понятие «платежный бизнес», о чем ранее уже было сказано. Различны и подходы в области валютного регулирования и контроля. Наконец, риски вторичных мер экономического воздействия со стороны европейских стран и США ограничивают интеграцию систем передачи финансовых сообщений Банка России и CIPS.

Тем не менее КНР активно использует национальные системы, обеспечивающие осуществления трансграничных переводов, в том числе из России. К таким системам можно отнести CNAPS (China National Advanced Payment System), обеспечивающая внутрибанковские расчеты КНР, подконтрольная Народному банку Китая.

Общие требования к участникам CNAPS закреплены в Руководстве пользователя Китайской национальной системы передовых платежей [17]. Согласно главе 2.1. Руководства функции CNAPS заключаются в поддержке бесперебойности работы системы платежей на крупные суммы (валовые расчеты), системы массовых электронных платежей, в том числе в режиме реального времени. Для каждой из указанных систем поддерживаются переводы клиентов и безбанковские переводы денежных средств.

В Российской Федерации участником системы CNAPS является банк ПАО «ВТБ» (его филиал в Шанхае) [18], что позволяет проводить трансграничные расчеты напрямую между странами.Так, резидент Российской Федерации должен провести конвертацию рублей в юани со своего расчетного счета, открытого в ПАО «ВТБ» в России для целей дальнейшего перечисления денежных средств в адрес Шанхайского филиала ПАО «ВТБ». После зачисления денежных средств на расчетный счет резидента КНР, отрытого в Шанхайском филиале ПАО «ВТБ», на основании системы CNAPS владелец счета может перевести денежные средства из филиала на любой расчетный счет, открытый в китайском банке.

Подобная схема также позволяет открыть аккредитив между сторонами внешнеторгового договора. Так, в рамках ПАО «ВТБ» контрагентам необходимо поставить на учет контракт для целей соблюдения валютного законодательства двух стран и открыть аккредитив. Китайский экспортер представляет необходимую документацию для получения денежных средств по аккредитиву, после чего Шанхайский филиал ПАО «ВТБ» переводит денежные средства на любой расчетный счет, открытый в китайском банке, экспортера из КНР в рамках системы CNAPS. По истечению срока аккредитива, российский импортер оплачивает в адрес ПАО «ВТБ» необходимую сумму денежных средств, тем самым закрывая аккредитив.

Таким образом, национальные решения КНР позволяют бесперебойно осуществлять переводы денежных средств, обходить вторичные меры экономического воздействия в отношении КНР. Однако подобная схема страдает договизной.

Выводы

Анализ имеющегося правового регулирования системы расчетов в КНР показал, что существуют тенденции развития собственных национальных систем передачи финансовых сообщений. Народный банк Ки-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

тая проводит политику усиления юаня в трансграничных расчетах что, с одной стороны, может привести к доминирующей роли национальной валюты КНР в международном торговом обороте, а, с другой стороны, увеличит степень независимости от системы SWIFT. Более того, в условиях мер экономического воздействия и геополитической нестабильности, развитие национальных независимых платежных решений видится необходимым, поскольку они обеспечивают стабильность денежного обращения в государстве, что и было показано на примерах систем CIPS и CNAPS в КНР. Отметим, что интеграции собственных систем передачи финансовых сообщений обеспечивают платежный суверенитет двух договорившихся стран, что, в свою очередь, влияет на рост экономического взаимодействия. Полагаем, что решение технических проблем интеграции систем передачи финансовых сообщений Банка России и CIPS КНР увеличит удобство и быстроту платежей, поспособствует увеличению торгового оборота.

Список источников

1. Артемов Н.М., Арзуманова Л.Л., Ситник А.А. Правовое регулирование денежного обращения в эпоху цифровой экономики: учебное пособие. Москва: Проспект, 2025. С. 4.
2. Право в условиях санкций: монография / под общ. ред. М.В. Мажориной, Б.А. Шахназарова. Москва: Проспект, 2023. С. 238 – 239.
3. The Payment System in China. Razeen Sappideen and Ling Ling He // J.I.B.L.R. 2008. No 23 (3). P. 168 – 174.
4. 长城人民币信用卡. URL: https://baike.baidu.com/ (дата обращения: 02.079.2026)
5. 网上银行. URL: https://baike.baidu.com/item/网上银行/1066165 (дата обращения: 02.07.2026)
6. 支付方式的演变. 支付3.0时代，移动支付. URL: https://zhuanlan.zhihu.com/p/122236770 (дата обращения: 02.07.2026)
7. 數字看中國｜陸2026年第三方支付 估逾591兆人民幣. URL: https://www.ctee.com.tw/news/20260827700041-430805 (дата обращения: 02.07.2026)
8. 中華人民共和國中國人民銀行法 (1995年). URL: https://zh.wikisource.org/zh-hant/中华人民共和国中国人民银行法_(1995年) (дата обращения: 05.07.2026)
9. 中华人民共和国商业银行法. URL: https://www.nfra.gov.cn/cn/view/pages/ItemDetail.html?docId=879929&itemId=927 (дата обращения: 05.07.2026)
10. 中華人民共和國國務院令第768號. URL: https://cpc.people.com.cn/BIG5/n1/2023/1218/c64387-40141071.html (дата обращения: 05.07.2026)
11. 费一文：一文读懂SWIFT制裁威胁 国际支付体系或迎新格局. URL: https://www.acem.sjtu.edu.cn/faculty/insight/80846.html (дата обращения: 05.07.2026)
12. The reform of consumer protection in mobile payment services in China: Legislation, regulation, and dispute resolution. Ningyao Ye. Zeyu Zhao. Computer Law & Security Review. Volume 54, September 2024.
13. SWIFT是什么？. URL: https://www.zhihu.com/tardis/bd/ans/2202680574?source_id=1001 (дата обращения: 06.07.2026)
14. CIPS新规实施，2026跨境支付变局. URL: https://finance.sina.com.cn/roll/2026-02-13/inhmsqpn0104458.shtml?froms=ggmp (дата обращения: 07.07.2026)
15. 公司概况. URL: https://www.cips.com.cn/kjjqgs/gywm (дата обращения: 07.07.2026)
16. Фань Иньбинь Интеграция национальных платежных систем России и Китая: стратегические пути и оценка эффективности в условиях глобальных финансовых трансформаций // Аудиторские ведомости. 2025. № 4. С. 121 – 130.
17. China National Advanced Payment System (CNAPS) User Guide. URL: file:///C:/Users/maksi/Downloads/china-cnaps-user-guide.pdf (дата обращения: 10.07.2026)
18. ВТБ Шанхай. Возможности по расчетам // https://mikhprim.gosuslugi.ru/netcat_files/503/3529/prezentatsiya_VTB.pdf?ysclid=mu3ow9xe2456488054 (дата обращения: 10.07.2026)

References

1. Artemov N.M., Arzumanova L.L., Sitnik A.A. Legal Regulation of Monetary Circulation in the Digital Economy Era: A Textbook. Moscow: Prospekt, 2025. P. 4.
2. Law Under Sanctions: A Monograph. Eds. M.V. Mazhorina, B.A. Shakhnazarov. Moscow: Prospekt, 2023. P. 238 – 239.

3. The Payment System in China. Razeen Sappideen and Ling Ling He. J.I.B.L.R. 2008. No 23 (3). P. 168 – 174.

4. Great Wall RMB Credit Card. URL: https://baike.baidu.com/ (date of access: 02.07.2026)

5. Online Banking. URL: https://baike.baidu.com/item/网上银行/1066165 (date of access: 02.07.2026)

6. The Evolution of Payment Methods: The Payment 3.0 Era and Mobile Payments. URL: https://zhuanlan.zhihu.com/p/122236770 (date of access: 02.07.2026)

7. China by the Numbers. Mainland China's Third-Party Payment Volume Estimated to Exceed 591 Trillion RMB by 2026. URL: https://www.ctee.com.tw/news/20260827700041-430805 (date of access: 02.07.2026)

8. Law of the People's Republic of China on the People's Bank of China (1995). URL: https://zh.wikisource.org/zh-hant/中华人民共和国中国人民银行法_(1995年) (date of access: 05.07.2026)

9. Commercial Bank Law of the People's Republic of China. URL: https://www.nfra.gov.cn/cn/view/pages/ItemDetail.html?docId=879929&itemId=927 (date of access: 05.09.2026)

10. Decree of the State Council of the People's Republic of China No. 768. URL: https://cpc.people.com.cn/BIG5/n1/2023/1218/c64387-40141071.html (date of access: 05.07.2026)

11. Fei Yiwen: Understanding the Threat of SWIFT Sanctions – A New Landscape for the International Payment System. URL: https://www.acem.sjtu.edu.cn/faculty/insight/80846.html (date of access: 05.07.2026)

12. The reform of consumer protection in mobile payment services in China: Legislation, regulation, and dispute resolution. Ningyao Ye. Zeyu Zhao. Computer Law & Security Review. Volume 54, September 2024.

13. What is SWIFT?. URL: https://www.zhihu.com/tardis/bd/ans/2202680574?source_id=1001 (date of access: 06.07.2026)

14. Implementation of new CIPS regulations, changes in cross-border payments in 2026. URL: https://finance.sina.com.cn/roll/2026-02-13/inhmsqpn0104458.shtml?froms=ggmp (date of access: 07.07.2026)

15. Company Profile. URL: https://www.cips.com.cn/kjjqgs/gywm (date of access:07.07.2026)

16. Fan Yinbin Integration of the National Payment Systems of Russia and China: Strategic Pathways and Efficiency Assessment Amidst Global Financial Transformations. Auditor. 2025. No. 4. P. 121 – 130.

17. China National Advanced Payment System (CNAPS) User Guide. URL: file:///C:/Users/maksi/Downloads/china-cnaps-user-guide.pdf (date of access: 10.07.2026)

18. VTB Shanghai. Settlement capabilities. https://mikhprim.gosuslugi.ru/netcat_files/503/3529/prezentatsiya_VTB.pdf?ysclid=mu3ow9xe2456488054 (date of access: 10.07.2026)

Информация об авторе

Хромченко М.Д., кандидат юридических наук, преподаватель, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), MDHROMCHENKO@msal.ru

© Хромченко М.Д., 2026

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)
УДК 343.2/.7.
DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-6-240-248

Не до шуток: уголовно-правовое значение комического

[1] Горшелева Н.А.,
[1] Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова

Аннотация: *в статье исследуется комическое как сложный социально-коммуникативный феномен и определяется его уголовно-правовое значение. Обосновывается необходимость разграничения категорий «смешное» и «комическое», раскрываются содержание и форма комического, а также значение субъекта, объекта и адресата его воздействия. Автором анализируются возможные виды и характер вреда, причиняемого содержанием, формой объективизации и способом трансляции комического. Делается вывод, что комическое приобретает уголовно-правовое значение лишь при объективизации в конкретном социальном поведении, содержащем признаки состава преступления. Рассматриваются случаи использования комического при совершении хулиганства, вандализма, клеветы, распространении запрещенной информации и иных преступлениях.*

Ключевые слова: *комическое, смешное, комическое воздействие, вред, уголовно-правовое значение, уголовная ответственность, содержание комического, форма объективизации*

Для цитирования: Горшелева Н.А. Не до шуток: уголовно-правовое значение комического // International Law Journal. 2026. Том 9. № 6. С. 240 – 248. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-6-240-248

Поступила в редакцию: 12 августа 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 14 сентября 2026 г.; Принята к публикации: 2 октября 2026 г.

Not to be joked about: the criminal-legal meaning of the comic

[1] Gorsheleva N.A.,
[1] Plekhanov Russian University of Economics

Abstract: *the article examines the comic as a complex socio-communicative phenomenon and defines its criminal legal significance. The necessity of distinguishing the categories of «funny» and «comic» is substantiated, the content and form of the comic, as well as the meaning of the subject, object and addressee of its impact are revealed. The author analyzes the possible types and nature of the harm caused by the content, the form of objectification and the way of broadcasting the comic. It is concluded that the comic acquires criminal legal significance only when objectified in a specific social behavior that contains elements of a crime. The cases of the use of the comic in the commission of hooliganism, vandalism, slander, dissemination of prohibited information and other crimes are considered.*

Keywords: *comic, funny, comic effect, harm, criminal legal significance, criminal liability, comic content, form of objectification*

For citation: Gorsheleva N.A. Not to be joked about: the criminal-legal meaning of the comic. International Law Journal. 2026. 9 (6). P. 240 – 248. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-6-240-248

The article was submitted: August 12, 2026; Approved after reviewing: September 14, 2026; Accepted for publication: October 2, 2026.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Введение

Одним из знаменитых тезисов, выдвинутых Аристотелем, является положение о том, что смех отличает человека от животного [8, с. 83]. Однако справедливо и то, что смех также способен обнажать бесчеловечность. Дихотомия природы комического, наличия в нем проявлений «добра» или «зла», социальной пользы или вреда, является предметом многовековых дискуссий.

Выполняя ряд социально значимых функций, комическое, с учетом многообразия форм его проявления, оказывает воздействие на общественные отношения. При этом такое воздействие далеко не всегда соответствует устоявшимся в обществе социальным нормам, как моральным, так и правовым. Это обстоятельство сближает междисциплинарное значение комического с проблематикой правовой науки, в том числе науки уголовного права. Тем не менее указанные вопросы до настоящего времени практически не получили самостоятельного осмысления в уголовном праве, и комплексный анализ данного феномена по-прежнему остается за рамками современных уголовно-правовых исследований.

С учетом сказанного, цель настоящей статьи состоит в выявлении сущности и особенностей комического как феномена социального поведения, а также определение его уголовно-правового значения. Для достижения поставленной цели необходимо раскрыть содержание и структуру комического, определить формы и способы его объективизации в социальном поведении, а также выявить случаи и пределы его уголовно-правовой оценки.

Материалы и методы исследований

Материалами исследования послужили научные труды по философии, социологии, лингвистике и праву, нормативные положения уголовного законодательства Российской Федерации, а также материалы судебной практики.

Методологическую основу составили общенаучные методы анализа, синтеза и системного подхода, а также частнонаучные методы, включая формально-юридический метод и метод юридического моделирования.

Результаты и обсуждения

Если обратиться к содержанию понятия «комическое» с позиций лингвистического анализа, то толковые словари, как правило, раскрывают его через такие характеристики, как свойственный комедии как роду искусства, смешной, забавный, проникнутый комизмом [26, с. 1421]. В словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой понятие «комический» раскрывается посредством категорий «смешной» и «забавный» [20, с. 439]. Следовательно, в рамках лингвистического подхода комическое фактически сближается со смешным и обозначает то, что способно вызывать смех либо восприниматься как забавное [20, с. 1096].

Сходный подход, фактически отождествляющий категории смешного и комического, получил отражение и в ряде научных и философских исследований, в том числе в работах А.В. Дмитриева [14, с. 3] и М.М. Бахтина [11, с. 10]. Вместе с тем ряд авторов, включая Ю.Б. Борева [12, с. 10], Д.П. Николаева [19, с. 75], В.Я. Проппа [23, с. 174], А.А. Сычева [25, с. 66], предлагают разграничивать указанные категории, хотя и исходят при этом из различных оснований их дифференциации.

Заслуживает внимания высказанный А.А. Сычевым подход, определяющий комическое как категорию, обозначающую культурно оформленное, социально и эстетически значимое смешное, включающее также редуцированные формы смешного [25, с. 66]. В предложенной концепции комическое обособляется от так называемого «природного» смешного, то есть от таких проявлений смеха, которые непосредственно обусловлены физиологическими или иными естественными реакциями человека. Однако специфика комического заключается не столько в количественном сужении содержания смешного, сколько в его качественном преобразовании посредством культурных и социальных механизмов. Поэтому комическое способно включать такие формы, которые непосредственно не вызывают смеха, но сохраняют с ним содержательную связь. Именно такие проявления А.А. Сычев обозначает как редуцированные формы смешного. Такое понимание позволяет охватить понятием комического не только юмор в его различных проявлениях, но и сатиру, иронию, сарказм, пародию, карикатуру, гротеск, в том числе их грубые, резко высмеивающие и социально-критические формы.

Вместе с тем обращение к данному определению позволяет выделить два взаимосвязанных элемента комического, а именно его содержание и форму. Содержанием выступает социально и эстетически значимое смешное, тогда как форма представляет собой конкретный способ его выражения и объективизации.

При этом объективизация комического включает два взаимосвязанных аспекта. Во-первых, это способ создания комического эффекта, то есть прием, посредством которого субъект преобразует определенное

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

содержание в комическое. Во-вторых, это способ выражения, посредством которого данное содержание получает объективированную форму и становится доступным для восприятия адресата, в частности речь, письменный текст, изображение, действие, жест и иные формы выражения.

Однако рассмотрением содержания и формы характеристика комического не может быть исчерпана. Существенное значение для его понимания обусловлено наличием субъекта, который создает, воспроизводит или транслирует комическое, и адресата, воспринимающего соответствующее содержание.

Кроме того, комическое предполагает и наличие объекта, на который направлено соответствующее воздействие, либо предмета, относительно которого осуществляется комическое осмысление. При этом объект комического не следует отождествлять с его адресатом, поскольку комическое воздействие может быть направлено на один объект, тогда как непосредственным адресатом соответствующего сообщения выступает иной субъект или аудитория, воспринимающая это воздействие.

Что касается «адресанта» комического, то им могут выступать лица либо группы лиц, которые посредством определенного социального поведения преобразуют соответствующее содержание в конкретную форму и придают ему социально и культурно обусловленное значение.

В свою очередь, комическое содержание само по себе не существует в отрыве от способов его социальной объективации, поскольку для того, чтобы оно стало предметом восприятия и социального воздействия, оно должно быть воплощено в определенном поведении субъекта. В этом смысле комическое может быть рассмотрено одновременно как содержание, получившее культурно и социально обусловленную форму, и как результат определенного социального взаимодействия между субъектом, объектом и адресатом.

С учетом изложенного комическое можно определить как культурно оформленное, социально и эстетически значимое смешное, включая его редуцированные формы, которое объективируется в социальном поведении субъекта посредством определенных форм и способов выражения, направлено на определенный объект и адресата и реализуется в процессе их социального взаимодействия. Данный подход позволяет рассматривать комическое не как исключительно эстетическое свойство явления, и не как отдельную форму выражения или разновидность смешного, а как сложный социально-коммуникативный феномен, объективируемый в социальном поведении и включающий взаимосвязанные содержание, форму, субъекта, объект и адресата.

Сама форма выражения комического в определенных случаях способна приобрести самостоятельное юридическое значение независимо от того, насколько нейтральным или даже общественно полезным является заложенное в нее содержание. В частности, комическое выражается не только посредством вербальных конструкций, текста или иных форм информационной коммуникации, но и посредством конкретных физических действий субъекта. В последнем случае комическое становится способом реализации поведения, которое при наличии предусмотренных законом признаков может нарушать охраняемые общественные отношения.

Иными словами, лицо может совершать определенные действия «потехи ради», стремясь вызвать смех, развлечь аудиторию, высмеять определенное лицо или явление либо создать комический эффект, и нередко такие действия граничат с хулиганскими побуждениями. В правоприменительной практике периодически встречаются случаи, когда противоправное поведение совершается под видом «шутки». Например, субъект сообщает заведомо ложные сведения о готовящихся или совершенных актах терроризма [8], использует игрушечное [7] или пневматическое [4] оружие, чтобы разыграть. В таких ситуациях стремление развлечься или разыграть не исключают уголовно-правовой оценки поведения лица, если совершенное им деяние содержит признаки соответствующего состава преступления.

Однако комическая мотивация сама по себе не является обстоятельством, имеющим уголовно-правовое значение. Лишь в том случае, если избранный субъектом способ достижения комического эффекта объективно нарушает требования уголовного закона и содержит признаки соответствующего состава преступления, можно говорить о совершении самого преступного деяния. Хотя некоторыми авторами и предлагается применительно к ст. 213 УК РФ криминализация мотивов шутки и розыгрыша [22, с. 64], следует согласиться с Е.А. Русскевичем, что такое решение является спорным [24, с. 130]. Сам по себе розыгрыш, если он не имеет противоправного характера, не свидетельствует о наличии вреда или общественной опасности.

Более того, говоря о форме комического и ее потенциальном вреде, следует отметить, что в условиях стремительной цифровизации в массовой культуре формируются особые формы комического выражения, которые в отдельных случаях изначально ориентированы на нарушение общественного порядка либо иных охраняемых законом общественных отношений. Например, если пранк, как особая разновидность розыгрыша, может находиться как в пределах правового поля, так и нарушать отдельные охраняемые законом ценности, то так называемые «трэш-стримы» по своей сути предполагают совершение общественно опас-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

ных и противоправных действий с последующей их трансляцией в сети Интернет [13, с. 209]. В этом случае при комической направленности такого выражения комический эффект достигается самим противоправным поведением. Однако и в этом случае уголовно-правовое значение имеет не само стремление субъекта развлечь аудиторию, а характер совершаемых действий и их хулиганская либо иная противоправная направленность.

Вместе с тем в научной литературе высказываются различные предложения относительно уголовно-правового реагирования на данное явление, включая закрепление в УК РФ специальной нормы об ответственности за «трэш-стримы» [15, с. 300], дополнение уже существующих составов преступлений [16], а также введение специального категориального аппарата [9, с. 166]. В свою очередь, законодатель пошел по пути учета способа демонстрации соответствующего противоправного поведения в качестве отягчающего обстоятельства, закрепив его в п. «т» ч. 1 ст. 63 УК РФ. Такой подход рядом авторов рассматривается как одна из наиболее эффективных мер уголовно-правового реагирования на рассматриваемое явление [18, с. 60].

Как следует из вышесказанного, уголовно-правовое значение может приобретать и сам способ трансляции комического. При этом с учетом того, что в способе трансляции реализуется социальное поведение субъекта, ни форма, ни содержание в отрыве от него не могут приобретать уголовно-правовое значение. Например, размещение на здании или сооружении карикатуры может одновременно выступать способом доведения комического до аудитории, приобретая при наличии установленных законом признаков характер вандализма (ст. 214 УК РФ). В данном случае уголовно-правовое значение может приобрести само действие субъекта по ее нанесению надписей или рисунков на соответствующий объект, если это влечет порчу имущества. Однако и содержание в данном случае может иметь значение, поскольку вандализм включает два альтернативных действия как порчу имущества, так и его осквернение. Последнее, по мнению одних авторов, выражается в нанесении надписей, рисунков и изображений непристойного, оскорбительного или циничного содержания, тогда как другие связывают осквернение с обезображиванием внешнего вида здания или сооружения, нарушающим общественную нравственность [21]. Как указывает ряд авторов, сущность осквернения заключается в оскорблении общественной нравственности [17]. Суды также приходят к выводу, что обвинение по осквернению может предъявляться лишь при приведении зданий в непристойное «с точки зрения общественной нравственности состояние», указывая на значение содержания рисунков и надписей [6]. Таким образом, при осквернении уголовно-правовая оценка предполагает учет как содержательного аспекта, выраженного в характере и направленности изображения, так и объективного действия по его нанесению на соответствующий объект.

Аналогичная ситуация возникает при создании комических ситуаций, затрагивающих половую неприкосновенность лица. Данная проблема проявляется не только в уже упомянутых действиях пранкеров или трэш-стримеров, но, например, и в сфере харассмента, где «неудачная шутка» в зависимости от ее содержания, формы и обстоятельств совершения может рассматриваться как элемент понуждения к действиям сексуального характера. Вместе с тем в российской и зарубежной практике подобная правовая оценка встречается относительно редко, поскольку требует установления конкретных обстоятельств, свидетельствующих об общественной опасности поведения, его направленности и намерении субъекта. Поэтому споры, связанные с сексуально окрашенными шутками, значительно чаще возникают в сфере трудовых отношений и разрешаются посредством требований о защите от харассмента и возмещении причиненного вреда. Показательны, например, в этом отношении дела Harris v. Forklift Systems, Inc. и Robinson v. Jacksonville Shipyards, Inc., в которых соответствующие шутки и иные формы поведения получили правовую оценку в контексте создания враждебной рабочей среды [27, p. 1278].

В свою очередь, проблема правовых пределов непосредственно содержания комического приобретает значительно более сложный характер в сравнении с формой, поскольку затрагивает границы свободы слова и свободы выражения мнения. Не останавливаясь на самостоятельной проблеме соотношения комического со свободой слова и свободой выражения мнения, отметим, что вред в данном случае будет обусловлен самой идеей, заложенной в «шутке», содержанием «вредоносной информации», но так или иначе идея, не воплощенная в поведении субъекта, не имеет уголовно-правового значения.

Охраняемые уголовным законом общественные отношения определяют содержательные и поведенческие пределы допустимого комического, выход за которые при наличии предусмотренных законом признаков может приобретать уголовно-правовое значение. В отдельных случаях такие пределы граничат с направленностью умысла, а также связаны с мотивами или целями субъекта, использующего комическую форму для выражения или распространения определенного содержания. Так, совершение преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти либо вражды в

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

предусмотренных законом случаях признается обстоятельством, отягчающим наказание (п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ). Для состава преступления, предусмотренного ст. 148 УК РФ, цель оскорбления религиозных чувств верующих является обязательным признаком субъективной стороны. Однако необходимо учитывать, что одной лишь цели, выраженной в оскорбительном содержании комического, недостаточно для признания содеянного преступлением. Необходимо установить наличие всех признаков состава, включая совершение публичных действий, выражающих явное неуважение к обществу. Это вновь указывает на уголовно-правовое значение не только содержания комического, но и способа его объективизации и доведения до определенной аудитории.

Содержательные пределы комического, приобретающие уголовно-правовое значение, могут проявляться и в объективной стороне преступления. В данном случае уголовный закон устанавливает запрет на распространение определенных видов информации, которые могут быть доведены до адресата посредством различных форм и способов. Однако даже при признании соответствующей информации запрещенной к распространению с учетом требований ч. 6 ст. 10 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» уголовно-правовое значение возникает не только в связи с ее содержанием, но и при его соединении с конкретной формой объективизации. Такая объективизация может выражаться в распространении прямо запрещенной законом информации, а также в совершении деяний, направленных на осквернение или оскорбление, если они содержат признаки соответствующего состава преступления.

При этом особое внимание заслуживают положения ст. 282 УК РФ, поскольку законодатель использует более широкую формулировку объективной стороны, не ограничивая их лишь распространением информации. Так, объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ, образуют действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека или группы лиц по признакам, указанным в уголовном законе. Согласно разъяснениям Верховного Суда РФ, данным в Постановлении Пленума от 28.06.2011 № 11 [2] такие действия могут выражаться, в частности, в высказываниях, в том числе размещенных в сети Интернет.

Примечательно, что соответствующий состав имеет формальную конструкцию и не требует наступления фактических последствий в виде возникновения ненависти, вражды либо унижения достоинства. Данное обстоятельство расширяет границы толкования высказываний, направленных на дискриминацию отдельных меньшинств. В данном случае следует поддержать мнение Л. Э. Литтл о том, что юмор в контексте дискриминации может не только усиливать уничижительные образы, но и переворачивать стереотипы, тем самым проливая честное понимание предрассудков [27, p. 1278]. Поэтому сам по себе юмор, связанный с расовой, национальной языковой или иной принадлежностью не относится к роду запрещенной для распространения информации. Как отмечается в упомянутом Постановлении Пленума от 28.06.2011 № 11 для уголовной ответственности необходимо установить направленности умысла на совершение предусмотренного законом деяния, а при оценке малозначительности учитывается размер и состав аудитории, и влияние на поведение этой аудитории. Развитие уголовно-правового регулирования данного состава обусловило его последующее законодательное уточнение Федеральным законом от 27.12.2018 № 519-ФЗ [1], которым, в частности, были введены административная преюдиция за аналогичное деяние, а также дополнительные признаки состава, связанные с оправданием или пропагандой насилия либо угрозой его применения.

Кроме того, информация, запрещенная к распространению, приобретает уголовно-правовое значение, если осуществляется ее пропаганда или осуществляются публичные призывы или оправдание совершения указанных законом противоправных действий. К таким составам относятся, например, публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, оправдание или пропаганда терроризма (ст. 205.2 УК РФ), а также публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ), пропаганда наркотических средств (ст. 230.3 УК РФ), пропаганда и демонстрация нацистской, а также иной запрещенной законом атрибутики или символики с учетом положений ст. 282.4 УК РФ, а также ряд иных составов.

Уголовно-правовое значение может приобретать распространение заведомо ложных сведений. Например, комическое содержание может объективироваться в форме высказывания или иного сообщения, содержащего признаки клеветы, предусмотренной ст. 128.1 УК РФ. Обязательным признаком клеветы является характер распространяемых сведений, поскольку они должны быть заведомо ложными и порочащими честь и достоинство другого лица либо подрывающими его репутацию. Последнее в определенной степени сближает клевету с оскорблением, которое также будет рассмотрено далее.

Нередко подобное поведение проявляется в попытках высмеять или разыграть другое лицо посредством распространения ложных сведений, способных причинить вред его чести, достоинству или репутации. Так,

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Апелляционным постановлением Магаданского городского суда Магаданской области от 28.08.2018 по делу № 10-55/2018 [3] признано обоснованным привлечение лица к уголовной ответственности за клевету в связи с размещением на сайте интимных услуг информации с персональными данными потерпевшей. Вместе с тем суды учитывают в первую очередь публичность таких «злых шуток». Например, Апелляционным постановлением Центрального районного суда г. Калининграда от 26.07.2024 по делу № 10-11/2024 [5] оставлен без изменения оправдательный приговор. Суд не усмотрел события преступления и умысла на клевету в заказе телефонного розыгрыша, вследствие которого потерпевшей поступали звонки с предложениями интимных услуг.

Уголовный закон также предусматривает ответственность за публичное распространение определенной категории заведомо ложной информации в случаях, прямо установленных законом. В частности, речь идет о составах преступлений, предусмотренных ст. 207.1, 207.2 и 207.3 УК РФ. Следовательно, использование комического выражения для передачи соответствующих сведений не исключает уголовно-правовой оценки деяния, если оно отвечает установленным законом признакам преступления.

Уголовно-правовой заперт может касаться разглашения охраняемых законом сведений, составляющих тайну. Например, ст. 183 УК РФ устанавливает ответственность за незаконное разглашение или использование сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну, а ст. 155 УК РФ предусматривает ответственность за разглашение тайны усыновления (удочерения).

Отдельного внимания заслуживает содержание комического, имеющее оскорбительный и унижающий достоинство характер, поскольку это обращает к вопросу о характере вреда, причиняемого содержанием комического. С точки зрения права в целом вред может иметь не только объективно выраженный характер, но и быть связан с субъективной оценкой потерпевшего, что, например, характерно для морального вреда. Однако применительно именно к уголовно-правовому регулированию учет субъективных оценок требует особой осторожности. Признание субъективного восприятия вреда достаточным основанием для уголовной ответственности создаёт риск объективного вменения, прямо исключаемого ч. 2 ст. 5 УК РФ.

Оскорбительное восприятие комического сообщения во многом зависит от индивидуальной интерпретации его содержания, контекста, особенностей адресата и характера взаимоотношений между участниками коммуникации. Поэтому признание самого субъективного ощущения унижения достаточным основанием уголовно-правовой ответственности действительно создавало бы риск привлечения лица к ответственности за последствия, которые оно не предвидело и не могло вменить себе в качестве результата собственного поведения.

Российское уголовное законодательство предусматривает составы преступлений, в которых унижение чести и достоинства либо оскорбительный характер поведения приобретают уголовно-правовое значение. В частности, уголовная ответственность установлена за оскорбление представителя власти (ст. 319 УК РФ) и оскорбление военнослужащего (ст. 336 УК РФ). Однако непосредственная направленность уголовно-правовой охраны в указанных составах не сводится к защите чести и достоинства потерпевшего. В случае ст. 319 УК РФ она обусловлена необходимостью обеспечения авторитета государственной власти и установленного порядка осуществления полномочий ее представителями, тогда как ст. 336 УК РФ направлена на охрану установленного порядка прохождения военной службы. Следовательно, уголовно-правовое значение комического, объективированного в оскорбительной форме поведения, определяется не самим фактом его субъективного восприятия потерпевшим как унизительного или оскорбительного. Также для уголовно-правовой оценки необходимо установить совершение конкретного деяния, содержащего все признаки соответствующего состава преступления, включая предусмотренные законом специальные признаки субъекта, потерпевшего, а также обстоятельства совершения деяния. Так, применительно к ст. 319 УК РФ значение имеют статус потерпевшего как представителя власти и связь оскорбления с исполнением им своих должностных обязанностей либо их исполнением в связи с ними, а по ст. 336 УК РФ обязательное значение имеют статус участников военных отношений и совершение деяния в связи с исполнением обязанностей военной службы.

Своеобразным примером иного законодательного подхода выступают положения ст. 148 УК РФ, предусматривающие ответственность за нарушение права на свободу совести и свободу вероисповедания. В предусмотренных данной нормой случаях наступление конкретного вреда в виде субъективно воспринимаемого оскорбления религиозных чувств верующих не является обязательным последствием деяния. Уголовно-правовое значение законодатель придает прежде всего характеру самого поведения, то есть совершению соответствующих публичных действий, сопряженных с явным неуважением к обществу, при наличии предусмотренной законом цели. Тем самым в данном случае уголовно-правовая охрана связывается не столько с установлением факта субъективного переживания конкретным лицом причиненного ему вреда,

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

сколько с нарушением охраняемого законом общественного отношения. Схожий подход выражается и в ст. 282 УК РФ, где унижение чести и достоинства рассматривается как преступное действие, но законодатель исходит из того, что вред причинен основам конституционного строя и безопасности государства, не учитывая тем самым фактически наступившие последствия.

Выводы

Таким образом, комическое предложено понимать как социально и культурно обусловленное, эстетически значимое смешное, включая его редуцированные формы, которое объективируется в социальном поведении субъекта посредством определенных форм и способов выражения, направляется на объект и адресата и реализуется в процессе их социального взаимодействия.

Установлено, что охраняемые уголовным законом общественные отношения определяют содержательные и поведенческие пределы допустимого комического, нарушение которых может иметь уголовно-правовое значение. Такие пределы прослеживаются как в признаках субъективной, так и объективной сторон преступлений, предусмотренных УК РФ. В первом случае субъект, используя содержание комического преследует цели и мотивы, которые могут иметь уголовно-правовое значение. Во втором случае комическое содержание приобретает уголовно-правовое значение в связи с его объективизацией в конкретном деянии и может влиять на установление признаков его объективной стороны, в частности при распространении запрещенной уголовным законом информации, осквернении, оскорблении, пропаганде, призывах, а также при совершении иных действий, содержание, направленность или способ которых имеют значение для уголовно-правовой оценки.

При этом вред, возникающий в процессе реализации комического в целом как формы социального поведения, может иметь как объективный, характер, так обладать субъективной оценкой. Однако для уголовного права определяющее значение должен иметь объективно причиненный вред либо иные предусмотренные законом последствия, тогда как признание исключительно субъективного восприятия вреда самостоятельным основанием уголовной ответственности создает риск объективного вменения.

Список источников

1. Федеральный закон от 27.12.2018 № 519-ФЗ «О внесении изменения в статью 282 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2018. № 295.

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» (ред. от 23.12.2025) // Российская газета. 2011. № 142.

3. Апелляционное постановление Магаданского городского суда Магаданской области от 28.08.2018 по делу № 10-55/2018 // СПС КонсультантПлюс.

4. Апелляционное постановление Тульского областного суда от 28.08.2019 по делу № 22-2251/2019 // СПС КонсультантПлюс.

5. Апелляционное постановление Центрального районного суда г. Калининграда от 26.07.2024 по делу № 10-11/2024 // СПС КонсультантПлюс.

6. Апелляционное постановление Приволжского районного суда Ивановской области от 14.04.2025 по делу № 10-3/2025 // СПС КонсультантПлюс.

7. Апелляционное определение Приморского краевого суда от 07.08.2026 № 22-3033/2026 // СПС КонсультантПлюс.

8. Приговор Дмитровского городского суда Московской области от 18.03.2026 № 1-64/2026 // СПС КонсультантПлюс.

9. Асадов Р.Б. От шуток до преступлений: трансформация девиантного поведения в Интернете // Полицейская и следственная деятельность. 2025. № 2. С. 160 – 173.

10. Аристотель. О частях животных: пер. В.П. Карпов. М.: Юрайт, 2025. 157 с.

11. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990. 527 с.

12. Борев Ю.Б. Комическое или о том, как смех казнит несовершенство мира, очищает и обновляет человека и утверждает радость бытия. М.: Искусство, 1970. 268 с.

13. Грачева Ю.В., Маликов С.В. Треш-стрим: социальная обусловленность криминализации // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 6 (127). С. 202 – 210.

14. Дмитриев А.В. Социология юмора. М., 1996. 214 с.

15. Жаров К.А. Треш-стримы: уголовно-правовые аспекты // Современный ученый. 2023. № 6. С. 298 – 303.

16. Капитонова Е.А. Пранки, треш-стримы и другие новые формы девиантных действий, совершаемых в погоне за популярностью: проблемы квалификации // Уголовное право. 2024. № 2. С. 24 – 34.

17. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А.И. Чучаева. М.: Контракт, 2012. 624 с.

18. Креховец А.В., Никифорова А.А. Правовой эксперимент отечественного законодателя в регламентации ответственности за проведение треш-стримов // Полицейская и следственная деятельность. 2024. № 4. С. 55 – 66.

19. Николаев Д.П. Смех Щедрина: очерки сатирич. поэтики. М.: Сов. писатель, 1988. 397 с.

20. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений: словарь / под ред. проф. Л.И. Скворцова. 28-е изд., перераб. М.: Мир и Образование, 2024. 1376 с.

21. Антонов Ю.И., Боровиков В.Б., Галахова А.В.и др. Оценочные признаки в Уголовном кодексе Российской Федерации: научное и судебное толкование: научно-практическое пособие / под ред. А.В. Галаховой. М.: Норма, 2014. 736 с.

22. Поливанов А.В. Пранк как составообразующий признак хулиганства // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 2. С. 57 – 64.

23. Пропп В.Я. Проблемы комизма и смеха. Ритуальный смех в фольклоре. М.: Лабиринт, 1999. 285 с.

24. Русскевич Е.А. Пранк и уголовный закон // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2024. № 4 (116). С. 126 – 134.

25. Сычев А.А. Природа смеха или Философия комического / науч. ред. д-р филос. наук Р.И. Александрова. Саранск: Изд-во Мордов.ун-та, 2003.176 с.

26. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка: в 4-х т. Т. 1. Ленинград: Императорская Академия наук, 1935-1940. 1562 с.

27. Little, L. E. Regulating funny: Humor and the law // Cornell Law Review. 2008. Vol. 94. P. 1278.

References

1. Federal Law No. 519-FZ of December 27, 2018, "On Amending Article 282 of the Criminal Code of the Russian Federation". Rossiyskaya Gazeta. 2018. No. 295.

2. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 11 of June 28, 2011, "On Judicial Practice in Criminal Cases Involving Extremist-Motivated Crimes" (as amended on December 23, 2025). Rossiyskaya Gazeta. 2011. No. 142.

3. Appellate Ruling of the Magadan City Court (Magadan Region) of August 28, 2018, in Case No. 10-55/2018. ConsultantPlus Legal Reference System.

4. Appellate Ruling of the Tula Regional Court of August 28, 2019, in Case No. 22-2251/2019. ConsultantPlus Legal Reference System.

5. Appellate Ruling of the Tsentralny District Court of Kaliningrad of July 26, 2024, in Case No. 10-11/2024. ConsultantPlus Legal Reference System.

6. Appellate Ruling of the Privolzhsky District Court (Ivanovo Region) of April 14, 2025, in Case No. 10-3/2025. ConsultantPlus Legal Reference System.

7. Appellate Ruling of the Primorsky Regional Court of August 7, 2026, No. 22-3033/2026. ConsultantPlus Legal Reference System. 8. Judgment of the Dmitrov City Court of the Moscow Region dated March 18, 2026, No. 1-64/2026. ConsultantPlus Legal Reference System.

9. Asadov R.B. From Jokes to Crimes: The Transformation of Deviant Behavior on the Internet. Police and Investigative Activity. 2025. No. 2. P. 160 – 173.

10. Aristotle. On the Parts of Animals.Trans. V.P. Karpov. Moscow: Yurayt, 2025. 157 p.

11. Bakhtin M.M. Rabelais and His World. Moscow, 1990. 527 p.

12. Borev Yu.B. The Comic, or How Laughter Punishes the Imperfection of the World, Purifies and Renews the Individual, and Affirms the Joy of Being. Moscow: Iskusstvo, 1970. 268 p.

13. Gracheva Yu.V., Malikov S.V. Trash Streaming: Social Prerequisites for Criminalization. Current Issues of Russian Law. 2021. No. 6 (127). P. 202 – 210.

14. Dmitriev A.V. Sociology of Humor. Moscow, 1996. 214 p.

15. Zharov K.A. Trash Streaming: Criminal Law Aspects. Modern Scientist. 2023. No. 6. P. 298 – 303.

16. Kapitonova E.A. Pranks, "trash streams," and other new forms of deviant acts committed in pursuit of popularity: issues of legal classification. Criminal Law. 2024. No. 2. P. 24 – 34.

17. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation (article-by-article). ed. by A.I. Chuchaev. Moscow: Kontrakt, 2012. 624 p.

18. Krekhovets A.V., Nikiforova A.A. A domestic legislator's legal experiment in regulating liability for conducting "trash streams". Police and Investigative Activity. 2024. No. 4. P. 55 – 66.

19. Nikolaev D.P. Shchedrin's Laughter: Essays on Satirical Poetics. Moscow: Sovetsky Pisatel, 1988. 397 p.

20. Ozhegov S.I. Explanatory Dictionary of the Russian Language: approx. 100,000 words, terms, and phraseological expressions. ed. by Prof. L.I. Skvortsov. 28th ed., revised. Moscow: Mir i Obrazovanie, 2024. 1376 p.

21. Antonov Yu.I., Borovikov V.B., Galakhova A.V. et al. Evaluative criteria in the Criminal Code of the Russian Federation: scientific and judicial interpretation: a scientific-practical manual. ed. by A.V. Galakhova. Moscow: Norma, 2014. 736 p.

22. Polivanov A.V. Pranking as a Constitutive Element of Hooliganism. Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 2. P. 57 – 64.

23. Propp V.Ya. Problems of the Comic and Laughter: Ritual Laughter in Folklore. Moscow: Labirint, 1999. 285 p.

24. Russkevich E.A. Pranking and Criminal Law. Bulletin of the O.E. Kutafin University. 2024. No. 4 (116). P. 126 – 134.

25. Sychev A.A. The Nature of Laughter, or The Philosophy of the Comic. Scientific Ed. R.I. Alexandrova, Doctor of Philosophical Sciences. Saransk: Mordovia University Press, 2003. 176 p.

26. Ushakov D.N. Explanatory Dictionary of the Russian Language: in 4 vols. Vol. 1. Leningrad: Imperial Academy of Sciences, 1935-1940. 1562 p.

27. Little L.E. Regulating funny: Humor and the law. Cornell Law Review. 2008. Vol. 94. P. 1278.

Информация об авторе

Горшелева Н.А., Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, gorshelevanina@rambler.ru

© Горшелева Н.А., 2026

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)
УДК 340.13
DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-6-249-254

Стратегическое планирование как инструмент юридического прогнозирования в законотворческой деятельности

[1] Магомедова Е.А., [1] Еремичева А.С., [1] Печенцова Е.С., [2] Зайцева М.А.,
[1] Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского,
[2] Калужский институт, филиал Московского гуманитарно-экономического университета

Аннотация: *в статье рассматривается стратегическое планирование как инструмент юридического прогнозирования в законотворческой деятельности. Раскрывается взаимосвязь стратегического планирования, правотворчества и прогнозирования развития законодательства. Анализируется становление и развитие планирования в российской государственно-правовой практике, а также значение концепций, стратегий и планов социально-экономического и общественно-политического развития для формирования направлений правового регулирования. Особое внимание уделяется положениям Федерального закона от 28 июня 2014 года № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». На примере Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года, Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года и Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года показано, что документы стратегического планирования формируют ориентиры для законотворческой деятельности в современной России. Обосновывается вывод о том, что стратегическое планирование обладает прогностическим потенциалом и позволяет обеспечить конструктивное, системное и научно обоснованное развитие законодательства.*

Ключевые слова: *юридическое прогнозирование, стратегическое планирование, законотворческая деятельность, правотворчество, законодательство, нормативные правовые акты, стратегические документы, государственная политика, правовое регулирование, прогнозирование развития законодательства*

Для цитирования: Магомедова Е.А., Еремичева А.С., Печенцова Е.С., Зайцева М.А. Стратегическое планирование как инструмент юридического прогнозирования в законотворческой деятельности // International Law Journal. 2026. Том 9. № 6. С. 249 – 254. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-6-249-254

Поступила в редакцию: 25 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 23 августа 2026 г.; Принята к публикации: 2 октября 2026 г.

Strategic planning as a tool for legal forecasting in law-making activity

[1] Magomedova E.A., [1] Yeremicheva A.S., [1] Pechentsova E.S., [2] Zaitseva M.A.,
[1] Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky,
[2] Kaluga Institute (branch) Moscow Humanitarian and Economic University

Abstract: *the article examines strategic planning as a tool for legal forecasting within the legislative process. It explores the interrelationship between strategic planning, law-making, and the forecasting of legislative development. The study analyzes the emergence and evolution of planning in Russian state and legal practice, as well as the significance of concepts, strategies, and plans for socio-economic and socio-political development in shaping the direction of legal regulation. Particular attention is paid to the provisions of Federal Law No. 172-FZ of June 28, 2014, "On Strategic Planning in the Russian Federation." Through the examples of the Strategy for Compre-*

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

hensive Child Safety in the Russian Federation (up to 2030), the Strategy for State Cultural Policy (up to 2030), and the Strategy for the Implementation of Youth Policy in the Russian Federation (up to 2030), the article demonstrates how strategic planning documents establish guidelines for legislative activity in modern Russia. The author concludes that strategic planning possesses predictive potential and enables the constructive, systemic, and scientifically grounded development of legislation.

Keywords: *legal forecasting, strategic planning, law-making activity, law-making, legislation, normative legal acts, strategic documents, state policy, legal regulation, forecasting of legislative development*

For citation: Magomedova E.A., Yeremicheva A.S., Pechentsova E.S., Zaitseva M.A. Strategic planning as a tool for legal forecasting in law-making activity. International Law Journal. 2026. 9 (6). P. 249 – 254. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-6-249-254

The article was submitted: July 25, 2026; Approved after reviewing: August 23, 2026; Accepted for publication: October 2, 2026.

Введение

Вопросы правотворчества в целом и законотворческой деятельности в частности находятся на острие российской юридической науки практически перманентно. По мнению авторов статьи интерес ученых-юристов к данной теме вполне обоснован, ведь процесс правового регулирования начинается с создания нормы права. Эффективность данной нормы зависит от множества факторов, но определяющим, на наш взгляд, является качество правотворческого процесса. Следует отметить, что процесс разработки и принятия нормативных правовых актов, образуя плоскость научных интересов многих ученых-юристов, получил отражение в теории правотворчества. Необходимо признать, что академическое и организационное оформление теории правотворчества привело к появлению в её рамках новых научных направлений. Так, например, И.И. Шувалов утверждает, что в настоящее время теория правотворчества развивается в разных направлениях: теория юридической техники, теория законотворчества и др. [10, с. 55] Формируя авторскую исследовательскую линию, считаем корректным уточнить, что в рамках данной теории также оформились самостоятельные составляющие в виде вопросов правового мониторинга, юридической экспертизы, правового эксперимента, юридического прогнозирования и т.д. На наш взгляд, каждое направление имеет важное академическое значение, однако в формате заявленной темы представляется целесообразным сосредоточить исследовательский потенциал на юридическом прогнозировании, а далее охарактеризовать стратегическое планирование как его инструмент в законотворческой деятельности.

Материалы и методы исследований

Основой для исследования послужили научные труды отечественных ученых в области теории правотворчества, законотворчества, юридического прогнозирования и стратегического планирования, а также нормативные правовые акты Российской Федерации и документы стратегического планирования федерального уровня.

Методологическую основу исследования составили общенаучные и частнонаучные методы познания. При анализе содержания юридического прогнозирования и стратегического планирования применялись диалектический, системный и структурно-функциональный методы. Формально-юридический метод использовался для изучения законодательных дефиниций, положений нормативных правовых актов и содержания документов стратегического планирования. С помощью историко-правового метода исследовалась эволюция планирования в российской государственно-правовой практике, включая советский и постсоветский периоды. Сравнительно-правовой метод применялся при сопоставлении отдельных направлений и механизмов реализации различных стратегий. Посредством метода правового моделирования определялась роль стратегических документов в формировании предполагаемых направлений развития законодательства.

Исследование носит теоретико-прикладной характер. Его логика основана на последовательном рассмотрении юридического прогнозирования как направления теории правотворчества, выявлении содержания стратегического планирования и анализе его прогностического потенциала для законотворческой деятельности. Эмпирическую основу составил предметный анализ разделов стратегий, посвященных целям, основным направлениям, задачам и механизмам реализации государственной политики, поскольку именно в этих элементах закрепляются ориентиры для дальнейшего нормативно-правового регулирования.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Результаты и обсуждения

Вопросы юридического прогнозирования в последние три десятилетия активно разрабатываются в научной среде, причем в качестве плоскости приложения исследуется значение этого правового феномена для системы права, системы законодательства, различных правовых явлений и процессов, а также отечественной правовой системы в целом. В контексте содержательного наполнения юридического прогнозирования следует согласиться с К.В. Агамировым, который определяет, что «юридическое прогнозирование – это теоретическая и практическая деятельность в социально-правовой сфере, направленная на выявление тенденций развития правовой системы на заданную перспективу для выработки предложений по ее модернизации» [5, с.3]. Такое прочтение предполагает не только емкий регулятивный потенциал юридического прогнозирования, но и довольно широкий спектр его инструментов. В этой связи представляется возможным обратиться к вопросу стратегического планирования.

Стратегическое планирование как правовой феномен в принципе уходит корнями в советский этап государственно-правового развития. Ведь в советское время вопросы планирования имели глубокую научную проработку, причем как в краткосрочном, так и в долгосрочном разрезах. В начале постсоветского периода, с 1995 года до середины 2014 года, в Российской Федерации действовал Федеральный закон «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Российской Федерации». Данный закон во многом стал основой для принятия правовых актов, определяющих направление социально-экономического развития на том этапе становления рыночной экономики в России. На наш взгляд, принимаемые в этот период концепции и программы в определенной степени формировали векторы развития отечественной правовой системы в целом и правового регулирования в частности. Так, например, Указ Президента Российской Федерации от 17 декабря 1997 года № 1300 утвердил первую Концепцию национальной безопасности. Именно этот акт как форма государственного планирования стал ориентиром для принятия целого ряда федеральных законов, среди которых можно выделить Федеральный закон от 31 мая 1996 года № 61-ФЗ «Об обороне», Федеральный закон от 26 февраля 1997 года № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации». Предмет правового регулирования последнего закона содержит идею системного подхода к мобилизационным ресурсам исходя из стратегических установок обозначенной Концепции. Поскольку данная Концепция охватывала не только военную сферу, но и экономическую, экологическую, информационную безопасность, позже принимались законы, регулирующие, например, промышленную безопасность (Федеральный закон от 21 июля 1997 года № 116-ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов») или борьбу с конкретными трансграничными угрозами.

В 2008 году Распоряжением Правительства Российской Федерации № 1662-р была утверждена Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года. Именно исходя из ориентиров правового регулирования, сформированных в обозначенной Концепции, в 2009-2020 годах принимались отдельные федеральные законы в сфере образования, науки, поддержки инноваций, регулирования бизнеса, социальной политики. Одним из главных шагов стало принятие Федерального закона от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». Он стал базовым документом, который системно регулирует всю сферу: закрепляет права участников образовательных отношений, принципы государственной политики, правила работы системы и осуществления образовательной деятельности. В части правового регулирования инноваций считаем возможным привести Федеральный закон от 28 сентября 2010 года № 244-ФЗ «Об инновационном центре «Сколково»», который заложил правовую первооснову для создания территориально обособленного комплекса, где формировались особые условия для исследований и коммерциализации их результатов.

В настоящее время ключевым нормативным правовым актом в сфере стратегического планирования является Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». В научной литературе его оценивают как базовый и системообразующий акт в этой сфере [6, с. 122]. После принятия вышеобозначенного закона процесс стратегического планирования как бы расширил свои горизонты и вышел на качественно более высокий уровень. Акты стратегического планирования, которые являются результатами этого процесса, принимаются множеством органов и должностных лиц на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. Следует подчеркнуть, что в условиях интенсивной трансформации всех сфер жизнедеятельности современного российского общества документы стратегического планирования издаются в форме концепций, стратегий, планов в соответствующих областях. В этом контексте стоит согласиться с позицией М.В. Залоило, который считает, что деятельность участников стратегического планирования «позволяет реагировать на современные и, что немаловажно, будущие вызовы, основываясь на анализе текущей обстановки, предвидении и прогнозах её изменения, определяя цели и

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

наиболее эффективные средства их достижения» [7, с. 147]. Данная точка зрения содержит весомый аргумент в пользу того, что стратегическое планирование является инструментом юридического прогнозирования.

В разрезе законотворческой деятельности считаем целесообразным акцентировать внимание на том, что, если законы принимаются без прогноза, они, по выражению Ю.А. Тихомирова, «нередко служат запоздалым оформлением принятых решений, а не мощным средством опережающего воздействия на общественные процессы» [9, с. 48]. Вместе с тем хотелось бы отметить, что юридическое прогнозирование в законотворческой деятельности, по нашему мнению, носит комплексный, многоэлементный характер. В этой связи важно обозначить, что предмет юридического прогнозирования при его использовании в законотворческой деятельности, как правило, не замыкается на предмет будущего закона, а связан со смежными секторами сферы правового регулирования. В формате такого подхода представляет интерес позиция В.Н. Радченко и его соавторов, которые считают, что нередко прогноз законодательства является составной частью общественно-политического планирования или прогнозирования, при этом общественно-политические цели являются определяющими [8, с. 12]. Данный теоретический посыл сосредотачивает фокус проводимого исследования на стратегическом планировании. В этом плане следует обозначить, что в соответствии с базовым законом под стратегическим планированием понимается «деятельность участников стратегического планирования по целеполаганию, прогнозированию, планированию и программированию социально-экономического развития Российской Федерации» [1]. В приведенной законодательной дефиниции содержится термин «прогнозирование», что в очередной раз подтверждает корректность заявленной темы статьи. Переводя исследование в плоскость практики правового регулирования, считаем рациональным обратиться к действующим в настоящее время документам юридического стратегирования федерального уровня. Предметный анализ целого ряда стратегий, закладывающих основы государственной политики в различных сферах, – таких, как комплексная безопасность детей, развитие информационного общества, пространственное развитие Российской Федерации, развитие искусственного интеллекта, противодействие экстремизму – показал, что структура данных документов довольно универсальная и практически каждый из этих правовых актов содержит раздел «Цели, основные направления и задачи государственной политики». Представляется, что в этом разделе в определенной степени и реализуется потенциал юридического прогнозирования, поскольку, как правило, в нем содержится указание на необходимость качественного правового формата вышеобозначенных компонентов государственной политики в определенной сфере. Еще одним структурным элементом стратегий является раздел «Основные механизмы и этапы реализации», который в свою очередь закладывает основы для законодательного регулирования общественных отношений, являющихся предметом конкретной стратегии. Для более обстоятельной аргументации проиллюстрируем данный постулат на примере Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года [2]. Так, в разделе «Общие положения» закреплено, что «настоящая Стратегия способствует созданию условий для принятия органами государственной власти и органами местного самоуправления решений, формирующих систему обеспечения комплексной безопасности детей». Данное правоположение фактически закладывает вектор правового регулирования в обозначенной сфере и предполагает разработку соответствующих нормативных правовых актов, что в данном случае и может рассматриваться как инструмент юридического прогнозирования. В подразделе «Основные направления реализации государственной политики в сфере обеспечения безопасности детей» в пункте 9 в качестве одного из таких направлений обозначено совершенствование законодательства в сфере суррогатного материнства. Приведенное нормативное положение фактически формирует основу для принятия новых законов в обозначенной сфере или модернизации уже действующего законодательства. Раздел «Основные механизмы и этапы реализации настоящей Стратегии» в качестве обеспечения её реализации закладывает такой инструмент, как применение правовых механизмов. По нашему мнению, это также свидетельствует о том, что данная стратегия является инструментом юридического прогнозирования по отношения к правотворческой деятельности в сфере обеспечения комплексной безопасности детей.

Весьма интересной для анализа в рамках темы исследования представляется Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года [3]. В этом документе уже в разделе, посвященном анализу текущей ситуации и характеристике преодоления выявленных проблем предусматривается разработка механизмов по противодействию подрывной деятельности недружественных государств в российском культурном пространстве. При системном и расширительном толковании данного правоположения напрашивается вывод о том, что разработка названных механизмов невозможна без разработки должной законодательной основы в процессе законотворческой деятельности. В этом же разделе данного документа юридического стратегирования при характеристике финансовой составляющей культурной политики конкретно

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

говорится о необходимости разработки дополнительных правовых инструментов для привлечения внебюджетных средств в сферу культуры. В разделе «Механизмы реализации стратегии» в качестве такового для достижения поставленных целей обозначено совершенствование законодательства, принятие иных мер нормативно-правового характера.

Для авторов статьи – представителей научно-педагогического сообщества и студентов, представляет интерес рассмотрение под обозначенным исследовательским углом зрения «Стратегии реализации молодежной политики» как инструмента юридического прогнозирования в законотворческой деятельности. В этом плане в качестве задач Стратегии определено «формирование и развитие эффективного законодательства Российской Федерации в сфере молодежной политики» [4]. Фактически данной целевой установкой субъект стратегического планирования предопределил необходимость и целесообразность формирование целого законодательного блока, посвященного вопросам молодежной политики. В контексте данного документа поставленная задача как бы распадается на несколько сегментов и просматривается в целом ряде разделов, посвященным мерам по различным приоритетным направлениям реализации данной Стратегии. Так, говоря о противодействии деструктивному поведению молодежи… авторы Стратегии заложили необходимость «внесения изменений в законодательство, направленных на противодействие деструктивному поведению молодежи, ее правовое просвещение и информационную защиту, в том числе в образовательных организациях» [4]. Когда речь в Стратегии идет о создании условий для развития молодежного добровольчества, авторы также в качестве инструментов закрепляют «совершенствование законодательства Российской Федерации в части закрепления перечня форм поддержки, оказываемой молодежным и детским общественным объединениям» [4]. Тем самым фактически закладывается вектор правового регулирования в сфере добровольчества, который в последующем может быть содержательно развит и наполнен, а также воплощен в законотворческой практике в форме законодательных инициатив. Резюмируя, вышеприведенные рассуждения, следует отметить, что реализованный в данном документе юридического стратегирования подход также довольно удачно иллюстрирует прогностический потенциал стратегического планирования.

Выводы

Таким образом, по материалам данного исследования, можно сделать вывод о том, что стратегическое планирование является одним из значимых инструментов юридического прогнозирования. Его прогностический потенциал проявляется в определении долгосрочных целей государственной политики, выявлении существующих и будущих проблем, установлении приоритетных направлений регулирования и закреплении механизмов их реализации.

Документы стратегического планирования способны выполнять функцию предварительной нормативной ориентации законотворческой деятельности. Содержащиеся в них положения о совершенствовании законодательства, разработке правовых механизмов и принятии нормативных правовых актов формируют основу для последующего законодательного регулирования соответствующих общественных отношений. Федеральный закон от 28 июня 2014 года № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» создал системную правовую основу для организации стратегического планирования на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. Включение прогнозирования в законодательное определение стратегического планирования подтверждает его непосредственную связь с юридическим прогнозированием.

Эффективность стратегического планирования как инструмента юридического прогнозирования зависит от его научной обоснованности, согласованности с действующей системой законодательства, учета общественных потребностей и оценки возможных правовых, социальных и экономических последствий предлагаемых решений. Использование стратегического планирования в законотворческой деятельности позволяет перейти от реагирования на уже возникшие проблемы к опережающему правовому регулированию. В связи с этим стратегическое планирование следует рассматривать как необходимый элемент современной системы подготовки, обоснования и оценки законодательных решений.

Список источников

1. Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (действующая редакция) // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 11.07.2026)

2. Указ Президента РФ от 17.05.2023 № 358 «О Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года» (действующая редакция) // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 11.07.2026)

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

3. Распоряжение Правительства РФ от 11.09.2024 № 2501-р «Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года» (действующая редакция) // СПС «Консультант Плюс». (дата обращения: 11.07.2026)

4. Распоряжение Правительства РФ от 17.08.2024 № 2233-р «Об утверждении Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года» (действующая редакция) // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 11.07.2026)

5. Агамиров К.В. Юридическое прогнозирование как средство научной обоснованности законотворческой деятельности // Российская юстиция. 2019. № 5. С. 2 – 5.

6. Домченко А.С. Публичное администрирование и стратегическое планирование: к вопросу о демаркации механизмов управления // Российский юридический журнал. 2020. № 3. С. 119 – 127.

7. Залоило М.В. Стратегическое планирование в обеспечении эффективности правотворчества // Журнал российского права. 2018. № 4. С. 43 – 53.

8. Радченко В.И., Иванюк О.А., Плюгина И.В., Цирин А.М., Чернобель Г.Т. Практические аспекты прогнозирования законодательства и эффективности применения прогнозируемых норм // Журнал российского права, 2008, № 8. С. 3 – 14.

9. Тихомиров Ю.А. Методология анализа и оценки рисков в законодательной деятельности // Юридическая техника. 2015. № 9. С. 46 – 51.

10. Шувалов И.И. Теория законотворчества. М.: Норма, 2006. 206 с.

References

1. Federal Law No. 172-FZ of June 28, 2014, "On Strategic Planning in the Russian Federation" (current version). Consultant Plus Legal Reference System (date of access: 11.07.2026)

2. Decree of the President of the Russian Federation No. 358 of May 17, 2023, "On the Strategy for the Comprehensive Safety of Children in the Russian Federation for the Period up to 2030" (current version). Consultant Plus Legal Reference System (date of access: 11.07.2026)

3. Directive of the Government of the Russian Federation No. 2501-r of September 11, 2024, "On Approval of the Strategy for State Cultural Policy for the Period up to 2030" (current version). Consultant Plus Legal Reference System (date of access: 11.07.2026)

4. Directive of the Government of the Russian Federation No. 2233-r of August 17, 2024, "On Approval of the Strategy for the Implementation of Youth Policy in the Russian Federation for the Period up to 2030" (current version). Consultant Plus Legal Reference System (date of access: 11.07.2026)

5. Agamirov K.V. Legal Forecasting as a Means of Ensuring the Scientific Validity of Law-Making Activity. Russian Justice. 2019. No. 5. P. 2 – 5.

6. Domchenko A.S. Public Administration and Strategic Planning: On the Issue of Demarcating Management Mechanisms. Russian Juridical Journal. 2020. No. 3. P. 119 – 127.

7. Zaloilo M.V. Strategic Planning in Ensuring the Effectiveness of Law-Making. Journal of Russian Law. 2018. No. 4. P. 43 – 53.

8. Radchenko V.I., Ivanyuk O.A., Plyugina I.V., Tsirin A.M., Chernobel G.T. Practical Aspects of Legislative Forecasting and the Effectiveness of Applying Forecasted Norms. Journal of Russian Law. 2008. No. 8. P. 3 – 14.

9. Tikhomirov Yu.A. Methodology for Risk Analysis and Assessment in Legislative Activity. Legal Technique. 2015. No. 9. P. 46 – 51.

10. Shuvalov I.I. Theory of Law-Making. Moscow: Norma, 2006. 206 p.

Информация об авторах

Магомедова Е.А., кандидат юридических наук, доцент, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Elena-magomedova@yandex.ru

Еремичева А.С., Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

Печенцова Е.С., Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

Зайцева М.А., преподаватель, Калужский институт, филиал Московского гуманитарно-экономического университета

© Магомедова Е.А., Еремичева А.С., Печенцова Е.С., Зайцева М.А., 2026

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)
УДК 343.9
DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-6-255-260

Перспективы использования биометрических систем при расследовании преступлений

[1] Журкина О.В., [1] Филиппова Е.О.,
[1] Оренбургский государственный университет имени В.А. Бондаренко

Аннотация: *в статье рассматриваются современные тенденции и перспективы применения биометрических технологий в криминалистике и следственной деятельности. Анализируются основные виды биометрической идентификации, включая дактилоскопию, распознавание лиц, анализ ДНК, идентификацию по радужной оболочке глаза и голосу. Исследуется эффективность различных биометрических методов, их достоинства и ограничения в контексте раскрытия и расследования преступлений. Особое внимание уделяется инновационным технологиям, таким как искусственный интеллект в биометрии, мультимодальные системы идентификации и поведенческая биометрия. Рассматриваются правовые и этические аспекты использования биометрических данных, вопросы защиты персональной информации и необходимость совершенствования нормативно-правовой базы. Представлен анализ международного опыта и перспективы развития биометрических систем в правоохранительной деятельности.*

Ключевые слова: *биометрическая идентификация, криминалистика, расследование преступлений, дактилоскопия, распознавание лиц, ДНК-анализ, искусственный интеллект, цифровая криминалистика, правоохранительная деятельность, персональные данные*

Для цитирования: Журкина О.В., Филиппова Е.О. Перспективы использования биометрических систем при расследовании преступлений // International Law Journal. 2026. Том 9. № 6. С. 255 – 260. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-6-255-260

Поступила в редакцию: 26 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 24 августа 2026 г.; Принята к публикации: 2 октября 2026 г.

Prospects for the use of biometric systems in the investigation of crimes

[1] Zhurkina O.V., [1] Filippova E.O.,
[1] Orenburg State University named after V.A. Bondarenko

Abstract: *the article examines current trends and prospects for the use of biometric technologies in criminology and investigative activities. The main types of biometric identification are analyzed, including fingerprinting, facial recognition, DNA analysis, iris recognition, and voice recognition. The effectiveness of various biometric methods, their advantages and limitations in the context of crime detection and investigation, are studied. Special attention is paid to innovative technologies, such as artificial intelligence in biometrics, multimodal identification systems, and behavioral biometrics. The legal and ethical aspects of using biometric data, issues related to the protection of personal information, and the need to improve the regulatory framework are considered. An analysis of international experience and the prospects for the development of biometric systems in law enforcement is presented.*

Keywords: *biometric identification, criminology, crime investigation, fingerprinting, facial recognition, DNA analysis, artificial intelligence, digital forensics, law enforcement, personal data*

For citation: Zhurkina O.V., Filippova E.O. Prospects for the use of biometric systems in the investigation of crimes. International Law Journal. 2026. 9 (6). P. 255 – 260. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-6-255-260

The article was submitted: July 26, 2026; Approved after reviewing: August 24, 2026; Accepted for publication: October 2, 2026.

Введение

Развитие биометрических технологий открывает качественно новые возможности для повышения эффективности раскрытия и расследования преступлений. В условиях цифровой трансформации общества и усложнения криминальной среды традиционные методы криминалистической идентификации дополняются инновационными биометрическими системами, способными обеспечить высокую точность установления личности и существенно ускорить процесс расследования.

Биометрическая идентификация давно перестала быть вспомогательным приёмом и превратилась в один из опорных инструментов криминалистики. Под биометрией понимается совокупность методов распознавания человека по его физиологическим и поведенческим характеристикам, которые устойчивы во времени и с трудом поддаются подделке.

Следует отметить, что интерес правоохранительных органов к таким технологиям объясняется просто. Биологические и поведенческие признаки принадлежат конкретному лицу, они всегда при нём, их нельзя забыть дома или передать другому человеку так, как передают ключ или пароль. Именно поэтому биометрические данные приобрели значение доказательственной информации, а работа с ними встроилась в процессуальную ткань предварительного расследования.

Материалы и методы исследований

В исследовании применены следующие теоретические методы: сравнительный анализ, синтез, аналогия, индукция, дедукция, моделирование; эмпирические методы: проведен анализ научных документов. Проведен сравнительный анализ полученных данных, выявлены зависимости и закономерности.

Эмпирическая база исследования: Нормативные правовые акты, научная, правовая литература.

Результаты и обсуждения

Биометрические персональные данные – сведения, которые характеризуют физиологические и биологические особенности человека, на основании которых можно установить его личность и которые используются оператором для установления личности субъекта персональных данных [2]. В науке существует несколько подходов к определению биометрических данных. М.Л. Галкина, Н.А. Развейкина говорят о том, что «биометрические данные относятся к общей категории персональных данных» [3], в свою же очередь Н.И. Платонова рассматривает данное определение как нематериальное благо и объект гражданских прав [10, 4]. ИИ-технологии используются в различных сферах криминалистики, включая автоматизированное распознавание лиц, биометрических данных, почерка и отпечатков, анализ видеозаписей с мест происшествий, компьютерную трасологию и цифровую криминалистику [11].

Биометрические системы представляют собой автоматизированные технологические комплексы, осуществляющие идентификацию и аутентификацию личности на основе уникальных физиологических или поведенческих характеристик человека. В криминалистической практике биометрия выступает мощным инструментом установления личности подозреваемых, идентификации жертв преступлений, верификации свидетельских показаний и решения широкого спектра задач, связанных с расследованием противоправных деяний. Главной целью использования биометрических данных является верификация (алгоритм сопоставления данных о личности по принципу «1 к 1») и идентификация (алгоритм сопоставления данных о личности по принципу «1 к многим») личности [8].

Традиционная дактилоскопия, являющаяся исторически первым биометрическим методом в криминалистике, в настоящее время переживает технологическую революцию. Современные автоматизированные дактилоскопические информационные системы (АДИС) способны проводить поиск по базам данных, содержащим десятки миллионов отпечатков, за считанные секунды. Внедрение алгоритмов глубокого обучения позволило существенно повысить качество распознавания латентных следов, частичных и деформированных отпечатков. Перспективным направлением развития дактилоскопии является создание портативных сканеров с возможностью мгновенной передачи данных в централизованные базы и получения результатов идентификации непосредственно на месте происшествия. Технология бесконтактного сканирования отпе-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

чатков пальцев открывает новые возможности для работы с загрязненными или поврежденными поверхностями, а мультиспектральная визуализация позволяет выявлять следы, невидимые при обычном освещении.

В ряде иностранных государств уже функционируют биометрические технологии, под которыми следует понимать определенный набор средств, основанных на компьютерных технологиях, позволяющих идентифицировать личность человека исходя из его внешних или поведенческих особенностей [6]. По своей сути биометрия представляет собой процесс запечатления внешних признаков человека, таких как черты лица, голос, радужная оболочка глаза и т.д., создание на основе этого цифрового слепка и занесение его в базу данных в целях последующего отождествления облика индивидуума с уже имеющейся информацией [5]. Следует отметить, что всякий биометрический портрет обладает такими сущностными характеристиками как неповторимость, что предполагает наличие индивидуальных свойств каждого портрета; универсальность, то есть наличие у каждого лица свойств, фиксируемых в ходе занесения в базу данных; устойчивость, практическая неизменность получаемых свойств; а также измеримость, позволяющая определить точные размеры объекта [7].

Биометрия предполагает установление двух групп физиологических свойств, присущих каждого человеку, но отличающимися индивидуальностью, к которым относятся отпечатки кончиков пальцев, размеры профиля руки, объем кисти, длина пальцев, сетчатка глаза и, наконец, лицо. Наряду с этим биометрическая технология берет в расчет психолого-поведенческие особенности, в числе которых походка, голос, темп речи, а также почерк [12].

Генетическая идентификация на основе анализа ДНК представляет собой наиболее точный метод установления личности, обладающий практически абсолютной достоверностью при соблюдении методологических требований. Современные технологии секвенирования нового поколения существенно сократили время проведения анализа и позволяют работать с минимальными количествами биологического материала. Развитие методов анализа митохондриальной ДНК открывает возможности идентификации по сильно деградированным образцам, что особенно важно при расследовании преступлений прошлых лет. Перспективным направлением является фенотипирование ДНК, позволяющее определять внешние признаки человека по генетическому материалу, включая цвет глаз, волос, особенности строения лица.

Инновационным направлением развития биометрических технологий является поведенческая биометрия, основанная на анализе уникальных паттернов поведения человека. Динамика набора текста на клавиатуре, особенности почерка при использовании сенсорных экранов, характер движений при ходьбе, манера использования компьютерной мыши создают уникальный поведенческий профиль, который может использоваться для идентификации личности. В контексте расследования киберпреступлений поведенческая биометрия позволяет установить авторство электронных сообщений, выявить факты несанкционированного доступа к информационным системам, определить связи между различными онлайн-идентичностями. Анализ походки по записям камер видеонаблюдения открывает возможности идентификации лиц даже при отсутствии четкого изображения лица.

Дактилоскопия остается наиболее проверенным и распространённым методом. Папиллярные узоры индивидуальны, они не повторяются даже у однояйцевых близнецов и сохраняют рисунок на протяжении всей жизни. Отпечатки, изъятые с места происшествия, проверяются по автоматизированным дактилоскопическим информационным системам, которые за секунды сравнивают след с миллионами карт. Достоинства метода очевидны. Он дешев, хорошо изучен, а его результаты давно признаются судами в качестве надежного доказательства, но и ограничения существуют. Качество следа зависит от поверхности, погодных условий, действий преступника. Латентные отпечатки нередко бывают смазанными или фрагментарными, а перчатки сводят метод на нет. Кроме того, совпадение по автоматизированной системе дает лишь версию, окончательный вывод делает эксперт, и здесь сохраняется риск субъективной ошибки.

Распознавание лиц развивается сегодня быстрее прочих направлений. Камеры видеонаблюдения, встроенные в городскую инфраструктуру, позволяют устанавливать личность в потоке людей и отслеживать перемещения подозреваемого. Алгоритм строит математическую модель лица по расстояниям между опорными точками и сравнивает ее с эталонами из базы. Метод ценен тем, что работает бесконтактно и на расстоянии, не требует участия самого человека и применяется скрытно. Думается, именно это свойство делает его особенно результативным при розыске. Вместе с тем точность падает при плохом освещении, изменении ракурса, старении, использовании масок и грима. Отдельная проблема состоит в ложных срабатываниях. Система, обученная на несбалансированных данных, чаще ошибается в отношении отдельных возрастных и этнических групп, что порождает риск необоснованного задержания невиновного.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Идентификация по радужной оболочке глаза считается одним из самых точных способов распознавания. Рисунок радужки формируется до рождения, остается неизменным и содержит огромное число уникальных признаков. Сканирование происходит быстро, а вероятность ошибки крайне низка.

Полагаем, что функционирование информационно-поисковых систем, использующих биометрические данные, в значительной мере упрощает работу сотрудников правоохранительных органов, но, вместе с тем, ставит перед правоприменителем множество новых проблем [9].

Правовые и этические вопросы сопровождают любую работу с биометрией и требуют трезвой оценки. Биометрические данные относятся к особой категории сведений, их утечка необратима. Пароль можно сменить, а лицо, отпечаток и генетический профиль остаются с человеком навсегда. Отсюда повышенные требования к хранению и защите баз. Статья 24 Конституции России [1] запрещает сбор и использование информации о частной жизни без согласия лица, а статья 23 гарантирует тайну переговоров, поэтому негласное применение распознавания лиц и голоса должно опираться на четкие процессуальные основания и судебный контроль. Массовое наблюдение за гражданами в публичных местах порождает риск избыточного вмешательства государства в частную сферу, и здесь важно соблюдать баланс между интересами раскрытия преступлений и правами личности. Следует отметить, что накопление биометрических учетов без ясных правил их использования способно превратиться в инструмент тотального контроля, что несовместимо с конституционными ценностями.

Международный опыт дает полезные ориентиры. В Соединенных Штатах единого федерального закона нет, регулирование складывается на уровне штатов, и наиболее известным примером служит закон штата Иллинойс о конфиденциальности биометрической информации, требующий согласия на сбор таких сведений. Ряд городов вовсе запретил использование распознавания лиц муниципальной полицией из опасений злоупотреблений. В Китае, напротив, биометрический контроль внедрён широко и централизованно, что обеспечивает высокую раскрываемость, но вызывает критику с точки зрения защиты частной жизни.

Выводы

Биометрические системы представляют собой одно из наиболее перспективных направлений развития криминалистических технологий, способное качественно трансформировать практику расследования преступлений. Современный уровень развития технологий биометрической идентификации, включая дактилоскопию, распознавание лиц, анализ ДНК и другие методы, обеспечивает высокую точность установления личности и существенное ускорение процессов расследования.

Перспективы развития биометрических систем в криминалистике связаны с появлением принципиально новых технологий идентификации. Анализ микробиома человека, уникального для каждого индивида набора микроорганизмов, может стать новым методом установления личности. Исследования в области нейробиометрии, основанной на анализе мозговой активности, открывают возможности не только идентификации, но и детекции лжи на качественно новом уровне. Квантовые технологии могут обеспечить абсолютно защищенные каналы передачи биометрических данных и создание криптографически стойких систем хранения информации.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020), ст. 3. М., 2020. 63 с.

2. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (с изм. и доп., вступ. в силу с 28.12.2024) // СЗ РФ. 2006. № 31. Ст. 3451.

3. Галкина М.Л., Развейкина Н.А. Вопрос защиты биометрических персональных данных // XVI Королевские чтения: международ. молод. науч. конф., посвящ. 60-летию полета в космос Ю.А. Гагарина / М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Самар. нац. исслед. ун-т им. С.П. Королева (Самар. ун-т); науч. ред. М.А. Шлеенков. Т. 3. Самара: Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 2021. С. 1240.

4. Галиуллина Д. Р. Биометрические персональные данные // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 15. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. С. 264.

5. Гаужаева В.А. Биометрическая идентификация в криминалистике // Аграрное и земельное право. 2023. С. 153.

6. Задорожный В.В. Обзор биометрических технологий // Защита информации. Конфидент. 2003. С. 138 – 142.

7. Компанийцев А.М. К вопросу о возможностях использования технологий биометрии в системе методов расследования преступлений // Судебная система России на современном этапе общественного развития: Сборник научных трудов Всероссийской студенческой научной конференции, Ростов-на-Дону, 06 декабря 2024 года. Ростов-на-Дону: Издательско-полиграфический комплекс Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), 2025. С. 552 – 557.

8. Матвеев А.Г., Мартьянова Е.Ю. Гражданско-правовая охрана голоса человека при его синтезе и последующем использовании // Журнал Ex Jure. 2023. № 3. С. 121.

9. Николаева А.Е. Использование биометрических данных в автоматизированных информационно-поисковых системах РФ // Право и правосудие в современном мире: Сборник научных статей молодых исследователей Ежегодной всероссийской студенческой научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 28-29 марта 2025 года. Санкт-Петербург: ООО Центр научно-информационных технологий Астерион, 2025. С. 1588 – 1592.

10. Платонова Н.И. Современные правовые подходы к пониманию биометрических данных // Информационное право. 2018. № 1. С. 22.

11. Фомина И.А. Использование искусственного интеллекта в криминалистическом анализе: отдельные проблемы теории и практики // Сибирский юридический вестник. 2026. № 1 (112). С. 103 – 109.

12. Чурилин Г.Н., Максимова Е.А. Биометрия в информационной безопасности // NBI-technologies. 2019. С. 31 – 32.

References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020), Art. 3. Moscow, 2020. 63 p.

2. Federal Law No. 152-FZ of July 27, 2006, "On Personal Data" (as amended and supplemented; effective from December 28, 2024). Collection of Legislation of the Russian Federation. 2006. No. 31. Art. 3451.

3. Galkina M.L., Razveykina N.A. The Issue of Protecting Biometric Personal Data. XVI Korolev Readings: International Youth Scientific Conference Dedicated to the 60th Anniversary of Yu.A. Gagarin's Space Flight. Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev (Samara University); Scientific Ed. M.A. Shleenkov. Vol. 3. Samara: Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev, 2021. P. 1240.

4. Galiullina D.R. Biometric Personal Data. Document. Archive. History. Modernity. Issue 15. Yekaterinburg: Ural University Press, 2015. P. 264.

5. Gauzhaeva V.A. Biometric Identification in Forensics. Agrarian and Land Law. 2023. P. 153.

6. Zadorozhny V.V. Overview of Biometric Technologies. Information Protection. Confident. 2003. P. 138 – 142.

7. Kompaniitsev A.M. On the Potential Use of Biometric Technologies in Crime Investigation Methods. The Russian Judicial System at the Current Stage of Social Development: Collection of Scientific Papers from the All-Russian Student Scientific Conference, Rostov-on-Don, December 6, 2024. Rostov-on-Don: Publishing and Printing Complex of Rostov State University of Economics (RINH), 2025. P. 552 – 557.

8. Matveev A.G., Martyanova E.Yu. Civil Law Protection of the Human Voice During Synthesis and Subsequent Use. Ex Jure Journal. 2023. No. 3. P. 121.

9. Nikolaeva A.E. Use of Biometric Data in Automated Information Retrieval Systems of the Russian Federation. Law and Justice in the Modern World: Collection of Scientific Articles by Young Researchers from the Annual All-Russian Student Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, March 28-29, 2025. St. Petersburg: Asterion Center for Scientific and Information Technologies LLC, 2025. P. 1588 – 1592.

10. Platonova N.I. Modern Legal Approaches to Understanding Biometric Data. Information Law. 2018. No. 1. P. 22.

11. Fomina I.A. Use of Artificial Intelligence in Forensic Analysis: Selected Theoretical and Practical Issues. Siberian Legal Bulletin. 2026. No. 1 (112). P. 103 – 109.

12. Churilin G.N., Maksimova E.A. Biometrics in Information Security. NBI-technologies. 2019. P. 31 – 32.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Информация об авторах

Журкина О.В., кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой организации судебной и прокурорско-следственной деятельности, Оренбургский государственный университет имени В.А. Бондаренко

Филиппова Е.О., кандидат педагогических наук, доцент, Оренбургский государственный университет имени В.А. Бондаренко

© Журкина О.В., Филиппова Е.О., 2026

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)
УДК 347.44
DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-6-261-269

К вопросу о соотношении понятий "смешанный", "сложно-структурный" и "непоименованный" договор в российском праве

[1, 2] Чубов Е.Г.,
[1] Адвокатское бюро г. Москвы "Асари Лигал",
[2] Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова

Аннотация: *статья посвящена исследованию соотношения понятий смешанного, сложно-структурного и непоименованного договора. Автор исходит из того, что в российской цивилистике и судебной практике отсутствует единообразный подход к разграничению указанных договорных конструкций. На основе анализа законодательства, судебной практики и доктринальных подходов предлагаются критерии их разграничения. Обосновывается, что смешанный договор следует отличать от сложно-структурного договора по характеру соединения элементов различных договорных конструкций: для смешанного договора такое соединение является результатом волеизъявления сторон, тогда как сложная структура сложно-структурного договора обусловлена самой природой соответствующего договорного типа. Непоименованный договор, в свою очередь, характеризуется отсутствием возможности отнести его к предусмотренному законом договорному типу и должен отграничиваться от смешанных и сложно-структурных договоров, содержащих элементы поименованных договорных конструкций. Отдельно рассматривается проблема включения нескольких самостоятельных договоров в единый документ и предлагается критерий их разграничения со смешанными и сложно-структурными договорами.*

Ключевые слова*: договор, смешанный договор, сложно-структурный договор, сложный договор, комплексный договор, непоименованный договор, договорная конструкция, свобода договора*

Для цитирования: Чубов Е.Г. К вопросу о соотношении понятий "смешанный", "сложно-структурный" и "непоименованный" договор в российском праве // International Law Journal. 2026. Том 9. № 6. С. 261 – 269. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-6-261-269

Поступила в редакцию: 30 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 27 августа 2026 г.; Принята к публикации: 2 октября 2026 г.

On the distinction between "mixed", "complex-structured" and "atypical contracts" in Russian law

[1, 2] Chubov E.G.,
[1] Advocates Bureau of the City of Moscow "Asari Legal",
[2] Plekhanov Russian University of Economics

Abstract: *the article examines the distinction between mixed, complex-structured and atypical contracts under Russian law. The author proceeds from the premise that Russian legal scholarship and judicial practice lack a uniform approach to distinguishing between these contractual structures. Based on an analysis of legislation, judicial practice and doctrinal approaches, the article proposes criteria for distinguishing between them. It is argued that a mixed contract should be distinguished from a complex-structured contract by reference to the manner in which elements of different contractual structures are combined: in a mixed contract, such combination results from the parties' agreement, whereas the complex structure of a complex-structured contract is inherent in the nature of the relevant contractual type. An atypical contract, in turn, is characterized by the absence of a basis for classifying it*

as a contractual type provided for by law and should therefore be distinguished from mixed and complex-structured contracts containing elements of established contractual structures. The article also considers the issue of combining several independent contracts in a single document and proposes a criterion for distinguishing such arrangements from mixed and complex-structured contracts.

Keywords: *contract, mixed contract, complex-structured contract, atypical contract, complex contract, composite contract, contractual structure, freedom of contract*

For citation: Chubov E.G. On the distinction between "mixed", "complex-structured" and "atypical contracts" in Russian law. International Law Journal. 2026. 9 (6). P. 261 – 269. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-6-261-269

The article was submitted: July 30, 2026; Approved after reviewing: August 27, 2026; Accepted for publication: October 2, 2026.

Введение

Гражданское законодательство предусматривает возможность существования различных договорных конструкций, отличающихся как по своему содержанию, так и по степени нормативной определенности. Наряду с поименованными договорами, прямо предусмотренными законом, гражданское законодательство допускает заключение непоименованных и смешанных договоров. В то же время в доктрине используется также категория сложно-структурного договора, содержание и границы которой нормативно не определены.

Пункт 2 статьи 421 (*Свобода договора*) ГК РФ [1] предусматривает возможность заключения договора, не предусмотренного законом или иными правовыми актами, тогда как пункт 3 той же статьи закрепляет конструкцию смешанного договора, содержащего элементы различных предусмотренных законом или иными правовыми актами договоров. При этом законодательство не содержит специальных положений о сложно-структурном договоре.

Единообразный подход к разграничению смешанного и сложно-структурного договора отсутствует как в доктрине, так и в судебной практике. При этом выбор той или иной квалификации влечет не только теоретические, но и практические последствия, поскольку в соответствии с ГК РФ [1] к непоименованным и смешанным договорам применяется различный правовой режим.

Так, (i) к непоименованному договору правила об отдельных видах договоров, по общему правилу, не применяются и могут быть применены лишь по аналогии закона; (ii) к смешанному договору правила об отдельных видах договоров применяются постольку, поскольку иное не вытекает из соглашения сторон или существа смешанного договора. К сложноструктурным, а также отдельным договорам, включенным в единый текст, указанные положения применяться не должны.

Указанные практико-правовые последствия могут являться предметом самостоятельного исследования (в частности, в аспекте влияния квалификации договора как смешанного на применение императивных норм, предусмотренных для составляющих его договорных конструкций). Однако поскольку такое исследование не входит в предмет настоящей работы, подробному рассмотрению соответствующие вопросы не подлежат.

Цель исследования – выявление и обоснование критериев разграничения смешанного, сложно-структурного и непоименованного договоров, а также определение особенностей их правовой квалификации и применения к соответствующим договорным отношениям положений гражданского законодательства.

Задачи – изучить основные доктринальные подходы к определению и разграничению смешанных, сложно-структурных и непоименованных договоров; проанализировать положения гражданского законодательства и сложившиеся подходы судебной практики к квалификации указанных договорных конструкций; выявить критерии, позволяющие разграничить смешанный договор, сложно-структурный договор, непоименованный договор и совокупность самостоятельных договоров, объединенных в одном договоре-документе; определить особенности правового регулирования указанных договорных конструкций; сформулировать и обосновать предложения по совершенствованию подходов к их квалификации.

Гипотеза – смешанный, сложно-структурный и непоименованный договоры представляют собой самостоятельные категории договорных конструкций, различающиеся по характеру составляющих их элементов, степени связи между соответствующими договорными конструкциями и особенностям их правового регулирования, вследствие чего их квалификация должна осуществляться на основе совокупности объек-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

тивных критериев, а не исходя исключительно из содержания договора-документа или используемого сторонами наименования договора.

Материалы и методы исследований

В исследовании применены общенаучные и частнонаучные методы. К общенаучным методам относятся анализ, синтез, индукция, дедукция, абстрагирование и системный подход. Из частнонаучных методов использованы формально-юридический, сравнительно-правовой и историко-правовой методы, а также метод правового моделирования. Формально-юридический метод применялся при анализе положений гражданского законодательства, регулирующих непоименованные и смешанные договоры, а также при исследовании используемых в законодательстве и доктрине категорий договорных конструкций. Сравнительно-правовой метод использовался для сопоставления различных доктринальных подходов и подходов судебной практики к квалификации договоров. Метод правового моделирования применялся при формулировании критериев разграничения смешанных, сложно-структурных и непоименованных договоров.

В ходе исследования проведен анализ научной и правовой литературы, положений нормативных правовых актов и материалов судебной практики. На основе полученных результатов выявлены основные подходы к квалификации исследуемых договорных конструкций, определены их общие и отличительные признаки, а также сформулированы выводы относительно критериев их разграничения.

Эмпирическая база исследования: Нормативные правовые акты, научная, правовая литература.

Результаты и обсуждения

В первую очередь отметить, что для целей настоящего исследования выражения "сложно-структурный договор", "сложный договор" и "комплексный договор" будут употребляться как тождественные.

Применение такого подхода применительно к настоящему исследованию обусловлено отсутствием единой и последовательно поддерживаемой научным сообществом теории "сложно-структурного" договора, а также необходимостью провести четкое разграничение между смешанным договором и иными договорными типами, которые предполагают наличие нескольких (хоть и связанных между собой, но все же отдельных) обязательственных правоотношений.

При этом, безусловно, нельзя не упомянуть, что некоторые авторы используют указанные выражения иным образом – например, Брагинский М.И. использовал указанное выражения для обозначения одной из разновидностей смешанного договора [2]; Чашкова С.Ю. под сложным договором понимает любой договор, в котором в качестве элементов объединяются сделки с различным субъектным составом, направленные на решение единой правовой и экономической цели [3].

Несмотря на то, что не все авторы противопоставляют исследуемые виды договоров друг другу и, соответственно, рассматривают их в рамках единой классификации (Например, А.Г. Карапетов противопоставляет смешанные договоры непоименованным, однако не определяет место сложно-структурных договоров в рамках указанной классификации [4]; аналогичного подхода к классификации договоров придерживаются и некоторые другие авторы [5]), представляется, что квалификация договора в качестве одного из приведенных видов исключает возможность его одновременной квалификации в качестве любого другого из них (или, применительно к сложно-структурным и смешанным договорам, указанные категории, как минимум, требуют разграничения как общего и частного случая), в связи с чем объединение соответствующих видов договоров в рамках единой классификации видится наиболее корректным подходом. Это объясняется, в частности, тем, что в противном случае разграничение сложно-структурного договора и смешанного договора не представляется возможным.

Для начала необходимо определить, что с теоретической и практической точки зрения понимается под указанными выше видами договоров, а также какие практические последствия влечет соответствующая квалификация договора.

Наиболее понятной (как с точки зрения сущности, так и с точки зрения применимости к конструкции договора синдицированного кредита) является категория непоименованного договора, поэтому анализ целесообразно начать именно с нее.

В российском законодательстве (Пункт 2 статьи 421 (*Свобода договора*) ГК РФ [1]) и правоприменительной практике (Пункт 5 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14 марта 2014 года № 16 "О свободе договора и ее пределах" [6]) под непоименованным договором понимается договор, который прямо не предусмотрен законом и или иным правовым актом. Дополнительно из разъяснений ВС РФ (пункт 47 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 года № 49 "О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

толковании договора" [7]) и ВАС РФ (пункт 5 Постановления ВАС РФ о Свободе договора) следует, что при оценке судом того, является ли договор непоименованным, принимается во внимание не название, а существо такого договора (его предмет, действительное содержание прав и обязанностей сторон, распределение рисков и иные условия).

Брызгалин А.В. дополняет это разъяснение, указывая что для определения того, является ли договор непоименованным, необходимо сопоставить предмет соответствующего договора с предметом поименованных договоров [8].

Представляется, что как само наличие в каком-либо законодательном акте указания на договор делают квалификацию такого договора в качестве непоименованного очевидно некорректной, даже если в соответствующем акте отсутствует какое-либо подробное регулирование такого договора.

Таким образом, непоименованным является договор, предмет которого прямо не подпадает ни под одну из предусмотренных в законе (иных правовых актах) договорных конструкций (с важной ремаркой о том, что, как будет указано далее, от непоименованного договора следует отличать смешанные и сложноструктурные договоры, которые, хотя могут и не подпадать ни под одну из предусмотренных в законе (иных правовых актах) договорных конструкций, тем не менее содержат элементы таких конструкций и, следовательно, не могут квалифицироваться в качестве непоименованных).

Далее следует отделить указанную правовую категорию от смешанного или сложно-структурного договора.

В российском законодательстве выделяется лишь категория смешанного договора, тогда как специальные правила квалификации договоров в качестве сложно-структурных отсутствуют.

Между тем, как будет более подробно показано далее, можно провести достаточно четкое разграничение между указанными видами договоров, имеющее не только теоретическое, но и практическое значение.

В соответствии с ГК РФ [1] смешанным является договор, в котором содержатся элементы различных договоров, предусмотренных законом или иными правовыми актами (пункт 3 статьи 421 (*Свобода договора*) ГК РФ [1]).

Признаки и сущность смешанного договора дополняются в доктрине.

Так, Уралова А.А. отмечает, что смешанный договор предполагает наличие двух или более кауз [9].

В развитие указанной логики Бычков А.И. выделяет несколько дополнительных признаков смешанного договора [10]. Во-первых, для признания договора смешанным недостаточно, чтобы в нем содержались лишь отдельные права и обязанности, присущие различным договорным типам – необходимо, чтобы в такой договор входили их предмет и существенные условия. Во-вторых, смешанному договору характерно наличие правовой связи между составляющими его элементами, обусловленной наличием общей цели, с которой смешанный договор заключается сторонами.

Следует также поддержать вывод о том, что смешанный договор может содержать элементы как поименованных договоров, так и непоименованных договоров Стоит отметить, что указанный вывод поддерживается не всеми – например, Брагинский М.И. отмечал, что в смешанный договор могут входить только поименованные договоры [2].

Одновременно с этим нельзя не согласиться с позицией М.И. Брагинского, утверждавшего, что смешанный договор должен содержать лишь отдельные элементы договоров, и не образовывать соответствующие договоры полностью [2].

На основе приведенных выше признаков можно сделать вывод о том, что смешанным договором является договор, в котором содержатся соединенные общей целью предмет и иные существенные условия (а не только отдельные права и обязанности) нескольких договорных типов, как предусмотренных, так и не предусмотренных в законе, и не образующих при этом такие договоры в полном объеме.

Далее следует разобраться с тем, что в доктрине понимается под сложно-структурным договором, и чем сложно-структурный договор отличается от смешанного договора.

В первую очередь, стоит отметить, что, как условились выше, словосочетания "сложный договор" и "комплексный договор" вместе со словосочетанием "сложно-структурный договор" в настоящем исследовании используются как тождественные. При этом здесь же стоит оговориться, что в судебной практике словосочетание "сложноструктурный договор" не используется, поэтому в рамках анализа правоприменительной практики следует в первую очередь обратиться к словосочетаниям "сложный договор" и "комплексный договор".

В судебной практике словосочетания "сложный договор", "комплексный договор" (используются для обозначения договора, который содержит элементы разных договоров [11, 12, 13]. Аналогичным образом в судебной практике применяется правовой режим смешанного договора [14, 15], из чего можно сделать вы-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

вод, что четкое разделение между сложно-структурными и смешанными договорами в правоприменительной практике отсутствует.

В то же время представляется, что в данном случае ориентироваться только на правоприменительную практику нельзя.

Во-первых, суды, квалифицируя какой-либо договор как "смешанный", "сложный" или "комплексный" для целей принятия решения по существу или *obiter dictum* опираются в первую очередь на законодательство (или, в редких случаях, на "существо" правового регулирование или определенного правового явления, а также буквальное толкование соответствующих конструкций), и в отсутствие прямого разграничения соответствующих явлений в законодательстве, не могут быть уличены в неправоте смешивая соответствующие виды договоров.

Во-вторых, в отсутствие какого-либо ориентира в виде разъяснений высших судебных инстанций, суды склонны использовать теоретические конструкции совершенно по-разному, и поэтому в таких ситуациях позиции судей могут быть использованы только как ориентир для определения потенциальных правовых последствий квалификации договора, но никак не могут быть поставлены в основу догматического осмысления соответствующей квалификации.

Наконец, в отсутствие прямого указания на конструкции "сложно-структурного", "сложного" и "комплексного" договоров и их отделения от "смешанного" договора в законе для судей нет строгой необходимости в том, чтобы правильно разграничивать указанные конструкции.

В связи с этим следует обратиться к разграничению соответствующих видов договоров в теории, и при неполучении ответа, предложить собственный подход (при этом, как будет продемонстрировано ниже, полностью игнорировать выводы судебной прак-тики при разграничении соответствующих понятий нельзя).

Существует как минимум два подхода к разграничению смешанных и сложно-структурных договоров, каждый из которых не предполагает отождествление указанных видов договоров.

Так, согласно позиции Д.Е. Богданова, смешанный договор является одним из частных проявлений сложно-структурных сделок [16]. Указанная позиция также согласуется с распространенным среди ученых подходом к определению сложно-структурных сделок в "общем" смысле, согласно которому под сложно-структурным договором можно понимать любой договор, элементы которого (например, стороны, условия, предмет) представлены в "осложненном" виде – например, любой договор с множественностью лиц на стороне одной из сторон договора, любой договор с "гибридным" предметом и т.д. Например, такой позиции к определению сложно-структурной сделки придерживаются Щегунц Н.Г. [17] и Бондарчук А.Н. [18].

Принципиально иного подхода к сопоставлению смешанных договоров и сложно-структурных договоров придерживается Дерюгина Т.В. [19], которая проводит четкое разграничение между указанными видами договоров.

Во-первых, утверждается, что обязательства в рамках смешанного договора должны быть привязаны к одним и тем же субъектам. Во-вторых, высказывается точка зрения, что в смешанном договоре интерес субъектов должен быть направлен на единый объект, и связь единых субъектов и единого объекта должна четко прослеживаться. В-третьих, отмечается, что в сложном договоре, в отличие от смешанного, все дополнительные обязательства "работают" на достижение цели основного обязательства, и их существование находится в прямой зависимости от существования основного обязательства, тогда как в смешанном договоре все обязательства равнозначны. Из указанных особенностей автор делает вывод о том, что в сложном договоре присутствует единое обязательство, исполнение которого происходит в форме различных сделок, в то время как в смешанном договоре структура представлена двумя и более обязательствами. Стоит отметить при этом, что в своей работе автор не является до конца последовательным, так как при разграничении смешанных договоров от комплексных наоборот указывает на то, что смешанный договор, наоборот представляет из себя единое обязательство, в отличие от комплексного дого-вора, который включает несколько отдельных обязательств.

От сложного договора и смешанного договоров Дерюгина Т.В. отличает "комплексный" договор, определяя его как непоименованный договор, который имеет многопредметную и многообъектную структуру, представляя из себя по сути различные самостоятельные договоры. Стоит отметить, что в данном вопросе автор также проявляет некоторую непоследовательность, приводя в качестве примеров комплексных договоров некоторые договорные конструкции, которые прямо поименованы в законодательстве или иных нормативно-правовых актах.

Так или иначе следует поддержать вывод Дерюгиной Т.В. о том, что единый (или хоть сколько-то последовательный) подход к определению сложных и комплексных договоров в российской науке отсутству-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

ет. Более того, несмотря на кажущуюся непоследовательность некоторых из выводов автора, представляется, что рассматриваемая работа может служить основной для стройного разделения понятий "смешанный договор" и "сложно-структурный договор".

Так, на основе системного анализа приведенных норм законодательства, правоприменительной практики и теоретических исследований видится, что такое разделение должно быть произведено следующим образом.

Под смешанным договором следует понимать договор, предмет которого включает элементы, не свойственные классическому выражению предмета какого-либо одного договора (например, как договор, предполагающий, что вместо предоставления платы за проданную вещь в рамках договора-купли продажи покупатель вправе оказать продавцу услуги, указанные в договоре). Эта позиция также поддерживается в судебной практике – см., например, пункт 17 Информационного письма Президиума Высшего арбитражного суда РФ от 24 сентября 2002 года № 69 [20].

При этом представляется, что смешанным не может признаваться договор, который, хотя и включает по внешним признакам элементы, присущие различным договорным конструкциям, всегда (или, по крайней мере, по общему правилу) предполагает наличие таких элементов и потому должен квалифицироваться как самостоятельная договорная конструкция, характеризующаяся сложным (гибридным) предметом. В частности, данный подход подтверждается судебной практикой применительно к договору выкупного лизинга, который не признается смешанным договором (см., например, пункт 4 Обзора судебной практики по спорам, связанным с договором финансовой аренды (лизинга), утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 27 октября 2021 года [21]), несмотря на то что по внешним признакам он содержит элементы как договора аренды, так и договора купли-продажи.

Дополнительно из судебной практики можно сделать вывод о том, что смешанным может признаваться и договор, содержащий элементы различных подвидов одного и того же вида договора (например, договор банковского вклада, являющийся в течение определенного срока срочным, а после его истечения – вкладом до востребования – см., например, пункт 17 Обзора законодательства и судебной практики Верховного Суда РФ за четвертый квартал 2003 года, утвержденный Постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 07 апреля 2004 года [22]).

Таким образом, исходя из приведенной выше логики, любой договор, содержащий элементы нескольких договоров или подвидов договора (если наличие таких элементов не охватывается предметом соответствующего договора в его классическом выражении), должен признаваться смешанным.

При этом представляется, что договор, содержащий элементы, присущие различным договорным конструкциям, по общему правилу, должен квалифицироваться не как смешанный, а как сложно-структурный. Безусловно, в данном случае во многом сохраняется зависимость квалификации от отношения автора к используемому понятийному аппарату. Автор настоящего исследования не настаивает на том, что приведенная квалификация является единственно верной. Использование словосоче-тания "сложно-структурный договор" в ином значении – например, для обозначения любого до-говора, элементы которого тем или иным образом осложнены, также нельзя признать неверным. Вместе с тем для целей настоящего исследования необходимо определить критерии разграниче-ния смешанного договора и иных смежных конструкций, в связи с чем предлагаемый автором подход представляется наиболее применимым.

К такому договору положения ГК РФ [1] о смешанных договорах применяться не должны (что подтверждается приведенной выше судебной практикой в отношении выкупного лизинга).

От смешанного и сложно-структурного договоров следует отличать ситуацию, когда в одном договоре (в техническом смысле) предусмотрено заключение нескольких самостоятельных договоров. Так, само по себе включение нескольких отдельных договоров в единый текст не должно влиять на квалификацию соответствующих договорных конструкций либо иные правовые последствия и должно иметь лишь последствия технического характера. Это, в частности, подтверждается правоприменительной практикой высших судов – см., например, Определение Верховного Суда РФ от 16 декабря 2014 года № 19-КГ14-18 [23], из которого следует, что включение в единый договор и кредитного договора, и договора ипотеки, не должно влечь квалификацию соответствующего договора как смешанного. Также этот вывод в целом находит отражение в науке [2]. Как верно отмечает Жученко С. П. [24], при таком подходе смешанности не образуется, и к различным "договорам-правоотношениям" в рамках одного "договора-документа" необходимо применять правовые нормы, регулирующие соответствующие "договоры-правоотношения".

Представляется, что чтобы отделить совокупность отдельных договоров от смешанного и сложно-структурного договора необходимо воспользоваться одним простым тестом – а именно определить возможность существования каждой из рассматриваемых договорных конструкций отдельно. Безусловно, та-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

кой тест не является универсальным, и, например, не может быть применим к до-говорам, которые хотя и являются отдельными договорами, в силу акцессорности не могут суще-ствовать без основного договора – например, как договоры обеспечения, соглашения о финанси-ровании участия в кредите и т. д. В то же время, представляется, что наличие такого исключения скорее подтверждает применимость указанного те-ста по общему правилу, чем позволяет ставить его под сомнение. Если соответствующие договорные кон-струкции могут существовать отдельно в том виде, в котором они представлены в едином тексте, то речь идет совокупности самостоятельных договоров, если нет – то речь идет о смешанном или сложно-структурном договоре.

Выводы

Таким образом, исходя из проведенного выше анализа можно сделать следующие выводы:

Во-первых, "смешанный", "сложно-структурный" и "непоименованный" договоры целесообразно рас-сматривать как самостоятельные и взаимоисключающие правовые категории. Несмотря на отсутствие за-конодательного определения "сложно-структурного" договора, использование данной правой категории имеет самостоятельное теоретическое и практическое значение.

Во-вторых, непоименованный договор – это договор, который невозможно отнести к предусмотренному законом или иным правовым актом договорному типу. При этом наличие в договоре элементов поимено-ванных договоров может свидетельствовать о смешанном или сложно-структурном характере соответ-ствующей конструкции и само по себе не позволяет квалифицировать договор как непоименованный.

В-третьих, "смешанный" и "сложно-структурный" договоры следует различать следующим образом: (i) смешанным является договор, предмет которого включает элементы, не свойственные предмету какого-либо одного договора, то есть не присущие ему по общему правилу или, тем более, всегда; и (ii) сложно-структурным является договор, предмет которого включает элементы, присущие различным договорным конструкциям всегда или, по крайней мере, по общему правилу.

В-четвертых, смешанные и сложно-структурные договоры необходимо отличать от совокупности само-стоятельных договоров, объединенных в одном договоре-документе, поскольку само по себе единство до-кумента не свидетельствует о единстве договорного отношения, а определяющее значение имеет возмож-ность существования соответствующих договорных конструкций самостоятельно с учетом их предмета, содержания и правовой природы.

Список источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32.

2. Брагинский М.И. Основы учения о непоименованных (безымянных) и смешанных договорах. Москва: Статут, 2007. С. 66.

3. Чашкова С.Ю. О тенденциях развития договорного регулирования семейных имущественных отношений супругов с учетом развития законодательства и судебной практики // Lex russica. 2021. Т. 74. № 5. С. 63 – 73. DOI: 10.17803/1729-5920.2021.174.5.063-073

4. Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307-453 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2017. С. 819 – 834.

5. Шейхов М.Г. Особенности правового регулирования смешанных договоров, не поименованных в Гражданском кодексе РФ // Юрист. 2024. № 2. С. 1 – 12.

6. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2014. № 5.

7. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2019. № 2.

8. Брызгалин А.В., ред. Налог на прибыль: актуальные вопросы из практики налогового консультирования // Налоги и финансовое право. 2025. № 7. С. 7135.

9. Уралова А.А. Сущность (существо) смешанного договора // Сибирский юридический вестник. 2012. № 2. С. 14.

10. Бычков А.И. Понятие и существо смешанного договора // Бизнес в законе. 2012. № 17. С. 182.

11. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 21 августа 2023 года № Ф07-11533/2023 по делу № А56-89067/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

12. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 01 февраля 2018 года № Ф07-16925/2017 по делу № А56-15462/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

13. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 29 января 2015 года № Ф04-14799/2014 по делу № А27-7425/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

14. Определение Верховного Суда РФ от 07 мая 2018 года № 306-ЭС15-3282 по делу № А65-22387/2008 // СПС «КонсультантПлюс».

15. Постановление Президиума ВАС РФ от 15 января 2013 года № 9798/12 по делу № А33-18187/2011 // СПС «КонсультантПлюс».

16. Богданов Д.Е. Сделки об ответственности в гражданском праве Российской Федерации. М.: "А-приор", 2007. С. 37.

17. Щегунц Н.Г., Идентификация элементов сложно-структурных сделок в гражданском праве Российской Федерации. Юридическая наука. 2024. № 4. С. 246 – 251.

18. Бондарчук А.Н., Особенности развития института сложно-структурных сделок в гражданском праве Российской Федерации // Юридическая наука. 2024. № 1. С. 87 – 92.

19. Дерюгина Т.В. О дихотомии конструкции смешанного договора // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. № 3. С. 170 – 182.

20. Информационное письмо Президиума Высшего арбитражного суда РФ от 24 сентября 2002 года № 69 // СПС «КонсультантПлюс».

21. Обзор судебной практики по спорам, связанным с договором финансовой аренды (лизинга), утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 27 октября 2021 года // СПС «КонсультантПлюс».

22. Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда РФ за четвертый квартал 2003 года, утвержденный Постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 07 апреля 2004 года // СПС «КонсультантПлюс».

23. Определение Верховного Суда РФ от 16 декабря 2014 года № 19-КГ14-18.

24. Жученко С.П. Смешанные договоры в контексте европейской (континентальной) правовой традиции // Свобода договора: сб. ст. / под ред. М.А. Рожковой. М.: Статут, 2016. С. 170 – 172.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated November 30, 1994, No. 51-FZ. Collection of Legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32.

2. Braginsky M.I. Fundamentals of the Doctrine of Unnamed (Innominate) and Mixed Contracts. Moscow: Statut, 2007. P. 66.

3. Chashkova S.Yu. On Trends in the Development of Contractual Regulation of Spouses' Property Relations, Taking into Account the Evolution of Legislation and Judicial Practice. Lex Russica. 2021. Vol. 74. No. 5. P. 63 – 73. DOI: 10.17803/1729-5920.2021.174.5.063-073

4. Contract and Obligation Law (General Part): Article-by-Article Commentary on Articles 307-453 of the Civil Code of the Russian Federation. Ed. by A.G. Karapetov. Moscow: M-Logos, 2017. P. 819 – 834.

5. Sheikhov M.G. Specifics of the Legal Regulation of Mixed Contracts Not Named in the Civil Code of the Russian Federation. Yurist. 2024. No. 2. P. 1 – 12.

6. Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated March 14, 2014, No. 16 "On Freedom of Contract and Its Limits". Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2014. No. 5.

7. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 49 dated December 25, 2018, "On Certain Issues Regarding the Application of General Provisions of the Civil Code of the Russian Federation on the Conclusion and Interpretation of Contracts". Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2019. No. 2.

8. Bryzgalin A.V. (Ed.). Corporate Profit Tax: Current Issues from Tax Consulting Practice. Taxes and Financial Law. 2025. No. 7. P. 7135.

9. Uralova A.A. The Essence (Nature) of a Mixed Contract. Siberian Legal Bulletin. 2012. No. 2. P. 14.

10. Bychkov A.I. The Concept and Nature of a Mixed Contract. Business in Law. 2012. No. 17. P. 182.

11. Resolution of the Arbitration Court of the Northwestern District No. F07-11533/2023 dated August 21, 2023, in Case No. A56-89067/2022. ConsultantPlus Legal Reference System.

12. Resolution of the Arbitration Court of the Northwestern District No. F07-16925/2017 dated February 1, 2018, in Case No. A56-15462/2017. ConsultantPlus Legal Reference System. 13. Resolution of the Arbitration Court of the West Siberian District dated January 29, 2015, No. F04-14799/2014 in Case No. A27-7425/2014. ConsultantPlus Legal Reference System.

14. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated May 7, 2018, No. 306-ES15-3282 in Case No. A65-22387/2008. ConsultantPlus Legal Reference System.

15. Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated January 15, 2013, No. 9798/12 in Case No. A33-18187/2011. ConsultantPlus Legal Reference System.

16. Bogdanov D.E. Agreements on Liability in the Civil Law of the Russian Federation. Moscow: A-prior, 2007, p. 37.

17. Shchegunts N.G. Identification of Elements of Complex-Structured Transactions in the Civil Law of the Russian Federation. Legal Science (Yuridicheskaya Nauka). 2024. No. 4. P. 246 – 251.

18. Bondarchuk A.N. Specifics of the Development of the Institution of Complex-Structured Transactions in the Civil Law of the Russian Federation. Legal Science (Yuridicheskaya Nauka). 2024. No. 1. P. 87 – 92.

19. Deryugina T.V. On the Dichotomy of the Mixed Contract Construct. Perm University Herald. Juridical Sciences. 2020. No. 3. P. 170 – 182.

20. Information Letter of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation No. 69 dated September 24, 2002. ConsultantPlus Legal Reference System.

21. Review of Judicial Practice Regarding Disputes Arising from Financial Lease (Leasing) Agreements, approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on October 27, 2021. ConsultantPlus Legal Reference System.

22. Review of Legislation and Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation for the Fourth Quarter of 2003, approved by the Resolution of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation dated April 7, 2004. ConsultantPlus Legal Reference System.

23. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation No. 19-KG14-18 dated December 16, 2014.

24. Zhuchenko S.P. Mixed Contracts in the Context of the European (Continental) Legal Tradition. Freedom of Contract: Collection of Articles. Ed. by M.A. Rozhkova. Moscow: Statut, 2016. P. 170 – 172.

Информация об авторе

Чубов Е.Г., адвокат, старший юрист, Адвокатское бюро г. Москвы "Асари Лигал"; аспирант, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, ORCID ID: https://orcid.org/0009-0007-7003-4774, egorchubov@gmail.com

© Чубов Е.Е., 2026